

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВОДНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СО РАН
АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ

№2(9)

Апрель-июнь 2008 г.

ISSN 1991-5497

Научный журнал
Издаётся с января 2006 года
Выходит один раз в три месяца

Индекс в каталогах
Роспечати 31043

Главный редактор А.В. Петров — доктор педагогических наук, профессор, член международного союза журналистов (г. Горно-Алтайск)
Шеф-редактор В.Г. Бабин — кандидат исторических наук, проректор ГАГУ по научной работе (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА

Редакция журнала
Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск
Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул
Алтайская государственная Академия культуры и искусства, г. Барнаул

АДРЕС РЕДАКЦИИ

649000, г. Горно-Алтайск,
ул. Ленкина, 1.
Университет, редколлегия
журнала «Мир науки, культуры,
образования».
Тел.: 8 (388-22) 2-30-76.
Факс: 8 (388-22) 2-67-35.
E-mail: psa@gasu.ru
<http://iwep.asu.ru>
Индекс научного цитирования:
<http://elibrary.ru>

Журнал зарегистрирован
в Министерстве РФ по делам
печати и телерадиокоммуникаций.
Свидетельство о регистрации
№ПИ 77-14649.
Centre International de l'ISSN 20 rue
Bachaumont 75002 Paris France

Подписано в печать 12.04.2008
Формат 60x84/8. Усл.печ.л. 15,25
Тираж 500 экз. Зак. №
Отпечатано в типографии Горно-Алтайс-
кого государственного университета.
649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1

© Горно-Алтайский государственный
университет, 2006
© Институт водных и экологических проблем
СО РАН, 2006
© Алтайская государственная академия
культуры и искусства, 2006

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.В. Табакаев (*председатель совета*) — доктор философских наук, профессор, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)
Ю.И. Винокуров — доктор географических наук, профессор, директор института водных и экологических проблем СО РАН (г. Барнаул)
А.С. Кондыков — кандидат философских наук, профессор, ректор АлтГАКИ (г. Барнаул)
Ш.А. Амонашвили — доктор психологических наук, профессор, академик РАО (г. Москва)
А.В. Усова — доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (г. Челябинск)
В.И. Загвязинский — доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (г. Тюмень)
Д. Майкельсон — доктор филологических наук, профессор (США)
Ионеску Сербан — доктор психологии, доктор медицины, профессор университета Париж 8 (Франция)
Б.В. Новиков — доктор философских наук, профессор (г. Киев, Украина)
Р.Т. Раевский — доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии человека в аэрокосмических системах (г. Одесса, Украина)
М.С. Панин — доктор биологических наук, профессор (Казахстан)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.И. Гурьев (*зам. главного редактора*) — доктор педагогических наук, профессор, член международного союза журналистов (г. Горно-Алтайск)
Е.В. Лукашевич (*ответственный редактор*) — доктор филологических наук, профессор (г. Барнаул)
В.Н. Алейникова — кандидат химических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)
М.И. Яськов — доктор сельскохозяйственных наук, профессор (г. Горно-Алтайск)
Д.М. Безматерных — кандидат биологических наук, доцент, ученый секретарь института водных и экологических проблем СО РАН (г. Барнаул)
Г.В. Оленина — кандидат педагогических наук доцент (г. Барнаул)
М.Г. Сухова — кандидат географических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)
В.Ф. Хохолков — член Союза композиторов Республики Алтай, заслуженный работник культуры России (г. Горно-Алтайск)

На обложке: *Тебеков В.Г. Танец шамана. Тушь, перо. 1997.*

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ЭКОЛОГИЯ

<i>Ж.К. Жубатов</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН К ВОЗДЕЙСТВИЮ РАКЕТНО- КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	4
<i>П.А. Попов</i> К ЭКОЛОГИИ РЫБ ОЗЕРА ЧАНЫ	6
<i>Е.Г. Парамонов, М.В. Ключников</i> ВОЗОБНОВИТЕЛЬНЫЕ И РОСТОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У ЛИСТВЕННИЦЫ В ВЫСОКОГОРНЫХ УСЛОВИЯХ	9
<i>Е.Ю. Митрофанова</i> ВЛИЯНИЕ ГОРОДОВ И НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НА ПОКАЗАТЕЛИ ОБИЛИЯ ФИТОПЛАНКТОНА РЕК ОБЬ И ТОМЬ	11
<i>А.В. Пузанов, С.С. Мешкинова, С.Н. Балыкин</i> ГУМУСНОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЧВ ДОЛИНЫ СРЕДНЕЙ КАТУНИ	14
<i>И.А. Архипов</i> НИКЕЛЬ В ПОЧВАХ АЛТАЯ	16
<i>Т.А. Рождественская, А.В. Пузанов, И.В. Горбачев</i> НИТРАТЫ И НИТРИТЫ В ПОВЕРХНОСТНЫХ И ПОДЗЕМНЫХ ВОДАХ АЛТАЯ	19
<i>Ю.М. Цимбалей</i> ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКРЕАЦИОННОГО ОСВОЕНИЯ ОЗЕРА МАНЖЕРОКСКОЕ (северный Алтай)	22
<i>Н.А. Кочеева, А.И. Егисман, Ю.А. Пономарева</i> К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ОПАСНЫХ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ	26
<i>М.Г. Сухова</i> ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОТЛОВИН АЛТАЕ-САЯНСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ	29

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Н.И. Макарова</i> СИМВОЛИЗМ МИСТИЧЕСКОГО БРАКА В ТВОРЧЕСТВЕ ТИЦИАНА	32
<i>Т.Ф. Кряклина</i> КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ, ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ	36
<i>С.В. Нестерова</i> ПРАВОСЛАВИЕ НА АЛТАЕ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	38
<i>Т.В. Пойдина</i> ГРАФИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ АРХИВНЫХ И МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ САДОВО-ПАРКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ	41
<i>А.В. Иванов</i> КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В БЫТИИ ЕВРОПЕЙСКИХ И ЕВРАЗИЙСКИХ НАРОДОВ	43
<i>Т.Ю. Егорова</i> УРБАНИСТИЧЕСКИЙ КАРКАС КУЛЬТУРЫ: ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД КАК ИНДЕКС КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ	47
<i>Л.Л. Штуден</i> СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПАРАЗИТИЗМ	50

ФИЛОЛОГИЯ

<i>С.А. Алексанова</i> ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИЗОФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ	52
<i>Н.Н. Гранкова</i> АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА (на материале словаря Германа Эмана „Endgeil. DAS vollkorrekte lexikon der jugendsprache“)	55
<i>Е.С. Попова</i> ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА «WORK» В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ	57

<i>В.М. Проскуркин</i> СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕНСАЦИЯ И ДРУГИЕ СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ (На материале переводов рассказов В.М. Шукшина на немецкий язык) ...	60
<i>М.В. Финадеева</i> МЕДИА-ЖАНР: ПРЕДПОСЫЛКИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА	62
<i>Е.А. Погодаева</i> КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО БИЗНЕСМЕНА (на материале газеты «Ведомости»)	66
<i>М.С. Михайлова</i> ЛИРИЧЕСКАЯ КНИГА БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ: РАННЯЯ КНИГА «УРОКИ МУЗЫКИ» (1969)	69
<i>Р.А. Чеснокова</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ТОЖДЕСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	71
<i>М.А. Останина</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЧАСТИ И ЕЕ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ	74

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Н.Г. Арыкова</i> РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946-1965 ГГ.)	78
<i>А.А. Завьялов</i> РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА	81
<i>И.А. Новиков</i> ВИЛИМ ДЕ ГЕННИН И ЕГО РОЛЬ В СОЗДАНИИ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ (первая половина XVIII в.)	84
<i>Д.И. Сидоренко</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕКРЕТА СНК «ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА И ШКОЛЫ ОТ ЦЕРКВИ» НА АЛТАЕ (1917-1921 гг.)	87
<i>А.С. Фетисов</i> К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (на примере Горного Алтая)	90
<i>Д.В. Чарыков</i> СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» (на материале конференций, проводимых Екатеринбургским исследовательским центром «XX век в судьбах интеллигенции»)	93
<i>А.П. Адлыкова, Н.С. Модоров, И.Г. Черляков</i> ОСВОЕНИЕ РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В XVII-ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В. И ХРИСТИАНИЗАЦИЯ МЕСТНЫХ «ИНОРОДЦЕВ»	95

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ

<i>В.И. Ревякина</i> КОНЦЕПЦИИ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	100
<i>В.А. Насонов</i> ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ САНОГЕННОГО МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ	102
<i>А.Н. Чинин, С.С. Косолапов</i> ПОЧЕМУ ПОПЫТКИ ПОЛОЖИТЬ ПРАКТИКУ В ОСНОВУ ОБУЧЕНИЯ ЗАКАНЧИВАЛИСЬ НЕУДАЧЕЙ	104
<i>А.В. Андриенко</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ	107
<i>А.В. Петров, О.П. Петрова</i> ВЗГЛЯД НА РАЗВИВАЮЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ С ПОЗИЦИИ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЕГО ОСОБЕННОСТЕЙ ПО СРАВНЕНИЮ С ТРАДИЦИОННЫМ ОБУЧЕНИЕМ	111
ЮБИЛЕИ	116
КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ	116
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	117
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	119
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	120

Contents

ECOLOGY

<i>Zh. Zhubatov</i> CRITERIA FOR ECOLOGICAL TOLERANCE OF KAZAKHSTAN TERRITORY TO THE ROCKET AND SPACE ACTIVITY	4
<i>P.A. Popov</i> THE ECOLOGY OF FISHES OF THE LAKE CHANY	6
<i>Ye.G. Paramanov, M.V. Klutchnikov</i> LARCH RESTORATION AND GROWTH IN HIGH MOUNTAINS	9
<i>E. Yu. Mitrofanova</i> INDICATIVE SIGNIFICANCE OF PHYTOPLANKTON FOR ESTIMATION OF RIVERS STATE NEAR CITIES AND SETTLEMENTS, OB AND TOM RIVERS AS A CASE STUDY (RUSSIA).	11
<i>A.V. Puzanov, S.S. Meshkinova, S.N. Balykin</i> HUMUS STATE OF SOILS IN THE MID KATUN VALLEY	14
<i>I.A. Arkhipov</i> NICKEL IN ALTAI SOILS	16
<i>T.A. Rozhdestvenskaya, A.V. Puzanov, I.V. Gorbachev</i> NITRATES AND NITRITES IN THE SURFACE AND GROUND WATER OF ALTAI	19
<i>Yu.M. Tsimbalei</i> ECOLOGICAL PROBLEMS OF RECREATION DEVELOPMENT OF MANZHEROKSK LAKE (NORTH ALTAI)	22
<i>N.A. Kocheeva, A.I. Egisman, U.A. Ponomareva</i> ABOUT THE DISTRIBUTION OF DANGEROUS NATURAL PHENOMENA ON THE TERRITORY OF THE ALTAI REPUBLIC	26
<i>M. Suchova</i> PARTICULARITIES OF THE NATURAL CONDITIONS AND ECOLOGY ALTAI-SAYANSKOY MOUNTAIN COUNTRY	29

CULTUROLOGY. ARTS STADIES

<i>N.I. Makarova</i> SYMBOLISM OF A MYSTICAL MARRIAGE IN THE WORK OF TITIAN	32
<i>T.F. Krjaklina</i> CULTURE OF A CONTEMPORARY RUSSIA: ESSENTIAL FEATURES, PECULIARITIES OF FORMING AND DEVELOPMENT	36
<i>S.V. Nesterova</i> ORTHODOXY IN ALTAI. CULTURAL-HISTORICAL ASPECT	38
<i>T.V. Pojdina</i> GRAPHICAL DOCUMENTS AND PHOTO ILLUSTRATIONS OF ARCHIVAL AND MUSEUM FUNDS AS RESOURCES OF STUDYING OF LANDSCAPE ARCHITECTURE IN SIBERIAN CITIES	41
<i>A.V. Ivanov</i> CULTURAL PHENOMENON OF BOUNDARY IN THE LIFE OF EUROPEAN AND EURASIAN PEOPLE	43
<i>T.J. Egorova</i> URBAN FRAME OF CULTURE: IDEAL CITY AS AN INDEX OF CULTURAL PARADIGMS	47
<i>L.L. Studen</i> SOCIAL-CULTURAL PARASITISM	50

FILOLOGY

<i>S.A. Alexanova</i> ADVERBIAL DETERMINANTS IN A VIEW OF THEORY IZOFUNCTIONALITY	52
<i>N.N. Grankova</i> THE ACTUAL MEANS OF THE YOUTH SLANG FORMATION" (according to the material of the Herman Ehmann's dictionary „Endgeil. Das vollkorrekte lexikon der jugendsprache“)	55
<i>E.S. Popova</i> PERCULIAR CONTENTS OF THE "WORK" CONCEPT METAPHORICAL MODEL IN THE ADVERTISING DISCOURSE	57
<i>V.M. Proskurkin</i> STYLISTIC COMPENSATION AND SOME OTHER MEANS OF TRANSFERRING VERNACULAR LEXICAL UNITS (on the basis of the translations of the short stories by V.M. Shukshin into the German language)	60

<i>M.V. Finadeeva</i> MEDIA-GENRE: PREREQUISITES OF THE COGNITIVE APPROACH	62
<i>E.A. Pogodayeva</i> COGNITIVE STYLE OF MODERN RUSSIAN BUSINESSMAN	66
<i>M.S. Mihailova</i> LIRICAL BOOK OF BELLA AHMADULINA: THE EARLY BOOK "THE MUSIC LESSONS" (1969)	69
<i>R.A. Chesnokova</i> SEMANTICS OF IDENTITY IN ENGLISH	71
<i>M.A. Ostanina</i> THE CONCEPTUALIZATION OF PART AND ITS VERBALIZATION IN LANGUAGE BY EXAMPLE OF MASS-NOUNS	74

NATIVE HISTORY

<i>N.G. Arykova</i> THE DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND OF PROFESSIONAL EDUCATION AT MOUNTAIN ALTAI IN POST-WAR PERIOD (1945-1965)	74
<i>A.A. Zav'yalov</i> DEVELOPMENT OF TRANSPORT SYSTEM OF ALTAI AT THE END OF XIX - BEGINNING XX CENTURIES: STATE POLITICS AND PRIVATE INITIATIVE	81
<i>I.A. Novikov</i> THE VILIM DE GENNIN AND HIS THE ROLE IN CREATION OF MINING AND METALLURGICAL INDUSTRY IN RUSSIA (FIRST HALF XVIII CENTURY)	84
<i>D.I. Sidorenko</i> REALIZATION THE DECREE SNK «ABOUT SEPARATING OF CHURCH FROM STATE AND OF SCHOOL FROM CHURCH» ON THE ALTAI (1917-1921)	87
<i>A.S. Fetisov</i> THE CHANGES IN STATE POLITICS TOWARDS RELIGIOUS ORGANIZATIONS (on the basis of Gorny Altai)	90
<i>D.V. Charykov</i> THE SOCIAL APPROACH IN DEFINITION OF CONCEPTION «INTELLIGENTSIA» ON THE MATERIAL OF THE EKATERINBURG RESEARCH CENTRE "THE XXTH CENTURY IN THE DESTINIES OF INTELLIGENCY." (on material of the Ekaterinburg research centre "The XXth century in the destinies of intelligency")	93
<i>A.P. Adlykova, N.S. Modorov, I.G. Cherloyakov</i> THE DEVELOPMENT OF HORTH ALTAI BY THE RUSSIAN STATE IN XVII – THE FIRST OF THIRD XVIII CENTURY AND THE CHRISTIANITY OF LOCAL THE «ALIENS»	95

PEDAGOGICS. PSYCHOLOGY

<i>V.I. Revyakina</i> CONCEPTS OF EDUCATION AFTER THE TERMINATION OF HIGH SCHOOL	100
<i>V.A. Nasonov</i> THE PROBLEM OF SCHOOLCHILDREN'S HEALTHFUL THINKING CREATING	102
<i>A.N. Chinin, S.S. Kosolapov</i> WHY ATTEMPTS TO TAKE PRACTICE AS A PRINCIPLE TRAINING CAME TO AN END FAILURE	104
<i>A.V. Andrienko</i> INTERACTION OF TEACHERS AND STUDENTS IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL PEDAGOGICS	107
<i>A.V. Petrov, O.P. Petrova</i> SIGHT AT DEVELOPING EDUCATION FROM THE POSITION OF ITS SPECIFIC FEATURES IN COMPARISON WITH TRADITIONAL TRAINING	111
ANNIVERSARIES	116
CONFERENCES. SEMINARS	116
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN THE ENGLISH	117
ALPHABETICAL INDEX	119
THE INFORMATION FOR AUTHORS	120

Раздел 1

ЭКОЛОГИЯ

КУРАТОР
РАЗДЕЛА

Геннадий Геннадьевич Морковкин — доктор сельскохозяйственных наук, профессор, проректор по науке Алтайского государственного аграрного университета, г. Барнаул.

РЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Александр Васильевич Пузанов — доктор биологических наук, профессор, заместитель директора по НР Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

РЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Александр Викторович Шитов — кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геоэкологии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

УДК 631.438

Ж.К. Жубатов, к.х.н., директор ДГП «Инфракос-Экос»,
Казахстан, г. Алматы

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН К ВОЗДЕЙСТВИЮ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В работе представлены результаты анализа процессов, определяющих устойчивость экологических систем территорий Казахстана к космической деятельности. Показано, что воздействию ракетно-космической деятельности космодрома «Байконур» подвергаются все компоненты окружающей среды, установлены характер и особенности этого воздействия.

Ключевые слова: ракетно-космическая деятельность, экологическая устойчивость, критерии, фрагменты, воздействие, подтрассовые территории, экосистемы.

Ракетно-космическая деятельность (РКД) — один из видов техногенных нагрузок, оказывающих влияние на значительных по площади участках земной поверхности в различных природных зонах.

Данный вид деятельности в соответствии с Законом Республики Казахстан «Об охране окружающей среды» требует разработки экологических нормативов допустимого воздействия, основываясь на критериях экологической устойчивости территории Республики Казахстан к воздействию РКД. При этом сложность определения критериев определяется разнообразием факторов воздействия и многообразием природных экосистем, на которые оказываются воздействия, а также разнообразием их связей в процессе осуществления РКД.

В целях предотвращения негативного воздействия на окружающую среду РКД должны быть установлены нормативы, учитывающее все возможные виды воздействия космической деятельности. Основные виды воздействия РКД на окружающую среду можно условно разделить на физические и химические. При этом выделяются следующие экологические последствия физического воздействия: механическое повреждение почвенно-растительного покрова; механическое загрязнение поверхности фрагментами ОЧ РН; акустическое воздействие.

Химическое воздействие проявляется в загрязнении экосистем, как компонентами ракетных топлив, так и продуктами их трансформации или сгорания.

Принятые в настоящее время методы оценки состояния окружающей среды базируются на санитарно-гигиенических показателях, в основу которых положены предельно допустимые концентрации веществ в различных средах.

Однако техногенное воздействие, практически не наносящее вреда человеку, в перспективе может оказаться разрушительным для природных экосистем [1]. В ряде случаев загрязнение окружающей среды может не вызывать ощутимых изменений, но могут спровоцировать процессы, приводящие к разрушительным последствиям и, при сохранении здоровья ныне живущих людей, нанести непоправимый ущерб будущим поколениям. Обеспечение экологической безопасности должно гарантировать отсутствие деградации окружающей среды и увеличения экологического риска в будущем, поэтому нормативные показатели должны быть установлены в расчете на устойчивость и регенерационные возможности природных экосистем.

Для оценки экологической устойчивости территорий к воздействию РКД важно знание значений пара-

метров состояния до и после воздействия. С целью определения вариабельности возможна предварительная обработка методами математической статистики имеющихся результатов до и после воздействия фактора, обусловленного РКД, в зоне воздействия и на фоновых участках космодрома «Байконур».

Значение параметра состояния до воздействия фактора может быть оценено по предшествующим наблюдениям, по значению его на эталонной территории, или экспертным путем.

После этого проводится расчет гарантированного максимума и минимума значений параметра в зоне воздействия и на эталонной территории.

Для установления значений критических величин параметра состояния возможна ориентация на среднюю величину изменения параметра состояния при естественном переходе одной экосистемы в другую, уменьшенную вдвое.

Во многих случаях, представляется обоснованным применение системы балльных оценок устойчивости природных экосистем. Достоинством такой системы является максимальный учет всего многообразия факторов, их вклада в общую оценку, что позволит достаточно объективно отразить уровень их устойчивости по отношению к воздействию РКД. Для практических целей выделяется комплекс наиболее существенных параметров функционирования экосистем с тем, чтобы в дальнейшем, оценив каждый из параметров по балльной системе, сумму баллов всего комплекса использовать в качестве оценки устойчивости экосистем к внешнему воздействию [2].

При разработке системы критериев экологической устойчивости территорий к воздействию РКД должна быть учтена экологическая емкость экосистем, природных сред, территорий. Потенциал экологической емкости отражает интегральные свойства местных геотехнических систем и определяет степень экологического риска воздействия РКД на данной территории.

Целесообразен максимальный учет имеющихся в стране нормативно-методических документов по экологическому районированию территорий, российского опыта ранжирования районов падения и подтрассовых территорий по степени их устойчивости к техногенному воздействию с использованием ГИС-технологий [3].

Для количественной оценки возможного воздействия загрязняющих веществ, поступающих в результате РКД на наземные и водные экосистемы можно осуществить подход, изложенный в работе [1] на основе двух альтернативных принципов оценки:

1) оценка различия между актуальными и расчетными критическими нагрузками;

2) при заданной нагрузке оценить время достижения максимальной концентрации (ПДК), установленной для загрязняющего вещества в компонентах экосистем.

В первом подходе, связанном с расчетами критических нагрузок, используют биогеохимические показатели самоочищающей способности и устойчивости экосистем и их компонентов к КРТ.

Во втором, необходимо предварительное установление ПДК для различных соединений, что само по себе, связано с рядом неопределенностей, которые были рассмотрены ранее.

Расчет критических нагрузок должен сопровождаться картографированием величины нагрузок в зависимости от особенностей территорий с использованием геоинформационных систем с формированием базы данных, позволяющей пространственно привязать расчетные величины критических нагрузок.

В качестве показателей для оценки устойчивости почв к воздействию РКД предлагается использовать как показатели химического и биологического загрязне-

ния почв, обусловленные свойствами используемых ракетных топлив, так и показатели свойств почв, подвергшихся изменению в процессе воздействия РКД.

В зависимости от вида компонента ракетного топлива характер рН различный: при поступлении НДМГ наблюдается увеличение рН почвы, а при разливе окислителя — АТ происходит подкисление почвы, соответственно, рН уменьшается, по сравнению с фоновыми значениями. Падение Еh почвы из-за поступления сильного восстановителя в виде НДМГ приводит к уменьшению продуктивности.

По степени нарушенности почвы и условиям антропогенного воздействия при ракетно-космической деятельности выделяются следующие стадии ее деградации:

0 — не деградированные почвы: почвы, продуктивность которых соответствует их естественному плодородию;

1 — слабо деградированные почвы, снижение продуктивности которых не превышает 25%;

2 — средне деградированные почвы со снижением продуктивности на 25-50%;

3 — сильно деградированные почвы, снижение продуктивности которых составляет 50-75%;

4 — очень сильно деградированные почвы, снижение продуктивности которых достигает 75% и более.

В качестве критериев деградации почв предложены не абсолютные значения показателей, а их изменение по отношению к исходному или принимаемому за контроль состоянию почвы. Конкретные значения критерия деградации для выделения соответствующих степеней деградации почвы устанавливаются как экспертным путем, так и на основе оценок специалистов с учетом конкретного влияния анализируемого показателя на величину и качество первичной биологической продукции, а также другие экологические функции почвы.

Для оценки деградации почв предварительно устанавливается наличие факторов воздействия РКД на почву и растения, приводящего к ухудшению свойств почвы, снижению урожайности и ухудшению свойств почвы, снижению урожайности и ухудшению качества растительной продукции.

Для оценки степени деградации почв и экосистем при РКД привлекаются данные крупномасштабных почвенных и экологических обследований, обработка которых производится с использованием ГИС-технологий.

В качестве показателей для оценки устойчивости растительности к химическому, механическому, пирогенному воздействию РКД предлагаются:

1) содержание компонентов ракетного топлива;

2) содержание продуктов распада и химической трансформации КРТ в растениях;

3) содержание общего азота;

4) содержание общего углерода;

5) изменение биоразнообразия;

6) плотность популяции вида-индикатора загрязнения КРТ;

7) возрастной спектр ценопопуляции доминантов;

8) изменение проективного покрытия пастбищной сухостепной и полупустынной растительности;

9) продуктивность пастбищной растительности;

10) изменение соотношения вегетативных и репродуктивных особей;

11) изменению морфологических параметров и габитуса;

12) нарушению соотношения цикла и прохождения фенологических фаз.

Критерием оценки состояния животного мира и зооценоза могут служить показатели, отражающие:

1) уменьшение биоразнообразия;

2) изменение генофонда животных;

3) плотность популяции вида-индикатора антропогенной нагрузки;

4) увеличение заболеваемости.

Показателями устойчивости состояния пресноводных экосистем к воздействию РКД могут являться:

- 1) интегральный показатель качества вод, определяемый методом биотестирования;
- 2) содержание компонентов ракетного топлива;
- 3) содержание продуктов распада и химической трансформации КРТ;
- 4) коэффициент донной аккумуляции;
- 5) коэффициент накопления в гидробионтах;
- 6) среднелетняя биомасса фитопланктона;
- 7) фитомасса нитчатых водорослей;
- 8) заболеваемость рыб, связанная с хроническим токсикозом;
- 9) индекс загрязненности вод.

Для оценки устойчивости атмосферного воздуха к воздействию РКД предлагается использовать следующие показатели:

1) критические нагрузки и критические уровни КРТ, являющиеся основными показателями загрязнения атмосферного воздуха, характеризующими воздействие РКД. Под ними понимаются максимальные значения выпадений или соответственно, концентраций в атмосферном воздухе КРТ и продуктов его окисления и трансформации, которые не приводят к вредным воздействиям на структуры и функции экосистем в долгосрочном плане;

2) степень вертикальной устойчивости атмосферы по шкале Пасквилла;

3) параметр стратификации Обухова.

Оценка устойчивости ландшафтов к загрязнению, обусловленному РКД, в зоне воздействия и на фоновых участках космодрома «Байконур» может быть проведена с использованием различия между актуальными и критическими нагрузками КРТ.

При расчете критических нагрузок используются биогеохимические показатели самоочищающей способности и устойчивости экосистем и их компонентов к КРТ, не требующих наличия ПДК для всех КРТ и продуктов их распада и химической трансформации.

Характеристика наземной экосистемы включает в себя описание свойств почв, структуру биоценоза, климата, характера использования земель и т.д. При характеристике водной экосистемы учитываются тип водоема (река, озеро или море), его трофический статус и гидрохимия.

Для расчета критических нагрузок могут быть использованы нестационарные и динамические модели.

Входные параметры модели рассчитываются на основании данных о:

- почвенных (тип почвы, гранулометрический состав, геохимическая характеристика, геохимические барьеры, загрязнение почвенного покрова);
- геоботанических (типология растительного покрова, распространение, видовой состав, доминанты, состояние растительности, эндемики, виды из Красной Книги, загрязнение растений и т.д.);
- геолого-геоморфологических (мелкосопочники, равнины, горы);

– климатических (годовой перепад температур воздуха; перепад количества осадков, среднегодовая скорость ветра, годовая доза ультрафиолетовой радиации, количество дней в году с грозами, количество дней с пыльными бурями);

– гидрологических (годовой речной сток, характеристика поверхностных и подземных водных источников, характеристика водоносных горизонтов);

– гидрохимических (загрязнение вод естественными и антропогенными загрязнителями);

– и других условиях, поступлении загрязнителей с неспецифическими техногенными потоками, существующем уровне загрязнения рассматриваемых природных наземных и водных экосистем;

– данных лабораторных и натурных экспериментов по изучению процессов трансформации КРТ и их воздействие на живые организмы.

Величины рассчитанных критических нагрузок загрязняющих веществ на экосистему сравниваются с экспериментальными или смоделированными величинами их выпадений. Это позволяет рассчитать превышение критических нагрузок для исследуемых территорий.

Расчет критических нагрузок предлагается сопровождать картографированием величин нагрузок в зависимости от природных особенностей территорий с использованием геоинформационных систем. В рамках ГИС составляются карты критических нагрузок для экосистем различного территориального уровня на РПОЧ РН, испытывающие нагрузки в результате РКД космодрома «Байконур».

Результаты изложенного анализа позволяют провести детальную оценку устойчивости территории Казахстана к космической деятельности.

Библиографический список

1. Башкин, В.Н. Биогеохимия / В.Н. Башкин, Н.С. Касимов — М.: Научный мир, 2004. — 648 с.
2. Биогеохимические основы экологического нормирования. — М.: Наука, 1993. — 304 с.
3. Королева, Т.В. ГИС для ранжирования территорий, подверженных воздействию ракетно-космической техники / Т.В. Королева, Черникова // Картографическое и геоинформационное обеспечение управления региональным развитием: матер. науч. конф. — Иркутск, 2002. — С. 75-77.

Статья поступила в редакцию 05.03.08

УДК 597.0/5–11

П.А. Попов, д-р биол. н., доц., проф. НГУ, г. Новосибирск,

К ЭКОЛОГИИ РЫБ ОЗЕРА ЧАНЫ

Рассматриваются условия обитания, некоторые стороны экологии и вылов рыб в оз. Чаны — самом крупном водоеме этого типа на юге Западной Сибири. Приведенная в публикации информация свидетельствует об уникальности озера в экологическом и рыбохозяйственном отношениях, о необходимости его комплексного изучения и охраны.

Ключевые слова: озеро, ихтиофауна, рыбы, экология, рыбопродуктивность.

УСЛОВИЯ ОБИТАНИЯ РЫБ В ОЗЕРЕ ЧАНЫ

Характеристику основных черт экологии рыб оз. Чаны следует начать с краткой информации об

абиотических условиях их обитания в этом водоеме — уровне и газовом режимах и минерализации. Уровень воды в озере дан в метрах над уровнем Бал-

тийского моря (м. абс. Б. С.), по водомерному посту Квашнино.

Озеро Чаны является самым крупным водоемом на юге Западной Сибири и расположено в лесостепной зоне Барабинской равнины. Приток воды в озеро обеспечивается реками Чулым и Каргат и отличается большой межгодовой изменчивостью. В период с 1687 г. и по настоящее время выделяют 5 периодов водного режима оз. Чаны: 1 — 1687 — 1756 гг. — бессточный; 2 — 1757—1842 гг. — проточный; 3 — 1843 — 1913 гг. — бессточный; 4 — 1914 — 1915 гг. — проточный; 5 — 1916 — 2008 гг. — бессточный [1, 2]. В начале XX века при максимальном уровне воды в озере 108,4 м, площадь водоема составляла около 500 тыс. га; до отчленения в 1971 г. Юдинского плеса при отметке уровня 107,5 м (1950 г.) — 338 тыс. га; после отчленения этого плеса при отметке уровня 106,5 м (2002 г.) — 172 тыс. га, при уровне 105,5 м (1983 г.) — 100 тыс. га. Таким образом, только за последние сто лет площадь водного зеркала оз. Чаны сократилась, в зависимости от уровня, в 3,2–5,5 раза [3]. Средние глубины в озере в 1978 г. (уровень 105,9 м) составляли: в Малых Чанах — 1,3 м, в Чиняихинском плесе — 1,6 м, в Тагано-Казанцевском плесе — 1,7, Ярковском — 3,1, Яркуль — 5,1 м [3]. В целом, оз. Чаны — мелководный водоем, особенно на акватории Малых Чанов.

По химическому составу, согласно принятой в России классификации О.А. Алекина [4], воды озера относятся к солоноватым хлоридного класса натриевой группы третьего типа. Наибольший удельный вес в минерализации воды составляют ионы натрия и хлора. Бессточность, снижение уровня, сокращение площади водного зеркала и объема водной массы явились причиной повышения в воде озера концентрации минеральных солей. Этому же процессу способствовало и близкое залегание (на глубине 5–10 м) высокоминерализованных неогеновых глин, в солевом составе которых преобладали хлориды [5]. Самая низкая минерализация вод наблюдается на распресняемой водами рек Чулым и Каргат акватории Малых Чанов, где она колеблется по годам от 0,8 до 5,3 г/л, самая высокая — на северо-западном участке озера в районе пос. Квашнино: от 6–7,5 в летнюю межень до 7–13,3 г/л зимой. Воды озера имеют щелочную реакцию, pH колеблется в пределах 8,8 — 9,0 [5]. Температурный режим оз. Чаны характеризуется хорошим прогревом (до 22–24 °С на мелководье) воды в летний период и переохлаждением ее зимой до отрицательных температур на участках с повышенной соленостью.

Газовый режим в озере, характеризуемый по содержанию в воде кислорода, углекислого газа, метана и сероводорода, в целом для водоема в период открытой воды благоприятный, что обусловлено интенсивным перемешиванием вод в это время года в результате ветровых явлений, беспрепятственным газообменом между водной массой и атмосферой, фотосинтетической деятельностью значительной по биомассе водной растительности. Абсолютные величины концентрации кислорода в поверхностном слое воды колеблются летом от 7 до 12 мг/л (более 80% насыщения). В период ледового режима, который длится на озере около 6 месяцев — в среднем с конца октября до конца апреля — начала мая, газовый режим на большей части акватории озера существенно ухудшается. Причины этого — мелководность водоема, ледяной покров (толщина которого в конце зимы достигает 100–110 см) и активное окисление большого количества органических веществ, депонирующихся в виде дегрита на дне озера в результате отмирания гидробионтов, прежде всего водорослей и макро- и гидрофитов [3]. Сокращение площади озера в маловодные годы происходит в

основном за счет нерестовых и нагульных угодий. При этом участки водоема с глубиной до 1 м промерзают до дна, со средней глубиной 2 м зимой подвергаются замору и лишь на участках с глубиной 3 м и более сохраняется приемлемый для выживания рыб газовый режим. На акватории Малых Чанов заморные явления в зимний период наблюдаются практически ежегодно [1]. Так, в марте 1976 и 1977 гг. (среднегодовой уровень 105,8 м) содержание кислорода в Малых Чанах на участках с илистыми донными отложениями составляло 0,2–0,4 мг/л (2–4% насыщения) [1].

Активное развитие водной растительности в озере обеспечивается не только достаточной солнечной инсоляцией в период вегетации и хорошим прогревом вод, но и большим содержанием в воде и донных отложениях биогенов, прежде всего соединениями азота и фосфора [1, 3, 5]. Автотрофный комплекс биоценоза озера обуславливает сравнительно высокие показатели численности и биомассы беспозвоночных организмов планктона, бентоса и перифитона. В итоге, даже в годы с низким уровнем воды в оз. Чаны формируется сравнительно богатая кормовая база рыб.

ВИДОВОЙ СОСТАВ, ЭКОЛОГИЯ И ВЫЛОВ РЫБ ОЗЕРА

В настоящее время в оз. Чаны и впадающих в него реках (Чулым и Каргат) обитает 9 видов рыб-аборигенов, 4 вида и 1 экологическая форма (амурский серебряный карась) рыб-акклиматизантов (помечены звездочкой): щука — *Esox lucius* L., сибирский елец — *Leuciscus leuciscus baicalensis* (Dyb.), язь — *Leuciscus idus* (L.), верховка* — *Leucaspis delineatus* (Heck.), плотва — *Rutilus rutilus* (L.), озерный голянь — *Phoxinus phoxinus* (Pall.), линь [*Tinca tinca* (L.)], сибирский пескарь [*Gobio cynocephalus* Dyb.], лещ* (*Abramis brama* (L.)), карась обыкновенный (золотой) [*Carassius carassius* (L.)], карась серебряный* [*Carassius auratus* (L.)], сазан* (*Cyprinus carpio* L.), судак* [*Stizostedion lucioperca* (L.)], окунь — [*Perca fluviatilis* (L.)]. Кроме того в озере в разные годы вселялись рыбы семейства лососевых (*Salmonidae*): пелядь (*Coregonus peled Gmelin*), муксун (*Coregonu muksun* Pall.), европейская ряпушка (рипус) [*Coregonus albula* (L.)], сибирская ряпушка (*Coregonus sardinella* Val.), омуль [*Coregonus autumnalis* (Pall.)], сиг (*Coregonus lavaretus* L.) [6]. Из них только пелядь более или менее адаптировалась к условиям озера, но и она здесь не размножается [7].

Щука распространена на всей акватории озера, но с 1957 г., когда уровень воды снизился до 106,2 м, ее численность малочисленна. По всей видимости, основная причина этого — высокая чувствительность щуки к дефициту растворенного в воде кислорода в зимний период [8]. Из семейства карповых, к которому относится подавляющее число видов рыб озера, наиболее многочисленными являются язь, верховка, плотва, озерный голянь, лещ, серебряный карась и сазан. Из них верховка и голянь являются промысловыми рыбами, а язь и, особенно, сазан малочисленны. Плотва в оз. Чаны — один из наиболее приспособленных видов рыб и обитает здесь повсеместно [9]. Нерестится в разливах рек Чулым и Каргат, в многоводные годы — также и на прибрежных участках Чиняихинского плеса. Лещ вселялся в Чаны в период с 1952 по 1979 гг., в настоящее время в озере встречается повсеместно, нерестится в северо-западной части Малых Чанов и, в отличие от рыб-аборигенов, в Чулым и Каргат высоко не поднимается. Карась серебряный до начала 90-х гг. XX века был представлен в озере местной формой, сравнительно немногочисленной и встречавшейся, чаще всего, на тех же участках оз. Чаны, что и карась золотой [6, 9]. Примерно в 1994 г. из оз. Убинского в оз. Чаны проник амурский серебряный ка-

рась, куда он был вселен из водоемов бассейна р. Амур. К концу XX века амурский карась хорошо адаптировался к условиям обитания в оз. Чаны и является самым многочисленным промысловым видом рыб в этом водоеме.

Из семейства окуневых и окунь и судак относятся в озере к промысловым, но в настоящее время сравнительно немногочисленным видам рыб. Окунь распространен в этом водоеме повсеместно, хотя и неравномерно. Основные места концентрации молоди окуня — Малые Чаны и южная часть Чиняихинского плеса. В отличие от плотвы и язя, окунь более индифферентен в отношении нерестового субстрата, аэрации воды и других условий нереста и инкубации икры. Нерест окуня длится 3-5 дней при температуре воды 12-15 °С и pH 8,2. Основные нерестилища расположены в южной части Чиняихинского плеса и в Малых Чанах, то есть в условиях малой (0,5-0,9‰) минерализации воды. Эффективный нерест этого вида рыб возможен в озере при минерализации воды не более 2,0-2,5‰ [10].

Миграции рыб оз. Чаны сложны и определяются не только физиологическими потребностями этих гидробионтов, но и, в значительной степени, особенностями абиотических условий их обитания в данном водоеме [11]. В период ледового режима основная масса всех видов рыб (кроме карасей) озера сосредоточена на наиболее глубоких, мало или совсем не подверженных заморным явлениям участках Больших Чанов. Прежде всего, это оз. Яркуль и Ярковский плес. На остальной акватории Больших Чанов рыбы в течение зимы постоянно перемещаются из зон с пониженным (4,5-5 мг/л и меньше) содержанием кислорода в зоны с его более высокой концентрацией. Большая часть популяции амурского серебряного карася в течение всего года обитает в Малых Чанах.

Из Малых Чанов основная масса рыб уходит в конце осени—начале зимы в Большие Чаны. Но в случае, если дефицит кислорода развивается в протоке Кожурла прежде и в большей степени, чем в Малых Чанах, рыбы не могут мигрировать в Большие Чаны, оказываются в «заморной ловушке» и в массе гибнут. Степень заморных явлений в Малых Чанах уменьшается даже в маловодные годы, если промерзание водоема в течение зимы было сравнительно небольшим. Это свидетельствует о том, что динамику численности рыб в озере необходимо связывать не только с колебаниями по годам уровня и минерализации воды, но также и с температурой воздуха в зимний период, толщиной льда и снежного покрова. Также следует отметить, что при увеличении минерализации воды массовая гибель рыб в период ледостава происходит в связи с понижением температуры замерзания воды до — 0,4 °С: в переохлажденной воде рыбы впадают в оцепенение и выбрасываются во время штормов на берег [6, 9].

Весной (с середины апреля), еще подо льдом, рыбы, преимущественно половозрелые особи, мигрируют из Больших Чанов в Малые Чаны и нижние участки рек Чулым и Каргат, к местам размножения. Нерестовая миграция протекает активно и в целом продолжается 30-45 суток. Первой к местам нереста подходит щука, затем, последовательно, язь, плотва и окунь, сазан, судак. Популяционная разнокачественность рыб является причиной того, что нерест одного и того же вида растягивается во времени. Так, раннесозревающие особи язя выметывают икру на приустьевых участках рек Чулым и Каргат в конце апреля—начале мая, а позднесозревающие поднимаются для размножения в среднее и верхнее течение этих рек, где нерестятся с 10 по 15 мая [12].

После нереста часть производителей всех видов рыб озера постепенно возвращается в Большие Чаны, а другая часть остается до конца лета в Малых Чанах, ух-

дя отсюда (но не полностью) лишь осенью. Молодь рыб урожая данного года (личинки и мальки) вначале нагуливается в Малых Чанах, затем постепенно (до конца июля) мигрирует в своей основной массе в Большие Чаны, где продолжает кормиться, а затем и зимует. Часть рыб нерестится не в Малых, а в Больших Чанах на участках подверженных распресняющему влиянию вод Чулым и Каргат. Прежде всего, это относится к окуню и, в меньшей степени, к плотве.

Летний нагул и взрослых и молоди большинства видов рыб осуществляется на всей акватории озера, в том числе на наиболее минерализованных участках. При этом молодь придерживается прибрежной зоны, а взрослые особи — открытой части водоема. Начало осенней миграции рыб к местам зимовки зависит от скорости понижения температуры воды и частоты ветровых волнений.

Все виды рыб, обитающие в оз. Чаны, нерестятся весной и в начале лета. 12 видов рыб: щука, лещ, карась, сазан, верховка, язь, озерный голец, плотва, линь, окунь и судак по характеру размножения — фитофилы и выметывают икру как на свежезалитую, так и на прошлогоднюю растительность. Но сазан нерестится только среди свежезалитой растительности, а судак может выметывать икру на разные субстраты — от заиленных песков до остатков затопленных кустарников [13]. Елец и сибирский пескарь являются псаммофитами и откладывают икру на песчаные или песчано-галечные грунты, в связи с чем в оз. Чаны их нерест происходит преимущественно в притоках.

По характеру питания щука является во взрослом состоянии хищником, судак потребляет в пищу, помимо рыб, беспозвоночных животных нектобентоса (бокоплавов), а для всех остальных видов рыб озера характерен смешанный тип питания, который включает, в той или иной доле, водоросли, организмы зоопланктона и зообентоса. Для карасей и сазана характерно потребление в пищу, наряду с указанными группами, детрита, для верховки в летний период — имаго летающих насекомых. Окунь — эврифаг: молодь его питается планктоном и мелкими формами зообентоса, взрослые особи — зообентосом и рыбой. У щуки, окуня и судака отмечено явление каннибализма.

Вылов рыб в оз. Чаны ведется с незапамятных времен. Подробная статистика добычи рыб организацией гослова имеется с 1937 г. и по настоящее время. В период с 1948 по 1969 г. в озере наблюдались самые большие величины промысловой добычи рыб — от 3445 (1948 г., уровень воды 106,97 м) до 9612 т (1952 г., уровень воды 106,96 м). С 1970 г. добыча рыб в озере резко сократилась. В период с этого года и по настоящее время максимальный вылов отмечен в 1989 г. — 3374 т. С 1983 по 2002 г. включительно в среднем за год добывалось 1737 т рыбы.

В течение всех лет основу промысловых уловов рыб в оз. Чаны составляли плотва, окунь, язь, при этом в одни годы лидером в этом отношении являлась плотва, в другие годы — окунь, вылов язя был на третьем месте. Из других видов рыб заметную роль в промысле играла щука (до 1964 г.) и серебряный карась-абориген. С 1998 г. в уловах резко вырос удельный вес амурского серебряного карася, добыча которого в 1999 г. составила 1500 т, или 55,6% от вылова всех видов рыб. Продолжает доминировать этот карась в промысловых уловах в озере и до настоящего времени.

Главная причина неуклонного падения величины промысловых уловов рыб в оз. Чаны — снижение уровня воды и, как следствие этого, повышение минерализации водной массы, возникновение заморных явлений, сокращение нагульных и нерестовых угодий, ухудшение состояния кормовой базы. Валовая биомасса зообентоса в озере

снижается с 9 г/м² в многоводные годы до 3,0-3,5 г/м² — в маловодные [14]. Летом 2001 г. средневзвешенная биомасса зообентоса по Чанам составила 4,4 г/м² [15].

Следует отметить, что промысловая статистика не отражает реального вылова рыб в оз. Чаны, особенно по таким, ценным в товарном отношении, видам рыб, как сазан и судак, большая часть уловов которых минует официальные рыбоприемные пункты. Также практически полностью не учитывается браконьерский вылов рыб, особенно сазана и судака, осуществляемый в течение всего года, в т. ч. на путях нагульных, нерестовых и зимовальных миграций рыб. В итоге, если согласно официальной статистике суммарный вылов рыб в озере равняется в последние годы не более 28% (2699 т в 1999 г.) от максимального за период с 1937 по 2002 г. (9612 т в 1952 г.), то с учетом браконьерского лова (200–300%

от официального согласно устного опроса рыбаков из рыболовецких бригад) и не сдаваемой на рыбучастки доли промышленного лова суммарный ежегодный вылов рыб в озере составляет не 28, а не менее 50% (т. е. не менее 6000 т) от максимального (при условии, что не учитываемый статистикой вылов рыб в 1952 г. не превышал 25% от учитываемого, а суммарный ежегодный вылов составлял около 12000 т). Отсюда вправе сделать важное заключение о том, что озеро Чаны, несмотря на существенное ухудшение в нем условий жизни рыб, остается одним из самых рыбопродуктивных водоемов на юге Западной Сибири. Такой вывод обязывает усилить и исследования экосистем этого озера и меры по рациональному использованию и охране его биоресурсов, включая рыб.

Библиографический список

1. Пульсирующее озеро Чаны. — Л.: Наука, 1982. — 304 с.
2. Власов, В. П. Многолетние изменения температуры замерзания воды в озере Чаны / В. П. Власов // Рыбное хозяйство водоемов южной зоны Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1969. — С. 50–57.
3. Экология озера Чаны. — Новосибирск: Наука, 1986. — 270 с.
4. Алекин, О. А. Основы гидрохимии / О. А. Алекин. — Л.: Гидрометеиздат, 1970. — 413 с.
5. Савкин, В. М. Основные гидролого-морфометрические характеристики озера Чаны / В. М. Савкин, С. Я. Двуреченская // Сибир. экол. журнал. — 2005. — Вып. 2. — С. 183-192.
6. Попов, П. А. Рыбы озера Чаны / П. А. Попов, В. А. Воскобойников, В. А. Щенев // Сибир. экол. журнал. — 2005. — Вып. 2. — С. 279-291.
7. Кондратьев, А. К. Предварительные гистологические данные о созревании пеляди в озерах Сартлан и Чаны с повышенной минерализацией воды / А. К. Кондратьев, В. М. Крайнов, В. А. Рудов // Сиб. вестник с/хоз. науки. — 1990. — Вып. 4. — С. 83-85.
8. Строганов, Н. С. Экологическая физиология рыб / Н. С. Строганов. — М.: Изд-во Моск. Ун-та. — 1962. — 444 с.
9. Общий очерк ихтиофауны озера Чаны / В. А. Воскобойников, В. М. Крайнов, В. А. Щенев [и др.] // Экология озера Чаны. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 158-196.
10. Воскобойников, В. А. Воспроизводство окуня в оз. Чаны / В. А. Воскобойников // Рыбопродуктивность озер Западной Сибири. — Новосибирск: Наука. — 1991. — С. 123-127.
11. Воскобойников, В. А. Сезонные миграции промысловых видов рыб в озере Чаны в связи с изменением экологических условий / В. А. Воскобойников, М. И. Феоктистов, В. А. Щенев // Задачи и проблемы развития рыбного хозяйства на внутренних водоемах. — Томск, 1996. С. 11-12.
12. Ядренкина, Е. Н. О причинах пространственно-временной дифференциации нерестового стада язя в речной системе бассейна озера Чаны (Западная Сибирь) / Е. Н. Ядренкина // Вопр. ихтиологии. — 2000. — Т. 40, вып. 4. — С. 486-491.
13. Феоктистов, М. И. Экология воспроизводства леща и судака Новосибирского водохранилища / М. И. Феоктистов, О. В. Трифонова, М. В. Селезнева // Задачи и проблемы развития рыбного хозяйства на внутренних водоемах Сибири. — Томск: Изд-во Томск. ун-та. — 1996. — С. 41-42.
14. Петкевич, А. Н. Развитие озерного рыбного хозяйства Сибири / А. Н. Петкевич. — Новосибирск: Наука. — 1963. — 187 с.
15. Безматерных, Д. М. Состав, структура и количественная характеристика зообентоса озера Чаны в 2001 г. / Д. М. Безматерных // Сибир. экол. журнал. — 2005. — Вып. 2. — С. 249-254.

Статья поступила в редакцию 12.04.08

УДК 630.231.1.

Е.Г. Парамонов, д-р с/х наук, профессор, АлтГУ, г. Барнаул

М.В. Ключников, канд. с/х наук, начальник управления лесами Алтайского края, г. Барнаул

ВОЗОБНОВИТЕЛЬНЫЕ И РОСТОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У ЛИСТВЕННИЦЫ В ВЫСОКОГОРНЫХ УСЛОВИЯХ

Приводятся описания исследований по влиянию почвенно-климатических условий высокогорий на возобновительную способность лиственницы на гарях и рост ее по диаметру в сформировавшихся насаждениях, а также отмечается устойчивость границы лиственницы с высокогорной степью.

Ключевые слова: лиственница, высокогорье, возобновление, прирост.

В Горном Алтае лесной пояс простирается с высоты 350-400 м над ур. м до 2000-2200 м. В этом диапазоне высот лесорастительные условия претерпевают существенные изменения [2,7] с одновременным изменением породного состава лесов, их продуктивности и интенсивности процесса естественного возобновления [5].

Лесообразовательный процесс на гарях характеризуется тремя основными категориями развития — направленностью, цикличностью и необратимостью [3, 4]. Среди многих причин, вызывающих цикличность лесообразовательного процесса, основными являются климатические факторы и поэтому цикличность наиболее

ярко проявляется в районах с неблагоприятными для лесной растительности, сочетаниями тепла и влаги. В экстремальных условиях совпадения благоприятных факторов для возобновления складываются только в отдельные годы, поэтому наблюдаются «волны» появления подроста по времени [1, 6].

Наши исследования выполнены в лиственничных насаждениях высокогорного подпояса лесного пояса в Улаганском, и Кош-Агачском лесхозах Республики Алтай. Цель исследований — установить интенсивность процесса естественного восстановления лиственничников на гарях и прироста ее по диаметру после формирования насаждений.

Сбор экспериментального материала выполнялся на пробных площадях размером по 0,5 га, заложённых в лиственничниках разнотравных на различной высоте над уровнем моря. Учет подроста проводился на учетных площадках размером 10 м² с разделением по породам, количеству и качеству в соответствии с апробированными в лесоводстве методическими подходами. Всего заложено 5 пробных площадей.

Пробная площадь №1 расположена на юго-восточном склоне крутизной 20°. Низовой пожар был в 1960 г., в настоящее время растут отдельные деревья лиственницы. Высота над уровнем моря 1800 м. В подросте кедр и лиственница с составом 8КВ2ЛцВ. Почвы малоразвитые, каменистые, свежие. Тип леса — листвяг высокогорный разнотравный. Класс бонитета У.

Породная структура подроста на гарях в высокогорном подпоясе не отличается большим разнообразием (таблица 1), в составе участвуют лишь кедр и лиственница. Причем интенсивность возобновительного процесса у кедра более высокая в сравнении с лиственницей, его участие достигает 80%. Это связано с тем, что при фрагментарном распространении щебнистых участков почвы мощного развития живой напочвенный покров не достигает и он практически не оказывает существенного влияния на деятельность кедровки, которая прячет орехи под слой дернины или мха, то семена лиственницы способны прорасти только на обнаженных участках почвы.

Если учесть, что с возрастом в группе подроста кедра останется 1-2 растения, то окажется, что растений кедра всех возрастов будет 700-750 шт/га.

Наряду с этим, обращает на себя внимание количество подроста кедра и лиственницы старшего возраста — 520 шт/га или 12,9%. По нашему мнению, это связано как с интенсивностью деятельности кедровки в первые годы после пожара, так и с отсутствием семян лиственницы.

Отпад отдельных экземпляров подроста лиственницы происходит под влиянием условий местопроизрастания и интенсивность отпада оказывается более высокой в сравнении с кедровым подростом. Так, в возрасте до 10 лет он составляет 45,4%, а в возрасте более 20 лет — 66,7%, в то время как у кедра в этом возрасте удельный вес неблагоприятных растений не превышает 23,3%.

В экстремальных условиях высокогорья при длине вегетационного периода в 60-70 дней, интенсивность роста подроста кедра и лиственницы в высоту оказывается различной. За первые 40 лет жизни средняя высота подроста кедра составила около 170 см, а лиственницы — 250 см. Это можно объяснить лишь различными сроками по протяженности периода роста растений в высоту. Если лиственница растет в течение всего вегетационного периода, то сосна кедровая только в течение ограниченного времени.

Таким образом, естественное возобновление гарей в условиях высокогорий в большей степени зависит от наличия семян. В высокогорье семеношение у кедра и лиственницы или отсутствует или очень слабое 1-2 года в десятилетие и появление самосева кедра зависит от деятельности кедровки и направляющих ветров снизу вверх по склону.

На гарях в течение 40 лет после пожара процесс естественного возобновления можно считать завершенным по количеству подроста и его породному составу, но процесс продолжается хотя и более низкой интенсивности. Исключая в будущем повторного пожара, на гари формируются смешанные насаждения с составом 7-8 КВ 2-3 ЛцВ.

Для выяснения вопроса интенсивности прироста по диаметру у деревьев лиственницы в сформировавшихся на гарях насаждениях, были выполнены экспериментальные работы в разнотравных лиственничниках у верхней границы их распространения и на границе со степной поясом с закладкой 4 пробных площадей.

Пробная площадь 11-К. Насаждение с составом 9Лц1КедЕ произрастает на высоте 1860 м. над ур. м., У класса возраста. Почва бурая горно-лесная на моренных отложениях с глубины 30 см мерзлотная. На глубине 20 см обнаружены угли от прежних лесных пожаров. В подросте кедр и лиственница, последняя в окнах древесного полога, высотой до 1,5 м. Подлесок редкий из жимолости, в живом напочвенном покрове брусника, герань, володушка золотистая высотой не более 30-40 см. Проективное покрытие до 80-90%. Насаждение подвергается постоянным несплошным рубкам с выборкой наиболее толстых деревьев лиственницы (оставшиеся пни имеют диаметр 50-60 см).. Средний диаметр лиственницы 15,2 см, кедра 13,0 см, ели 21,3 см. Деревья ели практически не подвергается вырубке на топливо и поэтому объем их оказывается более значительным.

Пробная площадь 12-К заложена в насаждении с составом 10Лц, расположенном на склоне световой экспозиции на высоте 1750 м над ур. м. в типе леса листвяг разнотравный. Подрост лиственницы в основной массе благонадежный, размещается в окнах верхнего полога леса. Под пологом леса подрост отсутствует. Возраст подроста 40-45 лет, в куртинах количество его достигает 38-40 шт. на учетной площадке в 10 м², причем уже до 29-30 шт или усохли или грани этого. Подлесок состоит из жимолости, акации желтой. Живой напочвенный покров представлен разнотравьем. Насаждение подвергается практически ежегодно вырубке наиболее крупных деревьев лиственницы.

Таблица 1

Естественное возобновление на гарях в высокогорье

Н над ур. м, м	Порода	Всходы	Подрост. всего шт.	т.ч. по высоте, м							
				<0,5		0,6—1,0		1,1—1,5		1,5 и >	
				Б	Н/б	Б	Н/б	Б	Н/б	Б	Н/б
1800	К	1720	3225	1700	650	230	100	250	25	220	50
	Лц	520	805	110	50	70	50	200	75	150	100
	Итого	2240	4030	1810	700	300	150	450	100	370	150
	%	-	100,0	44,9	17,4	7,4	3,7	11,2	2,5	9,2	3,7

Примечание: подрост: Б — благонадежный, Н/б — неблагоприятный

Таблица 2

Радиальный прирост, мм, по 10-летиям, начиная с последнего

№№ пр.пл	Периодический прирост за 10-летние периоды										Сред. мм/год
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
11-К	4,7	3,6	3,4	3,5	3,5	4,6	3,9	3,7			0,4
12-К	5,0	6,1	8,4	9,2	11,1	4,7	4,3	3,5	4,2	5,1	0,6
13-К	5,2	6,0	7,1	9,0	7,4						0,7
14-К	5,3	8,9	10,9	10,2	6,1	8,1	4,0				0,8
15-К	3,2	3,2	3,5	3,3	3,3	3,5	3,0	3,1	3,0	3,3	0,3

Пробная площадь 13-К заложена в листовке разновозрастной 111 класса возраста с составом 10 Лц на высоте 1700 м над ур. м. Проба заложена в 50 м. от границы леса с Курайской степью. Насаждение подвергается постоянным несплошным рубкам. Подрост лиственницы под пологом леса неблагонадежный, в просветах пологой куртинах густой высотой до 3 м. В подлеске акация желтая, редкая. Живой напочвенный покров представлен разнотравьем с проективным покрытием до 90% и дернинным слоем до 5 см. Граница леса и степи резкая, в степь лиственница проникает только по пониженным тальвегам, в которых накапливается снег.

Пробная площадь 14-К заложена в островном массиве лиственницы, расположенном в 50-60 м от границы леса. Куртина лиственницы площадью 0,6 га также подвергается частым выборочным рубкам отдельных деревьев. В настоящее время площадь островка сокращается, но если судить по оставшимся пням, то ее площадь была в 2 раза большей. Подрост редкий до 300 шт/га высотой до 2,5 м, в основной массе сомнительный по качеству, подрост отсутствует, а живой напочвенный покров представлен степным разнотравьем.

Радиальный прирост по диаметру достаточно наглядно отражает не только возраст деревьев, но и соответствие экологических условий его требованиям. Если в субальпийском подпоясе на границе произрастания кедр и лиственницы средний текущий прирост за последние 80 лет составил 0,4 мм в год, то по мере улучшения экологических условий, что связано с понижением высоты относительно уровня моря, он повышается до 2

раз, достигая 0,8 мм в год на высоте 1800 м над ур. моря. Значит, при снижении высоты на 260 м или повышении средней температуры воздуха на 0,3 °С деревья лиственницы уже положительно реагируют на изменения условий среды (табл. 2).

Следует отметить и такой факт, что за последние 60 лет максимальный прирост за 10-летний период имеет тенденцию снижения по возрасту с улучшением экологических условий. Если на пробной площади 11-К максимальный прирост отмечен 60 лет назад, то при понижении на 160 м (пр. пл. № 13-К) — уже 40 лет назад, а на пробе 14-К — 30 лет назад.

На основе полученных данных можно сделать следующие предварительные выводы.

Лиственница сибирская в горах Алтая устойчиво занимает экологическую нишу в горно-таежном и субальпийском подпоясах лесного пояса, где она, даже контактируя с темнохвойными породами (кедр, ель) сохраняет свое присутствие и доминирование.

Граница между нижней кромкой лиственничного леса и высокогорной степью постепенно поднимается вверх по склону и главным образом по причинам антропогенного и зоогенного влияния.

В целях недопущения сокращения ареала естественных лиственничных лесов в Горном Алтае необходимо урегулировать как рубки, так и выпас скота при одновременном проведении мероприятий по содействию естественному возобновлению через минерализацию почвы, особенно по кромкам лесных массивов.

Библиографический список

- Дылис, Н.В. Лиственница / Н.В. Дылис. — М.: Лесная промышленность, 1981. — 97 с.
- Кривоносов, Б.М. Климат / Б.М. Кривоносов, В.С. Ревякин // Горный Алтай. — Томск: ТГУ, 1971. — С. 74-95.
- Некрасова, Т.П. Плодоношение кедра в Западной Сибири / Т.П. Некрасова. — Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. — 72 с.
- Некрасова, Т.П. Цикличность плодоношения кедра сибирского / Т.П. Некрасова // Биология семенного размножения хвойных Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1974. — С. 70-75.
- Парамонов, Е.Г. Леса Республики Алтай / Е.Г. Парамонов. — Барнаул, 1998. — 217 с.
- Поликарпов, Н.П. Климат и горные леса Южной Сибири / Н.П. Поликарпов, Н.М. Чебакова, Д.И. Назимова. — Новосибирск: Наука, 1986. — 226 с.
- Помус, М.И. Западная Сибирь / М.И. Помус. — М.: Гос-ое изд-во геогр. лит-ры, 1956. — 644 с.

Статья поступила в редакцию 07.02.08

УДК 582.2

Е.Ю. Митрофанова, канд. биол. наук, с.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул

ВЛИЯНИЕ ГОРОДОВ И НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НА ПОКАЗАТЕЛИ ОБИЛИЯ ФИТОПЛАНКТОНА РЕК ОБЬ И ТОМЬ

В работе проанализированы результаты исследования фитопланктона на реках Обь и Томь с 1993 по 2006 гг. Исследование фитопланктона наиболее загрязненных участков рек в районе крупных промышленных центров по направлению от выше- к нижележащим створам показало, что происходит увеличение численности и биомассы фитопланктона, индекса сапробности наряду с уменьшением видового разнообразия водорослей. В то же время, в районе небольших населенных пунктов наблюдалось снижение количественных характеристик фитопланктона на участках реки ниже населенного пункта.

Ключевые слова: фитопланктон, обилие, индекс видового разнообразия, реки Обь и Томь.

ВВЕДЕНИЕ

Реки, наиболее динамичные водные экосистемы. Их берега исторически являются местом поселения большого количества людей и источником питьевого водоснабжения. Процессы самоочищения в них зависят как от скорости течения и обновления водной массы в потоке, так и состояния автотрофного звена трофической цепи — фитопланктона. Именно фитопланктон, как первичный продуцент органических веществ, играет важную роль в процессах самоочищения в водоемах и водотоках, формировании качества воды, улучшении санитарно-гигиенического состояния водоемов. Самоочищение — это совокупность биологических и физико-химических процессов, обуславливающих способность водоема освобождаться от загрязнений. Структурно-функциональные показатели фитопланктона являются индикаторами состояния экосистемы реки и качества речной воды. Потамифитопланктон (фитопланктон текучих вод) претерпевает значительные изменения вдоль по течению реки от ее верхних участков к нижним в силу естественной трансформации реки от горных участков к равнинным. Воздействие на речную экосистему усиливается как влиянием крупных притоков, так и населенных пунктов, расположенных по берегам, стоки которых трансформируют состав и изменяют обилие фитопланктона. Ввиду того, что водоросли имеют короткий цикл развития, от нескольких часов до нескольких суток [32], их отклик на различные воздействия бывает быстрым. Поэтому характеристики фитопланктона могут оперативно показывать состояние речной экосистемы в целом. Кроме того, в отличие от гидрохимических показателей, которые отражают экологическую ситуацию в реке только на момент отбора проб, гидробиологические характеристики позволяют установить как факт загрязнения, так и оценить его последствия для гидробионтов и возможности экосистемы реки к восстановлению. Оценка этого воздействия производится как по изменению показателей обилия фитопланктона (его численность и биомасса), так и показателю биоразнообразия — индексу Шеннона, отражающего сложность сообщества водорослей.

Бассейн Оби занимает обширную территорию Западной Сибири. По своей длине (3650 км) и величине бассейна (2990 тыс. км²) река Обь относится к числу крупнейших рек мира, ее правый приток, река Томь — к большим (827 км и 62 тыс. км² соответственно) [5]. Значительное техногенное воздействие на речные экосистемы бассейна, в первую очередь, оказывают крупные индустриальные центры, такие как Новосибирск, Омск, Барнаул, Томск, Кемерово, Новокузнецк, Тюмень, Нижневартовск, Сургут [14].

Цель работы — оценка состояния рек в районе населенных пунктов по количественным характеристикам речного фитопланктона.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В работе проанализированы результаты исследования фитопланктона рек Обь и Томь в разные гидрологические сезоны. Фитопланктон исследован на участке р. Томи у г. Новокузнецка (май 2005 г.) и в районе г. Томска (117 км выше устья реки, сентябрь 2006 г.), на участке Верхней Оби у г. Барнаула (май 1993 и 1998 гг., октябрь 2004 г.), Средней Оби в районе гг. Александровское и Нижневартовск, пп. Колпашево и Кургасок (июль 1999 г.). Особое внимание уделено изменению видового разнообразия фитопланктона на участках рек выше и ниже населенных пунктов и крупных городов (индекс Шеннона рассчитан по численности и биомассе фитопланктона [6]).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Исследование фитопланктона рек с различными гидрологическими режимами в районе крупных про-

мышленных центров в разные годы и сезоны показало, что происходит увеличение численности и биомассы фитопланктона, индекса сапробности наряду с уменьшением видового разнообразия водорослей по направлению от выше- к нижележащим участкам. Такое распределение количественных характеристик фитопланктона наблюдали, например, в период осенней межени на участке р. Томи в районе г. Томска (50 км от устья) (рис.) и в период летней межени на участке Средней Оби у г. Нижневартовска (табл.). В тоже время, на участке р. Томи у г. Новокузнецка в период весеннего половодья при увеличении обилия фитопланктона увеличивалось и его видовое разнообразие (см. табл.).

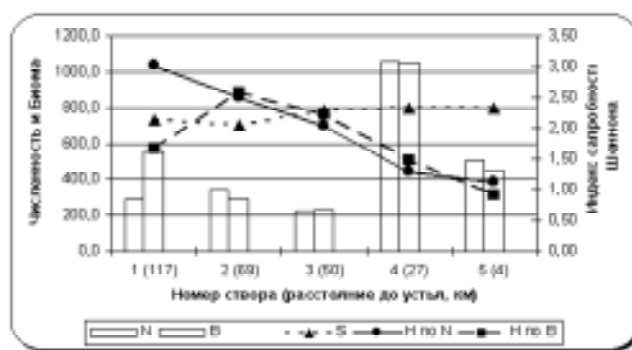

Рис. 1. Изменение количественных характеристик фитопланктона р. Томи на участке от с. Алаева (створ 1) до с. Козюлино (створ 5) 23-25 сентября 2006 г. (N — численность фитопланктона, тыс. кл./л; B — биомасса, мг/м³; S — индекс сапробности; индекс разнообразия Шеннона по N и по B); створ 2 — с. Черная речка, створ 3 — г. Северск, створ 4 — с. Моряковский затон)

Крупные реки, как известно, подвержены очень сильному влиянию расположенных по их берегам городов и небольших населенных пунктов. Предполагают, что в Западной Сибири антропогенные факторы играют ключевую роль в формировании гидрохимического стока и химического состава речных вод [10]. Наличие в воде рек Обь и Томь значительных количеств нитритного азота (до 7 мкгN/л), особенно ниже городов и крупных населенных пунктов, свидетельствует о присутствии легкогидролизуемого органического вещества, характерного для бытовых сточных вод [11]. Как отмечают для широтного участка Средней Оби, свежее фекальное загрязнение отмечено в реках этой части бассейна во все гидрологические сезоны [13]. В крупных городах существует многоэтапная механическая и биологическая очистка сточных вод, после которой воды поступают в реку очищенными, в большей степени, механически, но остаются загрязненные химически. Поселки часто сбрасывают и неочищенные стоки. Так, по данным О.Г. Савичева [9] в 2002 г. с территории Томской области в реку бассейна поступило 6,4 млн. м³ сточных вод без очистки и 12,6 млн. м³ недостаточно-очищенных вод. Все это находит отражение в структурно-функциональных характеристиках фитопланктона. Имея короткий жизненный цикл, сообщество водорослей уже через 2-3 суток может отреагировать на поступившие в воду реки промышленные и бытовые стоки города. Поэтому при скорости реки у исследуемого пункта 0,5 м/сек. отклик фитопланктона будет замечен на расстоянии 80-130 км вниз по течению [6]. При хроническом воздействии и суммировании эффекта от нескольких населенных пунктов это расстояние может уменьшаться. Некоторые исследователи отмечают, что смена сообщества водорослей при смене условий среды может произойти и гораздо раньше, например, в течение нескольких часов [1].

Со сточными водами в реки поступает значительное количество биогенов, которое способствует повышению

численности и биомассы фитопланктона. Так, в реках Обь и Томь ниже городов и крупных поселков наблюдается увеличение концентраций азота до 0,40 мгN/л [11]. Состояние речных вод р. Томи в ее среднем и нижнем течении оценивается в основном как «загрязненное», а в районе крупных городов — «грязное», что связано, прежде всего, с постоянным присутствием в повышенных концентрациях органических веществ [12]. По содержанию тяжелых металлов воду в районе г. Северска (ниже г. Томска) относят даже к разряду «весьма грязная» [11]. Все это влияет на видовое разнообразие фитопланктона реки. Если в реке у г. Новокузнецка, видовое разнообразие фитопланктона повышается на участках ниже города, то в районе г. Томска, т.е. ниже по течению, фитопланктон не может сохранить свое разнообразие. Отмечают, что при эвтрофировании могут существовать немногие виды, причем, как правило, возрастает доминирование одного-двух видов. Далее, при увеличении трофности, или уже в сильном органическом загрязнении, разнообразие снижается, поскольку только немногие виды могут адаптироваться к этим условиям [8]. В планктоне происходят структурные перестройки. Так, в р. Томи на створах после г. Томска зеленая хлорококковая водоросль *Monoraphidium contortum* (Thur.) Kom.-Legn. составляла до 82,7% от общей биомассы фитопланктона. Поэтому снизился и индекс Шеннона (см. табл.).

Снижение видового разнообразия фитопланктона одновременно с увеличением численности и биомассы фитопланктона на нижнем отрезке Средней Оби ниже г. Нижневартовска определяется, возможно, многими причинами. Кроме того, что содержание органических и биогенных веществ здесь повышается в силу естественных причин (многочисленные притоки приносят воды с заболоченных территорий и большой терригенный сток с территорий с вечной мерзлотой), так и антропогенных факторов (большие масштабы в районе принимает нефтедобыча). Известно, что концентрации органических веществ от устья р. Томи до г. Сургута увеличиваются в 4 раза [11].

В то же время в р. Оби у г. Барнаула подобное количественное распределение фитопланктона на участках выше и ниже города не всегда имело место — на ниже лежащих участках реки вместе с увеличением или уменьшением численности и биомассы фитопланктона на-

блюдалось как снижение (май 1993 г., октябрь 2004 г.), так и увеличение (май 1998 г.) видового разнообразия (по биомассе) (см. табл.). В районе г. Александровское (июль 1999 г.) также не выявлено какой-либо четкой картины распределения количественных характеристик фитопланктона. С другой стороны, в районе небольших населенных пунктов (Средняя Обь: пп. Колпашево и Каргасок) наблюдалось снижение количественных характеристик фитопланктона на участках реки ниже населенного пункта. Вполне вероятно, что плохо очищенные или совсем неочищенные стоки от небольших населенных пунктов, попадая в реку (при этом повышается мутность и снижается прозрачность воды), оказывают сильное влияние на потамофитопланктон, снижая как его обилие, так и видовое разнообразие. Интересно, что содержание хлорофилла «а», напротив, повышается от выше- к ниже лежащим участкам реки (6,64-10,34 мкг/л в районе п. Колпашево (середина реки) и 3,00-14,21 мкг/л в районе п. Каргасок (середина реки) [4]). По-видимому, это отражает приспособительную реакцию водорослей на неблагоприятные условия среды (увеличение удельного содержания хлорофилла «а» в клетках). Известно, что относительное содержание хлорофилла в биомассе водорослей широко варьирует в зависимости от влияния различных факторов среды — света, температуры, концентрации биогенов и других [2, 7].

Таким образом, в реках Обь и Томь на особо загрязненных их участках после крупных промышленных центров происходит увеличение численности и биомассы фитопланктона наряду с уменьшением видового разнообразия ввиду, вероятно, поступления со сточными водами большого количества биогенных и органических веществ. Ниже небольших населенных пунктов обилие и разнообразие речного фитопланктона, напротив, снижается. На участках реки Оби с незначительным уровнем загрязнения (Верхняя Обь), где экосистема реки находится в равновесном состоянии и способности ее к самоочищению велики, таких тенденций не выявлено. В целом, отмеченное для обской воды отношение минеральных форм азота и фосфора от 4 до 30 [11] может свидетельствовать о благоприятных условиях для развития фитопланктона и способности речной экосистемы нормально функционировать.

Таблица

Количественные показатели фитопланктона рек Томь и Обь

Река, дата отбора проб	Пункт отбора проб	Численность, тыс.кл./л	Биомасса, мг/м ³	Индекс сапробности	Индекс Шеннона	
					по численности	по биомассе
р. Обь, 3-18 мая 1993 г.	Выше г. Барнаула, водозабор, прав. берег	27,2	86,2	1,74	3,31	2,95
	Ниже г. Барнаула, п. Гоньба, прав. берег	174,1	408,4	1,60	2,93	2,74
р. Обь, 13 мая 1998 г.	Выше г. Барнаула, водозабор, прав. берег	125,4	301,5	1,70	3,09	2,60
	Ниже г. Барнаула, п. Гоньба, прав. берег	75,4	117,1	2,24	2,98	3,00
р. Обь, 8-27 июля 1999 г.	Выше п. Колпашево, середина реки	843,7	763,1	1,90	2,90	2,53
	Ниже п. Колпашево, середина реки	758,5	544,2	1,99	2,26	2,04
	Выше п. Каргасок, середина реки	567,4	399,1	2,04	3,05	2,62
	Ниже п. Каргасок, середина реки	455,8	350,1	1,99	2,56	2,31
	Выше г. Александровское, середина реки	547,0	296,2	1,96	2,13	2,72
	Ниже г. Александровское, середина реки	809,8	417,8	2,07	2,18	2,62
	Выше г. Нижневартовска, середина реки	734,8	326,8	1,99	2,37	2,98
	Ниже г. Нижневартовска, середина реки	900,1	497,5	1,95	2,26	2,58
р. Обь, 14 октября 2004 г.	Выше г. Барнаула, водозабор, прав. берег	793,4	587,2	1,44	2,69	2,92
	Ниже г. Барнаула, п. Гоньба, прав. берег	1003,7	576,6	1,53	2,58	2,78
р. Томь, 23-30 мая 2005 г.	Выше г. Новокузнецка (Драгунский водозабор)	166,2	201,1	1,39	3,16	2,87
	у г. Новокузнецка, выше речного вокзала	185,9	219,3	1,61	3,18	2,93
	Река в районе левого притока р. Ускат	1478,3	2358,0	2,31	3,57	2,92

Библиографический список

1. Баринава, С.С. Водоросли-индикаторы в оценке качества окружающей среды / С.С. Баринава, Л.А. Медведева, О.В. Анисимова. — М.: ВНИИприроды, 2000. — 150 с.

2. Винберг, Г.Г. Первичная продукция водоемов / Г.Г. Винберг. — Минск: Изд-во АН БССР, 1960. — 328 с.
3. Водоросли. Справочник / Под ред. Вассер С.П., Кондратьева Н.В., Масюк Н.П. [и др.] — Киев: Наук. думка, 1989. — 608 с.
4. Кириллова, Т.В. Состав и структура фитопланктона Средней Оби / Т.В. Кириллова, Е.Ю. Митрофанова // Эколого-биогеохимические исследования в бассейне Оби / Под ред. В.В. Зуева, А.В. Куровского, С.Л. Шварцева. — Томск, 2002. — С. 200-219.
5. Корытный, Л.М. Бассейновая концепция в природопользовании / Л.М. Корытный. — Иркутск: Ин-т географии СО РАН, 2001. — 163 с.
6. Кузьмин, Г.В. Фитопланктон / Г.В. Кузьмин // Методика изучения биогеоценозов внутренних водоемов. — М.: Наука, 1975. — С. 73-93.
7. Курейшевич, А.В. Влияние светового и температурного режимов на содержание хлорофилла *a* в биомассе микроводорослей / А.В. Курейшевич, В.Н. Козинская // Альгология. — 1992. — Т. 2, № 3. — С. 37-43.
8. Протасов, А.А. Использование показателей биоразнообразия для оценки состояния водных объектов и качества воды / А.А. Протасов, Т.Е. Павлюк // Гидробиол. журн. — 2004. — Т. 40, № 6. — С. 3-17.
9. Савичев, О.Г. Реки Томской области: состояние, использование и охрана / О.Г. Савичев. — Томск: Изд-во ТГУ, 2003. — 202 с.
10. Савичев, О.Г. Гидрохимический сток в бассейне Средней Оби / О.Г. Савичев // Изв. ТПУ. — 2007. — Т. 310, № 1. — С. 29-34.
11. Химический состав и качество воды р. Оби / Л.М. Сороковникова, О.Г. Нецветова, Т.В. Ходжер [и др.] // Экология пойм сибирских рек и Арктики / Под ред. В.В. Зуева. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. — С. 116-122.
12. Шварцев, С.Л. Современное эколого-геохимическое состояние Томи и ее притоков / С.Л. Шварцев, О.Г. Савичев // Эколого-биогеохимические исследования в бассейне Оби / Под ред. В.В. Зуева, А.В. Куровского, С.Л. Шварцева. — Томск, 2002. — С. 87-98.
13. Шорникова, Е.А. Оценка санитарно-микробиологического состояния водотоков бассейна широтного отрезка Средней Оби / Е.А. Шорникова, А.В. Куяров // Экологический мониторинг. — 2007. — №4. — С. 95-99.
14. Эколого-биогеохимические исследования в бассейне Оби / Под ред. В.В. Зуева, А.В. Куровского, С.Л. Шварцева. — Томск, 2002. — 390 с.

Статья поступила в редакцию 14.03.08

УДК 631.4

А.В. Пузанов, д-р биолог. наук, проф., ИВЭП СО РАН, г. Барнаул

С.С. Мешкинова, инженер ИВЭП СО РАН, г. Барнаул

С.Н. Балыкин, канд. биолог. наук, ИВЭП СО РАН, г. Барнаул

ГУМУСНОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЧВ ДОЛИНЫ СРЕДНЕЙ КАТУНИ

Исследовано содержание и распределение гумуса в черноземах обыкновенных и южных, темно-каштановых и горно-лесных черноземовидных почвах долины Средней Катуни. Почвы данной территории можно отнести к средне и высокогумусным.

Ключевые слова: почва, гумус, разрез, Катунь, Алтай.

Изучение органического вещества имеет большое значение. Гумус участвует во всех процессах почвообразования: формировании профиля почвы, создании водопроходной структуры, улучшении аэрации, повышении обменной и водоудерживающей способности, регулировании питательного режима. Поэтому содержание и состав гумуса являются основным фактором, обеспечивающим продуктивность и экологическую устойчивость не только почв и экосистемы, но и биосферы.

Важнейшая функция гуминовых веществ — образование соединений гумусовых кислот с поливалентными металлами. Эта функция связана с высоким содержанием в гуминовых кислотах функциональных групп, в том числе карбоксильных, аминных, фенольных, гидроксильных, участвующих в формировании простых и сложных органо-минеральных соединений. В такой форме токсичные для растений катионы металлов и некоторые радионуклиды становятся практически неподвижными и недоступными растениям, что в известной мере нормализует токсико-экологическую ситуацию на загрязненных территориях. Таким образом, гумусовые кислоты благодаря особенностям молекулярного строения активно влияют на миграцию и аккумуляцию химических элементов в почве [1, 2].

Почвенные разрезы закладывали в долине среднего течения Катуни и ее притоков (Эдиган, Ороктой, Куюс) (рис. 1). Изучены следующие типы и подтипы почв: черноземы обыкновенные и южные, каштановые, горно-лесные черноземовидные на элювиальных, делювиальных, аллювиально-делювиальных, аллювиальных от-

ложениях, щебнисто-песчаных, щебнисто-супесчаных, галечниково-песчаных и галечниково-супесчаных, а также хорошо сортированных песчаных отложениях [3]. Наибольшее распространение имеют черноземы южные и обыкновенные, наименьшее — каштановые и горно-лесные черноземовидные почвы.

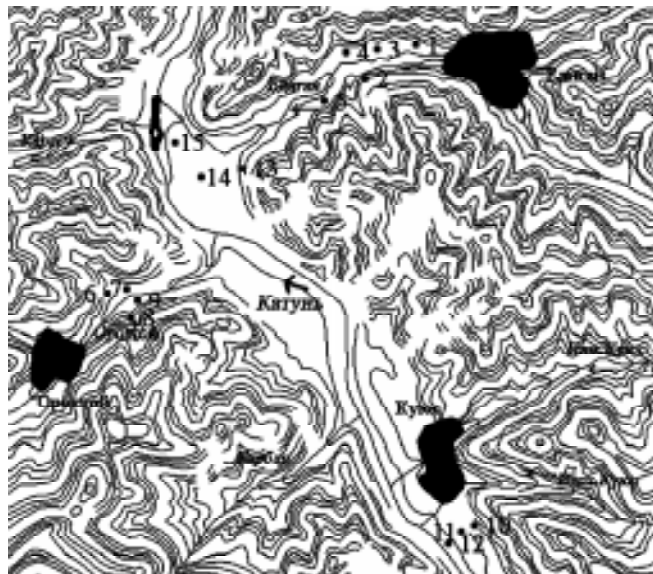

Рис. 1. Места заложения полнопрофильных разрезов в долине Средней Катуни

Содержание органического углерода определено методом Тюрина [4].

Накопление и содержание гумуса в почвах тесно связано с гранулометрическим составом почв и с географическими условиями, прежде всего, биоклиматической обстановкой. Высокой гумусированностью отличаются обыкновенные черноземы и горно-лесные черноземовидные почвы. Накоплению гумуса в почвах черноземовидного типа способствуют оптимальные гидротермические условия, большое количество поступающих растительных остатков. В каштановых почвах вследствие резкого преобладания степной растительности, поступление органического вещества, главным образом, происходит за счет корневых систем [3, 5, 6].

Гумус черноземов котловин и речных долин Горного Алтая, так и равнинных областей Западной Сибири беднее гуминовой кислотой и богаче нерастворимыми формами, чем гумус черноземов европейской части России. В условиях континентального климата Сибири гуминовые кислоты под влиянием сильного промораживания почв зимой и частого высушивания летом быстрее обезвоживаются, стареют и переходят в малоподвижную форму — гумины [6, 8]. В отличие от черноземов каштановые почвы характеризуются совершенно иным фульватным составом гумуса [3, 5, 6], фульвокислоты в них связаны в основном с устойчивыми полудотурными окислами. В условиях весьма короткого периода биологической деятельности, которая протекает умеренно, в каштановых почвах создаются реальные предпосылки для образования преимущественно подвижных и упрощенных по структуре гумусовых веществ типа фульвокислот и гораздо меньшей степени так же не совершенных по структуре гуминовых кислот [3].

Гумусированность и физические свойства почвы являются взаимообусловленными параметрами. В наибольшей степени содержание гумуса коррелирует с гранулометрическим составом, прежде всего, с количеством и состоянием ила.

Почвы долины Средней Катуни формируются в основном на песчаных, супесчаных аллювиальных отложениях террас, конусов выноса и делювиальных склонов. В составе мелкозема почв (<1 см) преобладают фракции крупного, мелкого и среднего песка. Содержание пылевой фракции находится в пределах первых десяти процентов. Фракция физической глины равна $19,6 \pm 1,5\%$, при существенном варьировании. Содержание активного в физико-химическом отношении ила достигает всего лишь $6,1 \pm 0,7\%$.

Изученные почвы отличаются различной гумусированностью профиля. Для горно-лесных черноземовидных почв долины характерен довольно мощный гумусовый горизонт в среднем достигающий 30-40 см., с содержанием гумуса до 17,1% (табл. 1, 2). В среднем в горизонте А горно-лесных черноземовидных почв содержание гумуса составляет $9,9 \pm 1,6\%$ (табл. 2). С глубиной наблюдается уменьшение его содержания (табл. 1).

Распределение гумуса в обыкновенных черноземах приобретает слабо заметные признаки аккумулятивно-иллювиальной дифференциации. Мощность А горизонта составляет 20 ± 8 см. при существенном варьировании. Содержание гумуса колеблется от 0,7 до 11,8% (табл. 1). Максимальные значения содержания гумуса характерны для дерновых горизонтов. Немного ниже содержание гумуса в верхнем горизонте пахотных почв. В среднем концентрация гумуса составляет $5,1 \pm 0,3\%$ (табл. 2).

Черноземы южные занимают большую площадь исследуемой территории, и характеризуются маломощным и среднемощным гумусовым горизонтом. В этом подтипе черноземов выявлен аккумулятивный тип распространения органического углерода. Для них характерна неравномерность в распределении гумуса по профилю.

В большинстве разрезов содержание гумуса в иллювиальном горизонте резко снижается. Количество его в верхнем слое в среднем составляет $4,1 \pm 0,5\%$, с варьированием от 0,2 до 19,8% в дерновых горизонтах (табл. 1, 2).

Таблица 1

Содержание гумуса в почвах
долины Средней Катуни

Тип почвы, № разреза	Горизонт	Глубина, см	Гумус, %
Горно-лесная черноземовидная. Разрез 2	A _{дер}	1-11	16,2
	A	15-25	13,6
	A	35-45	6,0
	AB	45-55	4,9
	B ₁ ^k	56-66	1,2
	B ₂ ^k	70-80	1,0
	C _k	90-100	0,5
Горно-лесная черноземовидная. Разрез 9	A _{дер}	0,5-7	8,0
	A	10-20	6,3
	A _к	22-32	5,2
	AB _к	40-50	3,2
	B _к	60-70	1,3
	BC _к	85-95	0,9
	C _к	120-130	0,7
Чернозем обыкновенный. Разрез 13	A	0-9	6,1
	A	9-19	4,1
	AB	22-32	3,4
	B	36-46	1,2
	BC	50-60	0,9
Чернозем обыкновенный. Разрез 14	A _{пах}	0-26	4,9
	AB	26-36	6,3
	D	36-60	2,4
Чернозем южный. Разрез 1	A _{дер}	1-11	4,0
	A _к	11-20	3,95
	B ₁ ^k	22-32	0,62
	B ₂ ^k	35-45	0,62
	C _к	60-70	0,30
Чернозем южный. Разрез 4	A _{дер}	0-5	4,1
	A	5-15	4,0
	B _к	20-30	0,74
	BC _к	35-45	0,60
	C _к	60-70	0,32
Темно-каштановая. Разрез 15	A _{дер}	0-5	6,3
	A	5-15	5,1
	AB	18-28	4,2
	CD	> 35	2,1

Таблица 2

Вариационно-статистические показатели содержания гумуса в горизонте А почвенного покрова долины Средней Катуни

Тип почвы	n	lim	X±x	V
			%	
Горно-лесная черноземовидная	11	3,2-17,1	9,9±1,6	53,2
Чернозем обыкновенный	46	0,7-11,8	5,1±0,3	44,0
Чернозем южный	52	0,2-19,8	4,1±0,5	79,3
Темно-каштановая	9	2,8-6,3	4,3±0,4	25,9

Примечания: n — число образцов; lim — пределы; X — средняя арифметическая; x — ошибка средней арифметической; V — коэффициент вариации.

Каштановые почвы характеризуются относительно равномерным распределением гумуса по профилю. Мощность гумусосферы каштановых почв долины средней Катунь равна 15 ± 8 см. В горизонте А содержание гумуса составляет $4,3 \pm 0,4\%$, при колебаниях от 2,8% до 6,8% (табл. 1, 2).

В среднем запасы гумуса в 40 см слое почв долины средней Катунь небольшие — примерно 65 т/га. Запасы наземной и подземной фитомассы незначительны и

соответствуют запасам фитомассы зоны сухих степей — 4-5 ц/га [9].

Если смотреть градицию пахотных почв по степени гумусированности для Западно-Сибирского региона [10], разнотипные почвы долины Средней Катунь относятся к средне и высокогумусным. Состав гумуса преимущественно фульватно-гуматный, за исключением каштановых почв, отличающихся гуматно-фульватной природой качественного состава гумуса.

Библиографический список

1. Александрова, Л. Н. Органическое вещество почвы и его процессы трансформации / Л. Н. Александрова. — Ленинград: Наука, 1980. — 288 с.
2. Арчегова, И. Б. О гумусе в связи с нетрадиционным пониманием почвы / И. Б. Арчегова // Почвоведение. — 1992. — №1. — С. 58-64.
3. Почвы Горно-Алтайской автономной области. — Новосибирск: Наука, 1973. — 351 с.
4. Аринушкина, Е. В. Руководство по химическому анализу почв / Е. В. Аринушкина. — М.: Изд-во МГУ, 1970. — 488 с.
5. Хмелев, В.А. Почвы низкотерри Северного Алтая / В.А. Хмелев. — Новосибирск: Наука, 1982. — 153 с.
6. Кленов, Б. М. К вопросу о природе гумуса основных типов почв Горного Алтая / Б. М. Кленов // Доклады сибирских почвоведов к IX международному конгрессу почвоведов. — Новосибирск, 1968. — С. 122-140.
7. Экологические исследования и разработка системы мониторинга состояния природной среды в зоне влияния Катунских водохранилищ: отчет о НИР. Том II. — Барнаул, 1991 — С. 13-14.
8. Богданов, Н. И. Состав гумуса черноземов Западной Сибири / Н. И. Богданов // Третья конференция почвоведов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1964. — С. 38-47.
9. Методические указания по проведению комплексного мониторинга плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения. — Москва, 2003. — С. 184-187.

Статья поступила в редакцию 03.04.08

УДК 631.4

И.А. Архипов, канд. географ. наук, с.н.с. ИВЭП СО РАН

НИКЕЛЬ В ПОЧВАХ АЛТАЯ

На территории Алтая изучено распределение никеля в почвах всех высотных поясов. Установлены тесные корреляционные связи между концентрацией никеля в почвах и почвообразующих породах. Содержание никеля в почвах, почвообразующих породах и растениях Алтая оценено с экологических позиций.

Ключевые слова: Алтай, почвы, распределение, никель, растения.

Никель — широко распространенный в природе элемент, необходимый для всех организмов. Он участвует в структурной организации ДНК, РНК и белков, при его избытке подавляются процессы фотосинтеза и транспирации, появляются признаки хлороза [1]. При выветривании горных пород никель легко высвобождается и осаждается преимущественно с оксидами железа и марганца. Кларк никеля в литосфере по оценкам разных исследователей [2, 3, 4] колеблется в пределах 58 — 95 мг/кг, в основных породах его больше чем в кислых [5]. Невысокий уровень содержания элемента в гранитах (22 мг/кг) [6], в осадочных породах концентрация элемента значительно варьирует: в песчаниках — 1,2-18 мг/кг, глинистых сланцах — 21-100, в карбонатных породах — 2,3-16 мг/кг. [7]. В континентальных отложениях никель находится в основном в виде сульфидов и арсенидов, ассоциируется также с фосфатами, силикатами и карбонатами [8].

ОБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Объектами исследования были выбраны основные типы почв в системе высотной поясности Алтая и ди-корастущие виды травянистых растений.

Исследуемые почвы сформированы в различных экологических условиях, на породах, неоднородных по генезису, минералогии и гранулометрии, имеют исходно разный уровень концентрации исследуемого элемента.

Черноземы обыкновенные и южные, сформированы на четвертичных отложениях, представленных

суглинками, супесями и песками ледникового, элювиального, делювиального и аллювиального происхождения. Гранулометрический состав легкосуглинистый, супесчаный либо песчаный. Основные запасы гумуса сосредоточены преимущественно в верхней полуметровой толще, гумус имеет гуматную природу [2]. Реакция среды в верхней части профиля исследуемых черноземов нейтральная или близкая к нейтральной, в нижней — щелочная. Реакция среды во многом зависит от наличия карбонатов. Превращение химических соединений осуществляется в окислительной обстановке.

Каштановые почвы составляют основу почвенного покрова межгорных котловин Юго-Восточного Алтая. Суровый климат, бедная растительность, низкий уровень осадков и обилие карбонатов приводят к формированию мощных (даже сцементированных) карбонатных горизонтов, являющихся одним из геохимических барьеров для микроэлемента.

Горно-лесные бурые почвы формируются в средней, наиболее увлажненной части лесного пояса и занимают значительные площади у верхней границы леса [4]. Процессы почвообразования осуществляются под влиянием различных формаций бореальной тайги. Почвы развиты на элювио-делювии и элювии хлоритово-серпичитовых сланцев и песчаниках интрузивных пород. Вниз по профилю увеличивается зацебленность, и облегчается гранулометрический состав.

Ареал распространения **горно-лесных черноземовидных** почв ограничивается среднегорными района-

ми Центрального и Северного Алтая. Исследуемые почвы развиты под парковыми лиственными лесами. Гранулометрический состав суглинистый и среднесуглинистый, водный режим промывной или периодически промывной, основной почвообразовательный макропроцесс — дерновый.

Горно-лесные серые почвы занимают нижнюю часть горно-лесного пояса. Формируются на обедненных первичными минералами тяжелых суглинках и глинах под пихтово-осиновыми или осиново-березовыми лесами.

Горно-лесные дерново-подзолистые почвы распространены на Бие-Катунском низкогорном междуречье, а также на правобережье р. Бия и верхней части бассейна р. Кокса. Почвы сформированы на тяжелых покровных суглинках и бурых бескарбонатных глинах под формациями черневой тайги в условиях низкогогорного рельефа.

При выполнении полевых работ использовали сравнительно-географический и сравнительно-генетический методы [3]. Пробы почв отбирали по генетическим горизонтам. Почвенные разрезы закладывали в системе геохимически сопряженных ландшафтов.

Физико-химические свойства почв определяли общепринятыми в почвоведении методами, валовой никель — методом количественного плазменно — спектрального анализа в лаборатории биогеохимии почв ИПА СО РАН.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Никель в почвообразующих породах.

Днища котловин Центрального Алтая образованы разнообразными по литологическому и гранулометрическому составу почвообразующими породами, что в значительной степени влияет на вариабельность концентрации исследуемого элемента.

Почвообразующие породы, на которых формируются черноземы котловин, представлены большей частью карбонатными лессовидными суглинками различного генезиса. Они отличаются значительным содержанием каменистых включений в виде дресвы, хряща, щебня, галечника, малым содержанием в составе мелкоземной илистой фракции и высоким содержанием карбонатов. Каштановые почвы сформированы на супесчаных галечниковых озерно-аллювиальных карбонатных отложениях. Содержание никеля в почвообразующих породах Чуйской и Курайской котловин немного выше уровня кларка. Так, делювиальные отложения Чуйской котловины содержат никеля 30-60 мг/кг, аллювиальные отложения Курайской котловины — 80 мг/кг. Наиболее обеднены никелем песчаные отложения — 20-85 мг/кг. Глубина расположения карбонатных горизонтов определяется проявлением конкретных почвообразовательных процессов и положением почв в рельефе. Миграция и аккумуляция микроэлементов на равнинах и возвышенностях криоаридных районов происходит в локальных геохимических системах, где областями сноса являются местные водораздельные пространства а областями аккумуляции — заболоченные западины, озерные и солончаковые впадины, долины мелких рек (подчиненные ландшафты).

Уровень валового содержания никеля в почвообразующих породах определяется также их гранулометрическим составом. Концентрация никеля в почвообразующих породах имеет следующие значения: карбонатные суглинки — 43 мг/кг, супесчаные отложения — 42, песчаные отложения — 48 мг/кг.

Никель в почвах. Среднее содержание Ni в почвах мира в обобщении А. Кабаты-Пендиас показано на рис. 1.

Наиболее насыщены им почвы аридных и семиаридных районов, особенно на вулканических породах, гли-

нистых и суглинистых, богатых органикой; для США оценки содержания никеля соответственно 7-150, 5-200 (суглинистые); 5-50 глинистые. Растения, концентрирующие этот элемент (сон-трава, грудница мохнатая), способны накапливать его в 30-50 раз больше изначальной концентрации, при этом они приобретают изменчивые формы [8].

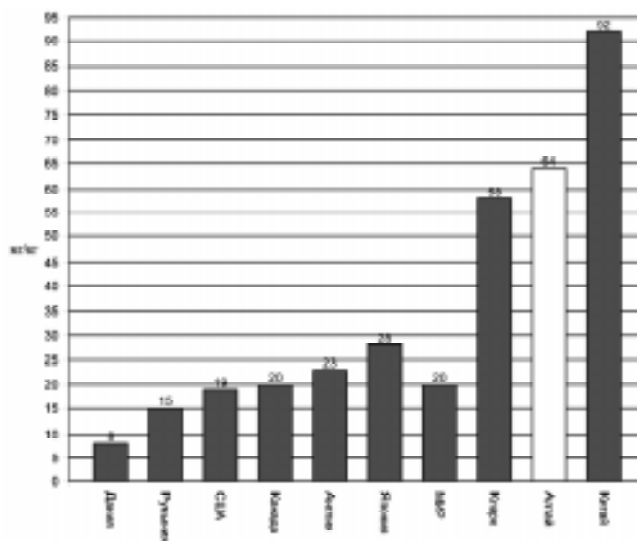

Рис. 1. Никель в почвах некоторых стран мира [8]

В большинстве изученных типов почв никель по профилю распределяется равномерно. Его биогенного накопления не отмечено даже в почвах с ярко выраженным дерновым макропроцессом — оподзоленных и выщелоченных черноземах, гумусовые горизонты которых отличаются высоким содержанием органического вещества (табл. 1).

Таблица 1
Содержание никеля в почвах Алтая

Почвы	N	Колебания	Среднее
		мг/кг	
Горно-тундровые	10	49-64	58
Горно-луговые	36	41-79	65
Горно-лесные бурые	10	31-60	52
Дерново-глубоко-подзолистые	12	52-88	67
Горно-лесные серые	10	47-94	63
Горно-лесные черноземовидные	35	24-85	69
Черноземы южные	12	24-88	61
Черноземы оподзоленные	34	40-88	62
Черноземы выщелоченные	25	15-40	32
Каштановые	31	20-85	59
Почвенный покров в целом	215	15-94	64
Гумусо-аккумулятивный горизонт	67	15-60	64
Почвообразующие породы	45	29-91	69
Среднее содержание в почвах мира [9]			20
Кларк в почвах [8]			58

Горно-лесные почвы Алтая отличаются сравнительно высоким уровнем концентрации никеля (см. табл. 1), унаследованном от тонкодисперсных почвообразующих пород (тяжелых суглинков и глин), обогащенных микроэлементом. Наиболее высокий уровень концентрации элемента наблюдается в горизонтах с максимальным содержанием илистых и глинистых частиц. На пове-

дение микроэлементов в почвенном профиле исследуемых почв, направленность и интенсивность миграционного потока могут оказывать влияние следующие их свойства и процессы:

1) вертикальный вынос химических элементов растительностью, образующей большую биомассу;

2) наличие в профиле гумусовых горизонтов с большими запасами гумуса (для горно-лесных черноземовидных почв).

В профиле **черноземов** никель распределяется равномерно (табл. 2). Причиной этому служат следующие геохимические особенности профиля черноземов степных котловин Алтая:

1) миграция и аккумуляция химических соединений происходит в условиях нейтральной и щелочной реакции среды и окислительной обстановки, которая способствует накоплению катионогенных элементов с переменной валентностью и увеличению растворимости анионогенных;

2) процессы химического выветривания проявляются слабо, преобладают явления физической дезинтеграции минеральной фазы;

3) наличие мощных карбонатных горизонтов со значительным содержанием карбонатов.

Таблица 2

Никель в черноземах котловин
Центрального Алтая

Генетический горизонт	Число проб	Пределы колебания	Среднее
		мг/кг	
A	15	25-60	45,5
AB	9	40-70	54,2
B	16	35-60	48,8
BC	9	40-50	45,0
C	10	45-70	53,1

Различные подтипы каштановых почв составляют основной фон почвенного покрова котловин Юго-Восточного Алтая, Чуйской и Курайской. Уровень содержания, аспекты миграции, аккумуляции и биологического поглощения микроэлемента в каштановых почвах определяет ряд факторов:

1) непромывной тип водного режима, осложняющий водную миграцию и способствующий накоплению элемента в верхних горизонтах;

2) окислительная обстановка, предполагающая увеличение содержания подвижных форм;

3) сорбционный и испарительный геохимические барьеры, обуславливающие концентрацию никеля в широком интервале pH;

4) низкое содержание органического вещества;

5) наличие мощных карбонатных горизонтов, щелочная реакция среды.

Для каштановых почв сухостепных котловин свойственно равномерное распределение по профилю либо аккумуляция никеля в верхних горизонтах. Значительное влияние на распределение никеля по профилю оказывает наличие карбонатных горизонтов и испарительная концентрация. Единственный барьер в почвах этого типа — щелочной, формирующийся на границе гумусового и иллювиального карбонатного горизонтов за счет увеличения pH, но контрастность этого барьера невелика из-за окарбончатости всего профиля (табл. 3).

Никель, активно мигрирующий в кислой среде в катионной форме, не аккумулируется в сухостепных ландшафтах вследствие господства окислительной геохимической обстановки. По степени влияния физико-химических свойств почв на уровень концентрации никеля можно составить следующий убывающий ряд:

физическая глина > ил > емкость поглощения > CaCO₃ > pH > гумус (табл. 4).

Таблица 3

Никель в каштановых почвах котловин
Юго-Восточного Алтая

Генетический горизонт	Число проб	Пределы колебания	Среднее
		мг/кг	
A	33	30-82	64,5
Bк	35	20-71	59,4
Cк	36	20-73	54,8

Таблица 4

Корреляционная зависимость между содержанием никеля и физико-химическими свойствами почв Алтая

Физико-химические свойства почв	Валовой никель (r)	Число коррелируемых пар
Ил	0,65	100
Физическая глина	0,82	100
pH водный	0,31	100
Емкость поглощения, мг/экв на 100 г почвы	0,58	100
Гумус	0,27	100

Содержание элемента в почвах России регламентируется следующими нормативами: ОДК песчаных и супесчаных почв — 20 мг/кг, суглинистых и глинистых (кислых) — 40, суглинистых и глинистых (нейтральных) — 80. В Германии относительно безопасным валовым содержанием никеля в пахотных почвах считается 80-200 мг/кг [9].

Никель в растениях. Никель легко извлекается растениями из почвы. Нормальное содержание никеля в злаковых — 0,1-1,7, в бобовых — 1,2-2,7 мг/кг сухого вещества [10]. При техногенном загрязнении почв в пищевой цепи может появиться опасная для здоровья животных и человека концентрация никеля. На территории Алтая природный недостаток или избыток никеля, способный оказать токсическое воздействие, не выявлен (табл. 5).

Таблица 5

Никель в растениях и гумусовых горизонтах почв Алтая

Вид растения	Почва, разрез	Ni, мг/кг	
		P*	П*
Володушка золотистая <i>Bupleurum aureum</i>	Горно-лесная черноземовидная, разрез 10а	0.5	62
Коротконожка лесная <i>Brachypodium sylvaticum</i>		3.5	
Василистник альпийский <i>Thalictrum alpinum</i>		0.1	
Манжетка сибирская <i>Alchemilla sibirica</i>	Горно-луговая разрез 11а	4	47
Горец птичий <i>Polygonum avicularum</i>		1.4	
Ива козья <i>Salix caprea</i>		2.7	
Лютик едкий <i>Ranunculus acer</i>	Горно-лесная бурая Разрез 13а	5.5	54
Герань белоцветковая <i>Geranium albiflorum</i>		2.5	
Чемерица лобеля <i>Veratrum lobelianum</i>		2.8	

Лютик едкий <i>Ranunculus acer</i>	Горно-лесная черноземовид- ная Разрез 14а	3.3	41
Лапчатка золотоцветковая <i>Potentilla chrysantha</i>		2.7	
Мятлик крылова <i>Poa krylovii</i>		3.9	
Астра алтайская <i>Aster altaicus</i>	Чернозем обыкновенный Разрез 15а	3.2	40
Ковыль волосатик <i>Stipa capullata</i>		5.1	
Подмаренник северный <i>Galium septentrionale</i>		1.9	
Чий блестящий <i>Achnatherum splendens</i>	Каштановая, 26а	2	47
Надземная масса		1.6	
Войлок степной		15.7	

Примечание. Р* содержание никеля в растениях:
П* содержание никеля в гор. А почв.

По данным табл. 5 можно заключить, что некото-
рые виды растений сухостепных котловин Алтая обла-

дают аккумулялирующей способностью и накапливают
никель в довольно значительных количествах (дл 35%
от валового содержания его в почвах).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материнские породы являются фактором, опреде-
ляющим содержания элемента в сформированных на
них почвах. Зависимость концентрации никеля от ге-
нетического типа отложений прослеживается слабо. По
степени влияния физико-химических свойств почв на
уровень концентрации никеля можно составить следу-
ющий убывающий ряд: физическая глина > ил > ем-
кость поглощения > CaCO₃ > pH > гумус. Различия в
уровне содержания и особенностях внутрипрофильно-
го распределения никеля в исследуемых почвах опре-
деляются различным характером увлажнения, генези-
сом и минералогией почвообразующих пород, особен-
ностями почвообразовательных макропроцессов.
Загрязнения никелем компонентов среды не обнаруже-
но. Содержание микроэлемента в почвах соответствует
фоновому значению и экологической опасности не пред-
ставляет.

Библиографический список

1. Почвы Горно-Алтайской автономной области / Под ред. Р.В. Ковалева. — Новосибирск: Наука, 1973. — 352 с.
2. Хмелев, В.А. Почвы низогорий Северного Алтая / В.А. Хмелев. — Новосибирск: Наука, 1982. — 124 с.
3. Волковинцер, В.И. Степные криоаридные почвы / В.И. Волковинцер. — Новосибирск: Наука, 1978. — 208 с.
4. Ильин, В.Б. Микроэлементы и тяжелые металлы в почвах и растениях Новосибирской области / В.Б. Ильин, А.И. Сысо. — Новосибирск: СО РАН, 2001. — 228 с.
5. Виноградов, А.П. Среднее содержание химических элементов в главных типах изверженных пород земной коры // Геохимия. — 1962. — № 7. — С. 555-571.
6. Виноградов, А.П. Геохимия редких и рассеянных химических элементов в почвах / А.П. Виноградов. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 238 с.
7. Беус, А.А. Геохимия окружающей среды / А.А. Беус. — М., 1976. — 248 с.
8. Кабата-Пендиас, А. Микроэлементы в почвах и растениях. / А. Кабата-Пендиас, Х. Пендиас. — М., 1989. — 439 с.
9. Иванов, В.В. Экологическая геохимия элементов / В.В. Иванов. — Москва: Экология, 1996. — 190 с.
10. Eikmann, Th. Nutzungs-und schutzgutbezogene Orientierungswerte für (Schad) Stoff in Boden // Th. Eikmann, A. Klocke // VDLUFA — Mitteilungen. — 1991. — Н. 1. — S. 19-26.

Статья поступила в редакцию 07.04.08

УДК 504.4.054

Т.А. Рождественская, канд. биол. наук, с.н.с. ИВЭП СОРАН, г. Барнаул
А.В. Пузанов, д-р биол. наук, проф., ИВЭП СОРАН, г. Барнаул
И.В. Горбачев, м.н.с. ИВЭП СОРАН, г. Барнаул

НИТРАТЫ И НИТРИТЫ В ПОВЕРХНОСТНЫХ И ПОДЗЕМНЫХ ВОДАХ АЛТАЯ

Исследовано содержание нитратов и нитритов в поверхностных и подземных водах Северного, Северо-Восточного и Северо-Западного Алтая. Выявлено, что наибольшее количество загрязнителей в поверхностных водах характерно для рек Северного и Северо-Западного Алтая — наиболее освоенных в сельскохозяйственном и промышленном отношении районов. Обнаружено нитритное загрязнение вод (>2 ПДК) в скважинах комплекса кучного выщелачивания золота.

Ключевые слова: нитраты, нитриты, подземные и поверхностные воды, снежный покров, Алтай

В современных условиях развития общества на пер-
вый план выдвигаются задачи исследования и оценки
экологического состояния природной среды, в частности,
гидросферы. Усиливающаяся антропогенная нагрузка на
наземные экосистемы влияет на формирование обстанов-
ки, благоприятной для миграции и накопления токси-
кантов в водной среде. В число приоритетных показате-
лей, определяемых при обследовании водных объектов,
входят и концентрации нитратов и нитритов. Соедине-
ния азота являются одним из доминирующих видов за-
грязнений подземных и поверхностных вод и во многом
определяют их экологическое и санитарное состояние.

В малых количествах нитраты постоянно присут-
ствуют в организме человека, как и в растениях, и не
вызывают негативных последствий. Однако постоянное
употребление воды с повышенным содержанием нит-
ратов приводит к заболеваниям крови и сердечно-со-
судистой системы. Главной причиной негативных яв-
лений являются не столько нитраты, сколько их мета-
болиты — нитриты. При высоком содержании нитратов
в водоемах возрастает вероятность образования нитри-
тов в количествах, токсичных для рыб. Нитраты в жи-
вых организмах в результате биохимических реакций
превращаются в нитриты, из которых в желудочно-

кишечном тракте могут образовываться нитрозосоединения, являющиеся суперэктоксикантами.

Количество нитратов в природных водах определяется воздействием комплекса факторов (биологические, гидрохимические, геоморфологические, климатические, антропогенные). Нитраты являются конечным продуктом биохимического окисления аммиака, образующегося главным образом в результате распада белковых веществ. В поверхностных водах нитраты обычно присутствуют в заметных количествах, за исключением периода интенсивного развития фитопланктона в водоемах, когда содержание NO_3^- может падать до ничтожно малых величин. Концентрация нитратов в поверхностных и грунтовых водах существенно меняется и в зависимости от вида деятельности человека. Основными антропогенными источниками поступления нитратов в воду являются сброс хозяйственно-бытовых сточных вод, сток животноводческих комплексов и сток с полей, на которых применяются азотные удобрения.

Нитриты появляются в воде главным образом в результате биохимического окисления аммиака или восстановления нитратов. В поверхностных водах в присутствии достаточных количеств кислорода преобладают процессы биохимического окисления. Восстановление нитратов с образованием нитритов протекает в условиях дефицита кислорода в придонных слоях воды и в донных отложениях. Повышенные концентрации NO_2^- в воде могут свидетельствовать о загрязнении водоема.

Цель работы — дать экологическую и санитарно-гигиеническую оценку уровня содержания нитратов и нитритов в поверхностных и подземных водах Алтая. Задачи исследований: определить концентрацию изучаемых загрязнителей в водах рек бассейна Верхней Оби, изучить влияние комплекса кучного выщелачивания золота на загрязнение подземных вод минеральными соединениями азота на территории Северо-Западного Алтая.

Определение нитритов и нитратов в водах Алтая проведено фотометрически (нитритов с реактивом Грисса, нитратов — с фенолдисульфокислотой). Пределы обнаружения составляют 0,007 мг/л для NO_2^- и 0,2 мг/л для NO_3^- .

ПДК нитратов (по NO_3^-) в воде водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования составляет 45 мг/кг, нитритов (по NO_2^-) — 3,3 мг/кг [1]. Количество нитратов и нитритов в воде разных рек приведено в табл. 1.

Таблица 1
Содержание нитратов и нитритов
в поверхностных водах различных регионов

Регион	Единица измерения	Нитриты		Нитраты	
		Пределы колебаний	Среднее	Пределы колебаний	Среднее
Томская область [2]: р. Обь р. Чулым р. Тотьма	мг/дм ³		0,02 0,011 0,096		0,36 0,23 1,39
р. Селенга [3]	мгN/л			0,03- 0,51	
р. Амур, российская часть [4]	мг/дм ³	0,007- 0,014		0,47- 3,96	
р. Москва (устье, июль 1973-1997 гг.) [5]	мг/л	0,10- 0,30		1,5- 3,7	
оз. Байкал [6]	мг/дм ³			0,4	

По данным [7], содержание нитритов в грунтовых водах Приишимья не превышает сотых долей ПДК. Концентрация нитратов в снеговой воде бассейна Кулундинского и Кучукского озер — 1,5-3,5 мгN/л, нитритов — 0,01-0,03 мгN/л [8].

Пробы поверхностных вод исследуемой территории были отобраны в период летней межени. Максимальные содержания нитратов и нитритов (табл. 2), обнаружены в реках, протекающих по наиболее освоенным в сельскохозяйственном и промышленном отношении территориям (Майма, Улала, Алей).

Таблица 2
Содержание нитратов и нитритов в поверхностных водах Алтая, мг/л

Место отбора пробы	NO_2^-	N- NO_2^-	NO_3^-	N- NO_3^-
Северный Алтай				
Эликмонар	<0,007	<0,002	1,0	0,220
Эдиган	<0,007	<0,002	0,9	0,198
Чемал	<0,007	<0,002	0,7	0,154
Сема	0,015	0,005	1,7	0,374
Муны	<0,007	<0,002	1,3	0,286
Майма (с. Урлу-Аспак)	<0,007	<0,002	2,5	0,550
Майма (с. Кызыл-Озёк)	0,02	0,006	1,7	0,374
Майма (устье)	0,22	0,066	2,5	0,550
Бирюля	<0,007	<0,002	0,9	0,198
Александровка	<0,007	<0,002	1,5	0,330
Сайдыс	<0,007	<0,002	1,3	0,286
Малая Сиульта	<0,007	<0,002	1,5	0,330
Улала	0,11	0,033	3,2	0,704
Малая Иша	<0,007	<0,002	1,3	0,286
Иша	<0,007	<0,002	1,2	0,264
Северо-Восточный Алтай				
Кыга	<0,007	<0,002	0,5	0,11
Кокши	<0,007	<0,002	0,5	0,11
Большие Чири	<0,007	<0,002	0,9	0,198
Колдор	<0,007	<0,002	0,9	0,198
Самыш	<0,007	<0,002	0,8	0,176
Камга	<0,007	<0,002	0,6	0,132
Чулышман	<0,007	<0,002	0,6	0,132
Бия	<0,007	<0,002	0,6	0,132
Высокогорное озеро (Коргонский хребет)	<0,007	<0,002	0,8	0,185
Северо-Западный Алтай				
Маралиха	0,165	0,050	2,3	0,506
Сосновка	0,174	0,052	<0,2	<0,044
Белая	0,031	0,009	0,2	0,044
Иня (с. Тегерек)	<0,007	<0,002	1,1	0,242
Чарыш (у моста на трассе)	0,079	0,024	0,5	0,110
Чарыш (с. Чарышское)	<0,007	<0,002	0,4	0,088
Алей (с. Верх-Алейка)	0,031	0,009	2,9	0,638
Алей (г. Алейск)	<0,007	<0,002	<0,2	<0,044
Сентелек	<0,007	<0,002	0,8	0,176

Концентрация NO_2^- в поверхностных водах Северо-Восточного Алтая во всех пробах ниже предела обнаружения, что свидетельствует об отсутствии существенной антропогенной нагрузки на водные сис-

темы этой территории. Отсутствие нитратов в воде Алея в г. Алейске (см. табл. 2), возможно, связано с максимальным потреблением их цианобактериями, обитающими в очень больших количествах на участках реки, куда попадают дренажные воды Алейской оросительной системы.

В целом содержание исследуемых анионов существенно ниже санитарно-гигиенических нормативов [1], но в некоторых пробах воды (см. табл. 2) оно сопоставимо с концентрацией в реках, традиционно считающихся загрязненными [4, 5].

На территории Северо-Западного Алтая, испытывающего существенное антропогенное влияние, исследо-

вано содержание нитратов и нитритов в подземных водах на примере Лисицинского источника (табл. 3) и наблюдательных скважин комплекса кучного выщелачивания золота. Минимальные концентрации нитратов в водах Лисицинского источника приходится на периоды снеготаяния (март-апрель) и выпадения максимального количества атмосферных осадков (конец лета-осень), когда количество грунтовых вод увеличивается, и, следовательно, уменьшается концентрация растворенных в них веществ. Максимальные содержания NO_3^- в водах наблюдаются зимой и в период летней засухи (см. табл. 3). Динамика содержания нитратов по годам выражена не столь ярко, как сезонная.

Таблица 3

Содержание нитратов и нитритов в воде Лисицинского источника, мг/л

2003 г.			2004 г.			2005 г.			2006 г.			2007 г.		
Дата отбора	NO_2^-	NO_3^-	Дата отбора	NO_2^-	NO_3^-	Дата отбора	NO_2^-	NO_3^-	Дата отбора	NO_2^-	NO_3^-	Дата отбора	NO_2^-	NO_3^-
			29.01	0,10	8,7	25.01	<0,007	10,8				16.01	0,60	9,6
			29.02	0,11	10,8	26.02	0,24	10,4				28.02	0,17	11,0
13.03	0,02	7,4	29.03	0,60	4,4	25.03	<0,007	0,3				19.03	<0,007	2,9
27.04	0,14	10,3	30.04	0,13	6,2	22.04	0,35	0,9				24.04	0,06	5,9
20.05	0,02	7,3	26.05	0,05	4,1	23.05	1,24	10,4				29.05	<0,007	10,0
23.06	0,05	8,0	27.06	0,05	2,0	28.06	<0,007	14,1				19.06	0,010	9,7
30.07	<0,007	9,0	25.07	<0,007	5,0	21.07	<0,007	5,5	8.07	0,32	6,8	30.07	<0,007	9,9
20.08	<0,007	8,4	31.08	<0,007	4,0	31.08	<0,007	8,8				28.08	<0,007	5,3
1.10	<0,007	5,0	30.09	0,04	4,5	30.09	0,39	4,7	19.09	1,64	5,0	25.09	<0,007	2,5
28.10	0,5	5,6	29.10	<0,007	3,5	25.10	0,48	9,2				22.10	<0,007	6,5
3.12	0,1	12,2	6.12	0,04	8,2	24.11	0,26	8,8	23.11	0,40	8,4	18.11	0,40	8,4
27.12	<0,007	12,2	26.12	1,40	7,2							21.12	<0,007	6,5

Для нитритов наряду с годовой изменчивостью их количества характерна и многолетняя динамика содержания в воде, за исключением летних месяцев, когда концентрация NO_2^- почти во все годы находилась за пределами обнаружения метода, что обусловлено активизацией биологических процессов в биосфере, способствующих быстрому превращению нитритов в нитраты.

В целом количество нитратов и нитритов в водах источника не превышает установленных стандартов [1], но их содержание можно считать значительным. Связано это, скорее всего, с небольшой глубиной залегания водоносных горизонтов и расположением источника в долине реки. В таких условиях, как правило, подземные воды плохо защищены от загрязнения.

За все годы наблюдений в скважинах комплекса кучного выщелачивания золота в одной из 4-х скважин с апреля по декабрь 2004 г. отмечалось содержание нитратов выше ПДК (до 7,7 мг/л) при относительно невысоком содержании нитритов (0,2-2,1 мг/л). Такие концентрации NO_2^- , вероятно, свидетельствуют о фильтрационных потерях технологических растворов, так как продуктами трансформации веществ, применяемых для извлечения золота из руды, являются соединения азота. Процесс же нитрификации, при котором неустойчивые в природных водах нитриты превращаются в менее токсичные нитраты, из-за дефицита кислорода для окисления и недостатка потребителя был замедлен. Загрязнение носило локальный характер: содержание нитритов в остальных скважинах в этот же период находилось в пределах от <0,007 до 0,84 мг/л, средняя концентрация нитратов составила 0,96 мг/л. Не отмечалось и увеличения содержания NO_2^- и NO_3^- в воде р. Важенки, в бассейне которой находится комплекс (табл. 4).

Более низкие содержания нитратов в наблюдательных скважинах по сравнению с Лисицинским источ-

ником связаны с тем, что скважины находятся на склоне водораздела, где водовмещающие породы расположены более глубоко в сравнении с речными долинами, а, как известно, чем глубже залегают воды, тем меньше содержится в них NO_3^- . Кроме того, дождевые и талые воды с загрязняющими веществами перемещаются вниз по склону.

Также на территории Северо-Западного Алтая зимой 2006-2007 гг. был проведен анализ снежного покрова. Среднее содержание нитритов составило 0,30 мг/л (0,09 мгN/л) снеговой воды при колебаниях от 0,18 до 0,51 мг/л, нитратов — 0,51 мг/л (0,112 мгN/л) при колебаниях 0,08-1,15 мг/л. Сравнивая эти результаты с данными по поверхностным и подземным водам Северо-Западного Алтая и литературными данными, следует отметить, что исследованные нами снеговые воды содержат большие количества нитритов. Снег, обладающий высокой сорбционной способностью, поглощает вещества из атмосферы и вносит свой вклад в увеличение количества минеральных соединений азота в поверхностных и подземных водах.

Выводы:

1. Поверхностные воды Алтая в целом содержат небольшие количества нитратов и нитритов. Повышенное в сравнении с фоном, но существенно ниже ПДК содержание NO_2^- и NO_3^- обнаружены в реках Майме, Улале, Алее, протекающих в наиболее промышленно и сельскохозяйственно развитых районах.

2. Имело место загрязнение подземных вод нитритами (>2 ПДК) на территории комплекса кучного выщелачивания золота (Северо-Западный Алтай), носившее, однако, локальный временный и пространственный характер. Количество нитратов и нитритов в подземных водах, не испытывающих техногенного влияния, не превышает санитарно-гигиенические нормы.

Содержание нитратов и нитритов в воде р. Важенка, мг/л

2003 г.			2004 г.			2005 г.			2006 г.			2007 г.		
Дата отбора	NO ₂ ⁻	NO ₃ ⁻	Дата отбора	NO ₂ ⁻	NO ₃ ⁻	Дата отбора	NO ₂ ⁻	NO ₃ ⁻	Дата отбора	NO ₂ ⁻	NO ₃ ⁻	Дата отбора	NO ₂ ⁻	NO ₃ ⁻
			29.01	0,14	4,8	25.01	0,28	0,9						
			29.02	0,05	5,1							28.02	0,08	3,1
			29.03	0,10	3,7	25.03	0,02	0,3				19.03	0,25	2,2
			30.04	0,28	2,6	22.04	0,20	0,6				24.04	0,04	2,2
20.05	0,10	4,5	26.05	0,10	1,7	23.05	0,07	2,3				29.05	0,02	1,7
23.06	0,12	7,0	27.06	0,12	2,5	28.06	0,10	2,9				19.06	<0,007	2,2
30.07	<0,007	4,0	25.07	0,05	3,3	21.07	0,21	2,6	8.07	0,12	3,1	30.07	0,15	1,6
20.08	0,02	5,5	31.08	0,10	3,0	31.08	<0,007	2,2				28.08	0,07	2,6
1.10	<0,007	4,1	30.09	0,20	3,3	30.09	0,24	2,1	19.09	0,35	1,4	25.09	0,07	0,4
28.10	0,10	3,1	29.10	0,05	3,3	25.10	0,20	2,8				22.10	0,07	0,5
3.12	0,68	0,6	6.12	0,02	3,9	24.11	0,07	3,3	23.11	0,06	6,8	18.11	0,06	6,8
27.12	0,10	1,1	26.12	0,12	0,9									

Библиографический список

1. Предельно допустимые концентрации (ПДК) химических веществ в воде водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования. Гигиенические нормативы ГН 2.1.5.1315-03. — М., 2003.
2. Особенности и факторы формирования гидрохимического состояния поверхностных вод Томской области / В.А. Лыготин, Ю.В. Макушин, О.Г. Савичев [и др.] // География и природные ресурсы. — 2005. — №1. — С. 39-46.
3. Качество вод в дельте реки Селенги / Л.М. Сороковникова, А.К. Тулохоев, В.Н. Синюкович [и др.] // География и природные ресурсы. — 2005. — №1. — С. 73-80.
4. Трансграничное загрязнение Амура в зимнюю межень 2005-2006 гг. / В.П. Шестеркин, Н.М. Шестеркина, Ю.А. Форина [и др.] // География и природные ресурсы. — 2007. — №2. — С. 40-44.
5. Разумов, В.А. Нитритное загрязнение р. Москвы: причины и следствия / В.А. Разумов, Ф.И. Тютюнова // Водные ресурсы. — 2001. — Том 28, №3. — С. 356-366.
6. Разработка стандартного образца состава глубинной байкальской воды / А.Н. Сутурин, Л.Ф. Парадина, В.Н. Эпов [и др.] // Химия в интересах устойчивого развития. — 2002. — №10. — С. 475-484.
7. Квашнин, С.В. Загрязнение питьевой воды Приишимья минеральными соединениями азота / С.В. Квашнин, Г.С. Кощеева // Сибирский экологический журнал. — 2006. — №5. — С. 685-693.
8. Особенности формирования химического состава снегового стока в бессточной области Обь-Иртышского междуречья / С.В. Темерев, В.П. Галахов, А.Н. Эйрих [и др.] // Химия в интересах устойчивого развития. — 2002. — №10. — С. 485-496.

Статья поступила в редакцию 26.03.08

УДК 911.2+911.9

Ю.М. Цимбалец, канд. географ. наук, вед. н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнул

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКРЕАЦИОННОГО ОСВОЕНИЯ ОЗЕРА МАНЖЕРОКСКОЕ (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)

В статье рассматриваются экологические проблемы рекреационного освоения территории, включающей государственный памятник природы республиканского значения Манжерокское озеро.

Ключевые слова: Манжерокское озеро, рекреация, экологические условия, Алтай.

Развитие индустрии организованного отдыха предполагает территориальное расширение сферы ее деятельности, интенсификацию сложившихся и организацию новых рекреационных потоков, освоение наиболее привлекательных объектов. Среди последних оказываются и особо охраняемые природные территории (ООПТ).

Одним из популярных мест Горного Алтая считается озеро Манжерокское. Сейчас оно входит в территорию особой экономической зоны рекреационного типа Республики Алтай. Вблизи с. Манжерок предусматривается создание всесезонного горнолыжного спортивно-оздоровительного и санаторно-туристического комплекса международного уровня «Манжерок». Лыжный комплекс отчасти, а санаторно-туристический — почти

полностью ориентированы на ресурсы озера, так что последнее является центральным объектом проектируемой рекреационной системы, лимитирующим существование и развитие всего комплекса.

С 1978 г. оз. Манжерокское является региональным памятником природы III категории. Постановлением Правительства РА от 16.02.96 г. № 38 озеро объявлено государственным памятником природы республиканского значения. Оно расположено на правом берегу р. Катунь в 1,75 км от ее русла, в 1,5 км восточнее с. Манжерок у подножия г. Синюха на территории Майминского района Республики Алтай.

Озеро эллиптической формы простирается с юго-запада на северо-восток на 1112 м, максимальная ширина — 430 м, площадь зеркала — 37,6 га. Объем

воды — 810312 м³. На флангах озера с целью поднятия его уровня сооружены земляные дамбы, но после паводка уровень быстро падает. Сезонные колебания уровня превышают 1 м.

Максимальная глубина в марте 2007 г. в центре озера составила 2,2 м [1].

Уровень водного зеркала озера лежит на 77-80 м выше современного горизонта воды в русле Катунь. В летнее время вода в поверхностном слое прогревается до +20-22°C. Берега низкие, заболоченные, дно сравнительно ровное.

Манжерокское озеро с юго-востока окружено негустым смешанным лесом с полянами, возникшими в результате вырубок. Вдоль северо-западного берега, покрытого зарослями кустарника, в 50 м от кромки воды расположена водозащитная лесополоса из тополя, а далее на ширину до 800-1000 м — пашня на месте вырубленного леса. В озере произрастает реликтовый водяной орех гребенчатый (*Trapa pectinata*) — чилим, внесенный в Красную книгу России.

Район оз. Манжерокское представляет собой правый коленообразный изгиб долины Катунь, выполненный отложениями высоких (4-6) и низких (1-3) надпойменных террас р. Катунь, сложенных песчано-гравийно-галечниковыми, песчано-глинистыми с валунами и глыбами, песчаными и другими осадками [2-4]. Ширина долины здесь достигает 3,5-5 км.

Ложе долины выработано в кремнисто-карбонатных среднерифейских венд-нижнекембрийских отложениях. Горы Синюха представляют собой ядро Синюхинской синклинали [2, 5], сложенное вулканогенными породами. Интрузивные образования пользуются ограниченным распространением.

Рыхлые отложения представлены системой высоких (4-6) и низких террас.

Водоносные комплексы района приурочены к песчано-галечниковым и валунно-галечниковым отложениям, либо располагаются в зоне трещиноватости коренных пород, распространяющейся на глубину до 100 м и более. Выдержанные водоупоры отсутствуют, имеется совершенная гидравлическая связь между всеми типами вод района, поэтому подземные воды относятся к незащищенным или условно защищенным [6].

Доминирующее положение (рис. 1) занимают высокие террасы, формирование которых связывают с неоднократным прохождением по долине Катунь флэдстримов — сверхмощных катастрофических потоков (КП), вызванных кратковременными осушениями (йокульлаупами) Курайско-Чуйской системы приледниковых подпрудных водоемов [7-9].

Согласно одной из наиболее распространенных гипотез озеро представляет собой фрагмент древнего русла р. Катунь и располагается на пятой надпойменной террасе [2, 3].

Разрез террасы вскрыт водозаборными скважинами в с. Озерное (№ Г-16/04; 2/70) и к северо-востоку от озера (№ 15/07). Представлен переслаивающимися горизонтами и прослоями галечников с глинистым или песчаным заполнителем, суглинков с включением обломков коренных пород, глин с включением мелкой гальки и дресвы, песков с гравием и мелкой галькой. В основании разреза лежат валунно-галечники с песчаным заполнителем, щебнистые отложения с глинистым заполнителем, щебень и глыбы коренных пород с глинистым заполнителем. Коренные породы в с. Озерное встречены на глубинах 49 и 63 м, а в скв. № 15/07 — на глубине 90 м. Верхние разрез 5-й террасы сложены разнородными песками с включениями гравия до 10%.

Для определения мощности донных отложений оз. Манжерокское и оценки их на содержание органических

остатков силами ОАО «АлтайТИСИЗ» проведено бурение [1]. Анализ материалов позволяет сделать следующие выводы.

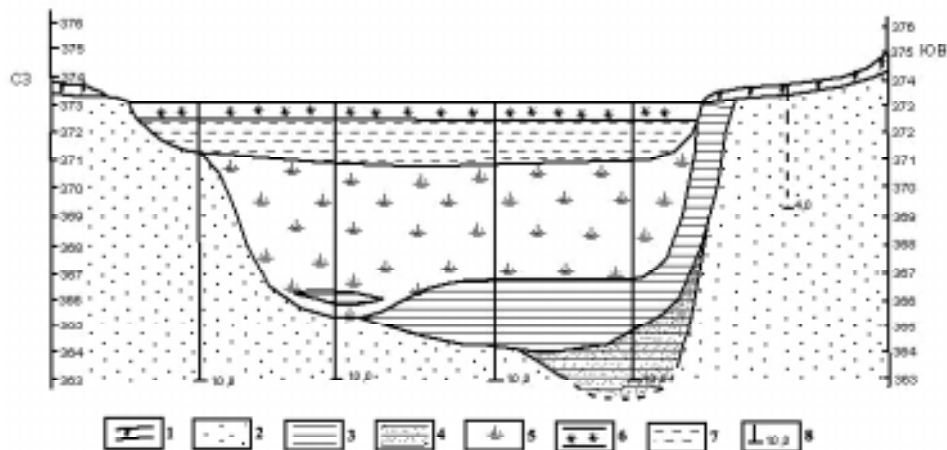
Рис. 1. Террасовый комплекс долины р. Катунь в районе оз. Манжерокское (по: [4]): 1 — номера террас; 2 — выходы коренных пород; 3 — песчано-гравийные карьеры; 4 — водозаборные скважины; 5 — картировочные скважины; 6 — горизонтали рельефа местности; 7 — линия разреза

Формирование песчаных отложений, завершающих разрез пятой террасы, происходило в условиях достаточно спокойного течения. Стрежень был прижат к вогнутому правому берегу, где дно имело переуглубление более чем на 5 м (рис. 2). Большинство скважин под слоем донных илов и глин вскрыли пески. У северо-западного берега озера песчаное дно встречено на глубине от 1,7 до 5,3 м, у юго-восточного — скважины глубиной 10 м до песков не дошли. На северо-восточном, юго-западном и юго-восточном берегах пески залегают непосредственно под почвенно-растительным слоем, скважины остановлены в них на глубинах от 4,0 до 6,5 м. Пески преимущественно средней крупности с содержанием органических остатков 2-4%. Среди них отмечаются также как пески мелкие, так и крупные и гравелистые. Гравийные зерна слабо окатанные и не окатанные. Содержание их изменяется от 7 до 42%, количество пылеватых и глинистых частиц также колеблется от 11 до 40%. Это указывает на наличие переменных течений, а также периодическое поступление более грубого и слабо окатанного «местного» материала со склонов.

В водотоке какое-то время сохранялся слабопроточный режим. Содержание органического вещества в глинах, отлагающихся в русле, редко превышает 6-7%, т.е. практически сопоставимо с органическим «загрязнением» песков.

Следующим этапом в формировании озера явилось развитие оползня, сошедшего со склонов Синюхи и заполнившего переуглубленную часть русла реки у правого берега (см. рис. 2). По долинам рр. Манжерок (на севере) и Едрала (на юге) тело оползня перекрыто делювиально-пролювиальными выносами. В результате произошел перехват речного стока, и образовалось замкнутое непроточное или очень слабо проточное озеро. Не исключено, что это инициировало или ускорило западное смещение основного русла в район 4-й террасы, а затем и прорыв скального ригеля и смещение русла к его современному положению.

Рис. 2. Манжерокское озеро.
Разрез по линии А — Б (по: [1] с добавлениями автора): 1 — почва суглинистая малоомощная темно-серого цвета, 2 — пески средней крупности с прослойками песков мелких, крупных и гравелистых, 3 — глина с примесью органических веществ темно-серого и серого с зеленоватым оттенком цвета, 4 — глина пылеватая с примесью органических веществ серого и зеленовато-серого цвета, 5 — сапропель темно-серого до черного цвета высокопористая, высокодисперсная, 6 — лед, 7 — вода, 8 — буровые скважины

Установившийся режим создал условия для интенсивной евтрофикации озера и заполнения его тонкодисперсными илами — сапропелями. Временами происходили локальные выбросы в озеро пролювиальных масс, которые образовали внутри сапропелевых отложений линзы глин мощностью до 1 м с содержанием органики не более 4-7%.

К настоящему времени мощность сапропелевых илов, покрывающих почти все дно озера, достигла 2,0-5,4 м, а глубина озера не превышает 2,2 м (рис. 3).

Озеро продолжает интенсивно зарастать и заполняться илами с высоким содержанием органического вещества (от 10% до 38%, главным образом 20-30% [1]).

Озерная ванна сложена весьма проницаемыми породами: сверху — песками, частично перекрытыми пористыми сапропелевыми илами (органика присутствует в виде гумуса и растительных остатков) и неплотными высокопористыми глинами [1], ниже — не выдержанными по вертикали и латерали осадками различного состава, гидравлически связанными. В этих условиях возникает естественный вопрос, за счет каких факторов удерживается озеро как постоянный водоем, значительно приподнятый над уровнем основной дрены — р. Катунью.

В сходном положении находится оз. Ая, также приуроченное к 5-й террасе Катунь и лежащее в 450 м от русла на 47 м выше уровня реки [10, 11]. Оба озера не имеют притоков, кроме отдельных мелких ручьев, и питаются подземными водами и атмосферными осадками. Из оз. Ая нет поверхностного стока, из оз. Манжерокского вытекает ручей, сток которого значителен только в период весеннего снеготаяния.

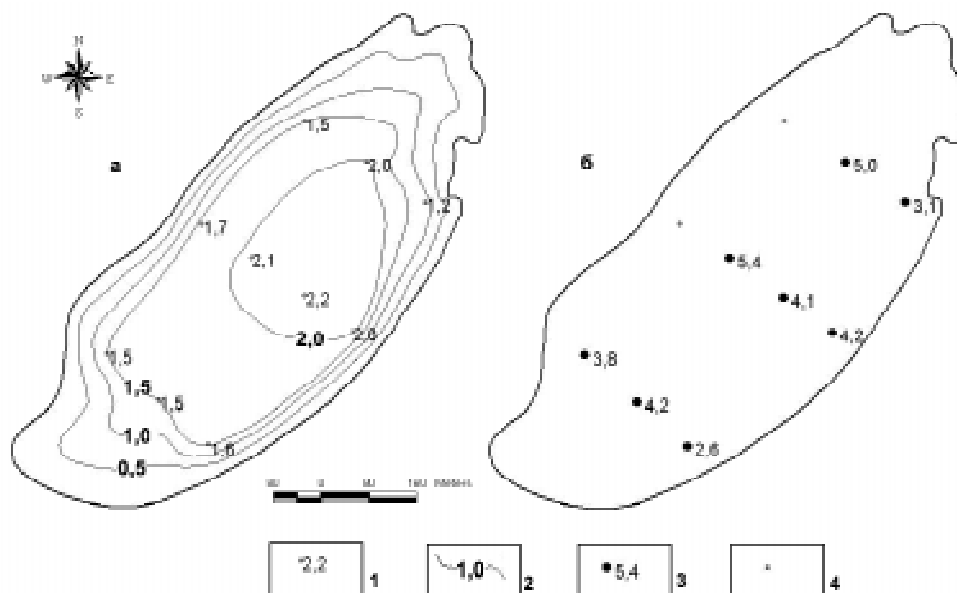
Но есть существенное отличие — оз. Ая занимает углубление, выработанное в коренных породах, и его уровень «контролируется наиболее низким положением скального края озерной ванны, скрытого под галечниковыми отложениями» [10, с. 47], через который может сбрасываться излишек воды. Имеет место и кольматация дна за счет хемогенной садки кальцита и образования слоя мела (белой «глины»). Максимальные сезонные колебания уровня — 27 см [11].

Расположенные в непосредственной близости от оз. Ая аналогичные впадины, но в мелкогалечниковых отложениях («Моховое Болото», Пионерская впадина), безводны.

Оз. Манжерокское, как и безводные «айские» впадины, не имеет водупорного ложа и кольматирующих осадков. Очевидно, что необходимого для его существования превышения приходной части водного баланса ожидать не приходится. Остаются грунтовые воды, на соотношение с уровнем которых можно рассчитывать.

Обратимся к ближайшей истории. В 1963 г. Н.Г. Селедцов писал: «Режим озера в течение года и по сезонам изменяется очень мало. По утверждению местного старожилы Крестьянинова Павла Лукича (1892 года рождения) колебания уровня столь незначительны, что трудно говорить о его наивысшем и наинизшем состоянии» [12, с. 64]. Напомним, что к тому времени шестая терраса была полностью покрыта лесом, который подступал к озеру на 100-150 м [12]. Лесная растительность обеспечивала перевод атмосферных осадков в подземный сток и поддерживала высокий и устойчивый уровень зеркала грунтовых вод.

Рис. 3. Глубины (а) и иловые отложения (б) оз. Манжерокское на 21.04.2007 г. (по: [1]): 1 — скважины и глубина озера, м; 2 — изолинии глубин, м; 3 — скважины, вскрывшие сапропели, общая мощность интервала, в котором они содержатся, м; 4 — скважины, в которых сапропели отсутствуют

Грунтовый поток со склонов г. Синюха выклинивается в озеро с измеренным уклоном в 4-7 ‰ [1]. С северо-запада шестая терраса возвышается над урезом озера более чем на 20 м. Поверхность террасы имеет выпуклый рельеф (см. рис. 1), определяющий аналогичную форму зеркала грунтовых вод. На ее юго-восточном склоне, обращенном к озеру, грунтовый поток также направлен к озеру. Таким образом, только гидродинамический подпор грунтовых вод может обеспечить существование озера.

Со сведением леса и распашкой террасы грунтовые воды лишились основной доли атмосферного питания, стал преобладать поверхностный сток. Уровень грунтовых вод понизился, стал нестабильным и существенно зависит от увлажненности года. В засушливый период (год, сезон) зеркало грунтовых вод может опускаться до уровня, когда гидродинамический напор не обеспечивает удержание озерных вод, и они уходят в подстилающие рыхлые отложения и далее в Катунь, по пути подтапливая низкие надпойменные террасы. Вероятно, это и могло произойти, когда, по утверждению местных жителей, был случай падения уровня озера в августе месяце почти на 40 см в течение суток, а на территории с. Манжерок в этот же период отмечен подъем уровня грунтовых вод. Наиболее «опасными» в указанном отношении являются фланговые участки, особенно северо-восточный, дренируемый р. Манжерок, хотя и на юго-западном фланге могут возникать сходные проблемы.

Следует отметить, что планируемое развитие на территории 6-й террасы санаторно-туристического комплекса может усугубить положение.

Расчеты водного баланса озера показали, что суммарное среднегодовое поступление только с поверхностным стоком, с учетом осадков на водную поверхность за вычетом испарения с нее, может составлять 1388 тыс. м³ [13]. Это почти вдвое превышает величину устойчивого объема воды в озере, равную 810 тыс. м³.

Второй важной приходной статьей баланса, на что указывается всеми авторами, является подземный приток. Грунтовая составляющая должна быть незначительной из-за малого уклона зеркала грунтовых вод, а на флангах — нулевая или даже отрицательная.

Подземные воды глубинных разломов разгружаются частично через грунтовые воды, но в большей степени — через родники на юго-восточном побережье, а также и непосредственно в озеро, о чем свидетельствует наблюдаемая температурная стратификация: вода в приповерхностном слое летом нагревается до +20-22°С, тогда как в придонных слоях ее температура не превышает +10-13°С, что в условиях мелководного водоема возможно только при значительном поступлении низкотемпературных подземных вод. В целом, общий среднегодовой приход воды в озеро говорит о заметном его водообмене. Объем этот расходуется на поверхностный и подземный сток. Учитывая небольшие современные расходы ручья, вытекающего из озера, остается предположить существенный подземный отток. Этим можно объяснить временный эффект от сооружения водозадерживающих дамб — накопленные талые воды быстро фильтруются в окружающие отложения, и поддерживать уровень озера можно соответствующей по объему постоянной подпиткой.

Выше мы упоминали о скважине № 15/07 (ЗАО Бурводопроводстрой, 2007 г.). Она пройдена для водоснабжения строительства горнолыжного комплекса и может решить ближайшие текущие задачи, но развитие здесь водозабора на перспективу не целесообразно, т.к. область питания и грунтового потока, разгружающегося в озеро, и эксплуатируемых водоносных горизонтов, лежащих ниже, одна и та же — делювиально-пролювиальный шлейф и зона трещиноватости коренных пород у подно-

жия г. Синюха, что оставляет опасения о возможном влиянии водоотбора на водный баланс озера.

В связи с этим следует заметить, что уровень оз. Ая за 50 лет (с 1922 по 1972 гг.) понизился на 1,2-1,5 м, а А.М. Малолетко отмечал, что задолго до 1971 г. около озера были пробурены две скважины для водохозяйственных целей, одна из них — в десятке метров от озера [11]. Не исключено, что это повлияло на уровень озера Ая, и невольно напрашивается аналогия с Манжерокским озером.

С экологической точки зрения стабилизация уровня благоприятно сказалась бы на устойчивости всей экосистемы озера, и предварительные исследования и расчеты подтвердили возможность инженерных решений проблемы. Однако, сведений об объекте недостаточно. Учитывая планируемое резкое увеличение антропогенной нагрузки, а также статус озера как памятника природы, необходимо комплексное его изучение, включая гидрологические, гидробиологические, гидрохимические, бальнеологические и другие аспекты.

Анализ имеющихся данных позволяет сделать ряд предварительных выводов.

Озеро интенсивно зарастает и заполняется илами с высоким содержанием органики (сапропели), мощность которых уже достигла 5,4 м при максимальной глубине озера в центральной части менее 3 м. Процесс это естественный и неизбежный. При этом илы являются необходимой средой для произрастания эндемика, занесенного в Красную Книгу — водяного ореха.

Как памятник природы, Манжерокское озеро требует охраны, положения о которой прописаны соответствующими законами и положениями.

Нам представляется, что в понятие «охрана» должны входить не только меры по сохранению современного режима функционирования озера, который ведет к его неизбежному превращению в заболоченную низину, но и мероприятия по поддержанию сколь угодно долгого стабильного существования его как водного объекта и всей его экосистемы как памятника природы, с одной стороны, и весьма привлекательного объекта рекреации, имеющего большое культурно-познавательное и эколого-воспитательное значение — с другой.

Сейчас можно наметить перечень основных защитных мероприятий:

- создание системы стабилизации уровня водно-го режима водоема;
- разработка приемов щадящего локального дноуглубления без применения механических плавсредств, исключающее загрязнение вод нефтепродуктами и не затрагивающее местообитания «краснокнижных» эндемиков;
- создание системы мониторинга уровня грунтовых вод на наиболее опасных направлениях подземного сброса воды из озера;
- исключение любых механических средств развлечения, использующих горюче-смазочные материалы, поскольку уже сейчас в воде Манжерокского озера отмечены повышенные содержания нефтепродуктов от 0,1 до 0,3 мг/дм³ (2-6 ПДК);
- все застраиваемые территории должны быть оборудованы ливневой канализацией с нефтеуловителями для предотвращения попадания нефтепродуктов в воды озера.

В озере имеется значительный объем илов-сапропелей, но данных о их бальнеологических свойствах нет. Этот вопрос подлежит безусловному изучению и должен входить в состав комплексных исследований, о которых было сказано выше. Конечным результатом их будет разработка условий для создания рекреационной геотехнической системы с центральным ядром — ООПТ Манжерокское озеро.

Библиографический список

1. Бурение для оценки мощности донных отложений оз. Манжерок в Майминском районе Республики Алтай: отчет о геологических работах (материалы) / ОАО АлтайТИСИЗ: рук. В.С. Осьмушкин; исполн.: А.Я. Швецов — Барнаул, 2007. — 15 с.
2. Геологическое строение и полезные ископаемые площади листов М-45-4-Б и М-45-3-Б (а, б). Горный Алтай: отчет Майминской партии о результатах геолого-съемочных работ масштаба 1:50000 за 1969-1972 гг. / ЗСГУ; Алтайская геофиз. экспед. : исполн. : Захаров А.К. [и др.]. — С. Майма, 1973. — 217 с.
3. Результаты поисковых и поисково-оценочных работ на строительные пески в Майминском районе: отчет / ГП «АЛТАЙ-ГЕО»: исполн.: А.Н. Банников — С. Майма, 1998. — Разд. 4.2.2. — С. 27-32.
4. Кочева, Н.А. Геологическое строение / Н.А. Кочева // Природные комплексы Майминского района Республики Алтай: коллективная монография / А.В. Шитов [и др.]. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. — Разд. 1.3. — С. 8-12.
5. Геологическое строение и полезные ископаемые площади листов М-45-4-Г, М-45-16-Б. (Горный Алтай): отчет Манжерокской партии по геолого-съемочным работам масштаба 1:50000 за 1970-1972 гг. / ЗСГПО; Зап.-Сиб. геол. экспед. : исполн. : Гурский Г.В. — Новокузнецк, 1973. — 230 с.
6. Кац, В.Е. Гидрогеологические особенности // Природные комплексы Майминского района Республики Алтай: коллективная монография / Шитов А.В. [и др.]. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. — Разд. 1.8. — С. 47-53.
7. Бутвиловский, В.В. Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель / В.В. Бутвиловский. — Томск, изд-во Том. ун-та, 1993. — 253 с.
8. Гросвальд, М.Г. Четвертичные ледниково-подпрудные озера в горах Сибири / М.Г. Гросвальд, А.Н. Рудой // Изв. РАН. Сер. географическая. — 1996. — Вып. 6 — С. 112-126.
9. Рудой, А.Н. Горные ледниково-подпрудные озера Южной Сибири их влияние на формирование и режим внутриконтинентальных систем стока Северной Азии в позднем плейстоцене / А.Н. Рудой // Современные проблемы географии и природопользования. Выпуск № 1. — 1999. — С. 3-17.
10. Малолетко, А.М. Происхождение Айского озера (Алтай) / А.М. Малолетко, Б.А. Сеньков, В.П. Чеха // Природа и природные ресурсы Алтая и Кузбасса: материалы научной конференции. — Бийск, 1970. — Часть 1. — С. 43-47.
11. Малолетко, А.М. Озеро Ая и его окрестности: физико-географический очерк / А.М. Малолетко. — Томск, Том. ун-т, 2003. — 104 с.
12. Селедцов, Н.Г. Айское, Манжерокское и Тенгинское озера Горного Алтая / Н.Г. Селедцов // Изв. Алтайс. отд. геогр. о-ва СССР. Вып. 2. — 1963. — С. 54-73.
13. Галахов, В.П. Водный баланс озера Манжерок / В.П. Галахов // Мир науки, культуры, образования. — 2008. — № 1(8). — С. 26-29.

Статья поступила в редакцию 06.02.08

УДК 504.75

Н.А. Кочеева, канд. г.-м. наук, доцент ГАГУ, г. Горно-Алтайск

А.И. Егисман, агрометеоролог, г. Новосибирск

Ю.А. Пономарева, студентка ГАГУ, г. Горно-Алтайск

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ОПАСНЫХ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

В работе рассмотрены отклонения температуры воздуха на территории Республики Алтай. Вероятной причиной увеличения числа аномалий температуры может считаться общая глобальная тенденция нестабильности температурного режима, однако временные отрезки с максимальным числом аномалий указывают и на техногенные причины.

Ключевые слова: опасные природные явления метеорологического генезиса; аномалии температуры; среднедекадные температуры.

Введение. Площадь Республики Алтай (РА) составляет около 90 тыс. км². Она разделена на 10 административных районов.

Около 95% площади РА занято склонами различной крутизны и экспозиции.

В Центрально-Алтайской физико-географической провинции около 75% ее площади занимают территории с углами наклона поверхности более 12°. Здесь расположены Онгудайский, Усть-Коксинский, частично Кош-Агачский административные районы. Для Северо-Восточной (Турочакский, Чойский районы) и Северо-Алтайской провинций (Майминский, частично Шибалинский и Усть-Канский) характерно уменьшение площадей с большими углами наклона поверхности, они составляют около 55% и увеличение площадей с углами 3-6°.

Несмотря на широкое распространение крутых склонов, оползни и обвалы не стоят на первом месте по причиненному ущербу. Отчасти это объясняется малой плотностью населения. Доля оползней в картине материального ущерба от опасных и неблагоприятных явлений

становится существенной только в северных областях РА, например, в окрестностях г. Горно-Алтайска [1].

Расположенная в пределах Алтае-Саянской горной страны территория Республики Алтай характеризуется высокой степенью сейсмичности. На данной территории выделяются три зоны: северо-западная, центральная и юго-восточная, сейсмичность которых оценена 6, 7 и 8 баллов соответственно. В последние годы сейсмичность на территории республики имеет тенденцию к активизации. Примером может служить сильное землетрясение 27 сентября 2003 г. (М = 7,4). В течение 2005-2006 г. было зарегистрировано около 60 толчков различной интенсивности.

Территория Республики Алтай характеризуется высокой степенью расчлененности рельефа. В Северных провинциях до 80 % площади имеет глубину расчленения 150-300 м; 15% площади — 450-800 м и около 5% площади характеризуется неглубоким расчленением 20-50 м. Южнее располагаются высокогорные зоны, в которых увеличивается глубина и густота расчленения рельефа.

Частое подтопление территорий связано с тем, что большая часть населенных пунктов располагаются на берегах рек. Изменение внутригодового распределения осадков в последние годы и увеличение объемов строительства приводит иногда к существенным материальным затратам.

В данной работе представлены результаты анализа пространственного и временного распределения некоторых неблагоприятных явлений метеорологического характера.

18-20 апреля 2007 г. в Москве состоялась очередная научно-практическая конференция по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций «Междисциплинарные исследования проблем обеспечения безопасности жизнедеятельности населения в современных условиях» и научно-практический симпозиум. В результате анализа происходящих радикальных изменений и их тенденций участники конференции считают, что недопустимо пренебрежение вопросами безопасности; только междисциплинарный подход к решению проблем безопасности позволит сообществу ученых и специалистов значительно продвинуться в вопросах понимания современных угроз [2]

Важнейшей потенциальной экологической угрозой является глобальное изменение окружающей среды (изменение климата, сокращение биоразнообразия, снижение обеспеченности природными ресурсами и пр.) [3].

Наше исследование было начато с Майминского района РА. Для него наиболее характерны опасные и неблагоприятные явления, связанные с изменением погодных условий.

На условия жизни человека, экономику и социальную жизнь общества влияет, главным образом, изменение повторяемости и интенсивность климатических аномалий, климатических экстремумов или условий погоды.

Температурный режим на исследуемой территории характеризуется высокой градиентностью между теплыми и холодными сезонами года. Также значительно варьируют среднесезонные температуры. На первом этапе изучения этого климатического показателя проводилось осреднение температур за 10-летние отрезки (табл.1).

Таблица 1

Температура воздуха на территории Майминского района за период с 1956 г. по 2003 г. [4]

Годы	1956-1965	1966-1975	1976-1985	1986-1995	1996-2003
Температура, средняя за 10 лет, °C	1,6	1,2	2,2	2,7	3,4

Начиная с 1975 года температура воздуха повышается в среднем на 0,7 °C за каждые 10 лет. Вариация среднемесячных температур за период наблюдений составляет от -0,9 до 2,9 °C (табл. 2).

Таблица 2

Колебания среднемесячных температур за различные периоды в сравнении со среднемесячными температурами периода 1980-2003 гг. [4]

Периоды	Понижение средне-месячных температур °C	Повышение средне-месячных температур °C	Вариации температур внутри периода
1931-1960	0,2		от -0,9 до 0,5°C
1951-1980		0,1	от -0,4 до 0,6°C
1929-1980		1,4	от -0,2 до 2,9°C

Закономерность, которая отразилась в таблице характерна для зимних и переходных месяцев. Для теплых месяцев года (май — сентябрь) эта закономерность нарушается и характеризуется обратной тенденцией.

Однако приведенные данные не отражают сезонных особенностей климата, что важно для интерпретации современных его изменений в целом на исследуемой территории. Климат последнего периода стал теплее, в то же время появилась тенденция похолодания теплых сезонов. То есть происходит внутригодовое перераспределение тепла.

Следует отметить, что на протяжении зимнего периода отмечаются все морозные погоды, изменяется только степень их повторяемости. Так, преобладающей является значительно морозная погода (32%) со среднесуточными температурами воздуха от -12,5 до -22 °C, далее — умеренно морозная погода (30%) со среднесуточными температурами от -2,5 до -12 °C, сильно морозная погода (11%) от -22,5 до -32,4 °C, жестоко морозная погода (4%) от -32,5 до -42 °C.

Изменение температуры воздуха оказывает существенное влияние на состояние зданий. Материалы, из которых они построены под переменным воздействием тепла и холода постепенно разрушаются. Разрушение происходит интенсивнее при быстрой смене температур и особенно при перепадах температуры, с переходами через 0 °C.

Потепления в холодный период года, когда температуры становятся положительными (оттепели), особенно сопровождающиеся дождями, увеличивающими влажность ограждающих конструкций, сокращают срок службы зданий. Чем быстрее понижается температура после оттепели, тем больше это сказывается на наружной части ограждений зданий [5]. Поэтому для города особенно актуально исследование температурного режима.

Проведенный предварительный анализ показал, что наибольшие изменения температуры происходят в холодный период года — с октября по март. За период наблюдения с 1968 г. по 2002 г. отклонения среднедекадных температур от нормы в период с апреля по сентябрь составляют единицы, тогда как в холодный период это количество возрастает до сотни декад. На данном этапе мы считаем целесообразным использование показателя средней температуры декады, принятого в методиках гидрометеорологических наблюдений.

На рисунке приводится распределение аномальных декад по месяцам холодного периода. Хорошо видно, что октябрь, апрель и май характеризуются почти стабильным температурным режимом, тогда как ноябрь и март дают значительные его колебания. Самыми градиентными месяцами являются декабрь, январь и февраль.

Таким образом, к имеющимся факторам дискомфорта: низким температурам, добавляется высокая изменчивость температурного и ветронапорного режима. В некоторые годы перепады температур января составляли около 30 °C. В недавнем прошлом такие явления тоже наблюдались. Характерной чертой исследуемого периода является то, что 75% температурных отклонений приходится на аномально высокие температуры. В декабре и январе количество отклонений средней декадной температуры в сторону увеличения в три раза превышает количество декад с отрицательными значениями отклонений, в феврале — в восемь раз, в марте — в пять раз. Приведенный анализ позволяет говорить о существенном потеплении холодного периода года на территории города и его окрестностей.

Обращает на себя внимание характер временного распределения количества аномальных декад. Из тех наблюдений, что имеются в нашем распоряжении видно, что 3 зимних месяца всегда отличались низкими

Таблица 3

Среднее число температурных аномалий
по Республике Алтай

Среднее число аномалий	Временной отрезок температуры
1955-1969 (продолжительность 15 лет)	3,8
1970-1982 (продолжительность 13 лет)	1,0
1983-1992 (продолжительность 11 лет)	2,7
1994-1997 (продолжительность 4 года)	2,4
1998-2005 (продолжительность 8 лет)	3,1

температурами. Были и отклонения температур от средних многолетних в одну и другую сторону.

До середины 80-х годов количество таких отклонений не превышало три декады в полгода. Кроме того октябрьских, мартовских и апрельских отклонений не было зафиксировано на территории города и окрестностей. Начиная с 1989 г. количество декад со средними температурами выше и ниже нормы существенно возрастает и достигает 7-8 декад.

На особом месте стоит зима 2001-2002 гг. Это самая теплая зима за весь период наблюдений. Общая тенденция к повышению зимних температур провоцирует снижение качества жилья в целом и его теплоизоляции. Первая декада января 2002 г. яркое подтверждение сказанному: 1.01, 4.01, 6.01, 9.01, 10.01 — дождь, гололед. Средняя температура первой декады января $-3,5^{\circ}$, что на 12° выше нормы.

В Майминском районе из всех неблагоприятных явлений на долю опасных приходится около 50%. В их структуре преобладают град и сильный ветер. Они составляют соответственно 47% и 30 от общего числа.

Проведенная работа позволяет предположить дальнейшую дестабилизацию температурного и ветрового режима в холодную часть года. Однако на фоне общего среднего потепления будут проявляться резкие частые похолодания с температурами существенно ниже нормы. Такой характер будет иметь помесечный и годовой режим хода температур. Одна зима будет похожа на другую только наличием резких скачков температуры.

Временная и пространственная динамика аномалий температуры воздуха на территории Республики Алтай

В связи с хозяйственной специализацией Республики Алтай нам представляется весьма важным начать рассмотрение с изменения температурного режима воздуха на исследуемой территории.

Нами была сформирована электронная база данных, которая основывается на архивных материалах Горно-Алтайского Гидрометеоцентра. Проведя анализ проявившихся экстремальных природных ситуаций, связанных с отклонениями температуры воздуха от средних многолетних значений, было выявлено 10 наиболее значимых явлений. Каждому из них был присвоен свой номер:

1. Самая ранняя зима;
2. Самая поздняя зима;
3. Самая ранняя весна;
4. Самая поздняя весна;
5. Минимальная температура воздуха $-40-44^{\circ}\text{C}$;
6. Минимальная температура воздуха $-45-50^{\circ}\text{C}$;
7. Максимальная температура воздуха $+41-50^{\circ}\text{C}$;
8. Среднедекадная температура воздуха выше нормы на $10-13^{\circ}\text{C}$;
9. Среднедекадная температура воздуха ниже нормы на $11-16^{\circ}\text{C}$;
10. Среднедекадная температура воздуха выше нормы на $16-23^{\circ}\text{C}$.

За исследованный период времени было 14 лет, без отклонений от средних многолетних значений. Всего 6 лет, когда таких отклонений было максимальное число. Самыми стабильными по температурным условиям на территории РА были семидесятые годы. Пять лет не было зафиксировано ни одного существенного отклонения от средних значений.

На графике достаточно четко выделяются несколько временных отрезков. Средние значения по данным отрезкам приведены в таблице 3.

Обращает на себя внимание интервал с 1955 по 1969 год. В это время на Семипалатинском ядерном полигоне проводились испытания, включая наземные взрывы. Учитывая закономерности атмосферных процессов можно утверждать, что это повлияло на количество аномалий температуры на исследуемой территории.

Количество аномалий температуры за последний интервал (1998-2005 гг.) приближается к показателю за 1955-1969 гг., хотя по времени этот интервал в два раза короче. На наш взгляд для этого времени необходимо рассматривать более широкий комплекс причин, включая такие показатели, как площади вырубки лесов, площади лесных пожаров и пр.

На рис. 1 отчетливо выделяются эти временные интервалы. Притом, что характер атмосферных процессов (направление господствующих ветров и пр.) за исследуемый период не изменилось [6], то можно полагать, что из всех возможных техногенных воздействий ядерные взрывы наиболее сильно влияют на количество температурных перепадов.

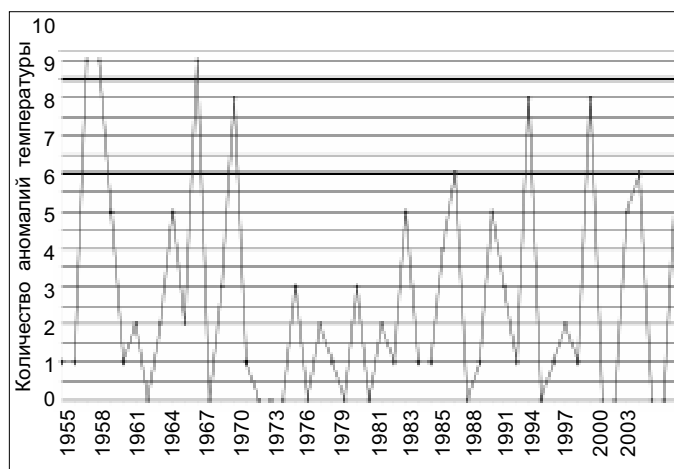

Рис. 1. Сумма аномалий температуры по Республике Алтай за 1955-2005 гг.

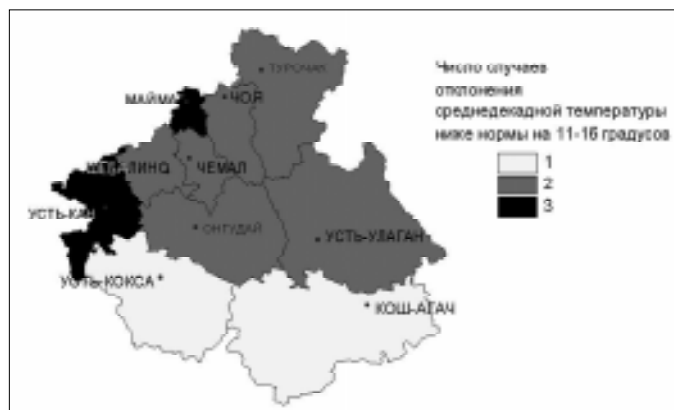
Рис. 2. Число случаев отклонения среднедекадной температуры воздуха ниже нормы на $11-16^{\circ}\text{C}$ в период за 1955-2005 гг. по территории РА

Рис.3. Число случаев отклонения среднедекадной температуры воздуха выше нормы на 10-13° С в период за 1955-2005 гг. по территории РА

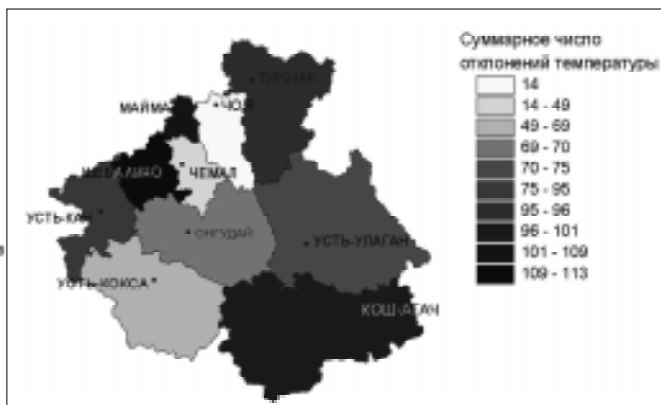

Рис. 4. Распределение по административным районам РА суммарного числа температурных аномалий за 1955-2005 гг.

В ходе нашего исследования были построены карты-схемы распределения по административным РА районам количества отклонений температуры.

Максимальное число отклонений температуры приходится на юго-восточную часть республики (Рис.4). Эта ситуация объясняется тем, что по данным Косовской ГМС максимальное число отклонений приходится на повышение температуры (рис. 3).

Выводы. Таким образом, в результате анализа характера и пространственного распределения аномального поведения температуры воздуха на территории РА, выявлено:

- увеличение числа положительных аномалий в юго-восточной части исследуемой территории;
- увеличение контрастности в характере температурного режима в западной и северо-западной частях исследуемой территории;
- относительно стабильное положение центральной части (внутренних административных районов) РА по числу температурных аномалий.

В ходе статистической обработки было выявлено, что в среднем в год наблюдается 2-3 отклонения темпера-

туры от средних многолетних значений. Величина стандартного отклонения составляет 1,5 отклонения. Аномальное число отклонений должно превышать среднее число отклонений на величину превышающую два-три стандартных отклонения. При таком условии аномальными годами (по числу температурных отклонений) будут те, когда число отклонений температуры от средних многолетних значений превышает 7. Такими годами могут считаться: 1957, 1958, 1966, 1969, 1993, 1998, 2001, 2005 годы.

Наблюдательной сетью ГМС отмечаются отклонения и в ветровом режиме. Из 51 года наблюдений отмечено 19 лет с отклонения в ветровом режиме. Аномальными могут считаться 1968, 1969, 1995, 1999, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005 годы. Однако если в 1968 г. все случаи усиления ветра отмечены в одном — двух районах, то в 2001, 2003, 2005 годах усиление ветра наблюдалось в 4-5-ти районах республики Алтай, т.е. на половине площади республики.

Наибольшее число усиления ветра отмечено в Майминском районе, где около 20% случаев приходится на сильный ветер — до 40 метров в секунду.

Библиографический список

1. Алтайский край. Атлас. Т.1. — Москва-Барнаул, 1978. — 222 с.
2. Быков, А.А. Прогнозирование последствий изменения климата требует учета разных точек зрения / А.А. Быков // Проблемы анализа риска. — 2007. — Т.4., №1. — С. 4-5.
3. Логинов, В.Ф. Климатическая и экологическая безопасность Республики Беларусь / В.Ф. Логинов // Проблемы анализа риска. — 2007. — Т.4, №1. — С. 6-15.
4. Кочева, Н.А. Неблагоприятные процессы и явления на территории Республики Алтай / Н.А. Кочева, А.И. Егисман // Вестник Томского гос. ун-та. — 2006. — Бюл. опер. науч. инф. № 92. — С. 11-16.
5. Заварина, М.В. Строительная климатология / М.В. Заварина. — Л. Гидрометеиздат, 1976. — 312 с.
6. Сухова, М.Г. Современные изменения температурного режима воздуха и режима увлажнения на Алтае, как проявление регионального изменения климата / М.Г. Сухова, Т.Д. Модина // Мир науки, культуры, образования. — 2007. — №2(5). — С. 14-18.

Статья поступила в редакцию 03.04.08

УДК 551.583.1

М.Г. Сухова, канд. геогр. наук., доцент, ГАГУ, г. Горно-Алтайск

ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОТЛОВИН АЛТАЕ-САЯНСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ

Рассмотрены наиболее важные природные особенности котловин Алтае-Саянской горной страны. Проанализирована динамика и направленность антропогенно-обусловленных изменений котловинных геосистем, а так же влияние указанных изменений на здоровье населения.

Ключевые слова: Алтай, Саяны, горные котловины, экологические проблемы, природные условия.

Межгорные и внутригорные котловины являются наиболее характерным и значимым элементом Алтае-

Саянской горной страны, они составляют 12% территории. В Кузнецкой и Тувинской физико-географичес-

ких областях котловины занимают более 14% площади, в Алтайской около 8% [1].

Природные условия котловин определяются многими факторами, из которых главными являются — геолого-геоморфологический и климатический.

Географическая широта, удаленность от океанов, расположение в центре Азиатского материка, степень орографической замкнутости, характер морфометрии, высота днища над уровнем моря, повторяемость циклонов, роль барьерно-орографического фактора в распределении осадков, влияние Азиатского антициклона — создают неповторимые, индивидуальные особенности ландшафтов котловин.

Различаются котловины по возрасту и по размерам. Обширные котловины Кузнецкая, Верхне-Чулымская, Минусинская, Тувинская и др. являются более древними, высота их днищ над уровнем моря от 200 до 700 м (табл. 1). Молодые котловины располагаются на значительной высоте и имеют более четкие границы с окружающими их горными хребтами.

Таблица 1

Некоторые морфометрические показатели котловин
Алтае-Саянской горной страны

Котловины	Кол-во котловин	Абс. высота днищ, м	Превыш. окр. хребтов	Размеры котл. км	
				длина	ширина
Алтайские	ок. 20	2000-4500	1-3	15-100	5-40
Кузнецкая	1	200-500	0,4-1,8	350	100-120
Минусинская	1 (4)	250-600	1,5-2,1	400	200
Тувинские	5	500-800	0,5-2	400	25-70

По климатическим показателям наблюдаются большие различия между котловинами (табл. 2).

Зимой важным климатообразующим фактором в южных котловинах является Азиатский антициклон. В Тувинской, Убсу-Нурской, Тункинской и Чуйской котловинах с декабря по февраль погода ясная, очень суровая. Высота снежного покрова не превышает 8-10 см. Средняя температура января от -25 до -33 °С. В северных котловинах Кузнецкой и Верхне-Чулымской погода очень изменчива. Часто наблюдаются фронтальные явления. Средняя месячная скорость ветра 3-5 м/сек. Средняя температура января -17; -19 °С.

В теплый период года термический режим в основном определяется количеством солнечной радиации и высотой днищ котловин над уровнем моря. Наиболее теплые низкотермические котловины Западного Алтая, а также Минусинская и Тувинская, в которых средняя температура июля составляет 18-20 °С, сумма температур выше 10 °С — 1800-2200 °С. С высотой теплообеспеченность котловин убывает до 1000-1200 °С. Средняя годовая сумма осадков изменяется от 100 до 500 мм.

В обширных котловинах наблюдаются большие различия в увлажнении их днищ. Наименее увлажнены западные районы котловин, находящиеся в «барьерной тени». В направлении к восточным предгорьям количество осадков возрастает. В частности в Минусинской котловине годовая сумма осадков изменяется от 200 до 500 мм.

Характер увлажнения котловин находит свое отражение в ландшафтах. В пределах каждой котловины отмечается концентрическая зональность природных комплексов: наиболее остепненные территории расположены в центре и несколько сдвинуты на запад в сторону «дождевой тени» прилегающих горных хребтов. Преобладающими ландшафтами в северных котловинах являются лесостепные, в более аридных — степные и полупустынные. Богатые черноземные почвы лесостепных и степных ландшафтов распаханы — это основные земледельческие районы. Сухие степи и полупустыни являются ресурсами естественных кормовых угодий.

Природными ресурсами котловин являются богатейшие месторождения полезных ископаемых. Это — уголь, железные и полиметаллические руды, медь, мышьяк, золото и многое другое.

Богаты котловины и лечебными минеральными источниками и целебными озерными грязями.

Однако в настоящее время всё более интенсивно проявляется нарушение естественного природно-экологического потенциала, определяемое характером хозяйственной деятельности населения. Наиболее активны антропогенно-обусловленные и антропогенно-стимулированные процессы изменения котловинных геосистем в районах развития горно-добывающей и перерабатывающей промышленности.

В районах добычи минерально-сырьевых ресурсов интенсивному воздействию подвергаются все природные компоненты геосистем и формируются так называемые техногенные ландшафты.

Наибольшие площади нарушенных геосистем наблюдаются в Кузбассе, где широко распространены месторождения угля. В процессе угледобычи горными работами нарушено 65 тыс. га, которые в настоящее время представляют собой «лунный ландшафт». Однако угледобыча распространяется на все новые и новые районы.

Значительная трансформация ландшафтов наблюдается и в Назаровском угольном бассейне при разработке месторождений открытым способом. Здесь ландшафт представляет собой систему отвалов высотой 30-40 м и карьеров глубиной до 60 м. Отработанные участки образуют бросовые земли или карьерно-отвалный тип ландшафтов.

Огромным нарушителем экологического равновесия, освоенных в хозяйственном отношении долин и котловин Алтае-Саянской горной страны, являются отходы производства и потребления. К отходообразующим производствам относятся предприятия горнодобывающей, горно-металлургической, лесной, деревообрабатывающей, пищевой и легкой промышленности, теплоэнергетики, жилищно-коммунального хозяйства.

Предприятия топливной энергетики сжигают в год несколько миллионов тонн угля. С учетом аналогичных отходов печного отопления образуются многие миллионы тонн золошлаковых отходов.

Происходит загрязнение почв, поверхностных и подземных вод.

В частности, под влиянием разработки полезных ископаемых в Зырянской котловине, в илах Бухтар-

Таблица 2

Некоторые климатические показатели основных котловин Алтае-Саянской горной страны

Котловины	Средняя температура (°С)		Сумма t (°С) выше 10°С	Кол-во осадков в год (мм)	Коэф. увлажн. год	Средн. высота снежн. покрова	Число дней снежн. покрова	Продолж. безморозн. периода (дн.)
	январь	июль						
Алтайские	-14; -32	13,0-20,5	1000-2200	100-450	0,20-0,60	8-40	130-170	50-110
Кузнецкая	-17; -18	16,0-17,5	1600-1750	400-500	0,60-1,0	40-60	170-180	95-110
Минусинская	-17; -21	18-20	1600-2100	220-500	0,30-0,70	10-30	150-190	95-120
Тувинские	-25; -30	17-20	1800-2000	200-400	0,25-0,65	6-15	130-150	90-115

минского водохранилища накопились комплексы тяжелых и редкоземельных металлов (Hg, Tl, Cd, Se, Pb, As, Ag, Ba, Bi, Cu, Zn; Nb, Li, W и др.) [2].

Приоритетным загрязнителем почв является свинец. Его концентрация при приближении к промышленной зоне Зырянской котловины возрастает до 120-140 мг/кг. В меньшей мере в почве представлены цинк, медь, серебро, мышьяк.

Важнейшим показателем экологического неблагополучия является загрязнение атмосферы. Сочетание расчлененных котловин и высоких горных хребтов в условиях антициклональной погоды вызывает образование мощных инверсий температуры. Зимой наличие Азиатского антициклона с центром над Монголией обуславливает высокую повторяемость антициклональной погоды. При наличии антициклональной инверсии или изотермии на определенной высоте слой воздуха становится стабильным, поэтому загрязняющие вещества не могут подняться выше его и рассеиваются в атмосфере.

Инверсия и изотермия оказывают непосредственное влияние на формирование и эволюцию слоистой облачности, тумана, дымки, мглы; препятствуют развитию вертикальных движений воздуха, с которыми связан перенос загрязняющих веществ в атмосфере.

Увеличение концентраций загрязняющих веществ зависит от высоты расположения нижней границы инверсионного слоя. Особенно опасны приподнятые инверсии, когда их основание расположено над источником загрязнения. В таких случаях концентрация продуктов загрязнения в атмосфере возрастает до 20 раз.

Все химические загрязнители скапливаются в атмосфере при застое воздуха, повторяемость которого в южных котловинах зимой достигает 70-80%.

Источниками загрязнений кроме промышленных предприятий и котельных является печное отопление частного сектора и автотранспорт.

Критерием максимальных нагрузок на атмосферный воздух является метеорологический потенциал атмосферы (МПА). Он является функцией комплекса метеорологических факторов, способствующих в одних случаях накоплению вредных примесей (при МПА > 1), в других случаях — самоочищению атмосферного воздуха (при МПА < 1) [3]. При МПА > 3 создаются крайне неблагоприятные условия для рассеивания загрязняющих веществ в атмосфере. Таким потенциал самоочищения бывает в условиях антициклональной погоды. Большие скорости ветра и атмосферные осадки очищают атмосферу от загрязняющих веществ.

Зимой метеорологический потенциал самоочищения атмосферы составляет в Зырянской котловине 6,7, в Чуйской 6,1, в Тувинской 5,9.

Весной с разрушением Азиатского антициклона возрастает скорость ветра и потенциал самоочищения атмосферы увеличивается в 3-5 раз. Однако в промышленных центрах и в теплый период года накопление в атмосфере продуктов загрязнения превышает её способность к самоочищению.

При одинаковых значениях потенциала самоочищения атмосферы содержание в ней загрязняющих веществ различается в зависимости от наличия источников загрязнения. Это могут быть стационарные источники — промышленные предприятия, угольные разрезы, котельные, печное отопление частного сектора и передвижные источники загрязнения — автотранспортные средства.

Катастрофически велико загрязнение воздушного бассейна в Новокузнецке, Кемерово, Белово, Мысках, Зыряновске, Лениногорске, Абакане, Минусинске, Назарово, Кызыле и других городах исследуемой территории. Однако и в малых непромышленных центрах, типа Горно-Алтайска, расположенных в котловинах, зимой загрязнение атмосферы так велико, что город окутан темной завесой. Сажа поступает от многочисленных котельных и отопительных печей частного сектора.

С атмосферными осадками продукты загрязнения атмосферы поступают на поверхность почвы, просачиваются вглубь и попадают на поверхностные воды.

В воздухе, в воде, в овощах, злаках, кормовых культурах происходит весьма активное накопление токсичных, аллергенных, мутагенных, тератогенных, канцерогенных микроэлементов. В зависимости от дозы, времени и характера воздействия химических загрязнителей в организме человека развиваются острые либо хронические заболевания. У одних поражаются кровеносные органы, у других — нервная система, у третьих — почки и т.д.

Так в г. Назарово с появлением угольных разрезов и ГРЭС возросло число случаев заболеваемости сахарным диабетом в 2 раза, мочекаменной болезнью в 3 раза, рядом болезней сердечно-сосудистой системы в 1,6 раз, онкологическими заболеваниями в 3 раза. В промышленных центрах Западного Алтая, Кузбасса, Тывы высокая заболеваемость онкологическими новообразованиями. Самая высокая заболеваемость в Зыряновске — 373 случая на 100000 человек, в Лениногорске — 320 случаев, в Кызыле около 300 случаев [4].

В промышленных центрах региона отмечается значительное увеличение числа больных детей. Наблюдаются неблагоприятные тенденции в состоянии здоровья новорожденных.

В последние годы резко ухудшились показатели здоровья беременных женщин. Около 80% из них страдают анемией и 20-25% болезнями почек [5].

По данным государственных статистических отчетов и докладов о состоянии и охране окружающей среды за период с 1999 по 2005 годы во всех регионах горной страны продолжительность жизни значительно короче, чем в средней полосе России. Так, в Тыве разность составляет у мужчин 11,8 лет, у женщин 11,0 лет.

Таким образом, антропогенное загрязнение окружающей среды прямо или косвенно нарушает естественный биологический цикл элементов в организме людей, определяет направленность их заболеваемости и в сочетании с биоклиматическими и социальными условиями влияет на продолжительность и качество жизни населения.

Библиографический список

1. Самойлова, Г.С. Ландшафтная структура физико-географических регионов Алтае-Саянской страны / Г.С. Самойлова // Вестн. Московского общества испытателей природы. Землеведение. — 1990. — Т. XVII. — С. 53-66.
2. Моисеев, И.П. Антропогенная трансформация геосистем Зырянской котловины (Юго-Западный Алтай) / И.П. Моисеев. — Барнаул, 2003. — 19 с.
3. Селегей, Т.С. Потенциал рассеивающей способности атмосферы / Т.С. Селегей, И.П. Юрченко // География и природные ресурсы. — 1990. — №2. — С. 132-137.
4. Егорина, А.Н. Качество природной среды в условиях горных барьеров, его влияние на состояние здоровья населения (на примере Юго-Западного Алтая) / А.Н. Егорина // Геоэкология Алтае-Саянской горной страны. — Горно-Алтайск, 2004. — Вып. 1. — С. 94-97.
5. Покатилов, Ю.Г. Биохимия биосферы и медико-биологические проблемы / Ю.Г. Покатилов // Экологические проблемы биосферы и здоровье населения. — Новосибирск, 1993. — 168 с.

Статья поступила в редакцию 03.03.08

Раздел 2

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

КУРАТОР
РАЗДЕЛА

Лидия Павловна Гекман — доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

РЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Ольга Васильевна Первушка — кандидат культурологии, доцент, проректор по научной работе Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

РЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Наталья Степановна Гребенникова — кандидат филологических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

УДК 75.046:241.513(450)

Н.И. Макарова, PhD (Monash, Australia), канд. культурол. наук, доцент НГУЭУ, г. Новосибирск

СИМВОЛИЗМ МИСТИЧЕСКОГО БРАКА В ТВОРЧЕСТВЕ ТИЦИАНА

В статье анализируется картина Тициана «Мадонна и младенец со святыми Екатериной и Иоанном Крестителем» (Национальная галерея, Лондон) в свете мистицизма любви, основанного на комментариях к библейской книге «Песнь Песней», теории духовных чувств и феномена общественной жизни итальянских городов конца 15-первой трети 16 века, связанного с культом святых жен — «живущих святых».

Ключевые слова: мистицизм любви, Национальная галерея (Лондон), теория духовных чувств, культ святых жен, Ренессанс.

В первой трети 16 века великий венецианский художник Тициан написал несколько картин, изображающих Мадонну и младенца со святой. Популярность этой темы во многом объясняется культом так называемых «живущих святых» — святых жен, оказывавших сильное влияние на общественную жизнь итальянских городов 15 — начала 16 века [16]. Настоящая статья посвящена анализу одного из таких произведений художника — картине «Мадонна и младенец со святыми Екатериной Александрийской и Иоанном Крестителем» (Лондон, Национальная галерея), созданной Тицианом примерно в 1530 году для герцога Феррары Альфонсо I д'Эсте. Анализ иконографии полотна выявляет, что основная тема картины — совершенствование души и стремление ее к Богу — раскрываются с помощью мотивов, навеянных позднесредневековым мистицизмом любви и теологией духовных чувств.

Мистицизм любви, основанный на комментариях к библейской книге «Песнь песней», оказал чрезвычайно сильное воздействие на культуру позднего средневековья и Возрождения. Он способствовал формированию «супружеского» идеала отношений между Богом и человеком. Согласно этому идеалу люди должны развивать в себе способность любить Творца и стремиться к мистическому браку с Ним на небесах. Прообразом таких супружеских отношений стали влюбленные из «Песни песней» — Жених и Невеста. Жених в бого-

словских комментариях ассоциировался с Христом, а Невеста — с Церковью, Богородицей или душой отдельного человека. Помимо основных персонажей, в «Песни» появляются друзья Жениха и Невесты, помогающие их союзу. Христианская традиция отождествляет их с ангелами и праведниками. Можно привести один из типичных текстов: «Я полагаю, что Жених — это Христос, Невеста — это Церковь без единого пятна или морщинки. Я полагаю, что друзья Жениха — это, воистину, ангелы и те, кто достиг совершенства. Девушки — это группа будущих невест, согласно ступени лестницы спасения, на которую они поднялись» [6, с. 112].

Совершенно особое значение в позднесредневековых толкованиях «Песни» получил образ Невесты. В этот период теории духовного совершенствования делали особый акцент на эмоциональной жизни души как исключительно полезной для спасения. Считалось, что в душе можно выделить такие способности, как *ratio* (мужская, высшая, рефлексивная) и *anima* (женская, низшая, эмоциональная). В отношении спасения *anima* считалась важнее, чем *ratio*, потому что эмоциональная способность, связанная с волевым началом, была источником всех добродетелей и пороков [1, с. 4-8; с. 11-14]. Любовь считалась главной добродетелью, составлявшей основу отношений человека и Бога. Поэтому основная цель авторов толкований состояла в про-

буждении и правильном ориентировании «женской» способности любить — любить Бога и своего ближнего. Говоря метафорически, спасение души было результатом действий «новой Евы, женщины, живущей внутри каждого человека, Невесты Христа» [1, с. 7].

Отождествление Церкви и души с женским началом в комментариях на «Песнь» привело к ассоциации этих аллегорических фигур с Девой Марией. По видимому, Руперт из Дейца был первым, кто, колеблясь, связал образ Невесты с Мадонной. Он провозгласил, что «Песнь» является одой любви Бога к людям. Эта любовь полностью явила себя в момент Благовещения, которое Руперт истолковал как брачный союз между божественной и человеческой природой, в результате которого произошло воплощение Иисуса Христа посредством Святого Духа в Деве Марии [10, с. 79]. Мариологические комментарии на «Песнь» повлияли на такие жанры религиозной литературы, как «Аллегория сада» и «Размышления о жизни Христа». Богоматерь в этих текстах изображалась как совершенная Невеста. В «Аллегориях сада» она описывалась как «сад всех наслаждений», в котором произрастают добродетели [4, с. 26]. Авторы убеждали читателей возвращать такие же добродетели в своих душах-садах для того, чтобы, подобно Марии, дать духовное рождение и материнскую заботу младенцу Христу. В «Размышлениях о жизни Христа» влияние мариологического истолкования «Песни» проявилось в особой лиричности повествования. Образ Марии, в котором переплелись черты матери и Невесты, окрасил евангельские события проникновенной эмоциональностью.

В этих жанрах религиозной литературы появилось много ярких образов-метафор духовного возрождения и мистического брака, которые позднее вошли в широкий круг позднесредневековых проповедей, молитв и песен. Так, они повлияли на популярную серию молитв 15 века, обращенных к Богу и Марии. В этих молитвах с помощью различных метафор, обращаясь к мотивам сада, описывалось мучение Христа на Голгофе, сострадание Богоматери и любовное томление души, стремящейся к Богу [4, с. 47]. Например, молитва «Аве Мария о семи цветах» обращается к Богоматери, используя образ цветов, ассоциирующихся с добродетелями Марии. Так, сравнение с маргариткой раскрывает тему заступничества Богоматери:

*Бог приветствует тебя, прекрасная маргаритка,
Наша Госпожа, кто без колебаний
Защищает нас, поскольку мать Ева
Была послана в ад за свое преступление.
Поэтому справедливо, что я обращаюсь к тебе
Во всякое время нужды,
Надеясь, что я получу твой
Сладкий аромат, предохраняющий от
Смерти в аду. Аве Мария [4, с. 49].*

Наряду с Богоматерью некоторые святые жены также усвоили в позднесредневековый период черты Невесты из «Песни Песней». Одной из таких святых была Екатерина Александрийская — девственная мученица 4 века [7, с. 4-5]. Житие святой повествует, что она была богатой и хорошо образованной принцессой в Александрии. Когда Екатерина услышала о принесении жертв идолам, она пошла ко двору императора Максенция и обвинила императора в идолопоклонстве. Максенций организовал диспут между Екатериной и пятьюдесятью языческими философами с целью осмеять девушку и ее веру, но в результате спора Екатерина убедила философов в своей правоте и, более того, обратила их в христианство. Разгневанный император приказал пытать девушку на колесе, усеянном ножами. Однако свершилось чудо, в результате которого колесо разрушилось. В конце концов, Екатерину, не изменив-

шую своей вере, приговорили к обезглавливанию мечом, и она стала первой христианской мученицей.

В позднем средневековье этот героический образ Екатерины наряду с образами ряда других святых жен претерпел трансформацию в свете мистицизма любви. Мокридж предположила, что изменения в раннесредневековые жития были внесены переводчиками в конце 12 — начале 13 века, когда жития переводились с латыни на местные европейские языки. Эти изменения способствовали превращению женщин-святых из стойких воителей за веру в нежных и страстных Невест Христовых. Согласно Мокридж, если латинские тексты изображали святых, «превозносивших всемогущего Творца, боровшихся за Него и общающихся с Богом на основе разума», то в переводах святые предстают как «грезящие о прекрасном Христе, обожающие Его и стремящиеся соединиться с Ним в экстазе любви» [10, с. 209-210].

Не случайно в житие св. Екатерины в 13 веке был введен эпизод ее обручения с Иисусом Христом. Святая приобрела все необходимые характеристики идеальной Невесты и изображалась, согласно «Золотой легенде», как совершенная дева «непостижимой красоты» [15, с. 335]. В этом тексте описывается, как Екатерина, пылая страстью к своему небесному Жениху, заявляет императору: «Мое единственное желание — это отдать мою плоть и кровь Христу, как Он отдал Себя за меня. Он мой Бог, мой возлюбленный, мой пастух и мой единственный супруг» [15, с. 338]. Перед своей казнью Екатерина слышит небесный голос, обращающийся к ней со словами, напоминающими строки из «Песни»: «Приди, моя возлюбленная, моя невеста, видишь — врата небес уже открыты для тебя» [15, с. 340]. Хотя образы ряда других святых жен сблизились с образом Невесты из «Песни» в период позднего средневековья и Возрождения, именно мистический брак св. Екатерины с Христом служил образцом духовного супружества. Для религиозного искусства немаловажным было и то, что св. Екатерина символизировала созерцательный тип жизни и была поэтому подходящим образом для изображений, предназначенных для медитации. В этих изображениях Екатерину можно узнать по ее атрибутам — сломанному колесу и мечу — символам ее мучения и смерти. Иногда святая предстает облаченной в роскошное платье — знак ее царского рода.

Изображение Мадонны и младенца в пейзаже, основанное на иконографии *Madonna Humility*, задает «прочтение» картины Тициана в свете символизма любви и мистического брака. Младенец Христос на картинах олицетворяет Жениха из «Песни Песней», а Дева Мария — идеальную Невесту. Екатерина Александрийская исполняет роль подруги Невесты, которая помогает возлюбленным соединиться. Аллегорически она символизирует душу, стремящуюся к спасению. По сравнению со статичным образом абсолютного совершенства, символизируемого Мадонной, образ святой предполагает внутреннее развитие. Зрители должны отождествлять себя со святой — подругой Невесты и стремиться к совершенству, воплощенному в образе Богоматери.

В произведении Тициана особую роль играет пейзаж: он формирует символическое, мысленное пространство, которое позволяет объединить воедино различные по времени эпизоды. Так, сцена Благовещения пастухам, которая расположена справа на среднем плане, находится в том же пространстве, что и центральная группа Мадонны и младенца Христа со святыми Иоанном Крестителем и Екатериной. Исследователи отмечали, что такая организация пространства характерна в целом для пасторальных пейзажей 16 века [3,

с. 120]. Эти пейзажи представляют зрителю аналог некоего поля медитации, позволяющего воображению переходить от одного эпизода к другому, подчиняясь не логике события, но некоему внутреннему ритму, построенному на ассоциативных связях, коренящихся, прежде всего, в мистицизме любви.

Кроме того, мотивы пейзажа в картине Тициана обращаются к так называемой теологии духовных чувств. Эта учение подчеркивает возможность эмпирического познания Бога, которую мистики противопоставляли попытке рационального постижения Создателя. Они утверждали, что как тело имеет пять физических чувств, так и душа обладает пятью духовными чувствами, позволяющими ей приблизиться к пониманию невидимых реалий духовного мира. Более того, эмпирическое знание Бога, приобретенное с помощью духовных чувств, «значительно превосходит все знание, которое получено логическим путем, подобно тому, как сладость меда лучше узнается, если попробовать частичку меда, нежели рассуждать пространно о его природе» [13, с. 41-42]. Согласно мистикам, союз души с Богом сопровождается духовными ощущениями запаха, звука, осязания, вкуса и зрения. Тереза Авильская, например, в своем «Сердце замка» пишет о «сладких благоуханиях» и «тепле» как духовных чувствах, которые она испытывала во время медитации [13, с. 50].

Развитие духовной восприимчивости подготавливало душу верующего к мистическому союзу с Богом. В религиозной литературе и искусстве мотивы природного мира играли особую роль, пробуждая духовные чувства и воспоминание о том религиозном опыте, с которым они были связаны. Например, вкус плода мог ассоциироваться со страстями Христа, а также с духовным «вкушением» Бога [5, с. 52]. Герт Гроот в «Часослове» пишет: «В страданиях нашего Господа, через которые человечество надеется на спасение, мы должны получить обновление и зажечь любовью наши сердца. Давайте понесем боль и унижение Христа в наших мыслях, Его терновый венец, Его крест, гвозди и копье. А также Его святые раны, достойные всяческой похвалы; яд, уксус и горечь Его смерти. Мы должны быть насыщены всем этим, сладостно опьянены, а затем вознаграждены изумительными плодами добродетели» [5, с. 66].

Популярная песня, посвященная Екатерине Александрийской, также обращается к символике духовных ощущений:

*В блаженном небесном царстве
Твои чувства разбужены
Твой вкус сладостен
Твое касание превосходно
Твое ощущение запаха утонченно,
О дражайшая Екатерина... [5, с. 71].*

Символизм любви «Песни», основанный на эмоциональной выразительности образов и широком использовании природных мотивов, стал неотделим от учения о духовных ощущениях.

В картине Тициана св. Екатерина изображена в тот момент, когда она подносит младенца Христа Богоматери. Иконография этого мотива основана на иллюстрациях к «Песни», которые изображают друзей Жениха и Невесты, помогающих влюбленным встретиться [8, с. 195]. Друзья доставляют влюбленных друг другу и приготавливают их к свадьбе. На картине Тициана этот мотив поднесения младенца ясно указывает, что Мария — это Невеста, а Екатерина — ее подруга-помощница. Маленький Иоанн Креститель протягивает Марии плод и цветы миндаля. Он выполняет ту же роль друга Жениха и Невесты, что и св. Екатерина. Согласно Евангелию от Иоанна, Иоанн Креститель говорит о себе: «... не я Христос, но я послан пред Ним. Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий

и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха: сия-то радость моя исполнилась». Таким образом, Иоанн характеризует себя как друга Жениха, который радуется, потому что слышит «голос Жениха», идущего на свадебный пир. Это мистический брачный союз, описанный в Апокалипсисе и являющийся символом союза Бога и Церкви в конце времен.

На картине Тициана значение миндаля, возможно, связано со строкой из псалма [3, с. 9]. «Вкусите и увидите, как благ Господь!» [9, с. 40]. В своих «Комментариях на псалмы» св. Фома Аквинский истолковывает эту строку следующим образом: «В телесных вещах мы сначала видим, а затем пробуем; но в духовных вещах вкус идет прежде зрения. Пока человек не попробует, он не знает. Вот почему говорится: *вкусите*, и затем: *увидите*» [9, с. 65]. *Видение* приравнивается св. Фомой к познанию Бога, которое может быть достигнуто посредством *вкушения* Его любви. Мария, прикасаясь одновременно к миндалю и к младенцу, устанавливает между ними ассоциативную связь: миндаль становится символом Христа. Взгляд св. Екатерины, устремленный на младенца, переводит в зрительный образ эти строки псалма: «*Вкусите и увидите*, как благ Господь!» Миндаль также часто ассоциировался с причастием. Популярная молитва, приписываемая св. Франциску Ассизскому, гласит: «О, Иисус, благородный миндаль, мягкий и сладкий, позволь мне вкусить любовь твоего сердца как сладостный хлеб небес. Позволь этой окрашенной розами крови стать моим сладчайшим вином» [5, с. 68].

Возможно также, что в картине мотив поднесения младенца Христа Богоматери намекает на мистическое состояние «двойного объятия», которое символизирует мистический союз души с Христом. Действительно, св. Екатерина возлагает младенца на колени Мадонны и одновременно держит Его близко к себе, как бы обнимая. Мария же готова принять Сына и кладет свою руку под Его голову. Этот мотив поднесения младенца напоминает зрителю хорошо известные строки из «Песни» [2, с. 4-6], которые следуют за строкой [2, с. 3], упомянутой выше: «В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей. Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мной — любовь. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви. Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня».

Нужно иметь в виду, что в соответствии с символической превращения влюбленных друг в друга, слова, произносимые Невестой, могут быть вложены в уста Жениха как в литургии, так и в комментариях на «Песнь». Поэтому строка «Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня», ассоциация с которой вызывается на полотне жестами Марии и Екатерины, может относиться к блаженной душе — Екатерине Бога, которая «возлежит на груди Христа и отдыхает в руках Слова» [2, с. 44].

Мистики часто прибегали к образам, связанным с упомянутыми выше строками из «Песни Песней» и псалма для того, чтобы описать свой духовный опыт. Например, Ян ван Русбрук в своем произведении «Сияющий камень» использует эти образы, когда описывает экстатическое состояние «двойного объятия» — символ мистического союза души с Богом: «...Все возможности души открываются, и особенно сила желаний; и все воды благодати изливаются на нас, и чем больше мы вкушаем их, тем больше мы испытываем жажду. ...И поэтому пророк говорит: «Вкусите и увидите, как сладостен Господь». Но он не говорит, насколько Он сладостен, так как сладость Бога безмерна.... И это подтверждается Невестой из «Песни Песней», когда она говорит: «В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее слад-

ки для гортани моей» [13, с. 53-54]. Вино, упомянутое в приведенном выше отрывке из «Песни», связывалось в толкованиях с вином Евхаристии. Можно предположить, что Тициан сознательно внес неопределенность в мотив поднесения младенца. В самом деле, для зрителя не вполне ясно, принесла ли Екатерина ребенка Марии или, наоборот, забирает Его с ее колен. Поэтому можно предположить символику евхаристического таинства и истолковать этот мотив как «принятие тела Христова» не только Марией, но и св. Екатериной. А это, несомненно, вызывает у зрителей ассоциации с причастием, поскольку верующий, «принимая» евхаристический хлеб и вино, становится частью Церкви — «тела Христова» и вступает в мистический союз с Богом. Женские образы картины, таким образом, подтверждают свое символическое значение Церкви (Мария) и души (Екатерина).

В двадцать седьмой проповеди своих знаменитых толкований «Песни Песней» св. Бернард Клервосский следующим образом описывает Невесту, приготавливающую себя к встрече с Женихом: она «украшает себя одеждой из золота и подпоясывается множеством достоинств и добродетелей» [2, с. 77]. Возможно, что золотисто-белое платье Екатерины и ее красный пояс навеяны этим мотивом украшения Невесты. Традиционное же голубое платье Девы Марии, перекликающееся с голубым небом на картине, вызывает в памяти зрителя такие популярные титулы Богоматери, как «Царица небесная» и «Врата небес». Другая ассоциация, связывающая Богоматерь с небом, может быть навеяна хорошо известным рассуждением св. Бернарда о красоте совершенной Невесты, сравнимой с красотой неба. Бернард пишет, что Церковь — Невеста Христа — в «ее универсальности, является необъятным небом», простирающимся «от моря до моря, и от реки до концов земли» [2, с. 84-85]. Таким образом, символика, связывающая Богоматерь с небом, характеризует ее как совершенную Невесту из «Песни» и как Невесту Агнца из Апокалипсиса 21:2 («И я, Иоанн, увидел святой

город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего»). Сцена с пастухами и ангелом в небесах на среднем плане символизирует Благовещение пастухам и, следовательно, ассоциируется с Рождеством Иисуса и началом искупления. Таким образом, зрители, созерцая картину, могут представить всю историю спасения от рождения Мессии до конца мира и мистического брака Бога и Церкви.

Гравюра 17 века, выполненная по этой картине Тициана, имеет надпись из «Песни Песней» со словами о поцелуе влюбленных [14, с. 120]. Эта надпись без сомнения подтверждает, что люди того времени воспринимали картину в свете мистической любви Жениха и Невесты. В комментариях на «Песнь» поцелуй влюбленных ассоциировался с физической любовью, принятием пищи и дыханием [12]. Он символизировал любовные ласки Невесты и Жениха в саду, причащение кровью и плотью Христа во время Евхаристии и приобщение к благодати Духа Святого во время молитвы и размышлений о жизни Христа и Богоматери.

Итак, можно утверждать, что лондонское полотно Тициана «Мадонна и младенец Христос со святыми Екатериной Александрийской и Иоанном Крестителем» приобщает зрителей к символике мистического союза между верующими и Богом. Основные мотивы произведения, коренящиеся в богатой традиции толкования «Песни», были, безусловно, понятны современникам Тициана, созерцающим картину. Они видели перед собой св. Екатерину — образ души, страстно стремящейся к идеальному образу Невесты, воплощенной в фигуре Богоматери. Медитация на тему любви между Богом и людьми и на тему евхаристического общения с Творцом способствовала очищению души и приготвлению ее к союзу с Господом. Символика супружества выявляется на двух уровнях рассмотрения картины, обозначая личный союз верующего с Богом (в экстазе и причастии) и всеобщий союз всех праведных (Церкви) с Христом в конце времен.

Библиографический список

1. Astell, AW. The Song of Songs in the Middle Ages / A.W. Astell. — Ithaca: Cornell University Press, 1990.
2. Bernard, St. On the Song of Songs, in The Works of Bernard of Clairvaux. 4 vols, Walsh, K. et al. (trans.), Kalamazoo, Mich.: Cistercian Publications, 1971.
3. Clubb, L. 'Pastoral Elasticity on the Italian Stage and Page', in The Pastoral Landscape / H.Clubb. — Hunt, JD. (ed.), National Gallery of Art, Washington, 1992.
4. Falkenburg, R.L. Joachim Patinir: Landscape as an Image of the Pilgrimage of Life / R.L.Falkenburg. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1988.
5. Falkenburg, R.L. The Fruit of Devotion: Mysticism and the Imagery of Love in Flemish Paintings of the Virgin and Child, 1450-1550 / R.L.Falkenburg.- Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1994.
6. Glossa Ordinaria, in Patrologiae Cursus Completus, Series Latina, Migne, JP. (ed.), vol. 113, Paris, 1844.
7. Katherine of Alexandria, St. The Late Middle English Prose legend in Southwell Minster. Nevanlinna S. et.al. (eds.), Finnish Academy of Science and Letters, 1998.
8. Lavin, M.A., 'The Joy of the Bridegroom's Friend', in Art, the Ape of Nature: Studies in Honour of H.W. Janson, Barasch M. et.al.(eds.), New York: Harry N. Abrams, 1981.
9. Levi d'Ancona, M. The Garden of the Renaissance: Botanical Symbolism in Italian Painting / M. Levi d'Ancona. — Firenze: L. S. Olschki, 1977.
10. Matter, EA. The Voice of My Beloved: The Song of Songs in Western Medieval Christianity / EA.Matter. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990.
11. Mockridge, DL. From Christ's Soldier to His Bride: Changes in the Portrayal of Women Saints in Medieval Hagiography / DL.Mockridge. — Ann Arbor, Mich.: University Microfilms International, 1984. Thesis (PhD).
12. Perella, NJ. The Kiss Sacred and Profane: An Interpretive History of Kiss Symbolism and Related Religio-Erotic Themes / NJ. Perella. — Berkeley: University of California Press, 1969.
13. Pike, N. Mystical Union: An Essay in the Phenomenology of Mysticism / N.Pike. — Ithaca: Cornell University Press, 1992.
14. Titian, cat., Jaffe, D. (ed.), London: National Gallery Company, 2003.
15. Voragine, Jacobus de, The Golden legend: Readings on the Saints v.1,2, Ryan, WG. (trans.) / Jacobus de Voragine. — Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.
16. Zarri, G. 'Living Saints: A Typology of Female Sanctity in the Early Sixteenth Century', in Women and Religion in Medieval and Renaissance Italy, Bornstein, D. et al. (eds.), Schneider, M. (trans.) / G.Zarri. — Chicago: The University of Chicago Press, 1996.

Статья поступила в редакцию 15.03.08

УДК 008(470+571)

Т. Ф. Кряклина, д-р философ. наук, проф. АлтАЭиП,
заслуженный работник высшей школы РФ, г. Барнаул

КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ, ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Анализируется феномен культуры современной России. Выявляются такие сущностные черты, как мультикультурализм, национально-русское двуязычие; синтез национально-специфического (этнического) и общероссийского (интернационального).

Ключевые слова: мультикультурализм, национально-русское двуязычие, национально-специфические и интернациональные черты культуры.

Россия — многонациональная страна. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года в России проживают представители 160 этносов, общая численность которых составляет 145,2 млн. человек. Наиболее многочисленный этнос России — русские. Они насчитывают 116 млн. человек, что составляют 80% жителей страны. Переписью населения выявлены также 6 наиболее крупных этносов, проживающих в России, — это татары, украинцы, башкиры, чуваша, чеченцы, армяне, численность каждого из которых составляет более 1 млн. человек. Все остальные 153 этноса, проживающие в России, насчитывают более 23 млн. человек.

Многонациональность населения России обуславливает одну из главных сущностных черт общероссийской культуры — ее **мультикультуризм** [1]. Исторически сложилось так, что подавляющее большинство этносов, проживающих в России, считают ее своей исторической родиной, территорией формирования своей этничности. В этой связи **понятие российская культура** в широком смысле охватывает все многообразие национальных культур народов, проживающих в России. Оно идентифицирует в себе все культуры, функционирующие в рамках единого российского государства. Однако «удельный вес» каждой из национальных культур в этом едином культурном пространстве в силу ряда причин не одинаков.

Что же касается понимания российской культуры в узком смысле, то оно имеет в виду лишь то **лучшее из национальных культур народов**, что стало достоянием всех российских этносов. Механизм такого становления будет показан ниже на примере национальных литератур народов Сибири.

Следующая черта **общероссийской культуры** — **национально — русское двуязычие**. Проиллюстрируем ее проявление на национально — русском литературном двуязычии. Национально-русское литературное двуязычие предполагает знание русского языка субъектом творчества, постоянное совершенствование овладения его художественным своеобразием. Овладение писателем иномациональными языковыми и литературно-художественными традициями, иным типом художественно-образного мышления должно быть настолько, чтобы иномациональный язык стал адекватным национальному языку как средству выражения состояния чувственно-эмоциональной сферы внутреннего мира автора. Однако родной (национальный) и иномациональный языки имеют различные генезисные основания формирования как средств общения и как уровней вхождения в литературное творчество. Да и функционально в жизнедеятельности самого субъекта они не всегда совпадают. Родной язык, как правило, первоначально усваивается писателем в семье, в процессе семейного воспитания и общения. Он становится языком начального этапа познания предметов и яв-

ний, непосредственного восприятия окружающей действительности, передачи национальной (традиционной) культуры, народного опыта. В этом опыте и культуре объективируются народные традиции, традиционные формы мировосприятия и художественнообразного видения мира. Все то, что на протяжении веков входило в сознание народа (этноса), отражаясь, осмысливается первоначально на его обыденном, а затем и теоретическом уровне, закрепляясь в литературном языке, корректирующем впоследствии и речевую деятельность человека «В основе всякого литературного языка, — отмечал Л.В. Щерба, — лежит накопленное веками «сокровище» фраз, словосочетаний, комбинаций фраз, изречений, пословиц и т.д. Но это «сокровище» оказывается гораздо большим сокровищем, чем обыкновенно думают. Обычно его понимают как сумму накопленной данным народом мудрости, между тем в языковом материале, унаследованном от старших поколений, заложены в виде возможностей и линии речевого поведения будущих поколений, наследников этого сокровища» [2, с. 132].

Русский язык в деятельности субъекта творчества — это, как правило, язык образования, общения вне семьи, язык литературного творчества. Он усваивается главным образом в процессе школьного и вузовского образования. Механизм усвоения иномационального литературного языка иной по сравнению с национальным (родным). «Изучение любого языка как родного, — отмечает Л.В. Щерба, — отличается от изучения того же языка как неродного тем, что в первом случае задачей является главным образом осознание некоторых существующих у учащихся грамматических и лексических категорий и главнейших средств их выражения, а во втором — привитие учащимся целого ряда чуждых им грамматических и лексических категорий и всех правил несвойственного им речевого поведения вообще» [3, с. 379]. Усвоение национального литературного языка, таким образом, идет от чувственно-эмоционального восприятия, обыденного познания к теоретическому его осмыслению и осознанию, в то время как иномационального — от теоретического осмысления и осознания к чувственно-эмоциональному усвоению. **Овладение русским языком** как родным означает включение его в **чувственно-эмоциональную сферу** и речевую деятельность субъекта творчества, принятие в качестве средства повседневного языкового общения.

Взаимодействие литератур приводит к «смешению» их художественно-языковых средств. Говоря о «смешении» художественно-образных средств языков, необходимо отметить, что оно характерно как для национальных литературных языков, так и внелитературных средств языка. По мнению лингвистов, смешение литературных языков идет по следующим направлениям: 1) заимствования в собственном смысле слова, сде-

ланные данным языком из инонациональных языков, 2) изменения в национальном языке под воздействием инонационального, 3) возникновение фактов, являющихся результатом недостаточного усвоения какого-либо языка [4, с. 41-42].

Вхождение русского языка в литературное творчество многих российских этносов обусловлено рядом как объективных, так и субъективных факторов: социальной отсталостью и неразвитостью общественных отношений народов, отсутствием национальной письменности и литературности, национальных художественных традиций и т.д. По-разному в литературе трактуется этот процесс: от насильственной русификации народов, отставших в историческом развитии (зарубежные авторы), до стремления отечественных исследователей выявить некие общие закономерности в формировании и развитии языков как национальных.

Анализируя различие между закономерностями развития славянских языков в донациональную и национальную эпохи, В.В. Виноградов, специалист по истории русского литературного языка, пишет: «... среди общих закономерностей развития литературных языков народов Запада и Востока отмечается одна закономерность, характерная для эпохи феодализма, эпохи, предшествующей образованию национальных литературных языков, — это употребление в качестве письменного литературного языка не своего, а чужого языка, Дело в том, что в эту эпоху границы литературного языка и народности не совпадают» [5, с. 103]. Из сказанного следует, что в эпоху формирования наций должно происходить совпадение границ функционирования народно-разговорного и письменно-литературного языков. Причем, как отмечает далее В.В. Виноградов: «... единство национально-литературных норм складывается в эпоху формирования и развития наций сначала в письменной разновидности литературного языка» [6, с. 12].

Своеобразным фактором формирования самодостаточности культуры как общенациональной является, — и это продемонстрировано европейской традицией развития индустриального общества, — поддержка государством высокой культуры, обладающей своей письменностью и основывающейся на образовании доминирующего этноса (русских), который как социальная единица, выступает основным ядром формирования и общности политической (в нашем случае россиян). В таких случаях доминирующий этнос получает преимущественное право представительства в органах системы государства. В системе образования он (этнос) также стремится к поддержанию той культурно-языковой среды, носителем которой он является. Колониальная зависимость ряда африканских и азиатских стран от Великобритании следствием своим имеет признание английского языка в качестве государственного в конституциях 19 государств этих регионов.

Что же касается имманентных законов развития национального (государственного) языка, связанных с его способностью «обслуживать» представителей различных этносов и национальных культур, удовлетворять запросы разных типов языкового мышления народов, сошлемся на данные, приведенные британскими исследователями. Согласно выпущенному в Великобритании «Атласу мировых языков» английский язык остается наиболее распространенным из 6500 языков нашей планеты. Он является родным для 350 млн. человек, а 1,4 млрд. человек его называют своим вторым языком. Затем по количеству говорящих следует: китайский язык, подчитывающий около 1 млрд. говорящих; хинди (около 3000 млн. говорящих); испанский (около 280 млн. говорящих); русский язык (около 220 млн. говорящих). Многие из 5 тыс. языков,

насчитывающих менее 10 тыс. говорящих, по мнению составителей атласа, стоят перед реальной угрозой полного исчезновения в ближайшие 50-100 лет. Не исключено, что такая судьба может постигнуть и языки некоторых наиболее малочисленных народностей Севера в силу их функциональной невостребованности.

Богатое наследие устного поэтического творчества обусловило значительное развитие литературы в национальных автономиях Сибири. Она являет собой, пожалуй, наиболее развитый вид национального художественного творчества, обладающий достаточно сложившимися традициями, сохранившими своеобразие и самобытность. Национальные литературы сибирских народов представлены произведениями **алтайцев** А. Адарова, Л. Кокышева, П. Кучияка, Э. Палкина, Б. Укачина, Д. Каинчина, П. Самыка; **бурят** Х. Намсараева, Ж. Тумунова, Д. Улзытуева; **манси** Ю. Шесталова, М. Вахрушевой; **нанайца** Г. Ходжера; **ненцев** Л. Лапцуня, Л. Ледкова; **нивха** В. Санги; **чукчей** Ю. Рытхэу, А. Кымытваль; **якутов** С. Данилова, М. Ефимова, А. Мординова и многих других.

Динамика изменений общественной жизни народов Сибири привела к активным процессам этих явлений в национальном творчестве. Преимущественно национальная тематика, национальные сюжеты, специфически изобразительно-выразительные средства — характерные черты произведений национального искусства алтайцев, бурят, якутов в 30-40 годы XX столетия. Расширившаяся тематика произведений, включение инонационального предметно-исторического материала, богатых палитр изобразительно-выразительных средств — существенные черты произведений национального искусства указанных народов уже в 80-е годы. В современном национальном искусстве народов Сибири есть произведения, рассказывающие о жизни не только народов России, но и живущих за ее пределами народов. Есть произведения, которым присущи характеристики других культур. Так, в творчестве хакаского графика В. Тодыкова искусствоведы обнаруживают арабские и среднеазиатские «мотивы», а в его чеканке чувствуется «влияние» грузинских мастеров.

Выход художественных произведений по своей тематике, поднимаемым проблемам и способам их решения за узко национальные рамки определил значительный интерес к ним представителей других национальностей. Об этом свидетельствует рост числа литературных переводов. Так, пьеса «Медвежий лог» хакаского драматурга М. Кильчичакова была поставлена в более 80 театрах бывшего СССР [7, с. 131-134]. Книга первого удьгейского писателя Д. Кимонко «Там, где бежит Сукпай» в настоящее время переведена на польский, французский, испанский языки [8]. Проза Ю. Рытхэу переведена на 50 языков мира. Г. Ходжер, Ю. Шесталов, В. Санги, И. Истомин стали известными за пределами России. Далеко за пределы Сибири и Дальнего Востока «ушли» книги А. Пассара, В. Ледкова, А. Кымытваль, Р. Ругина [9]. Произведения таких видов искусства, как музыка, живопись, имея общедоступный, общечеловеческий характер художественного языка, не требуют переводов. Они доступны для восприятия людьми разных национальностей.

Процессы взаимодействия в сфере художественного творчества имеют отношение к мировоззрению субъекта, формам, методам и средствам его деятельности. Существенной особенностью национального художественного творчества Сибири стало участие в нем не только представителей титульных национальностей, но и инонациональных. **Многонационален состав творческой интеллигенции национальных автономий России.**

Процессы активного межнационального взаимодействия, взаимовлияния народов приводят к взаимо-

обогащению национальных культур, формированию в них общих черт. Национальные культуры наследуют исторические и культурные традиции, заложенные межэтническим взаимодействием народов в предшествующие эпохи.

Взаимодействие национальных культур объективно способствует развитию в них и **национально-специфического (этнического)**. Оно идет путем диалектического отрицания национально-специфического, которое проявляется в различных формах. Одна из **форм тако-го отрицания** — отказ от специфического, проявление которого не соответствует времени, современным интересам, художественным вкусам и потребностям народа. Утрачивая свою социальную значимость, такое национально-специфическое не отражается в современном национальном художественном творчестве (например, показ героя в образе комического бедняка Тастарака в алтайском народном творчестве, изображение врагов героя в специфических образах чудовищ в поэтическом творчестве ряда сибирских народов и др). Утрачивая социальную и эстетическую значимость в первичных формах художественного творчества (фольклоре к примеру), эти элементы могут быть воспроиз-

ведены во вторичных его формах — профессиональном творчестве, определяя своеобразие последнего.

Следующая форма развития национально-специфического в культурах — **наполнение определенной его части актуальным социальным содержанием**, соответствующим времени. Включенное в художественное творчество такое национально-специфическое определяет своеобразие национальной культуры, специфику ее развития и функционирования. Примером данной формы развития национального является использование традиционных форм художественного творчества (алтайских героических сказаний, бурятских улигеров, якутских олонхо) соответственно в алтайской, бурятской, якутской современной культуре.

И, наконец, **третья форма развития национально-специфического** — превращение лучшего его в межнациональное, региональное, общероссийское (интернациональное) достояние, средство обогащения российской культуры в целом. Современная российская культура — это **своеобразный «сплав» культур многих** российских этносов, в котором фундирующую роль играет русская культура как культура наиболее многочисленного этноса России.

Библиографический список

1. Проблемы духовного развития России: история и современность: материалы межвузовской конференции: вып.2 / под ред. А.С. Фролова. — Барнаул: Изд-во ААЭП, 2007.
2. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку /Л.В.Щерба. — предисл., подбор текстов, примеч. и ред. М.И. Матусевич. — М.: Учпедгиз, 1957.
3. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку /Л.В.Щерба. — предисл., подбор текстов, примеч. и ред. М.И. Матусевич. — М.: Учпедгиз, 1957. — С.379.
4. Щерба, Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л.В.Щерба. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. — Т.1.
5. Виноградов, В.В. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. V международный съезд славистов. — М.: Изд-во АН ССР, 1963.
6. Виноградов, В.В. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. V международный съезд славистов. — М.: Изд-во АН ССР, 1963. — С.12.
7. См.: Котожеков, Г.Г. О некоторых особенностях диалектики национального и интернационального в хакасской литературе и искусстве / Г.Г.Котожеков // Великий Октябрь и социально-экономическое развитие Хакасии. — Абакан, 1978. — С.191-194.
8. См.: Хатунцев, В. Первый из удэге / В.Хатунцев // Правда. — 1987. — 5 августа.
9. См.: Воскобойников, М. Вызванная к жизни Октябрем / М.Воскобойников // Звезда. — 1967. — №8.

Статья поступила в редакцию 15.03.08

УДК 281.93(571.150)

С.В. Нестерова, д-р культурол. наук, проф. АлтГАУ, г. Барнаул

ПРАВОСЛАВИЕ НА АЛТАЕ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Рассматривается религиозное пространство Алтайского горного округа XVIII — начала XX вв., представлявшее собой полиструктурное образование, что было связано с существованием различных конфессиональных направлений на данной территории. Показано лидирующее значение православия, способствовавшего сложению системы религиозных учреждений и организаций. Дан анализ различных религиозных структур, образующих единое православное поле Алтая.

Ключевые слова: православие на Алтае, конфессиональные направления Алтайского горного округа, религиозные учреждения и организации Алтая.

Особые условия формирования религиозного пространства Алтая XVIII — начала XX вв. были связаны с одновременным существованием на его территории различных конфессиональных направлений, что обусловило его историко-культурное своеобразие.

Доминирующее положение православия с XVIII в. вызвало необходимость его более детального рассмотрения в свете современных исследований. Религиозные институты и организации православия могут быть представлены в виде особой структуры, включающей пять самостоятельных блоков, достаточно автономных и вместе с тем связанных в единое целое: религиозное наследие, «надстройка», «базис», виды деятельности

религиозных организаций и верующих и религиозная символика [1, с. 112-113; 2].

Религиозное наследие. К началу русской экспансии в Сибирь и, в частности, на Алтай, на его территории среди коренного тюркоязычного населения уже были заложены традиции буддизма и ислама — крупнейших мировых религий, а также древнейших языческих верований, воплотившихся в шаманизм. Христианства — наиболее распространенной религии мира — в тот момент в регионе еще не существовало.

«Надстройка» (органы управления РПЦ). Иерархическая вертикаль Русской православной церкви (РПЦ) в Сибири была представлена системой учреждений,

центральной структурой которой являлись с 1621 г. Тобольская епархия, и епархиальное управление — Духовная консистория. В 1750 г. митрополитом Тобольским и Сибирским была создана новая административная структура — Барнаульское духовное за казное правление (впоследствии — Барнаульское духовное правление), ведавшее всей деятельностью РПЦ на территории горного округа [3, с. 5-6]. В 1834 г., в связи с учреждением Томской епархии и консистории, все церковные структуры Алтайского горного округа вошли в ее состав. Динамика увеличения храмов в округе отразилась, очевидно, и на усложнении всей религиозно-административной системы, которая с начала XIX в. стала иметь 4-ступенчатую структуру: Томская епархия и консистория — Барнаульское духовное правление — благочиние — приход [4, с. 21].

В 20-е гг. XX в., в связи с серьезными разногласиями внутри самой Русской православной церкви (в результате чего произошел ее фактический раскол), возникла обновленческая церковь, признававшая советскую власть. Тех, кто оставался на позициях традиционного православия, относили к староцерковникам [5, с. 47]. В итоге руководящая структура РПЦ на Алтае стала разукрупняться. Начинается ее дробление на более мелкие образования.

«Базис» (формы объединения верующих. Религиозные центры). Центральным и наиболее сложным по составу компонентом религиозной подсистемы является религиозный «базис», объединяющий как приверженцев определенного вероучения (в данном случае — православия), так и всевозможные их организации, начиная с первичных общин, братств и т.д., до крупных религиозных центров — монастырей и духовной миссии, как это было в Алтайском горном округе. Наименьшими структурными подразделениями Русской православной церкви были приходы, включавшие в себя церковь с причтом и общину верующих.

На Алтае существовало несколько разновидностей приходов: при военных укреплениях (крепостях, острогах), на предприятиях горнодобывающей промышленности — рудниках и заводах, в городах и сельской местности, а также в местах проживания коренного этноса — на территории Горного Алтая [6, с. 29]. По сравнению с Центральной Россией религиозность сибирских крестьян была более низкой в связи с недостаточностью церквей и отдаленностью территорий, о чем неоднократно свидетельствуют различные источники [7, с. 174]. Характеристика базисной структуры православной церкви в Алтайском округе была бы не полной без упоминания о сложившейся в приходах системе религиозного образования, в организации которого принимало участие приходское духовенство.

Система религиозного образования на Алтае была представлена двумя типами учебных заведений: уездным духовным училищем, осуществлявшим подготовку кадров священнослужителей, и целой сетью церковно-приходских школ, располагавшихся на территории округа. Среди других структур, образовавших конфессиональный «базис» округа, следует отметить создание противораскольнического братства св. Димитрия Ростовского и Барнаульского Богородице-Казанского женского монастыря, расширивших религиозное пространство Алтайского округа в конце XIX - начале XX в. Одной из наиболее крупных структур «базиса» явилась Алтайская духовная миссия (АДМ), сыгравшая в колонизации Горного Алтая значительную роль. Центральной задачей миссии была христианизация коренного населения, представленного племенными объединениями, которые имели многовековые языческие традиции.

В качестве ведущего административно-религиозного центра Горного Алтая Духовная миссия способство-

вала созданию развитой православной инфраструктуры, включавшей помимо миссионерских церквей и молитвенных домов, монастырей и общин, церковно-приходских школ и других учреждений благотворительного назначения вновь образующиеся миссионерские поселки и целые станы, состоявшие из ряда самостоятельных поселений.

Монастыри Духовной миссии являлись крупными просветительскими, благотворительными и культурными центрами Горного Алтая. Это — Улалинский Николаевский (1863 г.) и Бийский Тихвинский (1894 г.) женские монастыри, а также Чулышманский Благовещенский мужской монастырь (1864 г.). Отмечая большую просветительскую работу Алтайской духовной миссии, следует подчеркнуть, что у ее истоков стояли незаурядные деятели русской православной культуры, а также представители алтайской интеллигенции — М. Глухарев, В. Вербицкий, С. Ландышев, М. Чевалков и др. Они занимались не только миссионерской работой по призванию, но и являлись первыми учеными, деятелями культуры Горного Алтая, носителями научного знания. Начавшийся диалог двух культур — православной русскоязычной и культуры местного тюркоязычного населения, двух этносов — степного и славянского в силу объективных причин не получил дальнейшего продолжения. Позиции шаманизма оказались достаточно сильны, поскольку «чем раньше возникла базисная для данной территории религиозная культура, тем значительнее ее влияние на характер и развитие культурного слоя» [8, с. 195]. Этим, очевидно, и можно объяснить прочные, устоявшиеся традиции шаманизма на Алтае, несмотря на подвижническую деятельность АДМ. Помимо этого, правительственные законы 1905-1906 гг. о веротерпимости также не способствовали упрочению православия в этом регионе.

Виды религиозной деятельности. Деятельность религиозных организаций и верующих в Алтайском горном округе была представлена достаточно разнообразно. Естественно, религиозной культовой деятельности (богослужения, требоисполнение) отводилось главенствующее значение. Весьма широк был спектр религиозной внекультовой деятельности, которая характеризовалась двумя сферами: духовной и практической. В сфере духовной внекультовой деятельности лидировала структура АДМ, занимавшаяся разработкой и претворением в жизнь религиозных идей с учетом миссионерского служения, интенсивной научной работой в области языкознания, крупномасштабной работой по переводу Библии.

Еще более разнообразной была практическая внекультовая сфера деятельности, представленная в округе системой духовного образования, катехизаторской и миссионерской деятельностью, медицинско-профилактической работой по лечению и оспопрививанию местного населения и т.д. Помимо этого, в системе РПЦ большое место отводилось нерелигиозной деятельности, которая осуществлялась через социальное служение и благотворительность (устройство в монастырских обителях приютов, богаделен, больниц и т.д.) [1, с. 112-113; 2; 9, с. 277].

Религиозные символические системы. Религия как особый тип мировоззрения и мироощущения на протяжении многовековой практики вырабатывала определенные символические системы, включающие в себя средства культовой деятельности. К ним можно отнести культовые сооружения, произведения религиозного искусства, украшающие интерьеры храмов, музыку и т.д. [9, с. 279].

Средства культовой деятельности способствовали сложению значительного пласта традиционной религиозной культуры, образованной синтезом искусств:

образцами культовой архитектуры и изобразительно-го искусства (включавшего в себя монументальную и станковую живопись), декоративно-прикладным искусством, музыкой и многовековыми традициями хорового пения а'capella, а также литературой (в виде элементов поэтического творчества, представленного богослужебными текстами церковных изданий). Все виды религиозного искусства были аккумулированы в пространстве храма, что обусловило доминирующую роль культовой архитектуры в синтезе искусств. Наиболее значимым средством культовой деятельности являются церковные здания, часовни, молитвенные дома, формирующие особое социокультурное пространство, которое уводит человека от повседневных забот и приобщает верующих через способы культовой деятельности (определенные нормы поведения в храме) к духовному единению друг с другом и Богом [9, с. 279-280].

Религиозная архитектура и искусство являются не только носителями определенной символики, но и оказывают большое эстетическое воздействие на общину прихожан, воспитывая чувство красоты и гармонии, вызывая наслаждение прекрасным. К тому же, обладая особой спецификой (предназначены сугубо для выполнения религиозных обрядов), храмовые сооружения являлись крупными центрами, сконцентрировавшими значительные художественные и культурные богатства в виде стенных росписей, икон (в том числе и особо почитаемых — чудотворных), предметов культа (церковная утварь и облачения священнослужителей), фундаментальных библиотек (о пополнении которых заботилось церковное руководство), то есть являлись своеобразными собраниями музеефицированных ценностей, которые имели подчас статус историко-культурных реликвий. В данном случае церковь выступала не только как транслятор религиозных идей, средоточие культурных православных ценностей, но и являлась хранителем религиозного наследия христианства. Подобная роль церкви — хранителя и транслятора духовных и художественных традиций православия способствовала формированию религиозного (православного) наследия.

Архитектура. В культовой архитектуре Алтая XVIII — начала XX в. были представлены известные историко-архитектурные стили — барокко, классицизм, а также русско-византийский и русский [10, с. 143]. Одной из архитектурных особенностей Алтая являлось шатровое и шпилевидное завершение храмовых сооружений, что в сочетании с церковными усадьбами, часовнями (которых было немало в округе) придавало неповторимость и своеобразие городским и сельским территориальным комплексам. Культовые здания органично включались в природные ландшафты, вызывая чувство гармонии и красоты.

Изобразительное и декоративно-прикладное искусство. Центральное место в интерьерах храмов отводилось культовой живописи, представленной стенными росписями и иконами, в которых воплощалось «божественное» в идеально возвышенных образах. Жители Алтая проявляли себя и в иконотворчестве, правда, ощутимых результатов в виде создания «алтайского стиля» или «алтайской иконы» не было достигнуто [11, с. 24-25]. В отличие от официальной церковной живописи, так и не сформировавшей на Алтае прочных иконописных традиций, культовое художественное творчество старообрядцев в Сибири имело более прочные позиции и отличалось не только от официальной, но также и от «народной» иконописи [12, с. 20]. В обрядовой практике старообрядцев широко применялось художественное литье — бронзово-медная пластика, представленная крестами-распятиями, литыми иконами, складнями. Подобные иконы могли представлять собой либо самостоятельные отлитые из металла произ-

ведения, либо сочетали черты пластики и живописи [13, с. 202].

Исходя из оценки общего уровня живописной религиозной культуры Алтайского горного округа XVIII — начала XX в. следует, что, несмотря на наличие нескольких иконописных мастерских (существовавших в XIX в.), а также определенного круга мастеров: иконописцев-самоучек и окончивших данные мастерские (чьи имена не сохранились), на Алтае, в силу особых сложившихся условий функционирования Горного округа и проживания населения, не сформировались традиции официального православного иконотворчества, не было выявлено ярких самобытных мастеров религиозного искусства. Связано это было не в последнюю очередь с процессом разрушения православного самосознания, которое отмечалось на Алтае в XIX в. [11, с. 26, 31]. Напротив, иконотворчество старообрядцев, бережно хранивших традиции древнерусской культуры (несмотря на их тяжелые условия проживания), оказалось более жизнеспособно. Большая востребованность предметов старообрядческого культа привела к созданию в округе центров художественного литья по производству бронзово-медной пластики и появлению ряда талантливых иконописцев, чье творчество еще нуждается в серьезном изучении.

Музыкальное искусство и исполнительство. Наряду с религиозной живописью культовая музыка являлась одним из важных компонентов православной службы. В отличие от народной церковная музыкальная культура, пришедшая из Византии, изначально была связана с письменной традицией и была исключительно вокальной (хоровое исполнение). Церковная музыка входила во все виды православного богослужения. Музыкальное просвещение и воспитание различных слоев населения Алтайского округа проходило преимущественно в храмах, что, безусловно, благотворно сказывалось на общей культуре всего православного социума.

В заключение необходимо отметить следующее. На примере формирования и развития религиозного пространства Алтайского (Горного) округа очевидно определенное ослабление влияния РПЦ. Это проявилось, во-первых, в недостаточной «прочности» одного из ее основополагающих базисных компонентов — общин верующих (особенно в сельской местности), что было заметно уже в начальный период; во-вторых, — в разукрупнении структур в 20-е гг. XX в. (фактическом расколе и конфронтации) ее другого, не менее важного компонента — «надстройки», приведшего к появлению епархий староцерковников и обновленцев. Подобные процессы, безусловно, ослабляли Русскую православную церковь. Помимо этого, существовавшие иные конфессии Алтая (хотя и не столь многочисленные) формировали свое религиозное пространство, «сужая» тем самым пространство православия.

Религиозное пространство Алтая представляло собой полиструктурное образование, включавшее в себя религиозные поля различных конфессий, существовавших в данном регионе. Подобное явление способствовало возникновению феномена рубежной (маргинальной) коммуникативности, создавшего предпосылки для появления нового импульса, стимулировавшего последующее позитивное развитие религиозного пространства [1, с. 52]. Объективные условия для его дальнейшего развития и возможной трансформации были налицо. Вероятный вариант поликонфессионального развития, возможно, предполагал и первый начальник Алтайской духовной миссии, крупный религиозный мыслитель — архимандрит Макарий (Глухарев), когда выдвигал идею «о соединении православной, римско-католической и лютеранской церквей в единую христианскую церковь» [14, с. 181].

В сложившихся условиях Русской православной церкви на Алтае просто не хватило времени для ее дальнейшего развития. К концу первой трети XX столетия на Алтае фактически были утрачены традиции право-

славной культуры в связи с массовым закрытием храмов и изъятием церковных ценностей, среди которых было немало выдающихся произведений русского религиозного искусства.

Библиографический список

1. Гладкий, Ю.Н. Регионоведение / Ю.Н.Гладкий, А.И.Чистобаев. — М., 2000.
2. Сафронов, С.Г. Географические аспекты изучения религиозной сферы России: автореф. дис.... канд. геогр. наук / С.Г. Сафронов. — М., 1998.
3. Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII — начало XX в.) Барнаул, 1997.
4. Кривоносов, Я.Е. 250 лет со дня образования Барнаульского духовного правления / Я.Е. Кривоносов // Страницы истории Алтая. 2000 г.: календарь памятных дат. — Барнаул, 2000.
5. Кривоносов, Я.Е. История православной церкви Алтайского края (1917-1998 гг.) / Я.Е. Кривоносов, Н.И. Разгон // Барнаул для Вас. Альманах. — 1999. — № 1.
6. Адаменко, А.М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII — начале XX в.: автореф. дис.... канд. ист. наук / А.М. Адаменко. — Кемерово, 1998.
7. Островская, Л.В. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) / Л.В. Островская // Крестьянство Сибири XVIII — начала XX века (классовая борьба, общественное сознание и культура). — Новосибирск, 1975.
8. Веденин, Ю.А. Очерки по географии искусства / Ю.А. Веденин. — СПб., 1997.
9. Введение в общее религиоведение / под ред. И.Н. Яблокова. — М., 2001.
10. Степанская, Т.М. Архитектура Алтая XVIII — начала XX в. / Т.М.Степанская. — Барнаул, 1995.
11. Красноцветова, Л.Г. Иконописное наследие Алтая / Л.Г.Красноцветова // Художественная культура Сибири и Алтая. История и современность: сб. мат. науч. конф. и семина. 1988-2000 гг. — Барнаул, 2001.
12. Алехин, Ю.Л. Сибирское старообрядческое иконотворчество (вторая половина XVII — начало XX в.) / Ю.Л.Алехин, Е.Б.Урлаткин // Сибирь в панораме тысячелетий: мат-лы междунар. симпозиума. — Новосибирск, 1998.
13. Фурсова, Е.Д. Предметы старообрядческого культа в частных собраниях юга Западной Сибири / Е.Д.Фурсова, В.И. Голомянов В.И. П // Этнография Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул, 1998.
14. Модоров, Н.С. Гражданин, «смирный труженик» и просветитель (Слово об архимандрите Макарии Глухареве): мат-лы Всероссий. науч.-практ. конференции. / Н.С. Модоров // Теология и религиоведение. — Барнаул, 2002. — Вып. 1.

Статья поступила в редакцию 15.03.08

УДК 712(571.1/5-21)(09)

Т.В. Пойдина, канд. искусств. наук, ст. преп. АлтГУ, г. Барнаул

ГРАФИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ АРХИВНЫХ И МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ САДОВО-ПАРКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ

Доказывается продуктивность использования архивных и музейных материалов в исследовании региональных особенностей отечественного садово-паркового строительства. Реконструируется специфика формирования садово — парковых ансамблей сибирских городов.

Ключевые слова: архивные и музейные материалы, садово-парковые ансамбли сибирских городов.

Изучение истории садово-паркового строительства в сибирском городе возможно на основе архивного, музейного и библиографического материала. Сохранившиеся в современной градостроительной структуре исторически сложившиеся парковые территории претерпели существенные изменения и не позволяют исследовать основные тенденции в устройении садовых ансамблей XIX — начала XX вв. Утрачены усадебные, церковные, а также некоторые городские сады. В данной статье автором показано использование архивных и музейных материалов в исследовании региональных особенностей устройства садов во взаимосвязи с традициями отечественного садово-паркового строительства. Исследовательской базой послужили документы Центра хранения архивных фондов Алтайского края, Государственного архива Омской области, Алтайского Государственного краеведческого музея, Томского Областного краеведческого музея, Омского Областного музея истории искусств им. М.А. Врубеля. Материалы фондов позволили выявить графические и текстовые документы, фотоиллюстрации, характеризующие особенности планировочной организации садово-парковых территорий, исторического облика некоторых городских садов и бульваров,

а также послужили источником для определения их местоположения в градостроительной структуре.

Формирование провинциальных садово-парковых ансамблей, как правило, обусловлено местными топографическими, социально-историческими, градостроительными факторами, но вместе с тем очевидна зависимость от тех тенденций, которые имели место в столицах. «Провинции, хотя и каждая по-своему, следовали за столицами, причем, как правило, с некоторой задержкой, временным интервалом» [1, с. 6]. Это касается и сибирских городов.

Садово-парковое строительство сибирских городов досоветского периода представлено следующими видами садов: сады лекарственных трав, ботанические, церковные, усадебные сады, частные сады «для развлечений», городские общественные сады. Устойчивой традицией является приспособление для мест отдыха прилегающих к городу природных массивов, устройство аллей и парковых сооружений в городских и загородных рощах, устройство на главных улицах бульваров и скверов, получивших историческую преемственность, разбивка малых садов на площадях и перед общественными зданиями.

Историко-архивные материалы позволяют проанализировать устройство в г.Барнауле сада лекарственных трав (последняя треть XVIII в.). Одно из ранних упоминаний о лекарственном саду при Барнаульском Центральном госпитале содержится в труде П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (1786). Указ Колыванской Горной экспедиции «О разведении в «госпитальных огородах и садах» разных лекарственных трав» от 13 апреля 1790 г. [2] свидетельствует о значимости лекарственных садов и следовании требованиям «Генерального регламента о госпиталях» (1735). В конце XVIII века при горном госпитале и аптеке в Змеиногорске был основан сад и огород для разведения лекарственных растений. Небольшие сады имелись при Локтевском, Сузунском, Колыванском и Зыряновском госпиталях [3]. Госпитальные сады и «аптекарские» огороды были достаточно распространенным явлением в отечественном садовом деле XVIII в.; многие из них стали основой для ботанических садов. В городах сибирского региона в последней трети XVIII века аптекарские и ботанические сады являлись очагами озеленения. Большой известностью пользовался лекарственный сад в Тобольске, основанный в 1763 г. В Восточно-Сибирском регионе этого периода следует отметить ботанические сады в городах Иркутске и Нерчинске. В начале XIX в. на базе Барнаульского аптекарского огорода штаб-лекарь С.И. Шангин заложил ботанический сад.

Архивный план Барнаульского «Кабинетского приаптекарского сада. Без даты» предположительно составлен в 20-е гг. XIX века. К тому же исследователь архитектуры С.Н. Баландин отметил, что П.К. Фролов разбил новый сад, «во вкусе Ленотра», с прямыми аллеями [4]. Как известно, годы правления Начальника Горного округа П.К. Фролова приходятся на 1818-1829 гг. В плане сада [5] две главные осевые аллеи разделяют территорию и придают системе посадок «геометричность», что соответствует регулярному стилю ботанических «садов — огородов» XVIII в. Согласно архивным планам Барнаула геометрическая композиция сада органично вошла в городскую структуру, основанную на принципе регулярности. В конце XVIII в. аллеи сада стали местом для «гуляний» [6, с. 37]. В этом прослеживаются связи с теми явлениями, когда в России, в том числе и сибирских городах, в XIX в. возникают первые городские общественные сады «для гуляний и публичных развлечений». Основание в Барнауле сада лекарственных трав для обеспечения госпиталя и аптеки при Барнаульском заводе, а позднее ботанического, характеризует историко-культурную среду города. С точки зрения Д.С. Лихачева, сады и парки формируют «сферу исторического времени». В настоящее время на территории парка культуры отдыха Центрального района от прежнего не осталось и следа, однако существенным является сохранение исторической преемственности зеленой территории в городе. В этом прослеживается устойчивая черта в отечественном садовом деле.

Многие сады, созданные в традициях отечественного усадебного строительства, не оставили следа в городской структуре, однако сохранились на планах и чертежах и заслуживают внимания. В этом отношении показателен архивный чертеж Загородного Дома Начальника Горного округа в Барнауле [7]. В плане указана дата 1815-1819 гг. В экспликации плана обозначено, что в 1815-1816 гг. обустройство сада произведено «начальником заводов Эллерсом». Усадьба располагалась на правом берегу Заводского пруда, что соответствовало традиции: место для центра усадьбы выбиралось обычно на возвышении, у бровки холма, на краю речной террасы или у пруда. Согласно чертежу, территория усадьбы обнесена оградой и имела упоря-

доченную планировку с регулярными аллеями, фруктовым садом с яблоневыми посадками и «разными ягодными деревьями». В плане усадьбы обозначены искусственный пруд, малые формы садово-парковой архитектуры: фонтан и беседки. Включение пруда в композицию сада является устойчивой традицией отечественного усадебного садово-паркового строительства.

Традиции усадебного садово-паркового строительства прослеживаются в устройении сада при Доме Начальника Алтайского округа (ныне пр.Ленина, 18). Согласно архивному чертежу 1897г. значительную территорию усадьбы занимал сад, примыкающий к жилому особняку и выходящий двумя сторонами на Московский бульвар и улицу Бийскую (ул. Никитина) [8]. Размещение зеленых посадок, регулярные аллеи, пересекающиеся по диагонали дорожки, «малые формы» — все в русле садово-паркового искусства дворянской усадьбы. Фотография из фондов Алтайского краевого краеведческого музея свидетельствует, что 1920-е гг. здесь были основаны «сад и клуб профсоюзов» [9]. Ныне значительную часть территории занимает стадион «Динамо».

Пространственно-планировочные принципы классической организации усадебного комплекса, в частности, осевые приемы, получили воплощение в решении архитектурно-паркового ансамбля при доме генерал-губернатора Западной Сибири в г.Омске. Губернаторский дом и сад показаны на плане г.Омска архитектора Э.И. Эзета 1869г. (архив ООМИИ им. М.А. Врубеля). Регулярные приемы имели место в планировке аллей «Сада воспитанников». Определенное «регулярство» стремились придать березовым рощам Омска (примером служит план Любинской рощи). Архивные документы свидетельствуют, что в конце XIX начале XX вв. в г.Омске были проведены работы по озеленению города [10]. В этот период создавались сады и скверы вокруг новых храмов Успенского кафедрального собора (1898), Параскевиевской церкви (1909), устраивали сады и скверы возле общественных зданий, прокладывали новые бульвары. В начале XX века значительными зелеными массивами в г.Омске являлись Губернаторский сад, Санниковский сад, Загородная роща, Марьяна роща у устья Оми, Госпитальный сад, Соборный сад, сад П.С. Комиссарова.

В г. Томске в середине XIX века достопримечательностью являлся Гороховский сад. Сад был основан золотопромышленником Ф.А. Гороховым в 1840 году. Графюра «Сад Ф.А. Горохова с прудом и беседками» из фондов Томского областного краеведческого музея показывает, что центральное положение в общей системе планировки занимал павильон со стеклянными стенами. Он располагался на главной оси парка непосредственно над мостом и был связан с другими сооружениями парка. В саду были различные парковые сооружения: статуи, киоски, беседки, традиционные для садово-парковой архитектуры. В устройении садово-паркового ландшафта были использованы принципы регулярного паркостроения. В 1870-80 гг. здесь размещался частный сад «Дистлера». Таким образом, устроители садов в сибирских городах, используя опыт европейского садово-паркового строительства, привносили черты регулярности садово-парковым территориям.

В последней четверти XIX — начале XX вв. в сибирских городах расширяется строительство городских садов, скверов, под сады и парки приспособляются ближайшие к городу зеленые массивы. В г.Томске в 1970-80 гг. известны городская роща, Лагерный сад, расположенный на обрыве Южного берега Томи. Сады были оборудованы беседками, павильонами и многими другими парковыми постройками. О популярности Лагерного сада свидетельствуют строки из «Си-

бирской газеты» 1884 года: «В воскресенье 29 июля в лагерях была масса гуляющих, так что с трудом можно было двигаться по аллеям, был фейерверк, играл военный оркестр» [11]. В 1886 г. под руководством профессора П.Н. Крылова на средства городского самоуправления был основан Городской сад, проводились работы по устройству бульваров, озеленению улиц Томска. «На заболоченном участке Ново-Соборной площади был сформирован новый ландшафт» [12]. Старинные фотографии и открытки дают представление о композиции сада. Так, в устройстве сада прослеживаются композиционные приемы пейзажного стиля: деревья и кустарники групповой посадки чередуются с полянами, выложенными дерном, извилистые дорожки посыпаны песком, устроены беседки и скамейки. В саду был пруд, фонтан, в центре сада устроены павильон, цветники. В современной структуре Томска исторические зеленые территории — Городской сад, Университетская роща, Лагерный сад имеют важное градостроительное значение в городском ансамбле.

В Барнауле общественное назначение имел бывший «приаптекарский» сад; в 1895 г. при содействии Начальника Алтайского Горного округа В.К. Болдырева территория сада из собственности земель Кабинета была передана Обществу попечения о начальном образовании. В плане сада начала XX века обозначена «прирезка» участка к территории сада из площади лесопильного завода (бывшего сереброплавильного) для устройства «детских площадок». В саду были устроены летний театр, детская площадка, тир, кегли, бильярд, чайный буфет. Городская («Дунькина») роща была так же мес-

том «общественных гуляний» в Барнауле. В документах городской Думы [13] называются народные гуляния, проводимые Обществом попечения о начальном образовании, «в дни праздников Св. Троицы» в Городской роще.

Старинные открытки и фотографии с видами г. Барнаула свидетельствуют, что сады и скверы были разбиты у Петропавловского собора, Дмитриевской церкви, Одиотриевской церкви, часовни иконы Св. Александра Невского. Церковные здания являлись архитектурными доминантами в городской структуре и были центрами городского озеленения. Вход в сад при Дмитриевской церкви оформляла нарядная каменная часовня в «стилизированных формах» с прилегающими полукругом арочными воротами [14], построенная по проекту архитектора И.Ф. Носовича 1905 году. На фотопанораме Барнаульского завода и прилегающих улиц в начале XX века просматриваются зеленые массивы: Сад Общества попечения о начальном образовании, деревья на плотине, на набережной пруда, скверы на Демидовской площади; на дальнем плане виднеется усадебный сад при доме А.Лесневского. Значительными зелеными объектами в городской структуре были скверы бульвара Московского проспекта. Бульвар из двух рядов деревьев показан на открытках и фотографиях начала XX века [15]. Таким образом, иллюстративно-документальные материалы свидетельствуют, что сады, скверы, бульвары обогащали облик сибирских городов в XIX-начале XX вв. В устройстве садовых ансамблей прослеживаются связи с традициями отечественного садово-паркового искусства и городского озеленения.

Библиографический список

1. Вергунов, А.П. Русские сады и парки / А.П. Вергунов, В.Д. Горохов. — М., 1988.
2. ЦХАФ АК Ф.1. Оп. 2. Д.1987. Л.51 (об).
3. Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890.
4. Баландин, С.Н. Архитектура Барнаула / С.Н. Баландин. — Барнаул, 1974.
5. ЦХАФ АК Ф.50. Оп.11. Д. 150.
6. Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII-начала XX вв. / Т.М. Степанская. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994.
7. ЦХАФ АК Ф.50. Оп.11. Д.655.
8. ЦХАФ АК Ф.50. Оп.13. Д.25.
9. АГКМ ОФ 1721.
10. ГАОО Ф.72. Оп.1. Д. 19. Л. 7;17; 46; 55;91.
11. Сибирская газета. — 1884. — №32.
12. История города Томска в иллюстрациях. — Томск, 2004.
13. ЦХАФ АК Ф.51. Оп.1. Д.15. Л.207.
14. АГКМ НвФ 1397/3.
15. АГКМ ОФ 411.

Список сокращений

ЦХАФ АК — Центр хранения архивных фондов Алтайского края
АГКМ — Алтайский государственный краеведческий музей
ГАОО — Государственный архив Омской области

Статья поступила в редакцию 15.03.08

УДК 130.2:390(4+4/5)

А.В. Иванов, д-р философ. наук, проф. АлтГАУ, г. Барнаул

КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В БЫТИИ ЕВРОПЕЙСКИХ И ЕВРАЗИЙСКИХ НАРОДОВ

Рассмотрен архетип границы в европейской и евразийской культурологических парадигмах. Сопоставлен историко-культурный опыт проживания народов в приграничном и удаленном от глобальных географических границ пространстве. Выявлена специфическая зависимость между границей и «национальной душой», где граница выступает в качестве социокультурной грани, шлифующей национальный характер.

Ключевые слова: архетип границы, евразийская культурологическая парадигма, «национальная душа», национальный характер.

Архетип границы, порубежья — одна из классических культурологических тем, связанная с исследованием форм структурирования культурного пространства и временных параметров у различных этнокультурных общностей. Цель данной статьи — сравнение

евразийского и европейского отношения к границе. Они даже при самом беглом сопоставлении оказываются весьма различными.

Дух Европы — это прежде всего дух разграничения, индивидуации и автономии. Отсюда культ народа-

суверена, государства-суверена, суверенной и автономной личности. Отсюда же локковское разграничение властей — исполнительной, законодательной и судебной. Европейский культ права — это вообще желание уложить жизнь в прокрустово ложе внешних границ и норм, за которым, прямо скажем, не очень просматривается новозаветный идеал свободной нравственной жертвы и подвига, зато зримо проступает ветхозаветное законничество и бережение собственного брэнного эго. Философские корни европейской идеи автономии помимо Локка можно усмотреть в декартовском культе мыслящего Я, а свою четкую формулировку она получает у Канта в «Основах метафизики нравственности». «Автономия, — пишет Кант, — есть ... основание достоинства человека и всякого разумного существа» [1].

Всему этому есть определенное чисто пространственное объяснение: большая человеческая скученность в маленькой Европе требует четкого распределения жизненного пространства, а также государственно-правовых гарантий, что с твоим уникальным человеческим «я» и с местом, которое ты занимаешь, другие будут реально считаться. Европейская страсть к последовательному национальному, социальному и экзистенциальному размежеванию, а также к общему упорядочиванию пространства быть может, наиболее характерна для немцев. Это подметил еще Н.А. Бердяев, писавший, что немец «чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке. Шири нет ни вокруг него, ни в нем самом. Он ищет спасения в своей собственной организованной энергии, в напряженной активности. Все должно быть у немца на месте, все распределено. Без самодисциплины и ответственности немец не может существовать. Всюду он видит границы и всюду ставит границы. Немец не может существовать в безграничности, ему чужда и противна славянская безбрежность» [2]. Любопытно, что даже внешне активно объединяющаяся сегодня Европа, на самом деле, ни на йоту не забывает о своем главном принципе: максимально жестком очерчивании и гарантировании индивидуальных, национальных и религиозных границ, где правовые условия дополняются этическим принципом толерантности, т.е. фактически разрешением другим жить, как угодно, и делать все, что угодно, лишь бы это не касалось твоей частной жизни.

Короче говоря, дух Европы — дух монадного, а не соборного бытия; опосредованных (юридических, экономических, этнорелигиозных), а не непосредственных жизненных связей между людьми и народами; духовной автономии, а не духовного родства; социальных и экзистенциальных границ, а не открытости. Здесь нет интенции на переступание собственных культурных и экзистенциальных пределов, обогащения «своим иным», как сказал бы Гегель. Нет у Европы и любви к напряженному бытию-на-границе, когда надо диалектически сопрягать сохранение собственной культурной идентичности с постоянным творческим диалогом с другими национальными «я» и готовностью осваивать чужой позитивный хозяйственный и культурный опыт. Напротив, у европейских народов есть весьма стойкое желание включить чужие культуры и души в орбиту своего внутреннего культурного и государственного пространства, т.е. **расширить вовне собственные границы**.

Применительно к германской культуре это вплоть до второй мировой войны выражалось в духе милитаризма и жажде военного расширения жизненного пространства; у англичан — преимущественно в экономической и политико-дипломатической, а у французов — в культурной экспансии. В целом же, это сознательное или бессознательное стремление европейцев к внешнему раздвиганию собственных границ порождает идеологию европоцентризма и культуртрегерства, чему

можно найти массу подтверждений и в истории, и в сегодняшней практике международных отношений. Раздражающий Европу фактор — это как раз противодействие ее культурной и политической экспансии, встреча с непохожими на нее и самобытными культурными Я, требующими признать себя за равных ей. Отсюда — столь подозрительное отношение Запада к России, в течение многих веков вынужденной оберегать свою культурную самобытность, а также резко отрицательные характеристики Западом своих восточных alter ego, типа арабов, османов или монголов, посмевших вторгнуться в священные европейские пределы. Здесь везде действует краеугольный европейский культурный принцип жесткой охраны и максимально активного раздвигания вовне собственных границ. Вершина и квинтэссенция подобной позиции — желание современных США расширить «зону своих жизненных интересов» фактически до размеров земного шара, но при этом поразительное неумение налаживать живые контакты с народами, уже включенными во внутренний круг. Ситуация в Ираке и Афганистане — лучшее тому подтверждение. Не забудем, что Запад пуще всего боится партизанской войны, и чаще всего ее проигрывает, ибо воевать здесь приходится в парадоксальных для него условиях, когда «чужие внутри». Чаше всего у народов Запада находится единственный и провальный ответ на этот вызов — безграничное насилие.

Справедливости ради отметим, что наличие жестких правовых, социальных и этнических «горизонтальных» границ и культурных табу [3] внутри Западного мира до поры до времени обеспечивает ему устойчивость и стабильность даже при забвении духовной (ценностной) вертикали бытия. Однако эта устойчивость быстро утрачивается в ситуации политических, экологических или социальных потрясений, в чем мир убедился на примере трагедии Нового Орлеана, пострадавшего от цунами. В ситуации катаклизма благополучная Америка быстро скатилась к гоббсовской вражде всех против всех и неспособности переступить через самые гибельные для любого социума границы — границы воинствующей человеческой самости, озабоченной только собственным выживанием и процветанием.

Я не хочу выносить по этому поводу какие-то жесткие аксиологические суждения в модусе «хорошо-плохо», а тем более становиться на антизападные позиции. Западный культурно-географический мир имеет собственные неповторимые черты лица, свои базовые социокультурные ценности, одной из которых как раз и является бытие-внутри-границ, т.е. автономность и самодостаточность. Свою позитивную роль в истории человеческой цивилизации они уже сыграли и вряд ли могут быть механически отброшены в будущем. Те же достижения европейской демократии нельзя не признать. Другое дело, что необходимо видеть их ограниченность и относительность, ибо упорное и надменное бытие-внутри-границ собственного индивидуального и социального Эго — главная опасность, которая угрожает человеческой цивилизации. Прав Э. Фромм: не может общество состоять из одних эгоистов, даже самых добропорядочных, ибо это рано или поздно заканчивается катастрофой [4].

В этом плане обращение к историческому, культурному и экзистенциальному опыту евразийских народов является, на мой взгляд, и своевременным, и очень поучительным. Им свойственно, помимо постоянного переступания культурных и политических межей внутри Евразии, как раз **органичное диалектическое бытие-на-границе между Востоком и Западом**. Когда нет забвения духовной вертикали бытия и отвергаются попытки инверсии ценностных полюсов [5], тогда у евразийских народов мы наблюдаем гармоничное совмещение противоположностей: твердой охраны своих

государственных границ и национальной идентичности с открытостью чужим культурным ветрам и готовностью к мудрому ученичеству. Так, Россия продуктивно училась у Европы на протяжении XV и XVIII веков, пока хранила дух русских нестяжателей и когда вновь вспомнила про их заветы. Она страдала от культурной и религиозной изоляции в XVII веке и от ложной открытости в веке XIX, когда в ней торжествовали иосифлянские религиозные идеи, обслуживающие «демона великодержавной государственности» [6]. Она делает мощный цивилизационный рывок в середине 16 века, в первый период правления Ивана Грозного и неуклонно движется по евразийскому пространству на Восток, успешно перепахивая порочные государственные межи, типа Казанского и Сибирского ханств, и восстанавливая единство Евразии. В 60-е годы Иван IV утрачивает всякие моральные регулятивы, становится патологическим деспотом и каким-то ярым англофилом вплоть до прошения у Англии политического убежища. В это время Русь утрачивает внутреннее социальное единство и теряет в Ливонской войне все земли, которые отвоевала до этого на Западе. Будущая Великая смута — прямое следствие утраты духовных устоев бытия во времена опричнины и кровавого самодурства Ивана Грозного.

Монгольская держава достигает вершин своего расцвета в XIII веке, пока ее верховные правители являют образец религиозной терпимости и, как могут, сознательно препятствуют внутреннему политическому и религиозному дроблению Евразии; пока мудро культурно учатся у покоренных неевразийских народов (особенно у китайцев). Но монгольская империя начинает стремительно деградировать, начиная с XIV века, когда борьба за власть над ее улусами приобретает кровавый характер, а внутреннее религиозное и этническое размежевание становится необратимым. В этот период та же Русь из покоренного и строптивого, но все же союзника Золотой орды, — превратилась в чужака-вассала, из которого надо любыми средствами выколачивать как можно больше денег. Показательно, что на Куликовом поле сотник Мамай действует как прямой сателлит Запада, а головной отряд его войска составляет тяжелая генуэзская пехота [7]. С другой стороны, в рядах войск Дмитрия Донского героически действуют монгольские подразделения, чувствуя праведность и силу политической позиции русского великого князя. С этого момента Русь перехватывает у монголов инициативу объединения народов Евразии и ликвидации ее искусственных внутренних границ.

Словом, пока «вертикальная» духовная ось бытия евразийских народов незыблема и ее непримиримые ценностные полюса отчетливо осознаются, тогда не страшны никакие внешние и внутренние супостаты; границы прочны, но при этом открыты; а в процессе межкультурной коммуникации естественно отфильтровывается все низкое и мерзкое, а заимствуется, наоборот, преимущественно все созидательное и благотворное. Отсюда и чрезвычайно простой вывод: для **успешного евразийского бытия-на-границе надо быть крепким в духе и избегать дьявольских прельщений (славы, удовольствия, власти и денег)**. Недаром русский народ испокон веков справедливо утверждал, что «не в силе Бог, а в правде». Именно этих дьявольских прельщений, ведущих к смертельной безмерности и хаосу, мы, увы, не смогли избежать в 90-е годы XX века.

Возвращаясь к теме границы, отмечу, что между европейским и евразийским отношением к ней есть еще одно существенное расхождение. Оно касается самой приграничной полосы, непосредственного физического и культурного порубежья между странами и народами.

В отличие от европейской трактовки границы как средства автономизации и сохранения своего суверенитета, как инструмента в первую очередь экзистенциального, государственно-политического и культурного размежевания, а уж только во вторую очередь — как формы наведения межличностных и межкультурных мостов, евразийский человек тяготеет к пространственному и этнокультурному переступанию границ [8], а если дальше пространственно двигаться невозможно, когда пройден путь до самых границ Евразии — **то к напряженному бытию-на-самой-границе**. При этом сама непосредственная граница и ее субъективное восприятие лишь в более явной и жесткой форме воспроизводят общую евразийскую диалектику границы.

С одной стороны, пограничная полоса — место предельно опасное, чреватое в любой момент военными столкновениями и вражескими нашествиями. Граница — грань, разделяющая своих и чужих, мировой порядок и хаос, закон и беззаконие, свет и тьму. Человек границы, символом которого в отечественной культуре является казак, постоянно находится в предельном напряжении сил, ощущает себя форпостом национальной культуры и религии. Потому и молится он с особым сердечным усердием или православному Богу (как основная масса русского казачества) или Будде (как казаки-буряты), но при этом оба ощущают, что за их спинами находится целый особый мир, где и православный, и иноверец являются твоими согражданами, требующими защиты. На границе особо чтут национальные традиции и берегут реликвии. Эта вертикальная ценностная опора позволяет устоять и не дрогнуть в годину лихолетья. Неслучайно в старых казачьих сундуках и потайных схронах (святые не должны доставаться врагу!) вплоть до XX века находились редкие образцы церковных книг, древние иконы, ладанки и нателные кресты.

При этом граница — это не только социокультурная грань, межа, но и место, **где огранчивается, подобно бриллианту, человеческая душа**, стягивающая в атмосфере постоянного военного напряжения такие бесценные человеческие качества, как мужество и братская готовность положить «жизнь за други своя»; бдительность и стойкость в преодолении жизненных трудностей; верность присяге и смекалка; выносливость и спокойствие. Поэтому совсем неслучайно русские богатыри во главе с Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем [9] совершают свои основные подвиги именно на самой границе и в течение столетий воплощают идеал русского человека. В их лице русский православный идеал святости («земной ангел и небесный человек» по удачной формулировке Г.П. Федотова [10]) восполнялся идеалом воинской чести и доблести, своеобразной евразийской рыцарской святости. Жизнь на границе — это в высшей степени достойное житие, отчего образ казака навсегда свяжется в сознании русского народа даже не столько со свободой (волей) [11], сколько с высоким социальным служением, с сознательным исполнением ратного долга.

Думается, что казацкое ратное бытие-на-самой-границе — наглядное опровержение совершенно неверных истолкований слов Христа о необходимости подставить левую щеку, если тебя бьют по правой. Если их трактовать буквально и непротивленчески, как у Л.Н. Толстого, то получается явный абсурд, типичное формально-логическое противоречие с другими общеизвестными евангельскими высказываниями Христа, типа того, что он «не мир принес, но меч», а также с его собственным поведением, где он непримиримо противостоит злу, прогоняя тех же торговцев из Храма. Совершенно точную нравственную интерпретацию евангельского образа подставления щек дает, на наш взгляд, выдающийся отечественный мыслитель Елена Ивановна Ре-

рих, зачисленная невежественными православными «апологетами» чуть ли не в сатанистки [12]. Ее мысль заключается в том, что здесь Христос призывает достойно, без негодования и жалоб, встречать обрушивающиеся на тебя испытания и удары судьбы, ибо в их основе — не случайное стечение обстоятельств, а наша собственная вина в прошлом. Но готовность подставить злой судьбе другую щеку — это вовсе не покорность вражьей воле, ибо нигде Христос не призывает мириться с агрессивным злом, за которым всегда стоит дьявол. Кстати, и русские святые никогда не подставляют щек, а ведут брань с внешним злом, как например, Стефан Пермский с язычником Памом. Преподобный Сергей — тот и вовсе напутствует русских воинов на смертельную брань с полчищами Мамаю и отправляет на праведный бой своих любимых учеников Пересвета и Ослябю. Им на роду написано пасть на поле Куликовом, на краеугольном рубеже обороны России, и — в этом смысле — они безропотно подставляют судьбе щеку, но ведь смерть их самая благородная и достойная — смерть в противостоянии злу лицом к лицу. Так мечтает встретить смерть любой настоящий казак и любой настоящий евразийский воин, ибо нет лучшей доли, чем переступить границу между жизнью и смертью, сражаясь под знаменем высших и незыблемых ценностей.

Этот евразийский дух героического полагания границ злу через стояние в Вечном Свете Правды помогал евразийским народам обороты и ливонцев на льду Чудского озера, и Мамаю на поле Куликовом, и французов на Бородинском поле, и немцев на поле под Прохоровкой. Когда земная граница смыкается с надземной — тогда свершается вечная победная богатырская мистерия Евразии поверх всех земных пространственных и временных пределов. И тогда рождаются новые богатыри-герои, и рассказываются новые эпические сказания, типа Песни о Евпатии Коловрате, «Задонщины», легенд об обороне Брестской крепости или героической гибели в Чечне псковских десантников. Обратите внимание: основные подвиги русские совершают, обороняя исконные рубежи от внешнего агрессора, а не раздвигая свои границы вовне, типа героя главной песни нацистского вермахта — Хорста Весселя.

Впрочем, есть не менее важная — противоположная — ипостась бытия-на-самой-границе. Она связана с установлением дружеских, неформальных контактов с инородцами, у которых всегда есть чему поучиться, и с которыми многие вопросы можно решить не кровью, а миром. **Отсюда пограничье — это всегда активное совмещение граней различных культур.** Известно, что в местах интенсивного пространственного взаимодействия тех же евразийских культур (славянской и тюркской, тюркской и угрофинской, монгольской и русской) наблюдается появление не только многочисленных языковых и бытовых заимствований, но и новых культурных форм: мифологических и литературных сюжетов, хозяйственных технологий, религиозных верований и обрядов, философских идей. На самой границе обнаруживается своеобразный мультипликативный эффект культур, когда, соприкасаясь, они дают резонансный всплеск. Так, русские, приходя в Алтай, не только активно вступали в межэтнические браки; но осваивали новые хозяйственные навыки, например, мараловодство и сезонное отгонное скотоводство. Старообрядцы активно использовали в народном творчестве элементы алтайского орнамента, крестили детей в Катунь и поклонялись, как и коренные жители, Святой горе Белухе. Алтайцы, в свою очередь, от русских получили свою письменность, усвоили навыки огородничества, домостроительства, многих ремесел.

Пограничные районы интенсивного межэтнического взаимодействия, как тот же регион Большого Ал-

тая, характеризуются особо плотной концентрацией археологических памятников, образцов древней письменности и наскальных рисунков. Здесь часто возникают традиции поклонения общим природным святыням, как, например, плоскогорью Укок и горному массиву Табын-Богдо-Ула, лежащему на самой границе четырех государств: России, Китая, Казахстана и Монголии. Они являются святынями и для монголов, и для казахов, и для алтайцев, и для тувинцев. В таких местах связи между народами и культурами, уходящие в глубокую древность, позволяют и сегодня разрушать ложные границы и разоблачать иллюзорные предлоги для хозяйственного и этнокультурного обособления. В этом плане действующий на Алтае Международный координационный Совет «Наш общий дом — Алтай» — это форма трансграничного общения и сотрудничества различных алтайских народов, опирающаяся на многовековые традиции и опыт. **Иными словами, через приграничье различные страны и народы должны не столько друг от друга отмежеваться, сколько друг в друга взаимно прорастать, вовсе не утрачивая при этом свою религиозную или этническую идентичность, а по-новому огранивая кристалл собственной культуры.**

Ну и, быть может, самый важный культурно-экзистенциальный момент, связанный с самим пространством границы, который необходимо отметить. Дело в том, что бытие-на-самой-границе предъявляет к человеку ряд еще очень важных требований, помимо храбрости, верности, стойкости, воли и мужества. Требования эти, правда, всегда были подчиненными и второстепенными в предыдущие века истории, и их являли преимущественно гении народов. Но они особенно востребованными оказываются именно сегодня, в условиях нарастающего «конфликта цивилизаций» и вопреки поверхностной журналистской болтовне о глобальном объединении всех со всеми. Именно на границе, находясь в постоянном не только военном, но и хозяйственно-бытовом, культурном и личностном взаимодействии с представителями других народов, было особенно важно проявлять этническую и религиозную терпимость, открытость, любознательность, духовную подвижность и навыки межкультурной коммуникации.

Среди тех же казахов встречались удивительные типажи синтетического человеческого склада, сполна владевшие этими качествами и только благодаря им дошедшие до Китая и Тибета в поисках легендарного Беловодья. Тот же Ермак никогда не завоевал бы Сибирь и не сокрушил Кучума, если бы его казаки были только отличными воинами. Нет, они смогли найти союзников среди сибирских аборигенов, и кроме языка пищалей и сабель, отлично выучили язык торговли и искреннего дружелюбия.

И все же именно язык высокой культуры, прежде всего искусства, оказывается самым эффективным для налаживания межкультурной коммуникации, и во многом именно граница стимулирует и вдохновляет творчество многих культурных гениев евразийских народов. Если опять-таки обратиться к Алтаю, одному из узловых пограничных районов Евразии, то здесь творил гениальный ойратский просветитель и мыслитель 17 века Зая пандита, странствовавший по всему региону от Кобдо до Усть-Каменгорска и закладывавший по всему региону буддийские монастыри — центры тогдашней учености. Восточный Казахстан дал миру двух великих казахов — Ч.Ч. Валиханова и Абая Кунанбаева. Валиханов первым из ученых прошел и описал Кашгарию и Джунгарию — территории нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Абай же первым познакомил своих соплеменников с творчеством А.С. Пушкина и другими шедеврами мировой литературы. Великий алтайский художник, писатель и обще-

ственный деятель Г.И. Чорос-Гуркин был единственным и любимым учеником И.И. Шишкина, а в годы своих странствий по Алтаю посетил и Западную Монголию, и Туву, оставив их прекрасные художественные образы на своих полотнах. Другом Чорос-Гуркина был выдающийся русский алтайский писатель Г.Д. Гребенщиков, посвятивший Алтаю прекрасные художественные и публицистические строки. Его роман «Чураевы» в свое время имел широчайшую известность и даже номинировался на Нобелевскую премию. Гребенщиков многое сделал в плане пропаганды Сибири и Алтая в Америке. Здесь вновь проявляется важнейшая закономерность: кто идет и творит под лучом высших ценностей — тому суждено преодолевать границы земных пространств и времен, связывать народы поверх узкоэкономических и политических интересов и ценностей.

Дух межкультурного взаимодействия и взаимного духовного обогащения народов в разное время впитали в себя также такие гении, как А. Гумбольдт и Ф.М. До-

стоевский, Н.К. Рерих и В.И. Вернадский. Их научным предсказаниям и художественным пророчествам суждено лечь в основу какого-то нового объединения, когда истают ложные границы, изрезавшие единое евразийское геокультурное пространство. Новое же объединение Евразии на основе твердой «вертикальной» иерархии ценностей станет, я уверен, и ядром какого-то нового общемирового объединения, переступающего узкие границы культурно-географических миров, наций, религий и, конечно, эгоистических человеческих предрассудков. И одним из самых наглядных и прекрасных природных символов этого будущего единения культур станет, без сомнения, священный горный массив Табын-Богдо-Ола **на самой границе** четырех великих государств Евразии — Монголии, Казахстана, Китая и России. Убереечь его и окружающие земли (то же плоскогорье Укок) от поругания распоясавшейся технократией — насущнейшая задача ныне живущего поколения людей.

Библиографический список и примечания

1. Кант, И. Сочинения в 6 т., т.4, ч.1 / И. Кант. — М.: Изд-во «Мысль», 1965.
2. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. — М.: Советский писатель, 1990. Очень любопытные, и во многом схожие с бердяевскими, воззрения на немцев можно найти у Вальтера Шубарта. Немца он называет «частичным» человеком, с одной стороны, склонным к обособлению, а, с другой, ищущего внешние формы для преодоления этой отчужденности. — См.: Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт — М.: Русская идея, 2000.
3. Типа панической боязни белых американцев обсуждать проблему негров и даже использовать само слово «негр».
4. См.: Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. — М.: Прогресс, 1990. См.: блестящее «Введение» к этой работе, ничуть не устаревшее и сегодня.
5. См. более подробно авторское понимание природы ценностей и закономерностей строения царства ценностей в монографии: Иванов, А.В. Университетские лекции по метафизике раздел IV «Аксиология» / А.В. Иванов, В.В. Миронов. — М.: Современные тетради, 2004.
6. Удачное, на мой взгляд, выражение Д.Н. Андреева из его «Розы мира». Что касается взглядов автора на роковой для России XVI век, то с ними можно познакомиться в книге: Иванов, А.В. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации / А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин. — Барнаул: Издательство АлтГУ, 2006.
7. См.: Кожин, В.В. О русском национальном сознании / В.В. Кожин. — М.: Алгоритм, 2002.
8. Что, к сожалению, очень часто ведет к жизненной и политической безмерности, к хаосу и произволу, к тому самому беспределу, с которым мы очень часто сталкиваемся в русской истории.
9. Кстати, представляющих все основные сословия русского общества — крестьян (Илья Муромец), бояр (Добрыня) и духовное сословие (Алеша Попович). Показательно, что Илья — крестьянский сын из села Карачарово — является главным действующим лицом русских былин за исключением, быть может, Миклулы Селяниновича. Но так тот в суме носит «тягу земную», являющуюся источником жизненных сил для силушки богатырской. Любопытно и очень показательно, что само название села «Карачарово» — совершенно тюркское, да и в образе «калик перехожих» вычитываются переключки с образом библейских волхвов с Востока, некогда удостоивших факт прихода в мир Божественного Мессии. Как и премудрые волхвы, калики, странствующие по лику Земли, свидетельствуют о приходе славного защитника русской земли и лишь пробуждают в нем исконно таящиеся богатырские силы.
10. См.: Федотов, Г.П. Святые древней Руси / Г.П. Федотов — М.: София, 1990.
11. Эта воля как раз постоянно рискует обернуться разгульным своеволием, куражом и разбоем, а изредка — и откровенным предательством, вроде тех распоясавшихся казаков, что вместе с католиками-поляками осаждают Троице-Сергиеву Лавру в годы Великой смуты.
12. Блестящий и очень точный ответ подобным доброхотам русского православия в лице дьякона Андрея Кураева можно найти в книге глубокого православного мыслителя Ксении Мяло. — См.: Мяло, К.Г. Звезда волхвов, или Христос в Гималаях / К.Г. Мяло. — М.: Беловодье, 1999.

Статья поступила в редакцию 15.03.08

УДК 394.014:130.2

Т.Ю. Егорова, канд. искусств., ст. преп. АлтГУ, г. Барнаул

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ КАРКАС КУЛЬТУРЫ: ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД КАК ИНДЕКС КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ

Исследуются два аспекта явления «урбанистический каркас культуры»: как реально существующего города и как феномена духовной жизни (экополис и экуменополис). Доказывается, что урбанистический каркас, порожденный определенной культурной формацией, является наглядной формой ее самоидентификации.

Ключевые слова: урбанистический каркас культуры, экополис и экуменополис, индекс культурных парадигм.

Город и культура — два неразрывно связанных понятия. На разных этапах развития общества культура порождает определенный тип города, а город, в свою

очередь, порождает определенный тип культуры. Развиваясь, та или иная культура формирует свой неповторимый по характеру, составу элементов урбанисти-

ческий каркас, который предстает уже как некая система, направления и темпы развития которой характеризуют и вектор развития общества.

Урбанистический каркас может быть представлен в двух ипостасях: как реально существующие города, урбанизированные территории и как феномен духовной жизни. Во втором случае урбанистический каркас выступает как некая умозрительная структура, наложение образов, ассоциаций, вариантов понятийно-логического осмысления процессов в области градомироустройства. Базовыми образами-моделями урбанистических каркасов современной культуры являются «экополис» [3, с. 341], «экуменополис» [1, с. 175], виртуальный город (sibercity) [5, с. 209] и ряд других. Каждая из этих моделей строится на основе вполне определенных мировоззренческих доминант, предполагает определенную форму города, виды и интенсивность городских ритуалов и пр.

Урбанистический каркас как система упорядоченных смыслов градостроительной деятельности является основой для формирования исторически обусловленного культурного пространства города, в структуру которого включен концепт «идеальный город». Для коррекции не устраивающих общество установок в сфере градостроительства определяется конечный результат трансформаций города — его образ, идеализированная схема. Идеальный город занимает особое место в культуре и является ее своеобразной константой. Идеальный город — это место, устроенное по законам гармонии. Смыслы и образы идеального города предстают как один из основных элементов такой масштабной конструкции, как картина мира. Образ идеального города и система его устройства отражают не только эстетические и утилитарные нормы, но и являются концентрированным выражением всех существовавших ранее образов города, модифицированных в сознании человека в соответствии с актуальными аксиологически нагруженными установками. Идеальный город всегда был не отстраненной моделью, как кажется на первый взгляд, а довольно точным образным «слепок» духовного движения общества, квинтэссенцией его устремлений, надежд и идеалов. Изменение культурной парадигмы, глобальные повороты в мировоззрении всегда отражались в смене модели идеального города. Трансформация модели идеального города весьма показательна как некий индекс, как индикатор глобальных изменений в обществе, и анализ характера этой трансформации может стать основой для углубления понимания процессов, происходивших в культуре.

Зачастую проектирование идеального образа города происходит в рамках утопии, отражающей важные социальные и духовные потребности людей. Трактовок утопии множество, но мы будем рассматривать утопию как метод конструирования новой художественной реальности, воплощенной в архитектурных образах социально-теоретической утопии. Обращение утопического сознания к образам зодчества не случайно: именно оно, по мнению утопистов, воздействует на все аспекты человеческого существования, может преобразить весь структурный порядок пребывания человека в мире. Сменяя друг друга, культурные парадигмы оставляют свои целостные в нерасторжимом образном единстве слепки — модели идеального города, закрепленные в литературной и изобразительной традиции. Попытаемся рассмотреть основные модели идеального города, сформировавшиеся в утопической мысли европейской культуры от древности до начала XX века.

В основе организации поселения примитивного общества и городов древних цивилизаций лежат космогонические символы, один из которых круг — метафора небесного круга и рассекающий его крест диа-

метров, направленных по сторонам света [6, с. 76]. Тогда же сформировались и две основные модели, формы упорядоченности пространства, в различных модификациях предстающие на более поздних этапах развития градостроительных схем: прямоугольная сетка направлений, равномерно членящая территорию, и сочетание радиусов, «излучаемых» общим центром, с концентрическими окружностями [6, с. 76], [9, с. 9; 11, с. 215- 216].

В античности к «проектированию» модели идеального города обращались Гомер, Гипподам Милетский, Платон, Аристотель. Описание модели города у Платона, его мысли об идеальном государстве, в котором все подчинено общей идее, сформулированы в диалогах «Государство» и «Критий» [8, с. 79-420, с. 501-515]. По Платону, как душу отдельного человека, так и государство в целом причастными к подлинности делает разумное начало. Показателем причастности к божественной идее является единообразие. Принципам организации государства соответствуют единообразие и упорядоченность архитектурно-пространственной организации городов (например, «идеальная геометрия столицы атлантов с ее правильным чередованием колец воды и суши» [6, с. 77]).

Развитие идеализированных представлений о городе было связано как с реальной градостроительной практикой, так и с развивающейся теорией архитектуры. На основе восточного опыта строительства регулярных городов «в Греции вместо примитивного деления городской территории на однообразные, вытянутые в плане кварталы возникли интересные градостроительные концепции, основанные на регулярном начале, но пронизанные новыми функциями и эстетическими принципами» [9, с. 65-66]. Специфичной чертой греческого урбанистического каркаса является продуманное использование природного окружения для придания наибольшей выразительности архитектуре города. Последовательное развитие идеи гармоничного единства природы и архитектуры в эллинистическую эпоху отразилось в особом внимании к озеленению и формированию общественных зеленых зон.

В средневековой культуре идеальный город получает свою интерпретацию, исходя из вновь сформулированных эстетических идеалов, религиозных установок и др. Интерес представляет концепция рая как идеального города. В Книге пророка Иезекииля город отождествляется с храмом [Иезекииль, гл. 43, с. 11]. В христианской мировоззренческой системе город мыслится по образцу идеала, описанного в религиозных текстах. Идеал города — это поселение, по возможности более всего совпадающее с прообразом небесного Иерусалима, что отчасти продолжает платоновское понимание идеального города. В «Откровении св. Иоанна Богослова» мы находим подтверждение этому предположению, где в русле религиозных представлений, в символической форме теологических концепций представлена модель города. Новый Иерусалим предстает квадратным в плане городом, со сторонами, ориентированными по сторонам света, с двенадцатью входами [Откровение св. Иоанна, 21, с. 11-23].

Утопическая мысль Ренессанса, следуя за античными мыслителями, конкретизировала представления об идеале общественного устройства в жанре вымышленного описания. Ведущей идеей в формировании образа идеального города являлась центральная идея эпохи Возрождения — идея гуманизма, утверждающая человека в роли «надприродного существа», символизирующая «переход мышления от средневековой миниатюрности к космическому вселенскому масштабу» [4, с. 99, 125].

В трактате Т. Мора «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государ-

ства и о новом острове Утопии» (1516 г.) архитектура «обрамляет» утопические социальные принципы организации жизни общества, архитектурные описания создают образную канву повествования, урбанистический каркас аллегорически сообщает заявленный идеал общественного устройства.

Остров-государство Утопия состоял из 54 городов, «больших и великолепных», «...расположение ... у всех одно, одинаков у них, насколько это позволяет местность, и внешний вид» [7, с. 172, 174, 177]. Города, квадратные в плане, имеют около 50 квадратных миль площади, окружены широким сельскохозяйственным поясом (не менее 24 миль). Площадь города не расширяется, так как количество населения поддерживается властями примерно в одном и том же размере.

Утопические сочинения XVII и XVIII вв., включающие описание архитектуры вымышленных городов, опираются на концепт города — произведения искусства. Мир возможно изменять по воле тех, кто обладает властью, изменять в сторону упорядоченности, гармонизации как среды жизни, так и самой жизни. Попытку осуществления этой принципиальной установки в конкретном проекте предпринял папа Сикст V при реконструкции Рима (архитектор Д. Фонтана). Основная идея урбанистического каркаса — подчинение городского организма определенному сценарию (выпрямление улиц, раскрытие перспектив улиц на главные католические святыни в ткани города), создание нового драматического образа города [6, с. 78].

Утопия Нового времени считает просветительскую функцию одной из основных функций архитектуры идеального города и главной функцией урбанистического каркаса. Именно через архитектуру происходит «впитывание» культуры жителями городов. Посредством языка архитектурных форм и языков происходит осознание общественных целей и идеалов. В XVII — XVIII вв. в европейском градостроительстве становятся актуальными градостроительные модели (Версаль во Франции, Карлсруэ в Германии, Санкт-Петербург в России) [6, с. 79], которые в соответствии с идеями Просвещения определяют структурный каркас городской среды.

В XIX в. в культурном пространстве Европы начинают появляться не столько утопичные, сколько вполне осуществимые социальные проекты по реформации общественной жизни, в качестве основных условий реализации которых выделяется формирование определенного урбанистического каркаса города, страны. Принцип его построения в сочинениях утопистов XIX в. рационализируется, его гармоничность базируется на четкой регламентации всех аспектов существования города и населенного района в целом. Нормативность становится лейтмотивом в формировании образа идеального города в работах Ш. Фурье (город периода гарантизма), Р. Оуэна (концепция совмещения в одной модели города черт метрополии, университета и деревенской усадьбы), Р. Пембертона (проект «Счастливая колония») и др. Значительный вклад в формировании новых представлений о городе в XIX в. был сделан К. Зитте, У. Моррисом, П. Беренсом, Э. Говардом. Взгляды последнего последовательно изложены в ряде его работ («Завтра» (1898), «Города будущего» (1902). В них предлагается совершенно новый принцип построения урбанистического каркаса, который, по мнению автора, станет основой изменений в жизни общества.

Э. Говард создал концепцию идеального города, представляющего собой нечто среднее между городом и деревней. Основным противоречием большого города Э. Говард считал разделение в мегаполисе человека и природы и сосредоточение социальных проблем, порождающихся большой концентрацией людей на ограниченной территории города, который не может пре-

доставить всем одинаково комфортные условия проживания. Решение ему виделось в создании урбанистического каркаса в масштабах всей страны из малых общин-городов, в которых жители будут заниматься одновременно и промышленным производством, и сельским хозяйством [2, с. 16-26].

Э. Говард предлагал для общества путь реформ (в том числе и градостроительных), которые без принципиального изменения общественного строя смогут ликвидировать социальные противоречия больших городов. Создание городов-садов прекратит несогласованное строительство, остановит физическую и умственную деградацию основной массы населения крупных городов, исходящую от неприемлемых жилищных условий, антисанитарии, удаленности от природы, недостатка света, солнца, свежего воздуха и др. Достигнуть оптимального для человечества устройства общества Э. Говард считал возможным с помощью децентрализации крупных городов. Он детально описывает будущие поселения, представляя план города-сада в виде простой геометрической схемы (в форме круга). Каждый из городов-садов должен иметь расчетную численность населения 32 тысячи человек, но они могут образовывать также целые ассоциации с единым центром общей численностью до 250 тысяч человек. Застройка в городе-саде должна располагалась кольцом, по периферии которого размещались бы фабрики, мастерские, рынки, склады угля и сельскохозяйственные угодья. Внутри кольца обширный городской парк, который служил своеобразным зеленым центром. Сама жилая застройка — малоэтажная, в основном коттеджная, с небольшими приусадебными участками [2, с. 19-26].

Роль градостроительных решений в концепции Э. Говарда многогранна. Они являются прямым выражением утопических социалистических идей, осуществляющихся в определенном образе организованной архитектурной среде. Стремление создать идеальный город заставляло обращаться к универсальной форме круга. Градостроительные идеи здесь выступают генератором моделей жизнеустройства. Э. Говард воспринимал урбанистический каркас культуры не только (и не столько) как результат, но и как специфический инструмент построения, организации общественного бытия, материально-пространственное архитектурное воплощение идеалов и стремлений общества и в то же время как фактор, способствующий самосовершенствованию и общества в целом, и отдельного человека. В XX веке концепция города-сада стала основой идеи экогорода, уже упоминавшегося нами. Разнообразие моделей идеального города, сформировавшихся в течение XX века, необычайно велико и требует специального рассмотрения. Однако многие из них являются развитием уже указанных представлений о целесообразном построении урбанистического каркаса, соединением в одной модели черт нескольких концепций, существовавших ранее и т.д.

Директивность — одна из основных содержательных черт архитектуры. В моделях урбанистического каркаса эта функция градостроительства прослеживается особенно отчетливо. Урбанистический каркас культуры является важным фактором, структурирующим широкие культурные установки в архитектурные образы. Не всегда умозрительные конструкции идеального урбанистического каркаса той или иной страны или эпохи совпадают с практическими возможностями зодчих, властей, жителей. Но то, что урбанистический каркас, порождаемый той или иной культурной формацией, становится наглядной формой ее самоидентификации, проявляется отчетливо и заслуживает внимания не только историков, искусствоведов, но и культурологов.

Библиографический список

1. Архитектура и градостроительство: энциклопедия / гл. ред. А.В. Иконников. — М.: Стройиздат, 2001.
2. Говард, Э. Города будущего. — СПб.: Типография т-ва «Общественная польза». Репринтное воспроизведение издания, 1911.
3. Гутнов, А.Э. Мир архитектуры (лицо города) / А.Э. Гутнов, В.Л. Глазычев. — М.: Молодая гвардия, 1990.
4. Дормидонтова, В.В. История садово-парковых стилей / В.В. Дормидонтова. — М.: Архитектура-С, 2004.
5. Железняк, О.Е. Пространство осознания современного города: реальность и «метафизика» / О.Е. Железняк // Вопросы теории архитектуры. Архитектурное сознание XX–XXI веков: размеры и переходы. — Эдиториал УРСС, 2001. — С. 207 — 254.
6. Иконников, А.В. Город — утопии и реальное развитие / А.В. Иконников // Город и искусство: Субъекты социокультурного диалога / сост. Степугина Т.В. — М.: Наука, 1996. — С. 75 — 84.
7. Мор, Т. Утопия /пер. с англ. Ю.М. Каган, вступ. статья И.Н. Осинковского. — М.: Наука.
8. Платон. Собрание сочинений в 4 т. / Платон. Т. 3 — М.: Мысль, 1994.
9. Саваренская, Т.Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды: учеб. для вузов / Т.Ф. Саваренская. — М.: Стройиздат, 1984.

Статья поступила в редакцию 15.03.08

УДК130.2

Л.Л. Штуден, д-р философ. наук, проф. НГУЭиУ г. Новосибирск

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПАЗАРИТИЗМ

Феномен социально-культурного паразитизма рассмотрен в контексте диахронической типологии культуры. Определены критерии паразитизма в культуре; исследованы источники и основные элементы социально-культурного паразитизма. Предложен авторский подход к преодолению этого феномена как проявления антикультуры.

Ключевые слова: феномен социально-культурного паразитизма, диахроническая типология культуры, критерии паразитизма в культуре, социально-культурный паразитизм как антикультура.

Границы применения термина

Слово «паразит» в обыденной жизни воспринимается почти как ругательство, как способ унижить ненавистного оппонента. В науке же оно имеет абсолютно точный терминологический смысл, семантически восходя от греческого *parāsitos* (нахлебник, тунеядец) и обозначая любое живое существо, питающееся за счёт другого живого существа.

Всем известно, что, с точки зрения биологии, человека никак нельзя отнести к классу паразитов. Природа вовсе не предназначала его для такой роли. В то же время, как «общественное животное», человек настолько часто (и — рискнём добавить — охотно) становится паразитом, что едва ли может найти себе в этом соперников среди высших приматов. Психологически он как нельзя более *расположен* к паразитированию. Об истоках этой предрасположенности можно лишь гадать (не райская ли жизнь наших прародителей возбуждает в людях постоянную тоску по праздному блаженству, когда можно пользоваться всем, не производя ничего?). Примеров социального паразитизма сколько угодно. Любой нормальный человек, даже особенно не напрягаясь, может вспомнить, где и когда — и с каким удовольствием! — он мог жить в блаженном ничегонеделании, едва только ему предоставлялась такая возможность.

Паразитизм в мире людей отличается от паразитизма в мире остальных тварей одним очень существенным обстоятельством: никто из этих тварей не может играть роль паразита по отношению к особям своего биологического вида. «Венец творения» блистательно преодолевает этот барьер! Человек, как правило, паразитирует на человеке. Конечно, он паразитирует и на окружающей среде, но *социальный паразитизм* в его самореализации, как правило, преобладает.

Автор настоящей статьи далёк от каких бы то ни было претензий на приоритет в области рассмотрения вида *homo sapiens* через призму паразитологии. С тех пор, как человек ступил на путь самопознания, он в мифах уже начал высказывать первые, весьма трезвые до-

гадки относительно своей подлинной роли в экосфере. Например, знаменитая древнекитайская легенда о первочеловеке Пань Гу повествует о том, что, когда этот великан, миллионы лет державший небо на своих плечах, умер, — части его тела дали начало элементам земного рельефа (колени и локти превратились в горы, волосы — в растительность, кровь — в реки и моря...), а паразиты, жившие на его теле, превратились в людей. Как мы можем видеть, практический реализм мышления китайцев вполне проявляет себя уже в древних мифах.

Прежде чем говорить о социальном паразитизме, как серьёзном факторе человеческого бытия, условимся в рамках настоящей статьи, что именно мы будем понимать под малопривлекательным словом «паразит», применительно к человеку.

Не любой индивид, пользующийся для своего блага результатами труда других людей, может быть квалифицирован подобным образом. Например, общество добровольно берёт на себя бремя всестороннего обеспечения детей, инвалидов, стариков. По этой причине ни дети, ни инвалиды, ни старики не могут считаться паразитами. Ибо первый определяющий критерий паразитизма — его *насиловательный* характер: организм-«донор» отдаёт паразиту часть себя **без своего согласия**, лишь в силу сложившейся не по его воле ситуации. (Любой вообще паразит, из тех, что существуют в природе, никогда не спрашивает дозволения на то, чтобы питаться чужой жизненной энергией.)

Второй критерий — способ жизни паразита, специально приспособленный для такой функции. В мире животных этому способствует морфология и физиология паразитирующего организма. В мире людей — механизмы общественной организации. При этом паразит — существо нетворческое — практически ничего не производит сам, в лучшем случае ограничиваясь деятельностью, направленной на активное поддержание и закрепление статуса, способствующего успешному (желательно пожизненному) паразитированию.

Итак, социальный паразит, в контексте настоящей статьи, есть существо, отбирающее часть жизненной энергии у не-паразита (*донора*) и формирующее **системные условия** для этой своей деятельности. Существо этого типа является, таким образом, органической частью той системы, которая делает социальный паразитизм знаковой характеристикой нормального процесса своей жизнедеятельности: любая конкретная модель социосистемы (экономическая, религиозная, государственная) подразумевает свою собственную разновидность социального паразитизма и свой собственный режим паразитирования.

Далее, мы должны провести чёткий водораздел между банальным бытовым паразитизмом и паразитизмом, *закономерно организованным*, претендующим на право быть частью того, что явлено миру как социальная система. На всех уровнях человеческих отношений мы сталкиваемся с великовозрастными детьми, живущими на деньги своих родителей, альфонсами, эксплуатирующими одиноких женщин, должниками, «забывающими» отдать долг и т.д. Этот бытовой паразитизм, являющийся, несомненно, социальным злом, нас здесь не будет интересовать: он замыкается на сферу личных отношений и системного смысла не содержит.

Необходимо сделать ещё одно предварительное замечание. Паразитизм в человеческом сообществе — чрезвычайно сложное явление. Не так уж часто мы можем квалифицировать конкретных людей как паразитов, тем более нормальных, законопослушных, «рядовых» людей (не пауперов). Вот почему в данной статье мы рассматриваем *паразитизм как явление*, а не людей в роли паразитов. Дело в том, что каждый конкретный человек, будучи в своём деле честным и добросовестным работником, может, тем не менее, иметь некоторое отношение к феномену паразитизма, зачастую даже не подозревая об этом. Например, граждане промышленно развитых государств, чей жизненный уровень много выше, нежели в странах «третьего» мира, живут в определённом смысле за счёт дешёвого труда жителей этих стран. Жители некоторых современных столиц (например, Москвы) фактически эксплуатируют труд жителей провинций..., не говоря уже о том, что человечество в целом паразитирует на экосистеме, в массе своей вовсе не осознавая этого! Человеку вообще не свойственно осознавать свою причастность к стихии паразитизма, тем более стремиться к самопознанию такого рода.

Вот почему попытка, которую мы делаем здесь, может кому-то (допускаем: вполне честному, вполне порядочному патриоту и гражданину) показаться шокирующей... Ничего не поделаешь. Рано или поздно все мы должны прийти к осознанию социальной реальности, пусть даже весьма суровой и удручающей.

Три источника и три составных части социального паразитизма

Существуют, по крайней мере, три *системных* фактора, конституирующих социальный паразитизм как массовое и закономерное явление, характерное практически для всех человеческих сообществ, изучаемых исторической наукой.

1. Политическая власть. Власть на всех уровнях предполагает возможность определять и регламентировать

условия жизни членов социума со стороны одного или немногих индивидов, располагающих достаточными для этого средствами принуждения. Нечего и говорить, что эти рычаги используются не только для эффективного управления; они суть также и средство присвоения определённого количества благ. Власть создаёт и поддерживает целый ряд социальных институтов, обеспечивающих властным товарно-денежным обменом доступных им способов паразитирования.

2. Коммерция: деятельность, направленная на получение денежной прибыли в соответствии с правилами, предусмотренными законом. Наряду с политической властью это ещё один источник *легитимного* паразитирования. Не будем забывать, что коммерция давно уже вышла за рамки простого товарно-денежного обмена, она превратилась в процесс выколачивания прибыли, в «делание денег» из всего, что могло бы послужить их источником. В наши дни логике коммерции подчиняется практически всё, чем занимается человек, от производства конторских кнопок до любви, науки, искусства и даже религии... Давно и хорошо известно, что **большие деньги**, (которые, как известно, почти никогда не имеют отношение к т.н. «честному труду»), ничуть не меньше, чем власть, дают человеку *особое* право на пользование благами жизни.

3. Криминал: паразитирование в рамках данной социальной системы, но вопреки закону.

Относительно всех трёх указанных факторов могут возникнуть вполне уместные вопросы. Действительно: любая ли власть должна рассматриваться как способ паразитирования? Разве сама по себе функция управления не входит в число абсолютно необходимых для любой социальной системы? Разве не является деятельность таких людей, как Пётр I, Бисмарк, Ф.Д. Рузвельт, И.В. Сталин примером недолжного трудолюбия? А коммерция — разве перед ней не стоит задача быть кровеносной системой развитой экономики? Бизнесмены разве не работают сутками напролёт ради успеха своего дела? Что касается криминала, то какое вообще отношение он может иметь к социальным системам, если он одинаково присущ любому общественному строю и любой формации?

Чтобы ответить на эти и подобные им вопросы, следует подчеркнуть, что речь идёт не о личных качествах индивида, который, находясь на любой ступени социальной пирамиды, может вовсе и не быть паразитом, а о конструкции самой этой пирамиды, о том общественном механизме, который *предполагает* успешную деятельность паразитов любого уровня.

Для начала подчеркнём, что возможность для паразитирования обеспечивает в первую очередь освящённая законом и традицией **привилегия**. В случае с властью это — привилегия социального статуса. В случае с коммерцией — привилегия ловкости и расчёта, свойственных более или менее талантливому игроку. В случае с криминалом — привилегия насильника, перед которой законопослушные граждане оказываются беспомощными. Во всех трёх случаях привилегии конституируют и укрепляют сама социальная система. Рассмотрим, как она это делает в каждом из указанных трёх вариантов.

Продолжение в следующем номере.

Библиографический список

1. Зиновьев, А.А. Фактор понимания / А.А. Зиновьев. — М., 2006.
2. Штуден, Л.Л. Экология и сознание / Л.Л. Штуден // Антропологические основания биоэтики: мат-лы Всероссийской науч. конференции с международным участием. — Томск: Сибирский государственный медицинский университет, 2006. — С. 230.
3. Штуден, Л.Л. Кризис сознания как феномен культуры / Л.Л. Штуден. — Новосибирск: НГАЭиУ, 1999.
4. Штуден, Л.Л. Патология культуры. Опыт социальной диагностики / Л.Л. Штуден. — Новосибирск, 2005.

Статья поступила в редакцию 15.03.08

Раздел 3

ФИЛОЛОГИЯ

КУРАТОР
РАЗДЕЛА

Елена Васильевна Лукашевич — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

РЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Татьяна Петровна Шастина — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

РЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Павел Викторович Алексеев — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

УДК 811.161.1

С.А. Алексанова, канд. филол. наук, доц. Славянского-на-Кубани государственного педагогического института, г. Славянск-на-Кубани

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИЗОФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается одна из частных проблем синтаксической синонимии в рамках теории изофункциональности. Дискуссионный вопрос о структуре синонимического ряда синтаксических конструкций решается на материале предложений с обстоятельственными детерминантами.

Ключевые слова: синтаксическая теория, синонимия, парадигма, детерминанты.

Одной из ярких и весьма неоднозначных теорий в синтаксисе второй половины XX столетия, безусловно, является теория детерминирующих членов предложения (Н.Ю. Шведова, В.П. Малащенко), многие частные вопросы которой и сегодня не нашли своего непротиворечивого решения. При обращении к ней с позиций современной научной парадигмы более четко обозначаются те ее стороны, которые затрагивают и смежные вопросы традиционного синтаксиса, непосредственно связанные с синонимией синтаксических конструкций. Несмотря на достаточно долгую историю вопроса, интерес к проблеме сохранился, о чем свидетельствует значительное количество работ, регулярно появляющихся в печати и отражающих состояние лингвистической мысли новейшего периода [3; 7; 8; 9; 10; 11]. Исследования в этой области ведутся с точки зрения синонимии различных типов простых, осложненных и сложноподчиненных предложений, в которых формулируются ставшие общепризнанными основные принципы синонимии синтаксических единиц, сводимые в целом к: 1) тождеству содержания; 2) тождеству лексического состава; 3) тождеству (близости) основного грамматического значения; 4) различию показателей этого значения [5, с. 6-7; 4, с. 11].

В синтаксической теории проблема синонимии занимает весьма важное место, поскольку предполагает анализ единиц синтаксиса в различных аспектах, касающихся формы и содержания, модальности, понятий варианта и инвариантности, синтаксической парадигмы, синтаксического синкретизма, коммуникативных задач высказывания, стилистической маркированности конструкций и ряда других аспектов. Разработка теоретической модели анализа интегративного взаимодействия синонимов одно- и разноразрядной принадлежности предполагает поиск и определение системы отбора сквозных критериев, используемых с целью установления синонимических рядов для языковых единиц разной сложности и синтаксической конфигурации и сочетаемости [11, с. 12].

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, в развитии синтаксической теории конца XX века одной из важнейших тенденций является изучение процессов функционирования и трансформации синтаксических единиц [2, с. 17]. Однако и на новом витке получения знаний очень многие и не только частные вопросы грамматической синонимии восходят к теоретическим основам проблемы, наиболее полно заявленным еще в известной работе И.И. Ковтуновой [6]. Это прежде всего проблема об-

щности, лежащей в основе синонимов, и проблема различий между ними [6, с. 80]. Отсутствие единого подхода к различным языковым явлениям, обнаруживающим функционально-семантическое сходство, делает перспективным изучение синтаксических синонимов с позиций функциональной грамматики, что позволяет интерпретировать функциональную синонимию как «семантическую изофункциональность грамматических единиц разных уровней, а функциональные синонимы — как грамматические формы и структуры, характеризующиеся общностью семантической функции» [9, с. 95], а это приводит к «ужесточению условий синонимии и структурированию синонимических рядов» [выделено автором: 9, с. 98].

Рациональность подхода, при котором функциональная синонимия рассматривается как семантическая изофункциональность, не только не вызывает возражений, но во многих отношениях представляется едва ли не единственной возможностью решения наиболее сложных проблем именно синтаксической синонимии. В современной лингвистике под изофункциональными понимаются такие синтаксические конструкции, «которые обладают сходными значениями и выражают эти значения на различных ярусах синтаксиса, претерпевая при этом усложнение или упрощение структуры в зависимости от потребностей коммуникации, образуя при этом функционально однородные ряды» [8, с. 63]. При этом асимметрия форм языковых единиц, признаваемая учеными как объективное условие синонимии и рассматриваемая на каждом уровне языка, также принимается в качестве одного из основополагающих понятий в теоретической модели анализа интегративного взаимодействия синонимических единиц одно- и разноуровневой принадлежности. В.М.Хантакова считает, что с «введением понятия асимметрии формы синонимических единиц не только уточняется определение синонимического ряда, но и значительно расширяется круг синонимических рядов за счёт привлечения синонимических единиц разноуровневой принадлежности» [11, с. 20].

Синонимия синтаксическая, как и лексическая, имея системный характер, связывается с пониманием синонимического ряда с набором интегральных и дифференциальных признаков, представляющего собой закрытую в количественном отношении структуру. Если лексические синонимы составляют ряд на основании релевантного значения, объединяющего единицы одного, лексического, уровня, то синтаксические синонимы могут образовывать ряд как из единиц одного уровня (только предложения или только словосочетания), так и из единиц разных уровней (предложения и словосочетания). Такой подход в рамках теории изофункциональности позволяет уточнить и понятие синтаксической парадигмы, наиболее известной (в концепции Н.Ю. Шведовой) как система форм изменения предложения с точки зрения выражения синтаксического времени, синтаксического лица и объективной модальности, что сводит по сути своей парадигму предложения к парадигме глагола-сказуемого.

Наиболее перспективным для понимания синтаксической парадигмы признается подход, основанный на теории номинативного аспекта предложения с учетом его функциональных особенностей, который предполагает отнесение к синтаксической парадигме единиц разных уровней, принадлежащих к одной и той же сфере языка (синтаксису), совместимых с одним и тем же сложным денотатом (событием или ситуацией). По этому поводу Ю.Н. Власова пишет: «Синтаксические конструкции, конституирующие парадигму того или иного типа, непременно характеризуются общностью сложного сигнификата, являющегося отраже-

нием сложного денотата, а следовательно, и общностью значения», а это значит, что «к одной синтаксической парадигме могут принадлежать простое, сложное и осложненное предложение» [4, с. 13-14]. Ряд синонимических конструкций, образующий парадигму, непременно имеет член, выражающий основное, ведущее значение данного объединения, который можно считать доминантой синтаксической парадигмы.

Проблема синонимии синтаксических конструкций упирается в один из сложных вопросов выделения критериев объединения данных единиц в синонимический ряд. Поиски инварианта значений синтаксических конструкций, объединенных в синонимический ряд, привели ученых к критике и дальнейшему развитию теории так называемых глубинных и поверхностных структур, согласно которой синтаксическими синонимами можно считать конструкции, имеющие общую глубинную структуру и различную поверхностную. С этих позиций в качестве основного критерия нами выделяется адекватное отражение предикатно-актантной структуры предложения в каждом члене синонимического ряда синтаксических конструкций. В этом случае в качестве доминанты ряда можно признать конструкцию «такого яруса, на котором в необходимом и достаточном для нейтральной коммуникации предикативном оформлении эксплицитно реализуются пропозиции, выражающие характерное для данного ряда категориально-семантическое значение» [8, с. 5].

Однако, споря о проблемах синонимии синтаксических конструкций, лингвисты оставляют вне поля зрения вхождение предложений с обстоятельственными детерминантами в синонимический ряд. В лучшем случае замечания по этому поводу сводятся к вопросу о взаимозаменяемости данных предложений другими синтаксическими единицами, подтверждающими то или иное положение автора. Думается, что признание взаимозаменяемости синтаксических единиц основанием для объединения их в синонимический ряд, часто звучащее в большом количестве работ о синтаксической синонимии, не является вполне обоснованным. Формальные и семантические различия синонимических единиц в определенной мере ограничивают вероятность их замены друг другом. Фактор взаимозаменяемости правомерно учитывать не как условие синонимичности синтаксических конструкций, а лишь как ее результат.

Принято считать, что наиболее отчетливым способом выражения структуры ситуации является сложноподчиненное предложение, способное образовать центр тематического ряда или поля. Оно же, как правило, признается доминантой синонимического ряда синтаксических конструкций. Но это правомерно лишь в том случае, если ряд не содержит конструкций с синкретичными компонентами. Именно в этом отношении вызывают интерес некоторые наблюдения над конструкциями, содержащими обстоятельственные детерминанты.

Обстоятельственные детерминанты относятся к категории синкретичных членов предложения, совмещающих обстоятельственное значение с добавочным предикативным значением: *Без опасности и риска* для меня ни веселья, ни даже жизни нет (И. Одоевцева. На берегах Невы). Детерминант нерасчлененно совмещает два значения — условие + дополнительная предикативность: *Если отсутствуют опасность и риск*, для меня ни веселья, ни даже жизни нет. Их обстоятельная семантика может осложняться также и целым рядом вторичных обстоятельственных значений на базе нерасчлененного обстоятельственно-предикативного значения детерминантной синтаксемы, формируя полисинкретичные детерминанты: *После похорон* ((вре-

мя + причина) + дополнительная предикативность) в хижине стало пусто и печально (Р. Штильмарк) [1].

Конструкции с детерминантами с неосложненной обстоятельственной семантикой входят в один синонимический ряд с другими синтаксическими конструкциями на основе адекватного отражения предикатно-актантной структуры предложения каждым членом ряда при их различной поверхностной организации. Поэтому синонимичными можно считать следующие конструкции: *После умывания* (время) кот долго фыркал и терся головой об пол (К. Паустовский); *После того как умылся* (время), кот долго фыркал и терся головой об пол; *Умывшись* (время), кот долго фыркал и терся головой об пол. Зуюву трудно было идти *из-за хромоты* (причина) (К.Паустовский. Ночь в октябре); *Зуюву трудно было идти, потому что он был хромым* (причина). Каждый член первого синонимического ряда объединен общим темпоральным значением, выражает его в равном объеме, синонимичен не только доминанте ряда — сложноподчиненному предложению, — но и каждому его члену. Во втором случае обе конструкции выражают причинное значение в равном объеме, сохраняя инвариантную предикатно-актантную структуру, следовательно, также являются синтаксическими синонимами.

Иная ситуация складывается при формировании синонимического ряда, включающего в себя конструкцию с полисинкретичным детерминантом, имеющим добавочное обстоятельственное значение: Керосиновый ночник был, казалось, единственным живым существом в доме — *без этого слабого огня* (сопутствующая характеристика + условие) Катерина Петровна и не знала бы, как дожить до утра (К. Паустовский); *...не имея этого слабого огня* (сопутствующая характеристика + условие) Катерина Петровна и не знала бы, как дожить до утра; *... если бы не было этого слабого огня* (условие), Катерина Петровна и не знала бы, как дожить до утра. *В молодости* (время + причина) она эту делянку за одно утро пропалывала и окучивала, а теперь вот прошла две борозды и устала (С.Крутилин); *Будучи молодой* (время + причина), она эту делянку за одно утро пропалывала и окучивала; *Когда была молодой* (время), она эту делянку за одно утро пропалывала и окучивала; *Она эту делянку за одно утро пропалывала и окучивала, потому что была молодой* (причина). Некоторые члены представленных синонимических рядов, включающих в себя конструкцию с синкретичным детерминантом, расчленяют синкретичное значение, сужая объем содержания отдельного члена сино-

нимического ряда. Это относится к сложноподчиненным предложениям, так как они реализуют лишь одно обстоятельственное значение, что не позволяет признать их доминантой соответствующего ряда. Доминантой может являться конструкция, передающая синкретичное значение нерасчлененно. В наших случаях это конструкции с полисинкретичными детерминантами или дееспричастными оборотами. Именно эти конструкции в полном объеме сохраняют инвариантную предикатно-актантную структуру. Такая синтаксическая парадигма существенно отличается от парадигмы, не содержащей конструкций с синкретичными компонентами. Наличие дополнительных обстоятельственных значений у детерминанта влияет на формирование синтаксической парадигмы. Подобная парадигма образуется не только в результате объединения конструкций с равным объемом содержания, но и за счет включения конструкций с частичной реализацией смысла, что влечет за собой пересечение синтаксических парадигм различной семантики. Если каждый член синонимического ряда обладает одним и тем же объемом содержания, соотносимым с одним и тем же сложным денотатом и различается при этом формой отображения структуры сложного денотата, то он может быть представлен как: **А, а 1, а 2,... an**; или: **В, в 1, в 2,... vn** (где **А, В** — доминанта синонимического ряда; **а 1, а 2,... an**; **в1, в 2,... vn** — члены данного ряда). Так может быть представлен синонимический ряд, в составе которого находится предложение с детерминантом, не осложненным дополнительными обстоятельственными значениями. Ряд, включающий в себя предложения с полисинкретичными детерминантами, представлен так: **А, а 1, а 2,... an, vn**; или: **В, в1, в 2,... vn, an**, где **А, В** являются доминантой ряда **а 1, а 2; в 1, в 2** — члены синонимического ряда, в полном объеме отражающие структуру сложного денотата; **an, vn** или **vn, an** — конструкции с неполной реализацией структуры денотата, создающие зону пересечения парадигм различной семантики.

Вышеизложенное позволяет заключить, что ряд синтаксических конструкций, в который входят синтаксические единицы с синкретичными компонентами, лишь условно можно считать синонимическим. Не все члены ряда в полном объеме синонимичны доминанте и другим членам ряда. Речь скорее может идти об отношениях толерантности между членами такого ряда. Он не образует самостоятельной синтаксической парадигмы, а представляет собой пересечение синтаксических парадигм различной семантики.

Библиографический список

1. Алексанова, С.А. Феномен недискретности в сфере обстоятельственных детерминантов / С.А. Алексанова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — №2.
2. Арутюнова, Н.Д. Речеповеденческие факты и истинность. Истинная оценка в контексте диалога / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. — М., 1992.
3. Власова, Ю.Н. Когнитивный аспект синонимии / Ю.Н. Власова // Язык. Дискурс. Текст: междунар. науч. конф., посвященная юбилею проф. Г.Ф. Гавриловой: труды и материалы. Ч. 1. — Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2005.
4. Власова, Ю.Н. Синонимия синтаксических конструкций в современном английском языке / Ю.Н. Власова. — Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1981.
5. Золотова, Г.А. О структурных основаниях синтаксической синонимии / Г.А. Золотова // РЯШ. — 1968. — №6.
6. Ковтунова, И.И. О синтаксической синонимике / И.И. Ковтунова // Вопросы культуры речи. — 1955. — Вып.1.
7. Костюшкина, Г.М. Концептуальный аспект грамматической синонимии / Г.М. Костюшкина, М.И. Запасава // НДВШ Филологические науки. — 1996. — № 3.
8. Леденев, Ю.Ю. Явления изофункциональности в синтаксисе русского языка / Ю.Ю. Леденев. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.
9. Сорокина, Т.С. Функциональные основы теории грамматической синонимии / Т.С. Сорокина // Вопросы языкознания. — 2003. — №3.
10. Урысон, Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1996. — №4.
11. Хантакова, В.М. Синонимия форм и синонимия смыслов: теоретическая модель анализа интегративного взаимодействия синонимических единиц одно- и разноуровневой принадлежности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.М. Хантакова. — Иркутск, 2006.

Статья поступила в редакцию 17.03.08

УДК 801

Н.Н. Гранкова, ассистент БПГУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск

АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ ГЕРМАНА ЭМАНА „ENDGEIL. DAS VOLLKORREKTE LEXIKON DER JUGENDSPRACHE“)

В данной статье рассматривается молодежный сленг немецкого языка и представленные в словаре Г. Эмана «Endgeil. Das vollkorrekte Lexikon der Jugendsprache» способы образования молодежного сленга. На данной базе делается обработка материала с целью выявления наиболее частотных и продуктивных способов образования.

Ключевые слова: сленг, разговорный немецкий язык, частотность, продуктивность, заимствования, неологизация, изменения значения, расширение значения.

Лексический уровень языка обладает такой функцией, как открытость, незамкнутость. Это проявляется в свойстве лексических единиц появляться (неологизмы) и исчезать (архаизмы). Ни один другой уровень языковой системы не способен к столь динамичным передвижениям. Это обуславливает, с одной стороны, актуальность исследования единиц лексического уровня, а с другой стороны, сложность исследования данного пласта из-за его непостоянности.

Разговорный язык — это наиболее динамичная и интенсивно изменяющаяся система. Колорит этой области настолько разнообразен и безграничен, что изучение ее неизменно остается актуальным (В.А. Аврорин, О.Д. Миралаева, В.Д. Девкин, А.П. Крысин и др.). Качество речи зависит, главным образом, от социальных факторов: возраста, уровня образованности, сферы деятельности личности и т.д. Наибольший интерес для нас в данной статье представляет возрастной показатель, поскольку разговорная речь усваивается поколениями в разных условиях, и это проявляется в качестве речи.

Несмотря на то, что Г. Эман не пользуется терминами «жаргон», «сленг», для него язык молодежи (Jugendsprache) — это язык, которому кроме общих для языков черт присуще множество специфических особенностей, достойных научного исследования. В данной работе речь идет именно о молодежном сленге, который рассматривается как разговорная речь, обладающая социальной маркировкой.

В словаре Г. Эмана представлены следующие способы образования языка молодежи [5, с. 9]:

- изменение значения (семантическая вариация), например, *alles porni, Kürbis*;
- сужение значения, например, *Looser, tricky*;
- расширение значения (семантическое добавление), например, *fett, cool*;
- переворот значения (семантический парадокс), например, *Massage*;
- изменение слова (лексическая мутация), например, *Laschi, vordergestern*;
- неологизм, например, *rallen, peino, Skillz*;
- звуковая германизация (фонологическая германизация), например, *abcoolen, downlowen*;
- вербализация от имени существительного, например, *müllen, zoffen*;
- упрощение (экономия), например, *Spetzi, Demo*;
- креативная игра слов, например, *hoppepldihopp, doppeldidoch*;
- заимствования (интернационализмы), например, *Homes, No go*;
- суперлативизация, например, *superlustig, Superbirne*.

Г. Эман в своем словаре представляет только существующие способы образования и современные лекси-

ческие единицы молодежного сленга, не квалифицируя их, поэтому в предлагаемой статье делается обработка материала словаря с целью выявления наиболее частотных способов образования.

Основная проблема данной классификации заключается в сложности установления формирующей модели лексической единицы. Например, слово «*abcoolen*», с одной стороны, явное заимствование из английского языка «*cool*», а с другой — данное слово в силу достаточной длительности пребывания в немецкой языковой среде приобрело некоторые морфологические характеристики немецкого языка, а именно полупрефикс *ab-* и окончание *-en* (фонологическая германизация). Если проследить хронологию, то становится очевидным, что первоначально данное английское слово было заимствовано со своим значением (прохладный; крутой, клевый, классный), затем немецкая молодежь начинает употреблять слово «*cool*» в разных ситуациях, вследствие чего наблюдается расширение исконного значения; в настоящее время данная лексема означает «спокойный, высокомерный, выдающийся». Однако этого недостаточно, процесс идет дальше, в результате чего происходит вербализация имени прилагательного с частичным изменением значения *abcoolen* — успокоить возбужденные умы, остудить горячие головы. Но если рассмотреть данный пример с другой точки зрения, то получается несколько иная картина. В немецком языке существует глагол «*abkühlen*» — охлаждать (ся), остывать» (в классификации Г. Эмана есть такой способ образования как изменение слова, например, *Disse — Disco, Knilchbar — Michlbar*). Если предположить, что *abcoolen* произошло не от *cool*, а от *abkühlen*, то меняется частотность способов образования языка молодежи. Последняя гипотеза маловероятна. Немецкое слово «*kühl*» переводится холодный, прохладный, а английское «*cool*» — прохладный; крутой, клевый, классный. Для английского менталитета характерно высокомерие (крутой, клевый, лучше, чем у других), а для немецкого языка подчинение, поэтому происходит заимствование не только внешней формы, но и концептуальной картины мира.

В ходе работы каждая лексическая единица была отнесена только к одному какому-либо достоверному и первичному способу образования.

В процессе исследования было рассмотрено и проанализировано 672 лексические единицы с позиции частотности способа образования. Полученные результаты были унифицированы, затем было представлено процентное отношение к общему числу языковых единиц (672).

Таблица 1

Частотное соотношение способов образования молодежного сленга

№	Способы образования молодежного сленга	Количество слов каждого способа образования	Общее количество слов в словаре	%
1	Неологизация	149	672	22,3 %
2	Изменение значения	143	672	21,3 %
3	Расширение значения	86	672	12,8 %
4	Займствования	63	672	9,5 %
5	Вербализация существительных	61	672	9,3 %
6	Суперлативизация	48	672	7 %
7	Звуковая германизация	36	672	5 %
8	Упрощение	29	672	4 %
9	Изменение слова	20	672	3 %
10	Сужение значения	18	672	2,8 %
11	Креативная игра слов	11	672	1,7 %
12	Переворот значения	8	672	1,3 %

Самым частотным способом образования молодежного сленга является неологизация (*abflocken*, *abgenudelt*, *abhippend*, *abmatten*, *Dreitonner*, *Dummsülzen*, *gaga*, *Fullshit*, *Geldigel*, *Knipskiste* и другие). Однако в данном случае неологизмы понимаются не как слова или обороты речи, созданные для обозначения **нового предмета или выражения нового понятия** (Internet, колхоз), а как слова, образованные суффиксальным, префиксальным и другим способами из уже существующих лексических единиц, но с переосмыслением значения, поскольку лишь такие модели входят в систему молодежного сленга. Поэтому можно назвать данный процесс семантико-стилистической неологизацией.

Например, глагол *abflocken* образован от существительного *die Flocke* — снежинка, пушинка, клочок с добавлением полупрефикса *ab*, что приводит к полному изменению значения, которое ни каким образом не связано со значением (*abflocken* — разыгрывать, дурачить кого-либо; отколотить, избить кого-либо). Полученные результаты исследования данной лексической единицы позволяют рассматривать слово *abflocken* как неологизм, используемый в основном в молодежной среде.

Вторую по частотности группу данной классификации составляют уже существующие слова немецкого литературного языка, но с измененным значением (семантическая деривация), например, лексемы:

	норма	молод. сленг
<i>analog</i>	подобный, аналогичный	совершенно правильно, совершенно точно (подтверждение сказанного)
<i>Doppelaxel</i>	двойной Аксель (фигурное катание)	бегство, поспешный уход
<i>frottieren</i>	растирать (полотенцем),	массировать, избивать

Например, *Ast* переводится как сук, ветка, но в речи немецкой молодежи данное слово одушевляется и обозначает руку.

Расширение значения занимает третье место по частотности (*fett*, *Asbach*, *beleuchtet*, *dösen*, *Message*, *Gerippe*). Например, *das Gerippe* — скелет, молодежь употребляет эту лексическую единицу для обозначения либо очень старого человека (старше 70 лет), либо для очень худого человека.

Четвертый по частотности способ образования молодежного сленга — это заимствования, в основном из английского языка (*No go*, *Null*, *Trash*, *Tricky*, *cool* и т.д.)

Вербализация существительных представлена очень широко. С помощью данного способа может образоваться почти любой глагол, тем самым, выражая сам процесс, действие, что происходит в соответствии с принципом языковой экономии (*festen*, *texten*, *dönern*, *abkacken*, *müllen*, *spassen* и другие). Следует отметить, что данный способ образования характеризуются особой грубостью и сниженностью по сравнению с другими. Например, в контексте *«Müll hier nicht rum! Müll mich nicht voll!»* — *Не парь бабку в красных кедах! Не гони пургу! Не гони лажу! Не пудри мозги!* и др. Глагол *«müllen»* — *quatschen*, *dummes Zeug daherreden* отражает именно те характеристики речи, которые помогают достичь необходимого прагматического эффекта. *«Müll»* — мусор, сор, а *«müllen»* — сорить, мусорить, но не в прямом значении, а в значении говорить что-то неподходящее или говорить очень много и без причины, а глагольная форма данного слова усиливает это действия, показывая сам процесс.

К суперлативизации относятся такие «вспомогательные» слова, которые усиливают значение последующей языковой единицы (*doppelplus* — *doppelplus gut*, *doppelplus schön*; *grell* — *Das ist aber voll grelle Story*, *Das ist mir aber riesig grell*; *porno* — *porno interessant*, *ultra* — *ultra moden* и т.п.).

Звуковая германизация — это заимствованные слова, но уже содержащие определенные грамматические или фонетические свойства немецкого языка (*Workmän* — англ. *work* + нем. *Män*, если первая часть слова полностью соответствует английскому варианту, то вторая представляет собой гибрид английского и немецкого языков: англ. *man* [mæn] / нем. *Mann* → *Män*; *wörken* = англ. [ə:] → нем. *ö* + окончание глагола *-en*; *schoppen* = англ. *shop* (sh → sch) + окончание глагола *-en*; *trendig* = англ. *trend* + суффикс прилагательного *-ig*). В данном случае представлена фонологизация по принципу: «Говори и пиши так, как слышишь ты сам».

Способ упрощения — это классический пример языковой экономии (*Demo* — *Demonstration*, *wa* — *was*, *Spezi*, *Konzi*, *Poli*). Следует подчеркнуть, что усечение происходит не только последней части слова, но и начальной, например, *tieren* — упрощение от слова *anstieren* — пялить глаза, тупо уставиться на кого-либо.

Изменение слова проявляется в замене некоторых букв, в результате чего возникает новое слово, а значение остается старым, например, *Alder* — *Alter*, *Mudder* — *Mutter*, *Disse* — *Disco*, *Schluffi* — *Schlaffi*, *Tummerei* — *Dummerei*, *wuscheln* — *nuscheln* и другие. Данная замена обусловлена, во-первых, переносом данной словоформы из диалекта, например, *Mudder* — это аллеманский диалект, во-вторых, оговорками, а в-третьих, экономичностью, например, слово *Disco* требует более усиленного мускульного напряжения при сочетании звуков *sc* в речи, а двойное *ss* *Disse* произнести намного проще. Эффект останется прежним.

Сужение значения (*Brett*, *Loosi*, *MC* — *Job*), переворот значения (*Massage*, *Ableger*, *Korkenknaller*) и креативная игра слов (*Blubber-blubber*, *doppeldidoch*, *okidoki*, *mittenmang*) — это довольно редкие способы образования молодежного сленга из-за своей персональности.

Итак, наиболее частотный способ образования — это неологизмы.

С точки зрения продуктивности наблюдается абсолютно иная картина. Продуктивность в отличие от частотности проявляется в количестве воспроизведений данных лексических единиц носителями языка. Частотность — это понятие теоретическое, несколько абстрактное, она присутствует, но может и не использо-

ваться молодежью, а продуктивность — это практическое, конкретное применение, использование и воспроизведение того или иного способа образования молодежного сленга. О.С. Ахманова под продуктивностью понимает пригодность для образования новых слов и форм, понятных говорящим на данном языке [2, с. 365].

В ходе исследования было выявлено 80 высказываний, содержащих данную лексику. 31% всего фактического материала — это заимствования из английского языка.

В процессе работы анализу подвергался фактический материал из произведений Sven Regener «Herr Lehmann» и Walter Kaufmann «Stimmen im Sturm», а также из фильмов на немецком языке «The Rock» и «Armageddon» и журналов «Juma», где были представлены лексические единицы молодежного сленга

1. Das ist *Acid House*,... [8].
2. Und dieses neue Zeug *Ecstasy*. [8]
3. Mach *den Joint* aus, Kerl, oder raus her. [8]
4. Das war ein ziemlich *geiles* Erlebnis. [7]
5. Er heißt so, weil er immer *geil* ist. [1]
6. Die Zöpfe sind voll *geil*. [3]
7. Vorher war das vielleicht *cool*, so rumzulaufen wie alle anderen. [7]
8. Immerhin wollte er mich auf seinem *Cover* haben. [4]
9. Genau wie Alex, der gerne im Internet *surft* [6].

Примеры 1, 2, 3 связаны с наркотиками. Данная тема запретна, табу для окружающих. В современных художественных текстах наблюдается использование сленговых языковых единиц с целью повышения прагматического эффекта в процессе отражения реальной действительности.

Основной причиной употребления данной лексики (область наркомании, преступности, воровства) является скрытие, неразглашение тайны, в первую очередь, от взрослых, которые могут нарушить планы, вызвать полицию, рассказать родителям, стать участниками коммуникации, что не допустимо для подростков.

Библиографический список

1. Армагеддон [Видеозапись] / реж. Майкл Бэй; в ролях: Б. Уиллис, Б. Боб Торнтон, Б. Аффлен, Л. Тайлер; Hollywood Pictures. — Фильм вышел на экраны в 1998 г.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное / О.С. Ахманова // М.: Едиториал УРСС, 2004. — 576 с.
3. Скала [Видеозапись] / реж. Майкл Бэй; в ролях: Ш. Коннери, Д. Симпсона, Э. Харрис; Hollywood Pictures. — Фильм вышел на экраны в 1996 г.
4. Engelhardt Dirk. Der erste Funke [Текст] / Dirk Engelhardt // Juma. — 2005. — № 1. — С. 26 — 27.
5. Ehmann Hermann. Endgeil. Das vollkorrekte Lexikon der Jugendsprache [Текст] / Hermann Ehmann // M?nchen, 2005. — 184 S.
6. Höfer Klaus Martin. Wir sind 14 [Текст] / Klaus Martin Höfer // Juma. — 2003. — № 1. — С. 14 — 15.
7. Kroll Petra. (K)Ein bisschen erwachsen [Текст] / Petra Kroll // Juma. — 2005. — № 1. — С. 22 — 24.
8. Regener Sven. Herr Lehmann [Текст]: роман. / Sven Regener / — M?nchen: Der Wilhelm Goldmann Verlag, 2003. — 278 S.
9. <http://www.your-sms.com/spruch/show2.php.SessionID=&rubrik=Gute%20Nacht-SMS&limit=20>

Статья поступила в редакцию 10.01.08

УДК 802.0+338.24

Е.С. Попова, аспирант БПГУ, г. Барнаул

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА «WORK» В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются особенности представления лингвокультурного концепта «Work», который в американском обществе осмысливается в рамках метафорической модели торгового обмена. В рекламном дискурсе происходит дальнейшее профилирование содержания модели в соответствии с целью коммуникативного события.

Ключевые слова: рекламный дискурс, текст, концепт, объявления, работа, ценность.

Работа, труд — основные аспекты существования любой культурной формации. Северо-американская культура в этом плане не является исключением.

Высказывания 4, 5, 6, 7 актуализируют радость, положительное отношение к чему-либо, к кому-либо. Слова более экономичны в написании, например, используемые для написания sms-сообщения (*Bist du lässig, cool und kess schreib mir schnell ne sms!* [9]). Такое употребление несет более значительную эмоциональную нагрузку в современных условиях.

Стремление к экономии в немецком языковом сознании актуализируется через представленные композиты. Подростки не используют немецкие эквиваленты, типа *klasse*, *toll*, *wunderschön*, так как данные слова употребляются всем обществом, они нейтральны и не в состоянии передать всю точность и колорит данного текста в минимальном временном пространстве.

Тексты 8, 9 показывают этот процесс коммуникации довольно точно. *Cover* — *Titel einer CD oder Zeitschrift*; *surfen* — торчать, рыться, шарить по Интернету. Данный пример демонстрирует орфографическую и морфологическую ассимиляцию, то есть заимствованное слово подверглось всем ассимилирующим процессам, кроме фонетического. Это объясняется тем, что эта лексическая единица сравнительно недавно употребляется немецкой молодежью.

Итак, актуальные способы образования молодежного сленга с точки зрения частотности — это неологизмы, а с точки зрения продуктивности — это заимствования из английского языка. Такой вывод обусловлен, в первую очередь, тем, что молодежь — это особая не только быстро воспринимающая все новое, но и в последствии активно использующая данные изменения часть общества. Современный мир насыщен новыми компьютерными технологиями, сотовыми телефонами, sms сообщениями, Интернетом, e-mail и другими инновациями. Взаимодействие культур с помощью этих средств происходит в считанные секунды, что оказывает влияние, в первую очередь, на язык коммуникантов, на язык молодежи. Сленг молодежи — это результат взаимодействия языка, культуры и возрастной индивидуальной психологии.

жание в рекламном дискурсе, обратившись для этого к метафорической модели торго, которая предполагает «состязательное сотрудничество, взаимозаинтересованное разногласие» (Т.Д. Венедиктова). Подобные отношения вполне логичны в условиях развитых рыночных практик, в стране, где «границы рынка <...> размыты настолько, что едва ли вообще мыслима сфера «extra commercium», т.е. такая, которая могла бы противопоставить себя рынку. Последний — всегда и везде по соседству: не удивительно, что метафорика торго <...> традиционно пронизывала американский культурный дискурс» [1, с. 34].

Реклама выступает одним из жанров торговой речи. В современном обществе, погруженном в непрерывный информационный поток, рекламная коммуникация играет особую роль, призывая приобрести товар, воспользоваться предлагаемыми услугами. Работа, в частности, рекламные объявления о найме на работу, также становится предметом рекламы, а следовательно, и торго. В них отчетливо проявляется «слоистый» характер рекламного текста. Так, апеллируя к коллективной системе ценностей, к ценностям доминантам лингвокультурного сообщества, реклама, в лице работодателя, одновременно очерчивает их, продвигает и способствует дальнейшему формированию в общественном сознании. Для потребителя, претендента на рабочее место, рекламный текст выступает эталоном, мерилом самооценки, стимулирующим средством для самоутверждения. Действительно, с одной стороны, реклама содержит информацию для потенциального соискателя о преимуществах той или иной работы, о требованиях к ней, с другой — она убеждает соискателя и воздействует на него в полном соответствии с положением о том, что «конечной целью любого коммуникативного акта является не информация, содержащаяся в нем, а побуждение адресата к какой-либо посткоммуникативной деятельности» [2, с. 23]. Специалисты рассматривают рекламу в качестве массового мотивационного тезауруса, посредством которого она воздействует на человека. Эффективность такого воздействия зависит от степени соответствия рекламного сообщения ценностной картине мира адресата. Ценности у каждого человека индивидуальны, и рекламе предстоит максимально охватить целевую аудиторию, расширить поля влияния рекламы для каждой социальной группы, на которые следует воздействовать, чтобы те или иные потребности переросли в мотив [3, с. 16].

Избранная нами методика изучения ценностных доминант текста базируется на понятии «концепт», доступ к которому осуществляется посредством языковых единиц различных уровней. Для их анализа в ходе сплошной выборки было отобрано 553 объявления о найме на работу, из журнала *The Economist* (экономический журнал, одним из разделов которого является рекламный блок, содержащий объявления о вакансиях от американских и европейских работодателей) и электронного ресурса www.job.com (предлагающего рабочие вакансии в США).

В рамках рекламного дискурса исследованных объявлений о найме на работу формируется ценностный компонент концепта «Work». Это происходит следующим образом. С одной стороны, работодатель предлагает работу как товар, который должен удовлетворить потребности адресата. В этом случае полями воздействия рекламы являются: 1) отношение между работником и работодателем, 2) отношения между работником и коллективом, 3) отношение работника к предмету деятельности. Для того, чтобы максимально воздействовать на адресата, в рекламном сообщении работодатель создает образ-имидж рекламируемого товара с точки зрения системы ценностей адресата и одновременно обра-

щается к языковым знакам, которые выводят на образы мира и ценностную систему потребителя информации. В этом случае имидж товара — это та информация, которую работодатель стремится донести до соискателя, информация, которая не обладает культурной ценностью, но апеллирует к ценностным ориентациям адресата [4, с. 39]. С другой стороны, работодатель сам является участником торго и заинтересован в приобретении квалифицированного работника, поэтому в рекламном сообщении он выдвигает свои требования к соискателю. Следовательно, ценностный компонент концепта «Work» складывается из двух составляющих: имидж — характеристик товара-работы, то есть того, что имеет ценность для соискателя, и характеристик-требований товара-работы, то есть то, что имеет ценность для работодателя. Рассмотрим, как представлены эти характеристики в выделенных полях воздействия рекламы.

1. И работник, и работодатель являются представителями определенной социальной группы, где особую роль играет социальный статус. Отношения между ними в этом случае могут быть выражены в терминах социального равенства или неравенства, где под социальным неравенством понимаются отношения между вышестоящим и нижестоящим [5, с. 10]. С точки зрения имидж-характеристик отношения между работодателем и работником представлены как равные, партнерские. Так, работодатель адресует рекламное сообщение не от собственного имени, а от лица компании, своих сотрудников, используя при этом местоимение 1 лица мн.ч. *we*, например *We are looking to hire...*, *We provide...*, *We are recruiting*. Работодателю важно войти в доверие к потребителю, создать эффект непосредственного общения. Это достигается путем широкого использования личных и притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица: *you*, *we: our client, our business, our passion, your impact, your chance* в совокупности с императивными конструкциями (*Join the fastest growing company in private aviation. Join the committed effort of Canon's employees*).

В рекламном дискурсе происходит воздействие на чувственные и рациональные зоны реципиента. Например, соискатель, потенциальный работник здесь номинируется нейтральными словами: соискатель (*candidate*), на долю которого приходится 53% от общего объема исследованных объявлений; лицо, человек (*individual*), на долю которого приходится 23%. Менее рекуррентными лексемами, на долю которых приходится менее 10% исследованных объявлений, являются: служащий (*employee*), кандидат (*applicant*), специалист (*specialist*). Эти лексические единицы сопровождаются прилагательными с ярко выраженной аксиологической окраской, выносящими на первый план такие характеристики работника, как его успешность (*successful*), высокие профессиональные качества (*ideal*), компетентность (*qualified*). В общем контексте эти прилагательные подвергаются десемантизации, сохраняя общую положительную оценку. В ряде рекламных текстов воздействие на получателя информации достигается с помощью логической аргументации. Работодатель, задавая вопросы (например, *Do you share our passion for people? Why OSI? Ready for a Positive Career Move?*) и отвечая на них, создает атмосферу размышления, вовлекая таким образом соискателя в рассуждение и подводя его косвенным путем к нужному выводу, формируя его собственное мнение, выгодное работодателю.

С точки зрения характеристик-требований работодатель желает видеть в соискателе специалиста с высокой мотивацией (*highly motivated*), ориентированного на работу в команде (*team oriented*), целеустремленного (*goal oriented*), готового максимально удовлетворить потребности потенциальных клиентов (*service-minded*). Частотным в описаниях соискателя

оказывается причастие II, которое является некоей формальной формой выражения пассивной перспективы. Пассивизация обусловлена синергетическим свойством языка как системы, которая способна в функциональном плане приспособлять грамматические средства к прагматическим намерениям говорящего [6, с. 8]. В данном случае прагматическим намерением работодателя является его желание видеть в соискателе специалиста полностью подчиненного целям и задачам работы и производственного коллектива. Интересно, что в 25% от общего числа употребленных в объявлениях причастий прошедшего времени, используемых в описании соискателя, содержится компонент *-orient*. Например, в претенденте на рабочее место ценятся его деятельностные качества (*action oriented*), внимание к деталям (*detail oriented*), умение работать совместно с другими (*team-work oriented*). Согласно определению, *to be oriented to/towards* означает: «*to be developed, trained, made, etc for a particular purpose*» (LDCE). Следовательно, в дискурсе рекламных объявлений о найме на работу востребована не столько самостоятельная, создающая себя личность (*self-made man*), отличительная черта американской культуры в целом, а человек, «изготовленный» по заказу фирмы, компании или любой другой организации в соответствии с ее стандартами.

Таким образом, с точки зрения имидж-характеристик работа-товар предлагается как хорошее деловое предложение партнеру-соискателю. С точки зрения характеристик-требований соискатель, «покупая» работу-товар, обязан заплатить за нее своей квалификацией, умениями, полностью отвечающими требованиям работодателя.

2. В поле воздействия рекламы по линии работник — коллектив преобладают характеристики-требования. Работодателю необходим работник с качествами лидера (*group leader*), с умением вести за собой команду (*proven ability to lead the team*). С другой стороны, работник обязан уметь работать в коллективе. В рекламном дискурсе исследованных объявлений о найме на работу рекрументной является лексема *team* и ее синонимы. Например, коллектив рассматривается как команда (*team*), члены коллектива — как члены команды (*team members*) или игроки команды (*team players*), отдельный работник — как часть команды (*part of a team*), сотрудники — как напарники в команде (*teammates*). От претендента ожидается умение работать в коллективе как в сплоченной команде (*team oriented*), выполнять одну общую задачу, поставленную перед командой (*teamwork*), и трудиться в обстановке командного духа (*team environment*). Таким образом, работодатель желает получить от работника в качестве платы за товар-работу сотрудника-лидера, умеющего найти свою нишу и работать на благо компании в целом, приумножая своими качествами общий потенциал команды.

3. В отношении работника к предмету деятельности в рекламном дискурсе представлены основные имидж-

характеристики работы, выраженные на языковом уровне абстрактными именами существительными: возможность (*opportunity*), карьера (*career*), вызов (*challenge*). Специалисты отмечают, что абстрактные имена не наблюдаемы, поэтому их тяжело постичь и интерпретировать. Но исследователю представляется возможным выявить глубинные структуры, лежащие в основании абстрактных имен, путем анализа сочетаемости имени [7, с. 290-295]. Лексема «*opportunity*» в рекламных объявлениях часто описывается прилагательными: волнующий (*exciting*), превосходный (*excellent*), выдающийся (*outstanding*). Высокая эмоциональная оценка соотносима с перспективой удовлетворения потребностей субъекта [8, с. 7]. Работа-товар предлагается соискателю как средство удовлетворения его потребностей.

Профилирующей в семантике лексемы «*career*» является сема рост (*growth*). Эта языковая единица часто встречается в восклицательно-побудительных предложениях, что создает эффект «повышенной громкости» [9, с. 42]. Например, *If you are ready to build a career or take the next step in your career, this is it! Start a New & Exciting career where your hardworking Mindset is VALUED! SHIFT YOUR CAREER INTO HIGH GEAR! Firestone Complete Auto care is the right place to build the career. Join us!! It's about enjoining your work... and your life.* Такой «звуковой» эффект в письменной форме рекламного сообщения создается путем комбинированного использования графических и стилистических приемов.

Лексема «*challenge*» является репрезентантом одноименного концепта, своего рода «сильным стереотипом» американской культуры с актуальными когнитивными признаками: *нечто сложное, требующее мобилизации способностей, умений, вызовом себе, собственным силам.*

Таким образом, в дискурсе рекламных объявлений о найме на работу концепт «*Work*» осмысливается как ценный товар и для соискателя, и для работодателя. Особенностью оценки товара-работы является расщепление субъекта оценки. С одной стороны, работодатель как субъект оценки дает оценку общего мнения, оценку глазами соискателя, посредством которой работодатель транслирует не ценности работы, а ее имидж. Благодаря использованию оценочных прилагательных, сконцентрированных возле верхнего положительного полюса шкалы оценок, формируется яркий положительный и в то же время довольно растяжимый образ имидж работы. В этом случае имидж-характеристики товара-работы выполняют роль массового мотивационного тезауруса, из которого каждый соискатель выбирает актуальный для себя мотив в получении предлагаемой работы. С другой стороны, работодатель дает собственную оценку товара-работы. Для него ценностью в товаре-работе является плата за нее в виде конкретных знаний, умений и качеств соискателя.

Библиографический список

1. Венедиктова, Т.Д. «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США / Т.Д. Венедиктова. — М.: Новое литературное обозрение, 2003.
2. Медведева, Е.В. Рекламная пропаганда, или «почем опиум для народа?» / Е.В.Медведева // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. — №1.
3. Батурина, Л.И. Особенности восприятия рекламы в России на современном этапе (ретроспективный анализ телевизионных рекламных клипов): Дис. ... канд. филол.наук. — М., 2000.
4. Медведева, Е.В. Рекламный текст как переводческая проблема / Е.В.Медведева // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. — № 4.
5. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
6. Мощеникова, С.В. Дискурсивно-прагматический потенциал категориальных и некатегориальных форм выражения пассивной перспективы высказывания и текста в современном английском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Барнаул, 2004.
7. Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени: Монография / Л.О. Чернейко. — М.: Б.и., 1997.
8. Багдасарова, Н.А. Лексическое выражение эмоций в контексте различных культур: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004.

9. Полубиченко Л.В., Донская М.М. Семиотика вербального и невербального в мультимедийном рекламном дискурсе / Л.В. Полубиченко, М.М. Донская // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. — С. 36- 52.
10. The Economist (апрель — май, 2007)
11. www.job.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www.job.com](http://www.job.com)
12. LDCE — Longman Dictionary of Contemporary English, 1995.

Статья поступила в редакцию 29.02.08

УДК 81.25+803.0

В.М. Проскуркин, доц. БГПУ, г. Барнаул

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕНСАЦИЯ И ДРУГИЕ СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале переводов рассказов В.М. Шукшина на немецкий язык)

Рассматриваются способы передачи русской просторечной лексики на немецкий язык на примере переводов рассказов В.М. Шукшина. В результате проведенного анализа сделаны выводы по употреблению стилистической компенсации как основного средства передачи этой лексики, кроме того, рассмотрены и другие способы перевода.

Ключевые слова: стилистическая компенсация, перевод, просторечная лексика, эквивалент, адекватная передача.

Я знаю, когда я пишу хорошо: когда пишу и как
будто пером вытаскиваю из бумаги живые голоса людей.

В.М. Шукшин

Два требования к художественному переводу стоят как бы в оппозиции друг к другу: с одной стороны, язык переводного текста должен по всем параметрам соответствовать языку оригинального текста, в идеале читатель воспринимает переводный текст как текст оригинала, как будто он владеет иностранным языком. С другой стороны, в тексте перевода не должно быть национально-культурных элементов, мешающих читателю воспринимать текст.

Цитируя Л. Венути, А.Д. Швейцер отмечает, что в переводе сталкиваются две стратегии — ориентация на культурные нормы и ценности среды рецептора (доместикация) и ориентация на нормы и ценности среды отправителя (форинизация). «Это уравнивающие друг друга процессы. Излишняя доместикация приводит к восприятию текста как некой пародии, излишняя форинизация делает текст мало понятным и не отвечает требованиям, предъявляемым к переводу» [6, с. 183].

Мысль об этих двух стратегиях не нова. Ф. Шлейермахер писал об этом так: «Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо он оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю» [7, с. 132-133]. В переводе взаимодействуют не только два разных языка, но и две разные культуры. Путем перевода невозможно превратить иностранный культурный фон в родной и наоборот. Общественное предназначение перевода — в достижении максимальной близости к обычной, одноязычной коммуникации.

Переводу подлежит язык текста реальный, функционирующий, работающий, живой. «Употребленный язык начинает говорить с читателем на своем пластическом и, прежде всего, акустическом языке. В употребленном вербальном звучащем языке акустический образ — это не материальное звучание, а представление о нем, психический отпечаток звучания» [1, с. 9]. Эмоциональное отношение говорящего к содержанию и адресату создает интонацию, а вместе с нею и ритм, за которыми, в свою очередь, ощущаются субъективно-оценочные содержания. Живой, звучащий язык, который подлежит переводу, — это не изолированный условный словесный знак и не строй языка, а звучащий язык целостного словесного произведения.

Особое место в переводах художественной литературы занимают диалоги героев книги. Переводя авторский текст, переводчик воплощается как автор, перенимает его лексику, говорит его голосом, при переводе же диалога ему приходится говорить за разных героев, различных по характеру, манере речи, словарному запасу. Переводчик входит в каждый образ. Несмотря на то, что диалог — это литературно обработанный текст, он является плодом устной речи и обладает всеми ее характерными чертами.

Читая рассказы В.М. Шукшина, невозможно не заметить абсолютного преобладания в них диалога над авторской речью. В его рассказах доминирует свободное слово героя, герой раскрывается в диалоге, а слово автора иногда похоже на ремарку. Шукшин воссоздает живую разговорную речь с присущей ей образностью, экспрессией и естественностью. Он передает динамику современного языка; фразы, высказывания героев кратки, просты, энергичны. В прозе Шукшина заметно влияние устного народного творчества, его часто упрекали за употребление диалектизмов, просторечных, порой грубых слов, однако ему приходилось использовать их как средство речевой характеристики персонажей.

Цель настоящей статьи — выяснить, каким образом, какими средствами следует передавать живую разговорную русскую речь при переводе на немецкий язык, чтобы немецкий читатель мог понять чувства, эмоции, волнения, радость и горе шукшинских героев. Для ответа на этот вопрос был проведен анализ лексического состава четырех рассказов В.М. Шукшина и их переводов на немецкий язык. Было рассмотрено 28 лексических единиц (фразеологизмы, реалии, просторечная лексика).

Переводчик большей части рассказов В. Шукшина Эггард Тиле отмечает в комментарии к сборнику рассказов, что автор (Шукшин) передает речь своих героев без прикрас, в соответствии с действительностью, из которой они вышли. В переводе пришлось делать много сокращений, свойственных немецкой разговорной речи: *nich*, *hab's*, *wenn's*, *inn* (вместо *in den*) и других, для того чтобы немецкий читатель мог представлять себе эти диалоги, как пишет Тиле, «*im Slang*» (на сленге) [9, с. 406].

Что же касается просторечных языковых единиц, то здесь переводчики натолкнулись, естественно, на

определенные проблемы. В рассказе «Ноль-ноль целых» («Null null Kopeken») некий Синельников нападает на Кольку Скалкина с обвинениями в пьянстве:

«Водку жрать у них денег хватает, а тут, видите ли, мало платят... Глоты. И сосут, и сосут, и сосут эту водку!.. Как не надоест-то? Очуметь же можно. Глоты несчастные». — «Das Geld versaufen, und dann über zu wenig Piepen klagen ... Saufsäcke. Schlucken wie die Karpfen ... Kommt's euch nicht bald zu den Ohren raus? Ist doch zum Blödsinnigwerden. Saufsäcke, armselige».

Не найдя стилистического эквивалента для довольно грубого выражения «водку жрать» (наиболее близким эквивалентом русского глагола «жрать» в немецком является «fressen», однако в нем нет той экспрессии, негативного оттенка; словарная статья дает следующие значения: 1) есть (о животных), 2) объедать, 3) жрать, лопать, 4) разжедать, корродировать; проедать насквозь, переводчик пошел путем стилистической компенсации, заменив нейтральное слово «деньги» довольно сниженным словом *Piepen*. Переведа предложение с повторением глагола «сосут» менее эмоциональным выражением «*Schlucken wie die Karpfen*», переводчик компенсировал эту потерю в переводе нейтрального «*Как не надоест-то?*» довольно экспрессивным «*Kommt's euch nicht bald zu den Ohren raus?*» (Скоро, наверное, у вас из ушей польется?)

Суть стилистической компенсации заключается в следующем. Рассматривая эквиваленцию как один из видов семантических преобразований, Н.К. Горбовский пишет: «Выбор окончательного эквивалента на этапе реконструкции (Р) происходит в обратной последовательности по сравнению с процессом идентификации единицы исходного текста на этапе декодирования (Д)» [2, с. 413].

На этапе декодирования образная и стилистически окрашенная единица исходного текста (ИТ) воспринимается как нейтральная единица ИТ, при этом учитываются ее стилистические и образные коннотации. На этапе реконструкции к эквивалентной нейтральной единице текста перевода (ТП) добавляются эквивалентные стилистические и образные коннотации, и в результате, при переводе появляется эквивалентная образная и стилистически окрашенная единица ТП.

Однако при стилистической компенсации мы наблюдаем иные процессы:

1) образная и стилистически окрашенная единица ИТ теряет при переводе стилистические и образные коннотации и превращается в нейтральную единицу ТП;

2) нейтральная единица ИТ при переводе приобретает эквивалентные стилистические и образные коннотации и в результате появляется эквивалентная образная и стилистически окрашенная единица ТП.

Применение стилистической компенсации можно наблюдать и в переводах других рассказов Шукшина, где переводчику пришлось подыскивать стилистические синонимы для иных лексических единиц текста. Рассказ «Мой зять украл машину дров» («*Mein Schwiegersohn hat 'ne Fuhre Holz geklaut*») начинается с того, что герой приезжает домой и обнаруживает, «что деньги, которые копилась ему на кожаное пальто, жена ухайдакала себе на шубу из искусственного каракуля». — «*...hatte entdeckt, dass das ganze Geld, das er für eine lange Lederjoppe gespart hatte, futsch war; seine Frau Sonja hatte sich dafür einen Mantel aus Kunstpelz gekauft*».

Такого колоритного глагола, как «ухайдакать» в значении «потратить» в немецком языке нет, переводчик вводит разговорное слово *futsch* (*das Geld war futsch* — плакали денежки), соответствия которому в оригинальном тексте нет, и компенсирует этим совер-

шенно нейтральный глагол *kaufen* (покупать) в переводном тексте.

При передаче стилистической окраски в переводе (особенно функционально-стилистической и нормативно-стилистической) нет необходимости соблюдать «симметрию» воспроизведения коннотации. Важно лишь, чтобы была передана общая стилистическая тональность текстов на ИЯ и ПЯ. Здесь в большей мере, чем в других случаях, действует принцип перераспределения значений (применительно к рассматриваемым компонентам значения принцип перераспределения стилистических окрасок) [4, с. 143].

Приставочные русские глаголы, многие из которых даже отсутствуют в словарях (например, *отполучать, отлюбить, отжелать*), ни понять, ни породить невозможно без обращения к значению соответствующих морфем и словообразовательных операций [3, с. 211]. Взаимодействие приставки с основой строится по образцу уже существующих глаголов (отбегать, отстрадать, отблестать, отлетать) с данной приставкой. Новый глагол реализует общую идею, присущую глаголам с данной приставкой (приставка от- обозначает завершение, конец какого-либо действия, процесса) в специфических контекстных условиях.

В немецком языке нет таких глаголов, в нем другая словообразовательная система; переводчикам приходится искать другие пути передачи подобных неологизмов. В большинстве случаев переводчики пользуются фразеологическими единицами:

«И все. И отполучал ты по двести рублей на своих ямах». («Ноль-ноль целых») — «*Aus der Traum. Und deine zweihundert Rubel kannst du in den Rauchfang schreiben*». (примерно: И поставь крест на своих двухстах рублях).

В этом же рассказе просторечно-грубые слова героя переводчик передает фразеологическими единицами: «...не говори никому, что ... слупил с меня четвертной. А то дойдет до моей... хаю не оберешься» — «*Aber sag 's nicht weiter ... dass du mir fünfundzwanzig Rubel abgeknöpft hast. Meine Alte, die keift mir sonst die Ohren voll*».

Фразеологизмы исходного текста чаще всего передаются также немецкими фразеологическими единицами: *елку-палку* — *verflickst und zugenäht*; *в кои-то веку!* — *das ist ja mal 'ne Leistung!* во что бы то ни стало — *auf Deiweil komm raus*; не чета тебе — *denen kannst du nicht das Wasser reichen*; повернуться под горячую руку — *j-m zufällig in die Quere kommen*; в люди выйми — *was Besseres werden*; живет на всем готовеньком. — *sitzt im gemachten Nest*.

Интересны также варианты перевода многих просторечных слов шукшинских героев: *фон-барон* — *feiner Herr*; *удодить* — *vor j-m katzbuckeln*; *по дешевке* — *für ein Butterbrot*; *старая карга* — *alte Vettel*.

Шутник Коля Паратов из рассказа «Жена мужа в Париж провожала» («*Sie hat ihren Mann nach Paris geschickt*») отвечает на вопрос, какой у него размер обуви, на ломаном немецком: «*Фиер цанцих* — сорок два». В переводе (прекрасная находка переводчика!) — это ломаный английский: «*Fortituh* — *zweiundvierzig*». Контаминированная речь иностранца выступает как характеристика персонажа, неправильности и ошибки напоминают о том, что герой не владеет иностранным языком, и пользуется им для каких-то своих целей (в данном контексте — чтобы развеселить соседей). Эти ошибки становятся средством эстетического воздействия на читателя, создают необходимый стилистический эффект [5, с. 153]. Передавая фонетические ошибки героя рассказа (непроизносимое -е- в слове *vier*, твердое -х- в слове *zwanzig*) и грамматическую (пропущен союз *und* — *vierundzwanzig*), переводчик намеренно на-

рушает написание английского числительного (forty two). Но все же переводчик не передал еще одну, смысловую, ошибку Паратова (vierundzwanzig = 24, forty two = 42).

Большая часть реалий, предметов русского быта, встречающихся в рассказах В.М. Шукшина, передана путем описательного перевода: *трехрядка* — *die Harmonika mit den drei Knopfreihe* (*гармоника с тремя рядами клавиш*), *кутья* — *Reisspeise zum Leichenschmau* (*блюдо из риса для поминок*).

Адекватной передаче разговорного стиля способствует и грамматический строй предложений, это прежде всего неполные предложения, с глаголами на первом месте, что совершенно не характерно для немецкой литературной нормы: «*Schlucken wie die Karpfen*», «*Ist doch zum Blödsinnigwerden*».

Из вышесказанного можно сделать вывод: **стилистическая компенсация является одним из основных средств выражения просторечной разговорной лексики при переводе, кроме того, переводчики используют сокращения, адекватную передачу фразеологизмов, изменения синтаксического рисунка предложений.**

Однако не все лексические проблемы были решены при переводе адекватно. В силу разных причин переводчику приходилось пропускать некоторые фразы в диалогах. Например, в рассказе «Ноль-ноль целых»

Колька Скалкин, отвечая на вопрос, куда он пойдет теперь работать, говорит: «*Счас-то? Ямы под опоры пойду рыть. На тридцать седьмой километр*». — «*Ich? Ich gehe schippen*», (*Я? Пойду ямы рыть*.) Вряд ли подобные пробелы в переводе искажают общий смысл, сюжет и логику повествования, однако переводчик не имеет право сокращать исходный текст.

Не обошлось и без ошибок и искажений оригинального текста. При переводе, например, рассказа «Обида» («*Die Kränkung*») переводчик не понял значения глагола «*отпускать*» в данном контексте (отпускать товар покупателям) и перевел эту часть спора в магазине следующим образом:

«*И стали раздаваться голоса: — Да хватит вам: был, не был! — Отпускайте!*» — «*Stimmen wurden lauter: «Nu hören Sie endlich auf!» — «Lassen Sie ihn doch laufen!»*» («*Отпустите его, пусть он уйдет*»).

Анализируя перевод рассказов В. Шукшина на немецкий язык, не обращая внимания на некоторые погрешности, можно прийти к выводу, что немецкие переводчики сделали если не все, то почти все возможное, чтобы познакомить своих соотечественников с героями шукшинской прозы. Они смогли пересказать им правду о жизни, проблемах, радостях и печалях простых русских людей, передавая это их же речью, самобытной и так трудно переводимой.

Библиографический список

1. Брандес М.П. Критика перевода. — М.: КДУ, 2006.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
3. Кронгауз М.А. Семантика. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001.
4. Латышев Л.К. Курс перевода (Эквивалентность перевода и способы ее достижения). — М.: Международные отношения, 1981.
5. Савенко Е.Н. Контаминированная речь иностранца в художественной литературе и способы ее перевода на другой язык. // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов. Выпуск 444. — М., 1999.
6. Швейцер А.Д. Перевод как акт межкультурной коммуникации. // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов. Выпуск 444. М., 1999.
7. Шлейермахер Фр. О различных методах перевода // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2000. №2.
8. Шукшин В.М. Рассказы. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1989.
9. Schukschin W. Null null Kopeken. Erzählungen. Leipzig: Verlag Volk und Welt, 1981.

Статья поступила в редакцию 14.02.08

УДК 801.8

М.В. Финадеева, аспирант АлтГТУ, г. Барнаул

МЕДИА-ЖАНР: ПРЕДПОСЫЛКИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

В статье рассматриваются предпосылки когнитивного подхода к медиа-жанру. Обосновывается необходимость рассмотрения медиа-жанра в качестве гетерогенной вербально-авербальной когнитивной структуры, определяющей способ продуцирования и интериоризации медиа-текста.

Ключевые слова: СМИ, медиа-жанр, когнитивная структура.

Начиная с 80-90х годов прошлого века проблема речевых жанров вызывает огромный интерес лингвистов как в нашей стране, так и за рубежом. В современной лингвистике речевые жанры рассматриваются в различных аспектах: стилистическом (Кожина, 1999; Салимовский, 2002; Матвеева, 1997), психолингвистическом (Седов, 2002; Стернин, 1999; Демьянков, 1994), социопрагматическом (Дементьев, Седов, 1998; Федосюк, 1997; Тарасенко, 2002; Дементьев, 2002; Долинин, 1999), прагмалингвистическом (Борисова, 2001; Гольдин, 1997; Орлова, 1993), когнитивном (Бердникова, 2005; Рогалева, 2005), текстосимметрическом (Корбут, 2005). Таким образом, в настоящее время имеется целый корпус работ, рассматривающих вопросы, связанные с сущностью и функционированием речевых жанров. В то же время наблюдается дефицит ис-

следований медиа-жанров. Между тем, изучение именно жанров СМИ представляется особенно актуальным в силу того, что социально значимые тексты, продуцируемые современными масс-медиа, доминируют над всеми другими видами текстов, что подтверждается выявленными мировыми тенденциями замещения чтения художественной и поэтической литературы текстами, транслируемыми различными медиа, в том числе и электронными [1, с. 151]. При этом, по мнению исследователей, деятельность СМИ не соответствует структуре обычной коммуникации в том виде, в каком она описана к настоящему времени, а является совершенно особым видом дискурсивной деятельности [2], и в силу этого, безусловно, заслуживает тщательного и всестороннего изучения. Современный медиа-текст в силу ряда особенностей является принципиально новым ком-

муникационным продуктом [3] и все его параметры, в том числе медиа-жанр, требуют своего лингвистического осмысления. Так как когнитивный аспект в анализе деятельности СМИ признается наиболее перспективным [2], именно когнитивный анализ медиа-жанров может выявить их сущностные свойства, остающиеся вне поля зрения в рамках других парадигм.

В настоящее время медиа-жанры наиболее детально исследованы в журналистской парадигме. В журналистике принята трактовка жанров как устойчивых типов публикаций, объединенных сходными содержательно-формальными признаками, к которым относят предмет отображения, целевую установку (функцию) отображения и метод отображения. Владение жанром является одной из главных составляющих мастерства журналиста. Не случайно в газетной практике существует специализация журналистов по жанровому признаку: хроникер, репортер, корреспондент, обозреватель, очеркист, фельетонист и др. Для журналиста крайне важно усвоение жанрового образца, так как для последующего адекватного понимания медиа-текста жанр должен быть безошибочно идентифицирован реципиентом (например, принципиальным является различение новостей и комментария или аналитики). Необходимо отметить, что рассмотрение жанра в рамках журналистской парадигмы имеет ярко выраженный прикладной характер. Жанр рассматривается как технический инструмент в качестве матрицы для создания медиа-текста для его оптимального структурирования. В литературе по журналистике [4; 5] медиа-жанры моделируются исходя из вышеуказанных параметров (предмет, цель, метод отображения). И, возможно, с точки зрения практической деятельности журналиста, такой подход к построению медиа-текста вполне оправдан. Однако нетрудно предположить, что опознавание медиа-жанра реципиентом происходит с опорой на иные характеристики, присущие медиа-тексту. Естественно, в рамках журналистской парадигмы не ставится вопрос о том, каким образом медиа-жанр репрезентирован в сознании реципиента, на какие структуры сознания воздействует жанр медиа-текста и каков механизм этого воздействия. Между тем, чтобы «влиять на умы людей» или апеллировать к их эмоциям и чувствам (в чем, по-видимому, состоит задача журналистики), «такая апелляция должна быть до малейших деталей просчитана, а следовательно, когнитивно обоснована» [2]. Поэтому изучение медиа-жанра с позиций когнитивной лингвистики будет иметь большое значение и для теории журналистики.

До 70-х годов прошлого века медиа-жанр в отечественной лингвистике почти не исследовался. В советский период язык газеты был унифицирован, содержал большое количество идеологизированных клише независимо от жанра, а сами медиа-жанры были похожи один на другой, «аморфны», что привело некоторых исследователей к скептическому отношению к целесообразности жанрового подхода к медиа-тексту [6]. Советские ученые традиционно связывали жанр с функциональными стилями. Поэтому язык газеты рассматривается преимущественно в структурном, стилистическом и функциональном аспектах (Костомаров, 1971; Лысакова, 1981; Мамалыга, 1983; Солганик, 1968, 1973, 1981 и др.). Однако мы разделяем мнение Ю.М. Скребнева о неконструктивности стилистического подхода к медиа-тексту в связи с преобладанием в нем жанровых признаков [7]. Ю.Н. Караул также считает, что между понятиями «язык СМИ» и «газетно-публицистический стиль» уже нельзя ставить знак равенства, так как язык СМИ сегодня приобрел господствующее положение, вобрав в себя, поглотив,

ассимилировав в себе ресурсы всех функциональных стилей [8, с. 15-16].

К сожалению, медиа-жанр до сих пор практически не становился объектом исследования в когнитивной парадигме. Между тем, изучение медиа-жанра в рамках этой новой парадигмы представляется особенно актуальным по нескольким причинам. Во-первых, возрастает интерес к изучению языка СМИ, что обусловлено многократно возросшей ролью масс-медиа в современном обществе, активным влиянием СМИ на сознание индивида, его познавательные структуры и картину мира в целом. Во-вторых, когнитивный подход может выявить сущностные свойства медиа-жанра, которые остаются незамеченными при рассмотрении его в рамках иных парадигм. Большинство исследователей признается, что «реальные объяснения функционирования языка можно получить только при обращении к когнитивным структурам» [9]. В частности, по мнению С. Шмидта, сущность жанра не может быть выявлена лишь через наблюдение его материальных проявлений. «Жанры должны быть концептуализированы в терминах когнитивных явлений, а не представлены через набор свойств, извлеченных из текстов» [10, с. 373–374]. Поэтому когнитивный подход к медиа-жанру предполагает изучение того, как жанры репрезентированы в сознании индивида и как он оперирует этими знаниями, т.е. того, как они реально функционируют.

Несмотря на то, что медиа-жанры еще не получили достаточного осмысления в рамках когнитивной парадигмы, многие исследователи в том или ином виде сформулировали положения, которые можно считать предпосылками когнитивного подхода к изучению этого явления. Так, еще основатель теории речевых жанров М.М. Бахтин отмечает, что «говорящему даны не только формы общенародного языка... но и обязательные для него формы высказывания, то есть речевые жанры. Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [11, с. 257-259]. Фактически это означает, что в сознании индивида существует целый инвентарий жанровых когнитивных структур, формирующихся онтогенетически в тесной связи с языковой способностью.

Рассматривая различные жанры с позиций текстосимметрии, А.Ю. Корбут приходит к выводу, что жанровое разнообразие непосредственным образом связано с разнообразной деятельностью говорящих, которая является внешней средой бытия лингвистического текста и неизбежно влияет на вариации формы текста [12, с. 72]. Продолжая эту мысль, можно отметить, что внешняя среда влияет не непосредственно на текст, а на мышление продуцента, вследствие чего он осуществляет корректировку текстовой структуры в зависимости от обстоятельств, целей, когнитивных потребностей реципиента и т.д. Вместе с тем остается открытым вопрос, как именно происходит эта корректировка, какими структурами сознания она осуществляется и каков механизм их действия. Частично на него отвечают психолингвисты, изучающие жанровую составляющую языковой способности личности и ее формирование в онтогенезе. По мнению И.Н. Горелова и К.Ф. Седова, жанровый слой сознания располагается между универсальным предметным кодом (Н.И. Жинкин) и языковым сознанием [13, с. 252]. Настрой на конкретный речевой жанр происходит на первичной стадии формирования высказывания, еще до момента формирования смыслового содержания. То есть жанровая составляющая высказывания формируется в сознании раньше смысловой. Более того, продолжает эту мысль К.Ф. Седов, и жанровое мышление вообще начинается формироваться, как это ни парадоксально, значительно раньше первых вербальных проявлений, за-

долго до начала формирования у ребенка языковой структуры [14]. По мнению ученого, в процессе взаимодействия младенца с окружающими его взрослыми в его сознании формируется система протожанровых способов коммуникации, с опорой на которую происходит дальнейшее овладение языком. Эта система представляет собой набор фреймов типичных коммуникативных ситуаций. По мере включения вербального материала в диалог ребенка с взрослыми он учится облекать свои высказывания в соответствующие жанровые формы [14]. Эти положения представляют большой интерес для дальнейшего когнитивного исследования медиа-жанра, поскольку речь идет не о чем ином, как о формировании в сознании жанровой когнитивной структуры, на основе которой, вероятно, в дальнейшем формируется медиа-жанровая когнитивная структура.

Исследователями отмечается, что выбор того или иного жанра продуцентом текста обусловлен целым рядом факторов. Немаловажным является фактор адресата. Например, по мнению Л.Р. Дускаевой, медиа-текст всегда содержит в себе образ будущего реципиента и ориентирован на как можно более полное удовлетворение его ожиданий [15]. Это подтверждает и исследование, проведенное Т.В. Чернышовой и посвященное фактору адресата медиа-текста. По мнению исследователя, медиа-текст производится в расчете на определенный тип концептуальной системы «своего» читателя [16], то есть на наличие в его сознании определенных когнитивных структур, позволяющих адекватно интерпретировать тот или иной медиа-текст, в том числе и его жанр. Представляется интересным выяснить в рамках когнитивной парадигмы, за счет чего происходит идентификация медиа-жанра реципиентом, какую роль в этом процессе играют ключевые концепты медиа-текста и т.д.

Еще одним фактором, влияющим на выбор жанра, является коммуникативная ситуация. В контексте коммуникативной ситуации (и даже более широко — в контексте национальной, социальной, духовной культуры) жанры рассматриваются в социопрагматике. В исследованиях В.В. Дементьева и К.Ф. Седова жанр речи определяется авторами как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [17, с. 6]. Другими словами, в нашем сознании определенные ситуации связаны с определенными жанрами и соответствующими им вербальными формулами. То есть речь идет о фреймах типичных коммуникативных ситуаций, включающих, в том числе, и вербальный материал. Применительно к медиа-жанру обязательным является наличие и авербальных элементов, т.к. специфика медиа-текста заключается в его принципиальной поликодовости. Это соотносится с постулатом о множественности воплощения когнитивных структур в языке [9]. Принципиальная гетерогенность медиа-текста рассматривается как способ минимизации времени и усилий на его освоение реципиентом [1, с. 177].

Поликодовость медиа-текста дает достаточные основания для обращения к понятиям семиотики о различных типах знаков, предложенным Ч.С. Пирсом. Компонентами медиа-жанра могут служить стилистически окрашенные лексемы, определенные речевые формулы, способ подачи текста (стихотворная строка, пиктография в комиксе), а также положение в печатном издании (передовая статья), наличие/отсутствие сопровождающих иллюстраций и их жанр: карикатура к сатирической статье, графики или диаграммы к научной статье, объем текста и др. Разнокодовые компоненты медиа-жанра способны вступать в неоднородные отношения: усиливать, дополнять или нейтрализовать друг друга, что приводит к порождению новых смыслов, созданию различных эффектов [1; 18]. Ког-

нитивно-семиотический анализ медиа-жанра представляется актуальным в силу того, что он учитывает его специфику, которая заключается в смысловом единстве словесного и визуального рядов. Также семиотические методы анализа признаются приоритетными в изучении масс-медиа (особенно в работах зарубежных исследователей), в силу того что интерпретативный метод семиотики считается наиболее приближенным к способу обработки визуальной информации в сознании человека [19].

Л. Фаулер считает, для того чтобы коммуникация вообще и медиа-коммуникация в частности состоялась, необходимо наличие общего кода между продуцентами и интерпретаторами текстов, коим и является жанр, «коммуникация, невозможна без согласованных кодов жанра» [20, с. 216]. У. Чейф указывает, что, основываясь на оценке адресата и конкретного контекста речи, автор как бы «завертывает» передаваемое содержание «эффективным образом, чтобы адресат мог легко его усвоить» [21, с. 36–39]. С точки зрения продуцентов текстов конкретного жанра, наличие жанров обеспечивает сходные знания и ожидания по отношению к тексту данного жанра, а это обуславливает адекватность его понимания. Вербализация и восприятие, по У. Чейфу, происходят под влиянием уже существующих в нашем сознании моделей, или схем, представляющих собой стереотипные модели, с помощью которых выбираются способ организации и способ интерпретации речи [21, с. 36–39]. Другими словами, при вербализации своего замысла продуцент медиа-текста сначала выбирает медиа-жанр из всего репертуара медиа-жанров, используемых в данном типе медиа-коммуникативных ситуаций в зависимости от своих целей, гипотезы адресата и т.д. Выбор жанра задает макроструктуру создаваемого сообщения, т.е. набор содержательных блоков и порядок их следования. Переходя к вербализации этих блоков, продуцент строит конкретные высказывания опять же в соответствии с выбранным жанром, так как медиа-жанр определенным образом детерминирует отбор языковых средств и объем сообщения. На начальном этапе интериоризации медиа-реальности происходит идентификация медиа-жанра реципиентом для определения способа освоения медиа-текста. Таким образом, медиа-жанр играет важную роль в процессе медиа-коммуникации, определяя способ продуцирования и интериоризации медиа-текста.

По мнению Ч. Филлмора, люди смогут понять то, что мы говорим, «если их языковой репертуар активизирует такие же или сходные схемы и если их опыт по освоению этих схем сравним с нашим» [22, с. 107]. Такими схемами, без сомнения, можно считать речевые жанры вообще и медиа-жанры в частности. Медиа-текст, как правило, строится по определенным жанровым схемам, набор которых и специфика реализации определяются типом издания и особенностями аудитории. Адресат, в свою очередь, выбирает произведения тех медиа-жанров, которые в наибольшей степени соответствуют его внутренним потребностям, т.е. для освоения которых в его сознании присутствуют соответствующие когнитивные структуры. Таким образом, медиа-жанровая когнитивная структура, определяя способ продуцирования и интериоризации медиа-текста, обеспечивает эффективность коммуникации в условиях СМИ.

Изучая изменения в газетном текстопроизводстве, происходящие в России начиная с 90-х годов прошлого века, в связи с переходом к новой социальной системе, многие исследователи отмечают, что система медиа-жанров также подвергается соответствующей трансформации. Это не случайно, ведь, как справедливо замечает А.Н. Тепляшина, «жанр фиксирует сдвиги в

духовной жизни общества и меняется вместе с ней» [23, с. 29]. По мнению Н.Н. Трошиной, в жанрах вообще и медиа-жанрах в частности отражается уровень развития общества, его структура, его потребности и запросы [24, с. 23]. Л.А. Капанадзе считает, что в жанрах речи прослеживается объективация идеологических схем и мировоззренческих стандартов [25, с. 7]. Считаю необходимым отметить, что любые изменения (в том числе в системе жанров) происходят не в «массовом сознании», а на уровне индивидуального сознания, так как «никакое знание не может стать общественным прежде, чем оно пройдет через «индивидуальную голову» [26, с. 111]. Изменения, происходящие в обществе, определенным образом фиксируются в сознании индивидуумов, что приводит к трансформации когнитивных структур, в том числе и медиа-жанровой когнитивной структуры. Таким образом, медиа-жанровая когнитивная структура как часть когнитивной системы индивидуума фиксирует изменения, происходящие во внешней среде (то есть в обществе).

Для дальнейшего когнитивного исследования представляют интерес некоторые выводы, к которым приходит С.В. Донсков, рассматривая медиа-жанр в сравнительно-историческом аспекте. По его мнению, формирование жанровых требований современных русскоязычных газетных текстов находится под сильным влиянием англоязычных жанровых образцов, т.е. имеет место перенос жанровых требований и жанровых признаков из одной культуры (англоязычной) в другую (русскоязычную) [27]. К сожалению, автор рассматривает лишь перенос структурно-лингвистических особенностей газетных жанров. Рассмотрение переноса исключительно лингвистических структур без учета поликодовой природы медиа-текста, на наш взгляд, существенно обедняет исследование. Кроме того, возникает вопрос, за счет чего происходит опознавание медиа-жанров, если «обновленные» жанры имеют иную лингвистическую структуру, чем «прежние», привычные для реципиента жанры СМИ. Структурная лингвистика вряд ли сможет дать убедительный ответ на этот вопрос. В связи с этим представляется интересным выяснить в рамках когнитивной парадигмы, имеет ли медиа-жанровая когнитивная структура универсальный характер и черты, не зависящие от языка реципиента и позволяющие ему идентифицировать медиа-жанр на любом известном языке. Если это так, то за счет чего происходит это опознавание, то есть каким образом медиа-жанр репрезентирован в сознании индивида.

Актуальность когнитивного подхода к медиа-жанру определяется тем фактом, что некоторые проблемы

жанроведения, не нашедшие удовлетворительного объяснения в рамках описательной лингвистики, уже успешно решаются в рамках когнитивной парадигмы. Например, трудности идентификации и делимитации жанров, проистекающие из большой внутрижанровой вариативности, снимаются в рамках теории прототипа, разработанной Э. Рош [28; 29]. Некоторые тексты признаются в большей степени типичными членами жанра, чем другие. При этом критерием, позволяющим приписывать текст к определенному жанру, является ключевой концепт, содержащийся в прототипе жанра. Причем от текста требуется не точное соответствие, а лишь достаточное сходство с прототипом, что особенно актуально в случаях нетипичных реализаций жанра [28; 29]. Эти положения, по мнению В.А. Тырыгиной, верны и применительно к жанрам масс-медиа [30]. Актуальным для дальнейшего когнитивного исследования медиа-жанра является и предложенное исследователем структурное описание медиа-жанра как концепта, включающего пять коммуникативных переменных: цель, предмет, адресант, адресат и адресантно-адресные отношения [30]. Особенности этих переменных, в частности, раскрывает О.А. Шевченко при построении модели прагматической ситуации интервью [31]. И.Ю. Мясников добавляет в модель жанра печатного периодического издания, кроме перечисленных выше, следующие параметры: образ прошлого, образ будущего, тип диктумного содержания, оценка диктумного содержания, степень самостоятельности сообщения, характер участия (тип связности) в дискурсе, характер участия (тип связности) в поликодовом сообщении, языковое воплощение, пространственное воплощение, характер визуализации [32]. Безусловно, все эти параметры имеют свои корреляты на когнитивном уровне, и рассмотрение их может быть включено в когнитивное исследование медиа-жанра.

Таким образом, несмотря на огромный интерес к жанру, с одной стороны, и языку масс-медиа — с другой, изученность медиа-жанров в психолингвистическом и когнитивном аспекте, является, на наш взгляд, недостаточной. Более того, современная лингвистическая парадигма диктует необходимость когнитивного подхода к медиа-жанру, что, по мнению М. Бирвиша, предполагает фокусирование внимания не на данных внешнего порядка, а на структурах знания в человеческом сознании [33, с. 666]. Следовательно, медиа-жанр требует исследования с новых позиций в качестве гетерогенной вербально-авербальной когнитивной структуры, определяющей способ продуцирования и интериоризации медиа-текста.

Библиографический список

1. Рогозина, И.В. Медиа-картина мира: когнитивно — семиотический аспект / И.В. Рогозина. — Барнаул, 2004.
2. Кубрякова, Е.С., Цурикова, Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности / Е.С. Кубрякова, Л.В. Цурикова // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть II. — М.: Изд-во МГУ, 2004.
3. Засурский, И.И. Масс-медиа второй республики / И.И. Засурский. — М.: Изд-во МГУ, 1999.
4. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. — М.: Аспект Пресс, 2000.
5. Ким, М.Н. Жанры современной журналистики / М.Н. Ким. — Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова, 2004.
6. Зильберт, Б.А. Проблемы классификации текстов массовой информации / Б.А. Зильберт // Изв. РАН СССР. Сер. Лит-ры и языка, 1986. Т. 45. №1.
7. Skrebnev, Y.M. Fundamentals of English Stylistics / Y.M. Skrebnev. — Moscow: Higher School, 1994.
8. Караулов, Ю.Н. Язык СМИ как модель общенационального языка / Ю.Н. Караулов // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докладов Международной научной конференции. — М.: Изд-во МГУ, 2001.
9. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка, 1997. Т. 56. № 1.
10. Schmidt, S.J. Towards a Constructive Theory of Media Genre / S.J. Schmidt // Poetics, 1986. № 16.
11. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М.: «Искусство», 1979.
12. Корбут, А.Ю. Текстосимметрия как раздел общей теории текста / А.Ю. Корбут. — Барнаул, 2005.
13. Горелов, И.Н., Седов, К.Ф. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. — М.: «Лабиринт», 2005.
14. Седов, К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К.Ф. Седов // Жанры речи: Сборник научных статей. — Саратов: Изд-во «Колледж», 2002. Вып. 3.

15. Дускаева, Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л.Р. Дускаева. — Пермь: 2004.
16. Чернышова, Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Чернышова Т.В. — Барнаул, 2005.
17. Дементьев, В.В., Седов, К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов // Жанры речи: Сборник научных статей. — Саратов: Изд-во «Колледж», 1998.
18. Сонин, А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов / А.Г. Сонин. — М., 2006.
19. Sebeok, T.A. Symbol just symbol / T.A. Sebeok. — Bloomington, 1991.
20. Fowler, A. Genre / A. Fowler // Ed. by Erik Barnouw: International Encyclopedia of Communications. Vol. 2. — New York, 1989.
21. Чейф, У.Л. Память и вербализация прошлого опыта / Чейф У.Л. // Новое в зарубежной лингвистике: прикладная лингвистика. Вып. XII. — М., 1983.
22. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики / Филлмор Ч. // Новое в зарубежной лингвистике: прикладная лингвистика. Вып. XII. — М., 1983.
23. Тепляшина, Л.Н. / Л.Н. Тепляшина // URL: «http://language.psu.ru/bin/view.cgi?art=0108&th=yes&lang=rus»: 1998.
24. Трошина, Н.Н. Лингво-прагматический аспект текстов массовой коммуникации / Н.Н. Тепляшина // Роль языка в средствах массовой коммуникации. — М.: АН ИНИОН, 1986.
25. Капанадзе, Л.А. Развитие речевых жанров в русском языке / Л.А. Капанадзе // Русский язык. — Ополе, 1997.
26. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. — М., 1999.
27. Донсков, С.В. Сопоставительное исследование жанровых особенностей англоязычных и русскоязычных газетных текстов / Донсков С.В. — Тверь, 2004.
28. Демьянков, В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка / В.З. Демьянков // Структуры представления знаний в языке. Отв. ред. Кубрякова Е.С. — М., 1994.
29. Paltridge, B. Working with Genre: A Pragmatic perspective / B. Paltridge // Journal of Pragmatics, 1995. Vol. 24.
30. Тырыгина, В.А. Медиа-жанры в когнитивной интерпретации / В.А. Тырыгина // Вопросы когнитивной лингвистики, 2007. №3.
31. Шевченко, О.А. Когнитивная модель дискурса интервью / О.А. Шевченко. — Тольятти, 2006.
32. Мясников, И.Ю. Жанры речи в дискурсе периодического издания: специфика дискурса и описательная модель речевого жанра / И.Ю. Мясников. — Томск, 2006.
33. Bierwisch, M. Linguistik als kognitive Wissenschaft — Erläuterungen zu einem Forschungsprogramm / M. Bierwisch // Zeitschrift für Germanistik № 6, 1987.

Статья поступила в редакцию 14.03.08

УДК 81:572 + 159.923

Е.А. Погодаева, аспирант АлтГУ, г. Барнаул

КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО БИЗНЕСМЕНА (на материале газеты «Ведомости»)

В статье затрагиваются проблемы, связанные с влиянием языка деловых средств массовой информации на когнитивный стиль личности. Образ российского бизнесмена имеет характерные визуальные и вербальные репрезентации в средствах массовой информации, что позволяет изучать их посредством методов когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивный стиль, деловая пресса, язык СМИ.

Понятие когнитивного стиля возникло в зарубежной психологии в 60-е гг. XX века и в настоящее время не перестает быть актуальным для многих научных дисциплин.

Некоторые исследователи относят начало разработки понятия когнитивного стиля к 20-30-м гг. XX века, с появлением разработки «жизненного стиля» у А. Адлера, дифференцированности психических систем у К. Левина, представления о «ригидности» у Р. Кеттелла и «ригидном контроле» у Дж. Струпа [1, с. 141]. С 50-х годов когнитивный стиль стал предметом исследования в зарубежной психологии (работы К. Брунера и Ж. Пиаже). Истоки содержательных представлений о когнитивных стилях были заложены в таких разных сферах психологического знания, как психоанализ и «понимающая психология», вюрбургская школа и гештальттеория, типология личности и возрастная психология.

В широком смысле, когнитивный стиль определяют как предпочитаемый подход к решению проблем, характеризующий поведение индивида относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей, но вне зависимости от интеллектуального уровня индивида, его «компетенции». Для выделения стиля существенно не то, достигается ли в результате цель, а то, как она достигается [2].

Отечественный психолог И.В. Равич-Щербо определяет когнитивный стиль через одну из основных психологических категорий — категорию индивидуальности: «*когнитивные стили — устойчивые индивидуальные особенности познавательных стратегий, формальная характеристика индивидуальности*» [1, с. 142]. Через категорию индивидуальности когнитивные стили рассматриваются и другими отечественными исследователями. Так, Т.В. Корнилова и Г.В. Пармеев определяют когнитивные стили, как «*способы (формы) восприятия, мышления и действия субъекта, задающие индивидуально устойчивые и в этом смысле личностные характеристики решения познавательных задач в разных ситуациях*» [там же]. М.А. Холодная характеризует когнитивные стили как «*индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего*» [3, с. 38]. М.В. Смирнов определяет когнитивные стили в качестве «*относительно устойчивого индивидуального способа организации внимания, сконцентрированного на решении определенного типа когнитивных задач и не жестко обусловленного темпераментом*» [4, с. 57].

Стилям индивидуальности посвящены исследования Г.А. Берулавы, которая полагает, что индивиду-

альные стили проявляются в различных формах психической активности и не контролируются сознанием [5]. Таким образом, в рамках данной теории стиль индивидуальности раскрывается через обращение к такой интегральной характеристике личности, как «образ мира» субъекта. Стиль индивидуальности, проявляющийся во всех сферах деятельности и поведения человека и воплощенный в стратегии отношения к окружающему миру, отражается на каждом из полюсов тремя параметрами: обобщенностью образа мира, эмоциональной насыщенностью образа мира, динамичностью образа мира [5].

Некоторые исследователи, занимающиеся проблемой стиля, рассматривают когнитивные стили в контексте теории стилей мышления. По мнению А.А. Алексеева и Л.А. Громовой, стили мышления обусловлены культурно-исторической средой, этносом, профессией и даже строением и функционированием мозга, возможно, половым признаком, но опосредованно, через личность человека и его интеллект. Под стилем мышления они представляют открытую систему интеллектуальных стратегий, приемов, навыков и операций, к которой личность предрасположена в силу своих индивидуальных особенностей (от системы ценностей и мотивации до характерологических свойств). Стиль мышления определяет способ постановки проблем и подходы к их решению и транслируется в поступки субъекта [6].

К проблеме когнитивного стиля обращались не только психологи, но и социологи, философы, лингвисты. Так, когнитивный стиль у известного австрийского социолога Альфреда Шюца — сложное образование, сочетающее в себе специфическое решение проблемы существования данных в опыте объектов и явлений, специфическую форму личностной вовлеченности, своеобразии проявления человеческой активности и т.п. [7].

И.П. Шкуратова определяет следующие функции когнитивного стиля личности:

- 1) адаптационную, состоящую в приспособлении индивидуальности к требованиям данной деятельности и социальной среды;
- 2) компенсаторную, поскольку его формирование строится с опорой на сильные стороны индивидуальности и с учетом слабых сторон;
- 3) системообразующую, позволяющую, с одной стороны, формироваться стилю на основе многих ранее сложившихся характеристик индивидуальности, с другой стороны, влиять на многие аспекты поведения человека;
- 4) самовыражения, состоящую в возможности индивидуальности выразить себя через уникальный способ выполнения деятельности или через манеру поведения [8].

В современной отечественной литературе можно встретить около двух десятков различных когнитивных стилей, описанных посредством дихотомических переменных. К примеру, дихотомия *импульсивность/рефлексивность* характеризует скорость принятия решения, а *полезависимость/полнезависимость* — отношения между личностью и окружающим миром (у полнезависимых людей отсутствует зависимость в чей-либо поддержке).

Когнитивные стили могут меняться под влиянием интеллектуальной нагрузки, обучения, освоения профессиональных навыков и т.п. Мобильность стилевого поведения позволяет человеку использовать различные когнитивно-стилевые стратегии в зависимости от целей его деятельности и требований сложившейся ситуации, что является показателем адаптивности и зрелости механизмов интеллектуальной регуляции.

К синонимам термина «когнитивный стиль» в науке можно отнести понятия «индивидуальная специ-

фика интеллектуальной деятельности», «познавательный стиль», «доминирующий модус мышления человека», «концептуальный» в значениях, близких «когнитивному», но в то же время далеко ему не тождественный. Термин «когнитивный» используется как синоним терминов «ментальный», «внутренний», «интериоризированный», «умственный», «мыслительный» [9, с. 7]. В толковом психологическом словаре понятие когнитивного стиля раскрывается как характерный стиль или способ, используемый в подходе к решению задач [10, с. 149].

Интерес к стилям очевиден: изучение стилей позволяет наблюдать модели поведения человека, прогнозировать и моделировать их. Одним из первых в нашей стране (в 60-е г. XX века) понятие индивидуального стиля ввел исследователь Е.А. Климов: это «индивидуально-своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными внешними условиями деятельности» [12, с. 49].

В.А. Толочек предлагает все стилевые характеристики человека разбить на четыре группы на основании двух критериев: характера и вида активности [12, с. 52].

Группа А — стили адаптации (организации и структурирования психической деятельности в определенной среде ее проявления — когнитивной, эмоциональной, моторной).

Группа Б — стили деятельности, которые характеризуют, как человек включается в профессионально-трудовые и технологические системы.

Группа В — стили взаимодействия, «характеризующие системы соучастия взаимоотношений человека с другими в каких-либо социальных и социотехнических системах».

Группа Г — стили отношения, поскольку «они отражают особенности восприятия человеком мира, использования его продуктов, отражают личностные смыслы, ценности и др.» [12, с. 169].

Как видно из классификации стилей и их характеристик, В.А. Толочек проводит разграничение между стилями деятельности и стилями общения, относя их к разным видам активности, а также между стилями межличностного общения и стилями профессионального общения, считая первые неспецифичными, а вторые специфичными, т.к. они связаны с определенным видом профессии.

Когнитивизм — взгляд, согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека [2]. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения разумно формулируемых задач. Поскольку решение этих задач непосредственно связано с использованием языка, вполне естественно, что *язык оказался в центре внимания когнитивистов, ведь именно через него проще всего подступиться к структурам сознания*.

Е.С. Кубрякова называет когнитивную лингвистику одной из главных наук всего когнитивного цикла. Несмотря на то, что сегодня когнитивная наука представлена целым рядом достаточно различающихся между собой школ, вместе с тем их, несомненно, объединяет «стремление дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и так или иначе соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, которые они в качестве структур знания отражают» [9, с. 9].

Языковая деятельность в когнитивной лингвистике рассматривается как один из модусов «когниции», вершина айсберга, в основании которого лежат когнитивные способности, не являющиеся лингвистическими, но дающими предпосылки для последних. Основополагающим принципом данного подхода является мысль о том, что нереально говорить о языке в отрыве от когнитивной деятельности, памяти, внимания, социальных связей личности и других аспектов опыта (Р. Лангакер, Дж. Лакофф, А. Вежбицка, Р. Джекендофф и др.).

Введение в лингвистику антропологического подхода к языку активизировало интерес к личностным и социальным сторонам деятельности говорящего. Стало ясно, что реализация и интерпретация определённых стратегий речевого общения не могут осуществляться без учёта многообразных личностных и социокультурных аспектов коммуникативного процесса. На смену исследованиям, построенным на формальных критериях, пришло стремление к учёту «человеческого фактора» в языкознании, так как, для того чтобы понять и познать язык, нужно обратиться к его носителю — человеку, говорящей, мыслящей личности. В связи с этим, можно сказать, *когнитивный стиль — это языковое проявление личности, осуществляемое на вербальном и невербальном уровнях поведения.*

Современный человек живет в постоянной информационной зависимости. Потребность в информации невероятно высока, и человеческому мозгу все сложнее справляться с тем объемом информации, который ему предоставляется. Экономические и политические процессы, происходящие в обществе, неминуемо отражаются на образе жизни и поведении людей. Огромный массив информации, получаемый человеком, нуждается в фильтрации, которую необходимо осуществлять мозгу. Сущность когнитивного подхода заключается в *стремлении объяснить социальное поведение при помощи описания преимущественно познавательных процессов, характерных для человека.* Для осуществления своей когнитивной деятельности человек прибегает к некой системе средств и индивидуальных приемов, предпочтений при решении задач и познании мира. Все это в совокупности характеризует термин «когнитивный стиль».

К примеру, современные деловые средства массовой информации, используя инструменты когнитивного подхода, влияют на поведенческие процессы бизнесменов и формируют когнитивные карты в отношении определенных ситуаций, а также когнитивный стиль. В итоге бизнесмены, читающие деловые СМИ, постепенно сближаются по своему мировосприятию (когнитивным картам) и критериям принятия решений (когнитивному стилю). Общее восприятие формируется также у бизнес-партнеров, означая сходную систему взглядов на окружающий мир, ценностей, мотивов, целей, стиля жизни, работы и т.п. Сходное восприятие позволяет мотивировать всю бизнес-структуру на достижение единых целей развития, что объединяет и направляет ресурсы в одно русло и повышает эффективность их использования.

Несмотря на то, что предприниматели не любят разглашать свои планы, доходы и действия, так или иначе они становятся «героями» страниц газет, лент новостей и вынуждены принимать участие в медийной жизни. Ведущие российские деловые издания формируют сегодня определенную культуру делового общения и делового дискурса. Например, ежедневная газета «Ведомости», издаваемая с 1999 года, является своего рода «проводником» в получении информации для российских предпринимателей. Копируя образцы поведения западного делового мира, «Ведомости» через свои тексты транслируют актуальнейшую информа-

цию, выполняя своего рода просветительскую функцию. Свою миссию издание обозначает так: «оперативно предоставлять бизнес-сообществу объективную, качественную и полезную информацию, необходимую для принятия решений» [15].

Проанализировав тексты номеров газеты «Ведомости» первого триместра 2008 года, мы выделили ряд стратегий, направленных на восприятие текста.

Персонафицированность. «Ведомости» в заголовках своих статей предпочитают называть предпринимателей исключительно по фамилии (в то время как та же деловая газета «Коммерсант» предпочитает более традиционное для россиян обращение — по имени и фамилии): «*Апельсин от Батуриной*», «*Фридмана смешили*», «*Митволь против «Газпром нефти»*». Отметим, что некоторые фамилии российских предпринимателей сами по себе являются брендом, например *Тиньков*, *Коркунов*, *Довгань* и др.

Риторика купли-продажи. Семантика заголовков связана со сферой купли-продажи: «*Дерипаска заплатит*», «*Сколько стоит Усманов*», «*Генералов покупает самолеты*», «*Подешевел на \$ 1, 96 млрд*».

Язык цифр. «*Усманов заработал \$ 270 млн*», «*Пробурили \$ 103 млн*», «*\$ 5 млрд для «Сибура»*», «*Слились на \$130 млрд*».

Использование вкраплений-англицизмов. Присутствие в текстах и непосредственно в заголовках значительного количества англоязычной лексики: «*АвтоВАЗ начинает due diligence «Ижавто»*», «*Ональ Wal-Mart. Ритейлер зарегистрировал в России свой private labels*». Свободное использование на страницах российских газет и журналов англицизмов без уточнения их значения предполагает знание читателем иностранных языков.

Проанализировав различные рубрики «Ведомостей», в частности рубрику «Действующие лица», мы выявили ряд характеристик, присущих современному деловому человеку. Учитывая, что, по данным самого издания, 34% читателей газеты — это топ-менеджеры (руководители крупных предприятий и организаций), можно определить критерии и ценности, которые формируют когнитивный стиль современного бизнесмена. Итак, современный российский бизнесмен позиционируется в деловом издании «Ведомости» следующим образом:

– **Человек знающий цену времени.** У бизнесмена постоянный дефицит времени, соответственно, его восприятие ориентировано на оперативность, лаконичность, четкость информации. Именно поэтому заголовки «Ведомостей» отличаются конкретикой, содержащей краткие ответы на вопросы: кто, что, кому, за сколько?

– **Человек образованный.** Для грамотного и эффективного ведения бизнеса, управления большими компаниями, сегодня необходимо не только обладать дипломами о высшем образовании, но и реальными актуальными знаниями, полученными во время обучения в вузах, на различных курсах, тренингах, семинарах и т.д. Ценится бизнес-образование, полученное за границей (Европа, США), а также наличие диплома MBA. Необходимо владеть хотя бы одним иностранным языком (как правило, английским), что намного упрощает владение современной бизнес-лексикой.

– **Человек делающий карьеру.** Мотивация в достижении более высоких постов — характерная черта современного российского бизнесмена. Часть российских предпринимателей, добившись определенного успеха в бизнесе, сегодня активно участвует в политической жизни страны и стремится проявить себя на государственной службе.

– **Человек финансово обеспеченный.** Любая деятельность в бизнесе бессмысленна, если она не приносит доходов. Именно поэтому, представитель бизнеса —

это, конечно же, состоятельный в финансовом отношении человек, который может позволить соответствующие личному статусу дорогие часы, автомобили, дома, отдых и т.д.

– **Человек интересующийся миром искусства, моды, спорта, гастрономии.** Очень многие бизнесмены увлекаются коллекционированием — как правило, это нечто дорогое, претендующее на аристократичность (часы, картины, автомобили, редкие произведения искусства, вина). Отметим также увлечение классической и современной литературой (прослушивание в дороге аудиокниг, чтение в самолетах во время командировок). Учитывая тот факт, что бизнесмену крайне важно выглядеть в соответствии со статусом, мир моды также представляет умеренный интерес для деловых кругов.

– **Человек семейный.** Наличие семьи, детей — важный показатель успешности бизнесмена не только в профессиональной сфере, но и в личной жизни. Современная особенность российских бизнесменов — обучение детей в престижных учебных заведениях за границей (например, в Англии).

Средства массовой информации отражают сегодня не только событийные изменения делового мира, но и

когнитивные, проявляющиеся, в частности, в языковой деятельности. Современные деловые издания формируют определенный стиль интеллектуального поведения, основанного на тонком понимании психологии и языка своих партнеров. Каждый предприниматель воспринимает предложенную ему информацию индивидуально: кто-то поверхностно, кто-то аналитически, но, тем не менее, регулярная трансляция информации посредством языка СМИ формирует единый когнитивный стиль, параметрам которого непроизвольно стараются соответствовать современные российские бизнесмены.

Когнитивный стиль человека зависит от внутренних (генетических) и внешних факторов — образования, опыта, круга общения, сферы деятельности личности. Когнитивный стиль личности можно рассматривать через категорию индивидуальности, через особую форму социальности, в контексте теорий стилей мышления и сознания. Но именно когнитивно-дискурсивный подход, по нашему мнению, является универсальным, так как язык деловых СМИ, язык предпринимателей, язык политиков — это непосредственный результат познавательной (когнитивной) деятельности.

Библиографический список

1. Корнилова, Т.В. Подходы к изучению когнитивных стилей: двадцать лет спустя / Т.В. Корнилова, Г.В. Парамей. — М.: «За рубежом», 1987.
2. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания, 1994. № 4.
3. Холодная, М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума: учебное пособие / М.А. Холодная. — М.: ПЕРСЭ, 2002.
4. Смирнов, М.В. Темперамент, внимание, когнитивный стиль / М.В. Смирнов // Когнитивные стили. Тезисы научно-практического семинара. — Таллин, 1986.
5. Берулава, Г.А. Стиль индивидуальности: теория и практика / Г.А. Берулава. — М.: Педагогическое общество России, 2001.
6. Алексеев, А.А. Пойми меня правильно, или книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми / А.А. Алексеев, Л.А. Громова. — СПб.: Экон. шк., 1993.
7. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. — 1988, № 2.
8. Шкуратова, И.П. Когнитивный стиль в общении / И.П. Шкуратова. — Ростов на/Д., 1994.
9. Кубрякова, Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» / Е.С. Кубрякова // Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2001. — Вып. 1.
10. Большой толковый психологический словарь. Т. 1 (А-О): Пер. с англ. / Роббер, А. — ООО «Издательство «Вече», 2003.
11. Климов, Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы / Е.А. Климов. — Казань, 1969.
12. Толочек, В.А. Стили профессиональной деятельности как часть проблемы стиля в психологии / В.А. Толочек // Стиль человека: психологический анализ. — М.: Смысл, 1998.
13. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова и др. — М.: МГУ, 1996.
14. Толмен, Э. Когнитивная карта у крыс и человека / Э Толмен // Хрестоматия по истории психологии. — М.: 1980.
15. Сайт газеты «Ведомости», www.vedomosti.ru

Статья поступила в редакцию 09.03.08

УДК 82.08:159.9

М.С. Михайлова, аспирант БГПУ, г. Барнаул

ЛИРИЧЕСКАЯ КНИГА БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ: РАННЯЯ КНИГА «УРОКИ МУЗЫКИ» (1969)

Исследуется феномен лирической книги Беллы Ахмадулиной на примере ранней книги «Уроки музыки». Посредством введения коммуникации Я — Другой книга продолжает процесс индивидуализации поэтического «Я» молодой Ахмадулиной, здесь происходит размыкание границ «Я» и приоритеты подвигаются в сторону коммуникации Я — мир.

Ключевые слова: лирическая книга, Ахмадулина, коммуникация Я — Другой.

Проблема лирической книги как феномена поставлена в литературоведении недавно. Впервые о книге стихов заговорил поэт и литературный критик Александр Кушнер в статье, вышедшей в «Вопросах литературы» в 1975 году [5, с. 25]. На рубеже веков (XX-XXI вв.) появились исследования обобщающего характера; к таковым относится монография О.В. Мирошниковой «Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика». Определение лири-

ческой книги, данное О.В. Мирошниковой (лирическая книга — это «циклическая метаструктура в лирике», которая «является системным образованием, представляющим комплекс стихотворений, лейтмотивов и циклов-разделов в качестве проекции художественного мира автора» [6, с. 49]), взято нами за основу. Исследование, выполненное в структурно-семиотическом ключе, направлено на понимание текста как структурно-смыслового единства.

Музыкальная тема, заявленная в названии первой лирической книги Беллы Ахмадулиной «Струна», имеет продолжение в заголовке второй, изданной в Советском Союзе, книги Ахмадулиной — «Уроки музыки» (1969).

О значении музыкальности как формы организации поэзии Беллы Ахмадулиной писали многие критики и литературоведы. И. Бродский настаивает на важности звуковой формы стихотворений Ахмадулиной: «Ахмадулина в высшей степени поэт формы, и звук — стенающий — неповторимый, волшебным гипнотический звук — имеет решающее значение в ее работе». [4, с. 259]. Т.Алешка, автор монографического исследования «Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии», считает музыкальность манерой организации материала в поэзии Ахмадулиной: «Ее стихам присущ особый распев, они во многом ориентированы на звучание» [1, с. 61].

Однако, музыкальный мотив не является центральным в книге. Эта книга — о произнесении Слова, понимаемом как совершенная форма выражения души. Мотив музыки входит в парадигму мотивов, реализующих в лирической книге идею о доминировании речи, языка, распространяющихся не только на мир человеческий, но и на мир вещный: «я слышу, как на диком языке // мне шлет свое проклятие транзистор...» («Сумерки») [3, с. 54]. Стихи Слова репрезентируют мотивы слова, немоты, голоса, речи, языка.

Впервые в книге «Уроки музыки» мотив голоса появляется в стихотворении «Магнитофон», главное в котором — мистическая, необъяснимая тайна голоса, отделенного от человека. Освобождение голоса от его носителя осуществляется в условиях удвоенного медиаторного пространства: онейрического (сон) и локального (чердак). Чердачная комната — нищенская, «суверенная», с нечистым полом; это пространство между верхом и низом отмечено темной тайной, колдовством и представляет собой подходящий фон для магнитофона-колдуна. «Темная тайна» отделенного голоса посредством аллюзий на гоголевскую «Страшную месть» актуализирует идею голоса как носителя человеческой души, и в данном контексте суверенность голоса и тела предстает противоестественной, «бесстыдной».

Семантика «технических» реалий в поэзии Ахмадулиной подразумевает двуплановость: обыденное и необычное, чудесное. Так, аппарат с газированной водой («Газированная вода») являет собой новую модификацию «водной» основы мироздания, где живительная влага — газированная.

Сопоставление лирического «я» с ребенком, столь частое в ранней лирике Ахмадулиной, раскрывает преимущества чистого, а оттого мудрого детского видения. В стихотворении «Газированная вода» непосредственные действия ребенка — «самонадеянного фантаста» — раскрывают нечто, скрытое от взрослого восприятия лирического «я», а именно: «темная» душа автомата на самом деле хранит простую тайну — это все та же вода, какой она была в любые времена.

Мотив детской игры, заявленной в первой книге «Струна» и имеющей продолжение в «Уроках музыки», выявляет механизмы сближения лирического «я» с современным пугающим миром в процессе игры. В стихотворении «Маленькие самолеты» не только наличие сновидческого мотива, но и обращение к игре фантазии делают возможной модификацию пространства. Громоздкий самолет, феномен нового скоростного мира, трансформируется в птенца, ребенка, таксу, рыбешку — в то, что отмечено семантикой невеликости, беззащитности, в конечном итоге — «детскости». Оппозиция большой/маленький снимается: представляющий собой огромную механическую силу самолет в небе представляется маленьким и «ручным».

Одушевление вещного мира имеет двоякую мотивировку. За обыденным и привычным миром существует необыкновенное, чудеса, доступные только романтическому сознанию лирического «я» — «чудесное» присуще миру, однако, увидеть это может не каждый. Взгляд на вещный мир представлен двумя противоположными точками зрения, возвышающей и снижающей. С одной стороны, оживление вещного мира — знак «иного», «своего» пространства. С другой — авторской мотивировкой для появления «живых вещей» служит преодоление отстраненности от мира лирического «я», оплотнение мира делает его более сущим: «Но темнотой напуганный рассудок / трезвеет, рыщет, снова хочет знать / живых вещей отчетливый рисунок, / мой век, мой час, мой стол, мою кровать» («Сумерки») [3, с. 54].

Дистанцирование лирического «я» от «детского» в стихотворении «Слово» («мне странно знать, / что есть в Перми ребенок, / который слово выговорить мог» («Слово»)) [3, с. 35]) метафорически означает новый этап развития «Я». Книга «Уроки музыки» завершается поэмой «Моя родословная», финал сюжета которой — рождение Ахмадулиной Беллы Ахатовны. Так обозначается символическое рождение, реализованное в окончательном заявлении о новой личности.

Если в первой лирической книге происходит заявление «Я», то в «Уроках музыки» фиксация на собственном «Я» сменяется определением отношений Я — Другой. Недавно рожденное, взрослеющее «Я» требует появления «учителя». Неслучайно знаковой для книги становится тема ученичества. Именно в этой книге складывается лишь намеченная в «Струне» традиция преклонения перед Поэтами. Благоговение перед именами М.Ю. Лермонтова («Тоска по Лермонтову»), М. Цветаевой («Уроки музыки»), Б. Пастернака («Он утверждал...»), А.С. Пушкина («Свеча», «Приключение в антикварном магазине»), ощущение своего ученичества сочетается с пониманием своего родства с ними, ощущения близости к ним: «Что, мальчик мой, великий человек?» («Тоска по Лермонтову»). [3, с. 38]

Поэзия (как род литературы) становится в лирике Ахмадулиной единым людским родом, в котором каждый истинный поэт обречен на одиночество, гениальность сопрягается с «сиротством». В обращении к Лермонтову и к Цветаевой есть общая формула — «твое сиротство». Отметим, что одиночество, «сиротство» — обязательный признак гения в романтизме [7, с. 181]. Сиротство — это не просто отсутствие родителей, но и незнание своего рода, выброшенность из семейных связей. Героиня «Тоски по Лермонтову», оплакивающая смерть «высочайшего юноши вселенной», ассоциируется с страдающей матерью. Невозможная ранее материнская ипостась лирического «я» появляется сначала в контексте отношения к великим и давно умершим поэтам.

Стихотворение «Уроки музыки», давшее название всей лирической книге, как раз развивает тему одиночества гения, «сиротства» в слове. Музыка предстает сферой человеческой культуры, объединяющей всех: «Люблю, Марина, что тебя, как всех, <...> учили музыке» [3, с. 44]. Но наравне с музыкой выступает еще одна система человеческой культуры — речь. Дихотомия музыки и речи предстает и как гармония, и как оппозиция: «Две сильных тишины, два слабых горла — музыки и речи» [3, с. 44]. Познание абсолюта, сакрального первоначала («Марина, до! До — детства, до — судьбы, до — ре, до — речи, до — всего, что после...» [3, с. 44]) реализуется на уровне музыкальной семиотики — гений существует в состоянии «до», познании начала и конца, осознании «совершенного круга», как результат — замкнутого целостного «Я», коему не нужен Другой. Для рождения музыки требуется инструмент (рояль), музыкант («союзник»), но

чтобы «открыть в себе кровотоечение звука» поэтическому гению Цветаевой «союзник» не нужен.

В лирическом «Я», по отношению к которому поэтическая личность Цветаевой выступает как Другой, актуализировано стремление к коммуникации на одном уровне — до-тянуться, до-учиться (выбор лексики и разрядка мои — М.М.), которое выражается в рефрене «я — как ты, как ты» [3, с. 45]. Такое сочетание преклонения и тайного соперничества характерно для стихов Ахмадулиной, посвященных поэтам-женщинам. В стихотворении «Снимок», обращенном к Анне Ахматовой («Но я знаю, какая расплата за судьбу быть не мною, а ей» [2, с. 143]), в преклонении-соперничестве просматривается традиция: явная отсылка к стихам М. Цветаевой, посвященным А. Ахматовой.

В концепции творчества Ахмадулиной проблема благоговейно-сопернического отношения Я — Другой снимается за счет парадоксальной замены данной дихотомии на Я — «Другое». Подвластность лирического «я» — музыке, речи, ознобу — отрицает возможность одиночества: «Ударь в меня, как в бубен, не жалей, озноб, я вся твоя! Не жить нам розно!» («Озноб») [3, с. 98].

«Другое» — универсалия, метафорически обозначающая таинственное пространство творчества и вдохновения, — соотносится с проблемой двойничества. Творческий процесс сам по себе удваивает человеческое Я через проникновение некоего иного, неподвластного воле начала:

Как это прежде было?

Когда происходило — не строка —
другое что-то. Только что? — Забыла.

Да, то, другое, разве знало страх,
когда шалило голосом так смело,
само, как смех, смеялось на устах
и плакало, как плач, если хотело?

(«Другое») [3, с. 31]

В этих строках актуализируется два аспекта молчания: сакральное неназывание и поэтическая немота. «Сло-

во» и «немота» функционируют как два важнейших мотива лирической книги «Уроки музыки», в том числе, в одноименных стихах. Романтическая идея поэта-«Господней дудки» Ахмадулиной трансформируется в концепцию, которая сродни Лого — и Рече-центристской поэзии И. Бродского, М. Цветаевой, отчасти — Ф.И. Тютчева. В стихотворении «Воскресный день» именно речь является Демиургом и «диктует» поэту «слово» («Я для нее — лишь дудка, чтоб дудеть», «Я — мускул, нужный для ее затей») [3, с. 50], то есть занимает то место, на котором у романтиков был Бог, у А. Ахматовой — Муза.

Сиротство поэта в ранней лирике Ахмадулиной выступает как коннотат, инвариантным значением которого является мотив одиночества. Наряду с мотивом ученического преклонения в лирической книге актуален также мотив дружбы («По улице моей который год...», «Мои товарищи», «Я думаю, как я была глупа...» и др.). Пушкинский контекст последнего стихотворения актуализирует светлую атмосферу дружеского лицейского единства, в котором преодолевается и снимается проблема одиночества человека: «Я поняла, я быть одна боюсь. Друзья мои, прекрасен наш союз!» [3, с. 70]. И вместе с тем, Ахмадулиной постулируется закон жизни, в которой человеку остается один бессменный и самый мудрый наставник — одиночество («По улице моей который год...»).

Лирическая книга «Уроки музыки» продолжает процесс индивидуализации поэтического «Я» через соотношение с Другим. Возникновение категории «Другое», обозначающей пространство творчества, актуализирует ситуацию двоемирия — «другого», «ночного» мира творчества и мира реальных, «живых вещей». Дихотомия родство/сиротство в романтическом ключе определяет положение лирического «я» в сфере творчества. Если в первой лирической книге — «Струна» — доминантным целеполаганием выступало выделение «Я» из безликости Общего, то здесь происходит замыкание границ «Я» и приоритеты подвигаются в сторону коммуникации Я — мир.

Библиографический список

1. Алешка, Т.В. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии. / Т.В. Алешка. — Минск: РИВШ БГУ, 2001.
2. Ахмадулина, Б.А. Стихотворения. / Б.А. Ахмадулина. — М.: АСТ: Олимп, 2001.
3. Ахмадулина, Б.А. Уроки музыки. / Б.А. Ахмадулина. — М.: Сов. писатель, 1969.
4. Бродский, И. Лучшее в русском языке / И. Бродский // Ахмадулина Б. Миг бытия, — М.: Аграф, — 1997.
5. Кушнер, А.С. Книга стихов / А.С. Кушнер // Вопросы литературы. 1975. № 3.
6. Мирошникова, О.В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика: Монография. / О.В. Мирошникова. — Омск: Омск. гос. ун-т, 2004.
7. Турчин, В.С. Эпоха романтизма в России. / В.С. Турчин. — М.: Искусство, 1981.

Статья поступила в редакцию 07.04.08

УДК 811.11

Р.А. Чеснокова, аспирант, преподаватель АНО
«Бийский колледж экономики и права», г. Бийск

АКТУАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ТОЖДЕСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Тожество рассматривается как понятийная категория, реализующаяся различными языковыми средствами на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Анализ фактического материала позволяет предположить, что доминирующую роль в формировании тождественных структур играет прагматический фактор.

Ключевые слова: тождество, равенство, сходство, прагматический компонент.

В последнее время лингвисты довольно часто обращаются к логике и философии при исследовании каких-либо явлений языка. Это объясняется тем, что философия и логика являются методологической основой лингвистики, а любая лингвистическая категория имеет логико-философские «корни». М.В. Никитин отмечает, что способность отождествлять — разгра-

ничивать значения языковых форм коренится в структуре человеческой практики, фиксированной сознанием, а также то, что нет последовательного изоморфизма между структурами содержания (значения десигнатов) и структурами выражения (десигнатов формы, собственно языковыми структурами) [1, с. 10]. Из вышеизложенного следует вывод о принципиальной не-

возможности решить семасиологические проблемы на основе одних только формально языковых критериев без обращения к так называемым внеязыковым факторам, в данном случае к категории тождества, указывающей на взаимосвязь между языком и мышлением, языком и объективной действительностью.

Закон тождества формулируется так: «В процессе определенного рассуждения всякое понятие и суждение должны быть тождественны самому себе». В математической логике закон тождества выражается следующими формулами: a^a (в логике высказываний) и A^A (в логике классов, в которой классы отождествляются с объемами понятий). Тождество есть равенство, сходство предметов в каком-либо отношении. Каждый предмет тождественен самому себе. Но реально тождество существует в связи с различием. Нет и не может быть двух абсолютно тождественных вещей [2, с. 95].

В случае совпадения всех характеристик объектов, отношение между ними является равенством. Равенство определяется как отношение между знаковыми выражениями, обозначающими один и тот же объект, когда все, что можно высказать на языке соответствующей теории об одном из них, можно высказать и о другом, и наоборот, и при этом получать истинные высказывания [3, интернет ресурс].

В словаре терминов логики тождество определяется как отношение между предметами (реальными или абстрактными), которое позволяет говорить о них как о неотличимых друг от друга в какой-то совокупности характеристик (напр., свойств) [3, интернет ресурс]. В действительности все предметы (вещи) обычно отличаются нами друг от друга по каким-то характеристикам. Это не исключает того обстоятельства, что у них есть и общие характеристики. В процессе познания мы отождествляем отдельные вещи в их общих характеристиках, объединяем их в множества по этим характеристикам, образуем понятия о них на основе абстракции отождествления. Предметы, объединяемые в множества по некоторым общим для них свойствам, перестают различаться между собой, поскольку в процессе такого объединения мы отвлекаемся от их различий. Иными словами, они становятся неразличимыми, тождественными в этих свойствах. Если бы все характеристики двух объектов a и b оказались тождественными, объекты превратились бы в один и тот же предмет.

Понятие тождества широко используется в различных науках: в математике, логике и естествознании. Однако во всех случаях его применения тождество изучаемых предметов определяют не по абсолютно всем общим характеристикам, а лишь по некоторым, что связано с целями их изучения, с тем контекстом научной теории, в пределах которой изучаются эти предметы.

Категория «тождество» — это понятийная категория, другими словами, это отвлеченное обобщенное значение тождественности, актуализирующееся в английском языке. По мнению И.И. Мещанинова, понятийные категории — это семантические категории в современном их понимании: «Понятийные категории выступают непосредственными выразителями норм сознания в самом языковом строе. Они служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии» [4, с. 27]. А.В. Бондарко не противопоставляет понятийные и семантические категории друг другу, полагая, что они являются разными аспектами одного и того же изучаемого явления. Он считает, что можно выделить два уровня понятийных категорий и их систем: уровень универсальных фундаментальных понятийных категорий и уровень поня-

тийных категорий, реализующихся в семантических функциях данного языка и включающих наряду с реализациями универсальных инвариантов также и не-универсальные понятийные варианты — как систему «многоступенчатого семантического варьирования, в которой выявляются и неуниверсальные элементы, связанные с системой средств именно данного языка» [5, с. 63]. Эта система понятийных категорий, заключенных в семантических функциях языковых единиц, а также разнообразных сочетаний средств языка — реальная «онтологическая система». Иначе говоря, семантические категории представляют такой комплекс понятийных категорий, которые «находятся в отношении регулярного соответствия с теми языковыми семантическими функциями, в которых эти категории находят свое воплощение и свою конкретно-языковую и конкретно-речевую реализацию» [там же]. Таким образом, категории мыслительного содержания, по А.В. Бондарко, приводят к выделению промежуточных семантических категорий как понятийных категорий, которые заключены в грамматических, лексических, словообразовательных значениях данного языка и их речевых реализациях. Выступая в преобразованном виде в речи и представляя «базис» конкретно — смыслового аспекта мыслительного содержания, они становятся элементами конкретных смыслов, передаваемых и воспринимаемых в отдельных актах речи [5, с. 65].

Фактический материал, в объеме 2000 разноуровневых языковых структур, актуализирующих тождество, был отобран методом сплошной выборки из классических произведений английских и американских авторов. Анализ фактического материала показал, что понятийная категория тождества в английском языке актуализируется языковыми средствами, которые реализуются на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Вследствие особенностей грамматического строя английского языка, набор словообразовательных средств, репрезентирующих тождественность на морфологическом уровне, довольно ограничен.

Одним из средств формирования тождества на морфологическом уровне являются суффиксы, содержащие в своей семантике указание на сходство некоего объекта с предметом, обозначенным исходным существительным.

Where had he seen that frog-like face, that tortoise-like neck, that hunched-up attitude — yes and those pale, shrewd little eyes [6, с. 17].

Суффикс *like* манифестирует сходство объектов: *face of the man* и *face of a frog*, *neck of a tortoise* и *neck of the man*; поскольку сходство рассматривается в статье как структура, элементом которой является тождество, можно заключить, что объекты отождествляются на основании некоего общего, по мнению говорящего, признака и отражают особенности субъективного мировосприятия отправителя текста. Прагматический слой значения данного языкового выражения содержит определенную информацию о негативном отношении говорящего к референту данного имени.

Лексический уровень образуют лексемы, содержащие в своей семантике указание на тождественность или сходство объектов: *alike*, *like*, глагольные лексемы *remind*, *resemble*.

During country house parties one day is very like another. The men put on the same kind of variegated tie and the same plus fours, eat the same breakfast, tap the same barometer, smoke the same pipes and kill the same birds [7, с. 106].

Like включает в свою семантику наличие некоего объекта, сходного с данным объектом: *one day* и *another* (*like* — similar to someone or something else; similar —

things that are similar share some qualities but are not exactly the same [8, с. 827]). Далее сходство расшифровывается, приводятся качества, являющиеся у объектов сходными, the same содержит в своей семантике указание на то, что объекты абсолютно похожи, иными словами, равны (the same — exactly similar, exactly like another person, thing [8, с. 1254]). Данные объекты (the same kind of variegated tie, the same plus fours, the same breakfast, the same barometer, the same pipes and the same birds) являются признаками, составляющими интенционал значения house parties, их равенство свидетельствует о тождестве объектов, их включающих: one day и another. Данное тождество прагматично, так как свидетельствует о субъективном отношении говорящего к денотату языкового выражения.

Dinny could not help thinking how almost absurdly alike, allowing for age, they were in looks and in manner. There were but two years between them in age, they had been fast chums as boys; were both mountaineers, accustomed in prewar days to other's company in awkward ascents and descents still more awkward; had both been to the war [7, с. 160].

Alike включает в свою семантику наличие похожих объектов (alike -- almost exactly the same [8, с. 34]), объекты отождествляются на основе общих признаков: age, looks, manner. Семантика возвратного местоимения both включает наличие двух объектов, объединенных общим признаком, что свидетельствует о равенстве признаков объектов и тождестве самих объектов. Семантика лексемы alike содержит информацию о субъективном отношении автора к обозначаемому факту, о его субъективной оценке, прагматический компонент.

Одним из средств формирования тождества на лексическом уровне являются контекстуальные синонимы. Контекстуальные синонимы определяются лингвистами как продукт индивидуального творческого акта, актуализирующего близость значений слов только в рамках определенного контекста [9, с. 234].

At the table right next to me here were these three girls around thirty or so. The whole three of them were pretty ugly, and they all, had on kind of hats that you knew they really live in New York. [10, с. 87] *I started giving the three witches at the next table the eye again* [10, с. 87].

Корреферентность выделенных нами лексем эксплицирует тождественность. Для исследования семантической структуры слова обратимся к компонентному анализу тождественных лексем, с целью выявления сем, а также доминирующего состава данной грамматической единицы. Используем толковый словарь Macmillan English Dictionary.

Girl — a female adult, especially a young one

Witch — an insulting word for an unpleasant woman

Далее следует выделение сем в каждом из приведенных существительных. Данные компоненты субстантивных лексем выделены путем логического анализа.

Girl — семы: женский род, одушевленность, молодость

Witch — семы: женский род, одушевленность, негативное отношение к объекту. Причем сема, эксплицирующая негативное отношение к референту, приобретает главенствующее положение в структуре данного слова.

Наличие дифференциальных сем позволяет сделать вывод о различиях в сигнификативных значениях тождественных единиц, что связано с различиями в восприятии референта говорящим, в выделении различных признаков объекта. Значение лексемы girl нейтрально, which имеет прагматическое значение, содержащее информацию о негативном отношении говорящего к денотату языкового выражения.

Синтаксический уровень представлен средствами, репрезентирующими семантическую избыточность:

перифразами, конверсными единицами. Социально-психологическая функция тождественных структур данного вида — придание высказыванию дополнительной убедительности, усиление эмоционально-экспрессивного воздействия на адресата. Они используются автором для придания сообщению большей образности и выразительности.

I can't do it, he said and put his head deeper into his arms. I can't do it. Nothing will make me do it [11, с. 19].

Отказ выполнить действие актуализируется различными средствами. I can't do it в данном контексте выражает сильное нежелание субъекта выполнить действие. Nothing will make me do it — также содержит в своей семантике сильное нежелание субъекта выполнить действие. Данные высказывания имеют одно и то же пропозициональное содержание. «Предложения имеют одно и то же пропозициональное содержание, если они имеют одни и те же условия истинности.» [12, с. 169].

Различия в семантике данных предложений эксплицируются введением элементарного (неодушевленного производителя действия), воздействующего на субъект, nothing, что повышает экспрессивность второго высказывания, позволяя добиться большей выразительности в убеждении собеседника. Обладая идентичной референтной соотношенностью при описании одной ситуации, рассматриваемые синтаксические единицы различаются прагматическим компонентом плана содержания.

'You've cut off your hair?' — asked Jim laboriously as if he had not arrived at the patent fact yet even after the hardest mental labour.

'You say your hair is gone?' he said with an air almost of idocy [13, с. 35].

Различия в семантике разноречивых конверсных коррелятов, имеющих один и тот же ситуативный фрейм или пропозицию, обусловлены потерей агенса действия и пассивизацией предложения, превращающего действие в соответствующее результирующее состояние, что свидетельствует о тождестве конверсных единиц, содержащем различия. При произнесении конверсных структур происходит выбор тех объектов, которые говорящий считает наиболее важными, таким образом, на формирование тождественных структур влияет прагматический фактор.

Обязательное наличие в общей семантике тождественных выражений дифференциальных признаков нередко является результатом вариативного восприятия индивидами референта (вариативности восприятия одной и той же ситуации различными носителями языка).

Yes, she's gone. [6, с. 198] *Mrs. Rogers died in her sleep.* [6, с. 200] *She literally died of fear.* [6, с. 201] *...some unknown lunatic spills the beans. What happens? The woman cracks — she goes to pieces* [6, с. 202].

Одна и та же ситуация воспроизводится говорящими по-разному. Каждый отправитель сообщения воспроизводит те признаки, которые он считает релевантными. Рассматриваемые высказывания используются для описания одного и того же фрагмента действительности, отображая различные способы интерпретации его говорящими. Пропозициональные компоненты первых трех высказываний не совпадают, их предикаты и аргументы тождественны, но не идентичны, сирконстанты (актанты, не входящие явно в значение предиката как его обязательные семантические валентности) имеют разную семантику: экстенционал термов in her sleep и died of fear уже, чем экстенционал термина, имеющего нулевое выражение в поверхностной структуре в первом предложении. Тождество предикатов и тождество аргументов трех первых предложений эксплицирует тождество их пропозиций. Последний говорящий представляет иной пропозициональный компо-

нент, указывая не на факт смерти, а на его причину. Из вышесказанного можно заключить, что одна и та же ситуация может отображаться синтаксическими структурами, имеющими различия в пропозициональном содержании.

Таким образом, анализ материалов исследования позволяет заключить, что тождественные структуры содержат в своей семантике прагматический компонент, следовательно, прагматический фактор играет доминирующую роль в формировании данных структур.

Библиографический список

1. Никитин, М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании / М.В. Никитин. — Владимир, 1974.
2. Гетманова, А.Д. Логика / А.Д. Гетманова. — Москва: «Новая Школа»,
3. [интернет ресурс.] Русский гуманитарный интернет-университет. — <http://dic.academic.ru>
4. Мещанинов, И.И. Понятийные категории в языке / И.И. Мещанинов. — Тр. Военн. ин-та иностр. яз., 1945. — №1.
5. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. — Л., 1983.
6. Christie, A. Selected Detective Prose / A. Christie. — Moscow: Raduga Publishers, 1989.
7. Galsworthy, J. End of the Chapter / J. Galsworthy. — Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1960.
8. Macmillan English Dictionary. — United Kingdom: [s. n.], 2003.
9. Розенталь, Д.С. Современный русский язык / Д.С. Розенталь. — М.: Айрис — Пресс, 2002.
10. Salinger, J.D. The Cather in the Rye / J.D. Salinger. — Moscow: Progress Publishers, 1979.
11. Hemingway, E. Fiesta / E. Hemingway. — Москва: «Международные отношения», 1981.
12. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика / Дж. Лайонз. — М., 2003.
13. Henry, O. Selected Stories / O. Henry. — Moscow: Progress Publishers, 1979.

Статья поступила в редакцию 28.02.08

УДК 81.25+803.0

М.А. Останина, аспирант ГАГУ, г. Горно-Алтайск

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЧАСТИ И ЕЕ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Статья посвящена проблеме мереологических отношений и их актуализации в языке через категорию партитивности. Автором описаны существенные языковые признаки отношения часть-целое: состояние внутренней дискретности целого, часть внутри и вне целого, способность/неспособность части быть отчужденной.

Ключевые слова: мереология, часть-целое, партитивность, квантитативность, вещественные существительные.

В данной статье мы рассмотрим некоторые аспекты понятия части, ее концептуализацию, а также категорию партитивности в языковом сознании. Мы считаем, что выявление способов вербализации семантики 'часть' грамматическими и лексическими средствами языка на материале вещественных существительных поможет найти новый подход к описанию этой лексики и обозначить релевантные для языка признаки мереологических отношений. В свете использования нового подхода к категории партитивности традиционные методы изучения семантики вещественных существительных, для денотатов которых выделяются признаки континуальности и аморфности, получают иные решения концептуализации части и целого вещества.

Осуществление кодирования информации об отношении части к целому происходит через категорию партитивности. Наличие в языке многочисленных форм выражения семантики партитивности говорит о важности этой категории для системы языка, а также об актуальности и ценности данной смысловой структуры для говорящих. Известно, что в основе восприятия и осмысления объективной действительности лежат психические процессы анализа и синтеза потока поступающей информации в головной мозг. Мы считаем важным подчеркнуть нейропсихологическую природу аналитических и синтетических механизмов обработки содержания. Именно с ними связаны процессы формирования целостного образа и выделения у него частей. Совокупность языковых средств партитивности опредмечивает эти когнитивные процессы, раскрывает механизмы организации содержания, отражаемые отношением *часть-целое*. Понятийная категория партитивности существует благодаря универсальной способности человеческого сознания к анализу и синтезу, и в этом проявля-

ется общечеловеческий характер данной категории. Следует согласиться с мнением К. Ажежа, который, указывает на то, что язык уже есть способ членения явлений на последовательности фрагментов. Членение предметов мысли через язык, по его словам, составляет ядро когнитивной способности человека [1, с. 248]. Принцип членения действительности человеческим сознанием является формообразующим элементом когниции и проецируется на любой объект человеческого восприятия и осмысления. Многообразие средств языковой номинации подтверждает, что всякий объект действительности, попадающий в фокус нашего восприятия, формирует сложный, состоящий из составных частей образ.

В попытке восстановить процесс формирования представления о части в первобытном сознании человека мы должны подчеркнуть, что оно сформировалось на фоне представления о целом. Современное понятие о целом во многом обязано аристотелевскому подходу к объяснению целого как совершенной, законченной вещи. Законченность субстанции, по Аристотелю, определяется наличием у нее формы, которая является главной причиной способности субстанции быть воспринимаемой. Целостность формы строится из способности человеческого мышления видеть пределы предмета, которые отделяют субстанцию данного предмета от другого предмета или пространства в действительном неразрывном континууме. Такая форма, объемлющая присущее ей и только ей содержание, определяется Аристотелем как целое [2, с. 169, 173].

Соотнесение образа части с образом целого составляет когнитивную операцию формирования концептуальной связи *часть-целое*, которая легла в основу иерархической организации всего человеческого знания о мире

[1, с. 247-248; 3, с. 97]. В нашем понимании образ части на начальных этапах осмысления мира обладал признаком отделенности и, соответственно, являлся отдельным объектом категоризации. Для части, находящейся вне пределов целого, мы должны конкретизировать отношение *часть-целое*. Мы будем называть его отношением «часть вне целого». Оно характеризует отделенную от целого часть, которая состоит из той же материи, что и целое, и в зависимости от типа субстанции может подходить ему по форме. Отторженная от целого часть, теперь физически автономная, напоминает человеку о бывшей принадлежности конкретному целому общностью с ним своей субстанции. Так сформировалось первое представление о части, главным признаком которой была ее отделенность. Наше предположение подтверждает и мнение А. А. Потебни, который при описании внутренней формы слова «часть» указывает на его славянскую основу и говорит, что оно означало нечто отрезанное [4, с. 357]. Итак, первое представление о части укладывается в схему «часть вне целого», которую мы вывели как подтип отношения *часть-целое*.

Визуализация части в пределах предмета свидетельствует о принципе дискретности, который приложим к любому предмету. Наделяя целый предмет признаком «иметь в себе части», субъект должен произвести когнитивную операцию, которая укладывается в схему «часть в целом». Для этого необходимо рассмотреть, каким образом произошло абстрагирование признака «часть» из отдельного объекта «часть».

Осмысление мира есть творческий процесс, и проявляется он не только в переживании реальных ситуаций, но и в построении возможных перспектив. Мы соглашались с утверждением В.А. Барабанщикова, который пишет, что восприятие порождает новые образы и тем самым «высвобождается от непосредственного влияния действительности» [5, с. 19]. Таким образом, для отношения *часть-целое* очень важную роль играет прогностическая функция восприятия. Накопленный опыт позволяет человеку совершать ментальные манипуляции, предвосхищая возможные результаты физического воздействия на объект: деление, ломание, отрывание, т. п. Такое предвидение ситуации с вычленением частей от целого, которое превращается в домысливание вероятного результата при воздействии субъекта на объект, есть сложная когнитивная операция осмысления любого объекта действительности. Принцип внутреннего членения целого на части имеет важное значение как для осмысления целого, так и для понимания роли части для целого.

Представление отсутствующей части в объекте и проектирование ее объема и границ, как если бы она не отсутствовала, было описано А. Херсковитс. Подобное явление исследовательница называет «отрицательной частью» (*negative part*). Мыслительное представление отсутствующей части, по ее словам, играет важную роль в концептуализации целого [6, с. 42]. Действительно, лишение объекта части необязательно делает его неузнаваемым. Благодаря накопленному человеком опыту происходит реконструкция целостности объекта, и референт узнаваем. Наше утверждение о мыслительной операции достраивания целого согласуется с мнением О.Н. Ляшевской. На примерах отдельных видов одежды она определяет особую роль эффекта «отрицательных частей» при их концептуализации. Так, плавки по мощной аналогии представляются двухчастными, хотя и не имеют двух смежных частей, например, как брюки, которые концептуализируются как «пара штанин» [7, с. 98].

Возвращаясь к активной природе познания, важно отметить то, что визуализация части в пределах целого есть мыслительное разделение этого целого на составляющие элементы — «еще неотторженные части». Эти

элементы возникают у предмета в результате скольжения нашего взгляда по видимой поверхности предмета и его остановок на «значимых местах». Места фокусирования зрительного внимания становятся значимыми зонами, которым человек мысленно дорисовывает границы внутри объекта. Таким образом, домысливание возможной внутренней структуры объекта рождает новое и более сложное понимание его сущности. Следует согласиться с предложенными Л. Талми терминами «разрывы» и «прерывания», которыми он указывает на предполагаемые внутренние границы частей [8, с. 91]. Уходя глубже в проблему мереологических отношений, Е.В. Рахилина определяет причинность внутренней дискретизации в человеческом разуме. Занимаясь проблемой семантики части внутри целого и ее языкового облика, Рахилина указывает на всецело зависящую от выбора человека природу расчленения объекта и проведения внутренних границ [9, с. 36]. Следовательно, разграничение физически цельного предмета на фрагменты осуществляется исключительно разумом. Формирование представлений о дискретности объектов детерминирует переосмысление любого предмета как сложностового целого. Мы считаем, что важным результатом расчленения объекта на части является именно то, что каждая подразумеваемая часть в его составе концептуализируется в языке как реально существующая.

Подведем сказанному итог. Представление о части внутри целого есть результат абстрагирования эмпирически полученного знания о части вне целого. Внутренняя дискретность целого как продукт человеческого мышления становится признаком любого объекта, а расчленение объекта как ментальная операция становится основным принципом человеческого мировосприятия. Концептуализация объективной реальности посредством категории партитивности является для человеческого сознания внутренней потребностью, внутренним психическим законом сознания, который ставит мироощущение сложности целого во главу интерпретации всех вещей.

Состоянию внутренней дискретности предмета противостоит состояние непрерывности структуры, маркированность которых может обнаруживаться в грамматике. Л. Талми по этому поводу пишет, что в языке практически нет таких грамматических элементов, которые обозначали бы только дискретность или только непрерывность величины, а также нет элементов, осуществляющих переход одного состояния в другое (дискретизация и слияние), хотя не исключены некоторые «неэксплицитные механизмы» для концептуализации изначально непрерывной сущности в качестве дискретной и наоборот: *Water* («*particles of water*») *filled the vessel* (*Вода* («*частицы воды*») *наполнила сосуд*) [8, с. 89-90].

С утверждением Л. Талми трудно согласиться. Мы считаем, что традиционно называемый недискретным денотат вещественных имен может иметь партитивное осмысление. Среди языковых способов дискретизации вещественного денотата мы выделяем партитивные конструкции, состоящие из партитива и вещественного существительного. В английском языке нами было обнаружено 222 партитива, которые в сочетании с вещественными существительными, выражают осмысление их денотата как части: например, *a pinch of salt* (щепоть соли), *a bead of dew* (капля росы), *a drop of rain* (капля дождя), *a blob of paint* (капля краски), *a bundle of firewood* (связка дров), *a chunk of meat* (кусочек мяса), *a clot of clay* (комочек глины), *a dab of cream* (небольшое количество крема наносимого касанием одного пальца), *a dash of pepper* (небольшое количество посыпанного перца), *a daub of plaster* (мазок штукатурки), *a dole of milk* (порция молока), *a dollop of jam* (ложка, порция варенья), *a draft of wine* (большой глоток вина), *a film of oil* (пятно,

пленка масла) и др. В подтверждение нашему мнению словарь Роже (1992) также приводит особую группу английской лексики, обладающей семантикой 'часть'. Эти слова в словаре организованы в четыре класса: 1) слова с семантикой «малая часть» — *dash* (небольшое количество посыпанного или разбрызганного), *drop* (капля), *fleck* (пятнышко, капля), *nip* (небольшое количество выпитого) и др.; 2) слова с семантикой «порция» — *dab* (небольшое количество намазанного касанием одного пальца, маленький мазок), *dose* (доза), *layer* (слой) и др.; 3) слова с семантикой «жидкая часть» — *drop* (капля); 4) слова с семантикой «жидкий объект» — *drop* (капля), *gush* (сильный поток) [10]. Первые три группы слов, сочетаясь с вещественными именами, на наш взгляд, осуществляют процесс дискретизации.

Особо богатая репрезентация концептуализации партитивности через вербализацию в лексемах свидетельствует о попытках сознания проникнуть как можно глубже в невидимое, но предполагаемое содержание объекта. Если бы предмет или его содержание не получили своего наименования через языковые средства, они были бы обречены оказаться за кругом языкового выражения, вне пределов досягаемости для рационального познания. Членение же предмета мысли не только является необходимым условием для иерархизации знания о мире, но и удовлетворяет пытливую природу человеческой души узнать то, что явно ему не дано. Примером языкового домывливания, реконструкции «скрытого» для нас может послужить семантическое осмысление количества воды в закрытом сосуде, которое проявилось в корейском языке в трех идеофонах *golong golong*, *kolong kolong* и *kholong kholong*, означающих соответственно звук плещущейся жидкости в неполном сосуде, более сильный шум в тесном пространстве и плеск жидкости в почти пустом сосуде (пример взят мною из [1, с. 116]).

Нам кажется, что установление пределов воспринимаемой сущности для лингвистов является основанием категоризовать ее как нечто целое. В этом отношении принято говорить о категории ограниченности. Ограниченность величины характеризуется обособлением ее в качестве изолированной, самостоятельной сущности. Величина, хоть сколь угодно простирающаяся, наоборот, характеризуется состоянием неограниченности. Исследования поведения обоих признаков в области грамматики показали переходность признаков из одного в другой, обозначая важные когнитивные операции ограничения, или выделения части, и снятия границ. Так, вещественное существительное, обладающее базовым признаком неограниченности, может концептуализироваться как ограниченное в сочетании с единицей измерения: *пригоршни воды*, *глоточек березового сока*; обратная операция перевода ограниченной лексики в неограниченную возможна, например, с помощью форм множественного числа: *воды*, *пески*, др. Противопоставление форм единственного и множественного числа у некоторых вещественных существительных является регулярным способом кодирования информации о восприятии их как неисчислимого вещества или как квантов вещества, т.е. отдельных объектов, имеющих форму и воспринимающихся как ограниченное целое. Примеры О.Н. Ляшевской *смахнуть слезу*, *из уголка рта потекла слюна* (?) ('струйка слюны') и *лить слезы ручьем* трактуются ею как способы концептуализации кванта вещества (ЕД) и вещества (МН) соответственно. В то же время употребление слова *слеза* в переносном значении (*пустить слезу*, *слеза прошибла*), напротив, концептуализируются как континуум [7, с. 150]. Аналогичный пример в английском *tear* — *tears* (слеза — слезная жидкость), несмотря на свою редкость, свидетельствует о когнитивной операции снятия границ.

Языковое кодирование знания о бесконечном, законченном (целом), непрерывном и расчлененном играет важную роль в концептуализации связи *часть-целое*. Это отношение как когнитивная операция мироосмысления приобретает соответствующий облик языкового выражения и номинативную плотность. Наличие грамматических и лексических языковых средств для обозначения отношения *часть-целое* представляет собой ситуацию языкового перекодирования, когда одной и той же мыслительной основе соответствуют разные языковые содержательные интерпретации [11, с. 58]. Следовательно, в основе партитивного падежа в русском языке (*налить чаю*, *понюшка табаку*), партитивных конструкций (*шепот соли*, *кусочек хлеба*, *капля росы*, *чашка чая*), ряда словообразовательных морфем (*морковина*, *травинка*, *ворсинка*, *слезинка*, *хлебёк*, *мarmеладец*), отглагольных производных модели с метафорой отделения (*отбросы*, *опилки*, *помои*, *выгребки*) лежит единый семантический инвариант — «отделенная часть». Перечисленные явления изучались лингвистами, включая А.Е. Супруна, С.А. Крылова, О.Н. Ляшевскую [12, 13, 7], но не все из них отмечают семантику партитивности в подобных явлениях. Следует также отметить, что до сих пор не разработано терминологической базы для определения значения различных способов выражения категории партитивности.

Концептуализация части через признаки «отторженная» / «неотторженная» не ограничивается. Для некоторых языков значимым фактом является сама способность части быть отделенной от целого, которая, как следствие, может быть грамматикализуема в языке. Так, в языках палау (Микронезия), в современном иврите, в языках манде (Западная Африка) неотторжимую принадлежность (части тела, а также близкие родственники) маркирует аффикс, а отторжимую принадлежность (предметы и понятия, не являющиеся составной частью посессора) маркирует независимая морфема [1, с. 117]. Данные языковые факты подтверждают релевантность признаков «способность/неспособность части быть отторжимой» в концептуализации отношения части и целого, которые в других языках не находят грамматической маркированности, но входят в лексическое значение соответствующих единиц.

Анализируя мереологические отношения через падежное поведение в русском языке, Е.В. Рахилина поднимает вопрос о степени независимости определенных частей от целого. Как показало ее исследование, зависимые части характеризуют отношение *часть-целое* как актуальное («действующее»), которое кодируется родительным падежом. Если на момент речи объект изолирован от целого, то связь части и целого теряет актуальность, тогда используется конструкция с предлогом *от* — *X от Y*: ср. *ножка стола*, *ножка от стола*, *воротник пальто*, *воротник от пальто*, *угол стола*, **угол от стола*, *край стола*, **край от стола* [10, с. 43]. Таким образом, автор предлагает считать настоящей частью ту часть, которая находится в пределах целого. Если же часть отторжена от объекта, то, согласно автору, она уже не есть часть целого. С этим утверждением мы согласиться не можем, поскольку считаем, что и отторженность, и неотторженность в равной степени являются признаками части. Мнение Е.В. Рахилиной о «настоящей части» сводится к схеме *X у Y*, которой соответствует схема *X имеет Y* (*has-relation*), по П. Гриффитсу [14]. Оба исследователя указывают на невозможность актуализации отношения *часть-целое* через эти схемы с вещественными существительными в силу специфики их физических свойств. Комментируя примеры *ломать хлеба* и *осколок зеркала* и их невозможность употребления в конструкциях с предлогом *у* (**ломать у хлеба*, **осколок у зеркала*), Рахилина относит *ломать* и *оско-*

лок к ненастоящим частям [10, с. 52]. Данное явление подробно рассматривается А. Крузом на примере английского языка. Исследователь предлагает взять за основу не отношение *part-whole* (часть-целое), а отношение *portion-whole* (порция-целое). Тогда английские слова *part* (часть) и *piece* («кусок») будут для *порции* гипонимами. В этом случае проще объяснить природу *part* и *piece*: первое означает такую часть, которая обладает относительной степенью свободы и может быть заменена на аналогичную (части машин, части человеческого тела), в то время как второе не может претендовать на существование до тех пор, пока целое, от которого они отделяются, не разрушено [15, с. 151-152]. По своей семантике слову *piece* в большинстве случаев эквивалентным можно считать слово *кусок*. Денотатом куска является объект, границы которого всякий раз произвольны. Ю.Д. Апресян относит *часть* и *кусок* к неточным синонимам. *Части* обозначают однородные доли предмета, каждая из которых отвечает естественной особенности формы или строения, и допускают сложить из них целое, что невозможно в случае с *кусками* [16, с. 70]. Поднятая мерееологами проблема «части и куска» пока не нашла однозначного решения и требует дальнейшего исследования.

Рассмотренный вопрос о дискретизации недискретных денотатов вещественных существительных решается нами аналитически. В отличие от возможных словообразовательных средств (*слезинка, ворсинка, кровинка, льдинка, хлебец, мармеладец*), отражающих только идею «штучности», сочетание имен веществ согласно конструкции $N_{\text{партитив}} + N_{\text{вещество}}$ (род. п.) обладает наибольшим потенциалом отразить широту представле-

ния о партитивности вещества: *капля / лужица / пятно / глоток / полный рот / ложка / пригоршня / чашка / стакан / кружка / черпак / ведро / струйка / струя / ручеек воды*. Наши наблюдения показали, что в лексическом значении некоторых партитивов заложена информация о более конкретном количестве — это вся партитивная группа «контейнеры» (*чашка, стакан, бутылка, кувшин*, т.п.), а также, например, такие партитивы, как *капля, щепот, горсть, охапка, пучок*. Эти слова образуют своеобразную группу партитивов с названием «специфические меры».

Представление о части и целом имеет свою специфику в человеческом сознании и, соответственно, имеет своеобразное выражение в языке. Эти понятия применимы к широкому кругу как предметных денотатов, так и абстрактных явлений, а богатый языковой материал партитивной лексики позволяет изучить проявление мерееологических отношений и на лексическом материале с именами веществ. Вычленение порций вещества и наделение их именами свидетельствуют о применимости категории партитивности к сущностям, считающимся недискретными. Как показывают исследования лингвистов, они концептуализируются и как непрерывные, и как дискретные. Для более точного описания семантики «часть», мы выделили два подтипа отношения *часть-целое*: «часть вне целого» и «часть в целом». Изучение категории партитивности посредством партитивной лексики и других способов вербализации семантики «часть вне целого» и «часть в целом» поможет дать более глубокое описание ее в универсальном плане и конкретноразговорном преломлении.

Библиографический список

1. Ажеж, К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: Пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Том 1. Москва, «Мысль». 1976.
3. Kleiber, Georges. La s emantique du prototype. Categories et sens lexical. Linguistique Nouvelle. Presses Universitaires de France, Paris, 1990.
4. Потебня, А.А. Символ и миф в народной культуре / Сост., подг. текстов, ст. и коммент. А.А. Топоркова. — М.: Лабиринт, 2000.
5. Барабанчиков В. А. Восприятие и событие. — СПб.: Алетейя, 2002.
6. Herskovits, Annette. Language and spatial cognition: an interdisciplinary study of the prepositions in English. — (Studies in natural language processing). Cambridge University Press, 1986.
7. Ляшевская, О.Н. Семантика русского числа. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. — 1999. — № 4.
9. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. — М.: Русские словари, 2000.
10. Roget's 21 Century Thesaurus. Edited by The Princeton Language Institute. Dell Publishing, 1992.
11. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Изд. 4-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
12. Супрун, А.Е. Общая характеристика семантики количественности / Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. — Санкт-Петербург, «Наука», 1996.
13. Крылов, С.А. Количество как понятийная категория // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Индрик, 2005. С. 44-65.
14. Griffiths, P. An Introduction to English Semantics and Pragmatics. Edinburgh University Press, 2006.
15. Cruse, D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge University Press, 2004.
16. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. доп. — М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

Статья поступила в редакцию 22.02.08

Раздел 4

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

КУРАТОР
РАЗДЕЛА

Михаил Викторович Шиловский — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Института истории СО РАН, заведующий кафедрой отечественной истории НГУ, г. Новосибирск.

РЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Николай Семенович Модоров — доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского госуниверситета, заведующий лабораторией по изучению народов Южной Сибири, академик РАГН, г. Горно-Алтайск

РЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Паклин Михаил Итадьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Горно-Алтайского госуниверситета, г. Горно-Алтайск

УДК 902

Н.Г. Арыкова, аспирант ГАГУ, г. Горно-Алтайск

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946-1965 гг.).

В статье на основе опубликованных и архивных материалов анализируется развитие промышленности и профессионально-технического образования в Горном Алтае в послевоенный период (1946-1965 гг.).

Ключевые слова: война, промышленность, послевоенный период, пятилетка, Горный Алтай, профессионально-техническое образование, квалифицированные кадры.

Победоносно завершив Великую Отечественную войну, советские люди направили все свои усилия на то, чтобы как можно быстрее восстановить все, разрушенное войной. А восстанавливать было что. Согласно источникам, в развалинах лежали 1710 городов нашей страны, было разрушено и сожжено фашистами свыше 700 тыс. сел и деревень, уничтожено почти 32 тыс. заводов и фабрик, 65 тыс. километров железнодорожных путей, затоплено и взорвано 1135 шахт, разграблено 427 музеев и 43 тыс. библиотек. Прямой материальный ущерб, нанесенный войной составил почти треть национального богатства страны [1, с. 420].

Горный Алтай, как известно, находился далеко от театра военных действий. Однако это не спасло и его от «потерь». За годы военного лихолетья в области (если брать во внимание только ее промышленность) значительно сократились производственные площади и мощности, война на много лет задержала и процесс технического оснащения промышленных предприятий, оторвала от производства немалое количество квалифицированной рабочей силы. Все это вместе взятое и привело к существенному снижению (в 1945 г. на 18,4%, по сравнению с 1940 г.) объема валовой продукции промышленности области. Снизилась за годы войны — почти на 30% — средняя выработка на одного рабочего [2, л. 1].

В силу всего этого, главной задачей трудящихся Горного Алтая в первой послевоенной пятилетке стало восстановление и дальнейшее расширение производствен-

ных площадей, техническая реконструкция предприятий, а также подъем производительности труда. За счет этого планировалось превзойти уровень 1940 года по выпуску валовой продукции промышленности по государственным предприятиям в два раза, а по предприятиям промысловой кооперации почти в полтора раза [2, л. 1].

Эти, без преувеличения, сложные задачи социально-экономического развития Горного Алтая на 1946-1950 гг. были обсуждены на XVI сессии областного Совета депутатов трудящихся. По результатам ее работы было принято развернутое постановление («О задачах Советов Ойротской автономной области по выполнению закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.»), в котором были определены пути выполнения первой послевоенной пятилетки. В связи с этим, сессия призвала местные Советы еще более усилить хозяйственную работу, глубже вникать им в производственную деятельность предприятий, своевременно и действенно поддерживать творческую инициативу трудящихся, активно развивать различные виды и формы социалистического соревнования [3, л. 46-51].

Приняв столь высокие обязательства, всецело соответствовавшие союзному «Закону о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946-1950 гг.», трудящиеся Горного Алтая направили все свои силы на их выполнение. Благодаря этому, уже в первом послевоенном году они добились неплохих результатов, в частности, общий объем производства (вало-

вая продукция промышленности) превзошел в 1946 году довоенный уровень на 2 с лишним процента [4; с. 3]. Однако состояние промышленности в целом, особенно в разрезе отдельных ее отраслей, продолжало оставаться неудовлетворительным. Наиболее неблагополучным было положение в лесной и сыроделательной промышленности. В них (да и в других тоже) ощущался острый недостаток в рабочей силе (60% к плану), транспортных средствах (35% к потребности), что существенно сдерживало рост производительности труда в отраслях. И как результат этого — произошло повсеместное снижение производства продукции. К примеру, в леспромпхозах оно сократилось в целом (по сравнению с уровнем 1940 г.) в 8 раз [4, с. 3]. Не лучше обстояло дело и в сыродельной промышленности, где из-за низкого технического оснащения предприятий данной отрасли был не выполнен план по основным видам продукции, снижена на 8,9% производительность труда, а себестоимость продукции увеличена в 1946 году (на 16%, против плановой) [4, с. 3].

Аналогичное положение было и в некоторых других отраслях промышленности системы облестпрома, облпищепрома, крайлегпрома и др. Особенно низок был уровень технической вооруженности труда рабочих. Так, в системе облестпрома имелось всего 2 токарных станка [5, л. 10]. В силу отсутствия технического оборудования (а такая ситуация была характерна не только предприятиям металлообработки, но и обозостроения, кирпичному, валяльному и другим производствам), большинство работ на предприятиях производилось вручную [5, л. 10].

Как известно, одним из главных показателей уровня развития промышленности было (и по сей день остается) производство товаров на душу населения. Если взять потребительские товары, на изготовлении которых специализировалась промышленность Горного Алтая, то следует отметить, что в первый послевоенный год уровень их производства оставался весьма невысоким. Поэтому элементарные потребности населения области удовлетворялись всецело за счет ввоза этих товаров из других областей.

Значительный негативизм в работе промышленности в значительной степени зависел от того, что ее предприятия (и даже отрасли) работали на привозном сырье, что почти исключало возможность использования ими местных ресурсов. Однако понятие этой «проблемы», еще не означало ее реализацию на практике. Потому-то отдельные отрасли промышленности, к примеру, производство стройматериалов на месте, вместо закономерно расширения, наоборот, начали «свертываться» и сокращать производство. И как результат этого — доля привозного сырья в общем объеме промышленного производства области стала возрастать. В частности, в 1946 году она достигла почти 55% [6, с. 410].

Неудовлетворительная работа промышленности в значительной степени являлась и результатом отсутствия необходимых производственных площадей, а также использования предприятиями устаревшего оборудования, машин и станков. Однако в первые годы четвертой пятилетки решить данные проблемы не удалось. Это, в известной степени, было сделано только в 1949 году, когда капитальные вложения в промышленность были увеличены: они достигли тогда 7,5 млн. рублей, что позволило области ввести в строй 2 сырзавода, способных перерабатывать 600 тонн молока в год, 3 рамных лесозавода, 7 пихтоваренных установок, смолоскипидарный и кирпичный заводы, приготовительные цеха в промартели «Текстильщик», гидроэлектростанции в промартели «Большевик» и сапоговальной фабрики. Тогда же, в 1949 году, впервые стали использоваться в работе государственных лесозоготовительных предприятий области трелевочные трактора, лебедки, мото- и электропилы [6, с. 411].

Указанные нововведения, безусловно, способствовали подъему производительности труда в отрасли, увеличению количества и качества производимой продукции в целом. И, тем не менее, с повестки дня, по-прежнему, не сходил злободневный (не только для Горного Алтая, но для страны в целом) вопрос: подготовка квалифицированных кадров и для промышленного, и для сельскохозяйственного производства.

Учитывая актуальность данной проблемы в разрезе страны, правительство предпринимает меры к ее решению. В связи с этим, следует отметить, что таковые оно предпринимало и в довоенный период. В частности, 2 октября 1940 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О государственных трудовых резервах», который обязывал властные и хозяйственные структуры всех уровней форсировать (в условиях надвигающейся военной опасности) подготовку рабочих массовых профессий во всех районах страны, особенно в восточных [7, с. 14]. К числу таковых был отнесен и Горный Алтай.

Как всегда это водилось в то время, партийно-советские и хозяйственные органы рьяно взялись за реализацию вышеназванного указа. На всех уровнях постоянно декларировалось о необходимости проведения планомерной и систематической работы по подготовке квалифицированных трудовых кадров. К сожалению, дальше деклараций дело так и не пошло. Об этом прямо говорилось в постановлении Правительства СССР и ЦК ВКП (б), увидевшим свет в декабре 1940 года. Отмечая отдельные успехи в подготовке квалифицированных рабочих для промышленности, оно уделило главное внимание тому, что не было выполнено и наметило, в связи с этим, меры по устранению отмеченных в работе на местах недостатков [8, с. 185-191].

Однако реализовать их помешала война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом. И лишь победоносно завершив ее, страна вернулась к решению вышеозначенной проблемы, правда, не столь активно как в довоенный период, поскольку тогда на первый план выходила задача наискорейшей ликвидации всего того, что было разрушено войной. Вместе со всей страной приступили к ее решению и трудящиеся Горного Алтая. Памятуя, что выполнение намеченного во многом зависит от обеспечения народного хозяйства кадрами, партийно-советские и хозяйственные органы области определили для себя подготовку рабочих кадров как задачу не только первостепенной, но и государственной важности. Однако в годы четвертой пятилетки, она не была решена. Ее плановые задания выполнялись, главным образом, «числом», а не «техническим совершенством исполнителя», а также трудовым энтузиазмом масс, который умело поддерживался и направлялся господствовавшей тогда в стране идеологией. Благодаря всему этому, валовая продукция промышленности области сумела к концу пятилетки превзойти довоенный уровень почти на 11% [9, с. 9].

Однако более тщательный анализ хозяйственной деятельности промышленности области в годы четвертой пятилетки показал, что в ее развитии имелись и серьезные недостатки. Наиболее важными из них (характерными для развития ее отдельных отраслей, в частности, лесной, сыродельной, мясной и предприятий промысловой кооперации) являлось отсутствие в них комплексной механизации, хороших технологических конструкций, схем и карт производственных процессов, что, в конечном счете, не позволяло им работать более производительно. Сопутствующим «моментом» бытования указанных недостатков в их работе было и отсутствие квалифицированных рабочих кадров, которые могли бы со знанием дела управлять таким технологическим процессом.

Об этих и других недостатках, препятствующих производительной работе промышленности, о «качественном пополнении рабочего класса, путем создания

сети учебных заведений трудовых резервов, с непременным учетом потребностей и специфики отраслей народного хозяйства», открыто говорилось в феврале 1951 года на специальной сессии областного Совета депутатов трудящихся. Обсудив поднятые на ней вопросы, она приняла развернутое постановление, направленное на устранение отмеченных недостатков [6, с. 410].

Однако ее правильные и «технически обоснованные решения», направленные на «подъем промышленности на новый уровень развития», остались, как не раз уже это бывало, опять только на бумаге, а сама данная отрасль народного хозяйства области продолжала работать «по старинке». Это обстоятельство стало предметом обсуждения на очередном областном форуме — собрании областного партийно-советского актива местной и кооперативной промышленности в июле 1951 года. Сравнивая материалы того и другого собрания, можно утверждать, что и на первом, и на втором в разделе «недостатки» фигурировали одни и те же «узкие места», которые и в феврале, и в июле рекомендовалось «устранить в самое ближайшее время» [10, л. 42-205]. К сказанному, следует добавить, что эти «недостатки» уже устранялись в годы четвертой пятилетки (1946-1950 гг.), а ныне (в годы пятой пятилетки) их «выявляли вновь» и в очередной раз «призывали ликвидировать их».

Но, говоря об этом «негативе», следует, справедливости ради, отметить, что он был порожден не нежеланием местных партийно-советских и хозяйственных органов работать в указанном направлении, а сложившейся в стране практикой финансирования тех или иных регионов. Главный критерий в определении их «значимости» для центра заключался в одном: был ли он «индустриальным» краем (областью), приоритетное место в развитии которого занимала тяжелая промышленность (считавшаяся «основой развития народного хозяйства и роста материального благосостояния и культурного уровня советского народа») или это был аграрный район. Поскольку Горный Алтай относился к числу аграрных, то и финансирование его осуществлялось по соответствующей «сетке». В справедливости сделанного вывода, всецело убеждают «Директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951-1955 гг.». В них, как и раньше, подчеркивалась необходимость дальнейшего и преимущественного развития тяжелой промышленности как важнейшего условия развития всего народного хозяйства и роста материального благосостояния и культурного уровня населения СССР [6, с. 415;].

Исходя из данной дилеммы, в Западной Сибири предусматривалось дальнейшее развитие металлургии, энергетики, угольной промышленности и строительной индустрии. Ничего этого в Горном Алтае не было, а посему рассчитывать на серьезные капиталовложения, ему не приходилось. Единственной надеждой в этом плане в области оставалось капитальное строительство — под его развитие центр отпускал дополнительные средства. Делалось это, опять-таки, в ответ на ходатайство местных партийно-советских органов. Таковое, к примеру, постановление было принято Совмином РСФСР в январе 1953 года. В соответствии с ним, нашей автономии было выделено — дополнительно — на «капитальное строительство новых жилых домов, школ, интернатов, на благоустройство г. Горно-Алтайска и сел области свыше 3,5 млн. рублей [6, с. 415].

Недостаточное финансирование промышленности Горного Алтая, а также не всегда рациональное освоение тех капиталовложений, которые были выделены краю центром, неизбежно приводило к негативному результату: медленному росту производственных мощностей и совершенствованию технологического процесса. В силу этого, ни предприятия облместпрома, ни промысловой кооперации не имели к концу 1953 года «более или менее

механизированного производства». Существенную, если не основную роль в неудовлетворительном развитии промышленности области играли «распыленность производства», а главное, — отсутствие «необходимых квалифицированных кадров», а в «работе с имеющимися, предприятия допускали серьезные недочеты». К тому же многие из них, а также рабочие, их обслуживавшие, не всегда имели четко выраженного «производственного профиля, а потому они нередко переключались на производство (в ущерб основному и вопреки плановым заданиям) не свойственной им продукции, расходуя на ее производство «плановое сырье» [6, с. 420].

Порочная практика работы промышленных предприятий «по заказам оптовых потребителей» была характерна не только фабрикам, заводам и промартелям Горного Алтая, но и других регионов страны. Поэтому руководство СССР, обсудив создавшееся положение, призвало партийно-советские и хозяйственные органы всех уровней изменить «коренным образом» работу промышленности, усилить технический прогресс в ней. Иначе говоря, июльский пленум ЦК КПСС (1955 г.) потребовал незамедлительной замены устаревшей техники на промышленных предприятиях, повышения уровня механизации и автоматизации, внедрения научных предложений и изобретений в производство. Особое внимание он обратил на специализацию и кооперирование промышленности, совершенствование организации труда и системы оплаты, улучшение качества продукции и снижение ее себестоимости [6, с. 421].

Реализация решений пленума ЦК началась в области с «совершенствования организационной структуры промышленности: были ликвидированы промысловые артели, а их промфонды были переданы местной промышленности областного и краевого подчинения. На базе их было создано 15 крупных и специализированных предприятий. К примеру, промартель «Текстильщик» была реорганизована в ткацкую фабрику, промартель «Электрометалл» (Рособозпромсоюза) — в обособленный завод республиканского подчинения, сапоговальное предприятие — в гардинно-тюлевую фабрику краевого подчинения и т.д. [6, с. 421]. К сожалению, дальше реструктуризации работа «по подъему» промышленности области, повышению технического уровня производства, обеспечению его квалифицированными кадрами не пошла. Как и в прошлые годы, конечный результат работы каждого предприятия достигался не на основе технического прогресса, а на энтузиазме, «морально-волевым настроем работника» и постоянном социалистическом соревновании, посвященном то одному, то другому памятного или юбилейного событию в истории партии и нашего государства. Таковых же, как мы знаем, было немало. В рассматриваемое время начало широкому социалистическому соревнованию положило 10-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне, затем был XX съезд КПСС, 200-летие добровольного вхождения алтайского народа в состав России, 40-летие Великого Октября и др.

Новый морально-идеологический всплеск «трудового энтузиазма» трудящихся Горного Алтая был связан сначала с «достойной встречей» XXI съезда КПСС, констатировавшего победу социализма в СССР и вступление страны в период развернутого коммунизма. Эти высокие декларации всецело отразил семилетний план социально-экономического развития СССР (1959-1965 гг.). Значительное место в нем отводилось (в очередной раз) развитию восточных районов страны. В соответствии с ним, промышленность Горно-Алтайской автономной области должна была сделать существенный шаг в своем развитии (повысить, к примеру, производительность труда, по сравнению, с 1958 г. на 56,2%) [11, с. 19]. И, надо сказать, он был сделан: к концу семилетки в области работало 49 (по суще-

ству вновь созданных) фабрик и заводов. Отдельные из них давали стране продукцию, которая не производилась больше нигде, в частности, к таковой можно отнести жаккардовое и гардинно-сетчатое полотно, ртуть и др. Вместе с тем, область, как и прежде, продолжала ввозить для своих нужд нефтепродукты из Башкирии, каменный уголь — из Кузбасса и Черемхово, машины и оборудование и других промышленных районов. Несмотря на отдельные негативы, промышленность области продолжала выполнять взятые на себя обязательства: наращивала из года в год выпуск хлопчатобумажной и полушерстяной ткани, гардинно-тюлевого полотна, швейных изделий, кожаной обуви, мебели, кирпича, пиломатериалов и т.д. [11, с. 19]. Но в этом увеличении промышленной продукции в большей степени был «повинен» трудовой энтузиазм «строителей коммунизма», непосредственно участвовавших в разных формах соцсоревнования, и в меньшей степени — научно-технический прогресс и квалифицированные (через систему профтехобразования) кадры.

Но время брало свое. Быстрые темпы развития новых технологий привело к концу 60-х гг. XX в. К возникновению в стране широкого спектра профессий, основу которых составляло не механическое совмещение нескольких профессий, а определенная система образовательной, политехнической и специальной подготовки, связанной с функциями расчета, управлением производственным процессом, использованием комплекса машин, наладки и ремонта оборудования. Все это вместе взятое существенно увеличило потребность народного хозяйства СССР в квалифицированных специалистах и рабочих. Повышение его требований к образовательной, политехнической и профессиональной подготовке специалистов обусловило, в первую очередь, и возникновение новых технических училищ, которые стали повсеместно создаваться в соответствии с постановлением Совета Министров СССР «Об организации производственно-технической подготовки молодежи, окончившей средние школы, для работы на производстве» [12, с. 29].

В соответствии с заложенными в нем требованиями к специалисту, постановление устанавливало и сроки обучения в существующих и вновь образованных профтехучилищах — от 1 до 2 лет.

Выполняя его, местные власти, в т.ч. и Горного Алтая, открывали у себя новые училища и другие учебные заведения, призванные вести подготовку специалистов среднего звена, а главное — квалифицированные кадры рабочих, в которых испытывали острую нужду местная промышленность, сельское хозяйство, торговое и бытовое обслуживание области. Отмечая достигнутые успехи в этом направлении, местное руководство не переставало, в то же время, «бить тревогу» относительно нехватки в регионе «специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих» [13, с. 6]. Главная причина этой «нехватки» заключалась в недостатке на местах учебных заведений указанного профиля. Другая причина «нехватки» специалистов среднего звена состояла в том, что в имеющиеся учебные заведения профтехобразования молодежь не шла, поскольку они не давали ей общего среднего образования [13, с. 7]. И, надо сказать, это, действительно, была веская причина, которая была своевременно осознана руководством страны. Поэтому, чтобы привлечь молодежь в систему профтехобразования, оно идет на необходимое «повышение» статуса данных учебных заведений. Однако в Горном Алтае таких заведений — промышленного профиля — в рассматриваемое время не было. В силу этого, необходимые промышленным предприятиям кадры, главным образом, квалифицированные рабочие готовились у себя дома, через всевозможные краткосрочные курсы и «стажировки курсантов» на передовых предприятиях отрасли и т.д. Систематическая и целенаправленная подготовка профессионально-технических кадров (через систему специализированных учебных заведений) начнется в Горном Алтае лишь в начале 70-х гг. прошлого столетия, но это уже тема другого разговора.

Библиографический список

1. Моряков В.И., Федоров В.А., Щетинов Ю.А. История России. — М., 2001.
2. Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. 58. Оп. 2. Д. 68.
3. ГАРА. Ф.33. Оп. 20. Д. 7.
4. Плановая комиссия. Итоги работы промышленности области за 1946 г.
5. ГАРА. Ф.59. Оп. 5а. Д. 2.
6. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. — Горно-Алтайск, 1973.
7. Карманов П.К. Профессионально-техническое образование в Восточной Сибири (1940-2000 гг.). Автореф. дисс.докт.ист. наук. — Красноярск, 2004.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, Пленумов ЦК. Т. 7. — М., 1985.
9. Киселев Н.М. О некоторых особенностях развития экономики Горного Алтая в послевоенный период (1946-1963 гг.). — Горно-Алтайск, 1964.
10. ГАРА. Ф. 33. Оп. 29. Д. 37.
11. Народное хозяйство Горно-Алтайской автономной области за 50 лет Советской власти. — Горно-Алтайск, 1967.
12. Профессиональное образование в регионе: основные направления и качество подготовки специалистов. — Барнаул, 2000.
13. Арыкова Н.Г. Развитие профессионального образования в Горном Алтае во второй половине XX в.: направления и формы // Вестник ТГУ. Бюллетень оперативной научной информации. — №122. «История и культура Западной Сибири». — Томск, 2006.

Статья поступила в редакцию 18.02.08

УДК 902

А.А. Завьялов, аспирант БПГУ им. В.М.Шукушина, г.Бийск

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА

На основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется механизм взаимодействия государственных органов и частной инициативы в развитии транспортной системы на Алтае в конце XIX — начале XX в.

Ключевые слова: Алтай, государственная политика, частная инициатива, пути сообщения, железные и шоссейные дороги, водные каналы.

Вторая половина XIX — начало XX века стали для России периодом вполне закономерной, но сложной

трансформации, связанной с переходом страны от традиционного аграрного общества к обществу индустриаль-

ному. Данная социально-экономическая модернизация страны, случившаяся на рубеже веков, породила много нового, доселе ей неизвестного, не говоря уже об ее окраинах, каковой был в рассматриваемое время Алтай. Одним из таковых «новшеств» стало для России развитие в ней новых видов коммуникации, т.е. в стране началось активное строительство новых путей сообщения: прокладка железных и шоссейных дорог, ремонт старых и сооружение новых водных каналов. Наряду с этим, стали возникать и новые виды коммуникаций, такие как регулярная почта, телеграф и др. Все это, вышеназванное, естественно, иницировалось, чаще всего, государством, а потому и расходы за все вновь создаваемое приходилось нести ему. Вместе с тем, в конце XIX века в стране просматривается и нечто новое, до этого времени неизвестное, т.е. на исходе века в России появляется слой «новых» людей, который был тесно связан с рынком и был способен инвестировать немалые средства в создание «новшеств», в частности, в развитие путей сообщений страны.

Иначе говоря, в конце XIX — начале XX века в России зарождается и получает значительное ускорение процесс взаимодействия государственной политики и частной экономической инициативы в области развития транспортной системы Сибири, вылившийся, в конечном счете, в формирование новых социально-экономических приоритетов общества. Именно в этой сфере и стали зарождаться (в процессе взаимодействия частного предпринимательства и государства) новые «элементы», составившие, без преувеличения, основу модели национальной экономики в определенный исторический период, т.е. в конце XIX — начале XX века. Не стал исключением из правил в этом плане и Алтайский округ, являвшийся в то время частью Томской губернии и располагавший особой хозяйственно-экономической структурой и системой управления.

Прежде, чем приступить к освещению сути затрагиваемого нами вопроса, следует сказать, хотя бы пару слов, об одном моменте, нашедшем отражение в отечественной историографии. Речь идет о сложившейся в ней традиции, в соответствии с которой, принято считать, что, наряду с Уралом, Алтай являлся в интересующий нас хронологический период своеобразным центром государственного предпринимательства. Однако значение последнего на Алтае, нередко выходило далеко за рамки получения непосредственной выгоды, а потому не всегда измерялось прямыми денежными доходами самих казенных предприятий. В связи с этим, можно лишь считать, что государственное предпринимательство, недополучая собственную прибыль, увеличивало тем самым потенциальную возможность получения прибылей частными предпринимателями. Это на них, а не только на «стратегические интересы» государства, работали казенные железные дороги, для них совершенствовались водные пути, строились новые гужевые дороги, прокладывались телеграфные линии и т.д. Эффект государственного предпринимательства, в том числе и в сфере развития транспортной системы, был выше казенных доходов. Но как бы там ни было, без государственных вложений в строительство и эксплуатацию путей сообщения на Алтае обойтись было невозможно, поскольку освоение огромных пространств, требовало и внушительных затрат.

Именно этим, можно, в известной степени, объяснить более позднее создание железнодорожной сети в Сибири, что, в свою очередь, и предопределило преобладание в регионе во второй половине XIX века гужевого и водного транспорта [1, с. 117]. Ключевую же роль в развитии в нем гужевого вида транспорта, бесспорно, играл Большой Сибирский тракт, названный впоследствии Московским. Его строительство началось, как известно, в середине XVIII века и продолжалось в течение двухсот

лет. Даже когда был проложен Транссиб, социально-экономическое значение Московского тракта продолжало оставаться огромным. Московско-Сибирский тракт был и главной почтовой, и транспортной артерией всей Сибири. Имея множество ответвлений, тракт служил главным средством хозяйственного освоения и развития отдаленных территорий. Транспортный поток этой дороги был значительным. К началу строительства Транссиба ежегодный объем перевозок по Московскому тракту оценивался в 4-7 млн. пудов различных грузов. В их перевозках было занято 16 тыс. ямщиков и 80 тыс. лошадей [2, с. 52]. Движение по тракту было круглогодичным по колесному или санному пути.

Функционирование тракта вовлекало в экономическую орбиту предпринимателей разного уровня. Вдоль тракта располагались станции. Их содержанием и обслуживанием занимались частные лица, которые занимались доставкой почты и грузопассажирским извозом, содержанием фуражных складов. По мнению Е.И. Соловьевой, извозный промысел получил большое развитие в тех округах, которые непосредственно примыкали к Московскому тракту. Население же притрактовых сел почти не занималось хлебопашеством, оно практически всецело жило извозом, дворничеством (содержанием постоянных дворов, уход за ними, обеспечение их продуктами питания и т.д.) и другими «притрактовыми ремеслами» [3, с. 52].

Что же представляла собой существовавшая на рубеже веков транспортная система Сибири? Она же, как свидетельствуют источники, являла собой «гужевые дороги», подразделявшиеся на 4 категории: 1) главные тракты; 2) внешнеторговые тракты; 3) внутренние тракты и 4) проселочные дороги.

К первой категории, естественно, относились: Московский тракт, протяженность которого составляла 3 тыс. км, Якутский (400 км), Томско — Семипалатинский (700 км) и Омск — ст. Алтайская (1,5 тыс. км). Общая протяженность главных трактов Сибири составляла к 1917 году почти 10 тыс. км.

Ко второй категории (внешнеторговыми трактами) относились дороги, связывавшие Сибирь с зарубежными государствами. Например: Чуйский тракт связывал Россию с Западной Монголией, Бухтарминский тракт — с северо-западным Китаем, а Тункинский тракт — с Северной Монголией.

Внутренние тракты, само собой понятно, были предназначены исключительно для перевозок в рамках губернии. К ним относились «переселенческие» грунтовые дороги, которые строились за счет средств, выделенных Переселенческим управлением. Большое значение — в плане грузоперевозок — имело взаимодействие внутренних дорог с Московско-Сибирским трактом, по которым перевозились грузы в те районы, которые не были связаны с общественными и торговыми центрами ни водными путями, ни железнодорожным сообщением. Такого рода дороги пользовались только лишь поддержкой государственных органов (комитетов) или министерств. В Сибири таких внутренних транспортных артерий (губернских, уездных и «иных дорог») насчитывалось около 80, общая протяженность которых превышала 6 тыс. км. Наряду с вышеназванными транспортными системами, существенную роль в административно-территориальных, торгово-хозяйственных связях населения уездов, волостей и селений играли проселочные дороги, создававшиеся и поддерживавшиеся самим населением, в силу чего их количество никем и никогда не учитывалось.

Все это, вышеперечисленное, имело отношение и к интересующему нас региону — к Алтаю. Справедливости ради, следует отметить, что здесь, еще с XVIII века, существовала самая густая в Сибири сеть гужевых до-

рог, большая часть которых была проложена между рудниками и заводами. Данную дорожную сеть можно с полным основанием назвать «инфраструктурой промышленных предприятий», поскольку создавалась она, благодаря «попечительству» и «непосредственному руководству» администрации округа, направлявшей на строительство этих дорог деньги как из средств Кабинета, а также широко использовавшей натуральные повинности местного населения.

Через территорию Алтайского горного округа проходило, как известно, несколько трактов, имевших почтовое и торговое предназначение. С Московско-Сибирским трактом, являвшимся, как уже упоминалось выше, важной транспортной и торговой артерией России, их связывала «дорожная ветка», по которой шло разностороннее сообщение Алтая, как с европейской частью страны, так и с соседними территориями Сибири. Эта дорога, именовавшаяся в народе «Московским трактом» соединяла г. Барнаул с общероссийской транспортной системой в районе г. Кольвань, в окрестностях которого имелось несколько крупных сел, что послужило зарождению здесь активной ярмарочной торговли. Из одного из этих сел (Медведского) ушла дорога на Томск, связавшая его, в конечном счете, с Барнаулом [4, с. 116].

Другой не менее важной, транспортной артерией Алтая был Чуйский тракт, с давних пор связывающий Россию с Монголией. В момент его зарождения (60-е гг. XIX в.) он именовался «Чуйской чайной тропой». Взяв начало у г. Бийска, она перерезала с севера на юг весь Горный Алтай и заканчивалась в местечке Кош-Агач, у монгольской границы. Учитывая важность данной транспортной артерии в развитии торгово-экономических отношений между Россией и Монголией (а через нее с Китаем), она неоднократно «улучшалась», что позволило ей обрести в конце XIX — начале XX века тот вид, который позволил определить эту дорогу как «тракт», имеющий международное значение.

Южнее вышеуказанной трассы проходил «Линейный тракт»: Оренбург — Омск — Семипалатинск — Усть-Каменогорск — Бийск — Барнаул, который связывал широкими «торгово-экономическими и другими связями» степные районы Алтайского горного округа с городами, сельскими населенными пунктами Западной Сибири [5, с. 406].

Говоря о транспортных артериях общероссийского значения, нельзя не сказать о так называемых «дорогах специального назначения», то есть о губернских и уездных почтовых дорогах, проходивших через г. Барнаул: Бийск-Кузнецк, Бийск — Томск, Томск — Кузнецк, Томск — Семипалатинск, Барнаул — Сузунский завод. Наряду с указанным назначением, они, естественно, использовались административно-территориальными и хозяйственными органами губерний, уездов и волостей и для решения социально-экономических и культурно-бытовых задач как краевого, так общесибирского масштаба.

Наряду с указанными транспортными системами, существовало в регионе и немало проселочных дорог, имевших местное значение. Учесть их количество, как уже отмечалось выше, не представляется возможным, поскольку одни из них появились и начинали усиленно развиваться, другие же, наоборот, прекращали (в силу тех или иных причин и обстоятельств) свое существование. В связи с этим, можно лишь сказать об общей протяженности дорог Алтайского горного округа в разрезе уездов. Так, в начале XX века она составила в Барнаульском уезде 2971 версту, Бийском — 1346 верст, Кузнецком — 1222 версты и Змеиногорском уезде — 1289 верст [6, с. 27].

Говоря об этом виде дорог, следует сказать пару слов об их подчиненности. Они же (т.е. гужевые дороги) в Алтайском округе находились в рассматриваемое время «в разном подчинении», а поэтому вопросами их строи-

тельства, эксплуатации и ремонта занимались различные ведомства. Большинство дорог находилось, как правило, в ведении уездных распорядительных комитетов. Уездные исправники, возглавлявшие их, регулярно распределяли среди местного крестьянского и городского населения полагающиеся с них в пользу государства повинности, сроком на три года. Человек, получивший такого рода «разнорядку», предпочитал, как правило, оплатить деньгами затраты, полагающиеся на содержание старой или строительство новой дороги. Следует отметить, что иногда эти затраты достигали нескольких тысяч рублей.

Немало было в округе дорог, по которым, в массовом порядке двигались переселенцы — крестьяне из европейской части России, избравшие местом жительства Алтайский горный округ. Такие дороги, как явствует из источников и отчетов Кабинета, всегда строились и содержались за счет средств Переселенческого управления. Пути же сообщения, как мы уже определили их выше, «центрального и государственного подчинения» строились и ремонтировались, естественно, за счет средств Министерств путей сообщения, внутренних дел и государственных имуществ. К таким дорогам относились в Алтайском горном округе Бель-Агачское шоссе и Чуйский тракт. Горнозаводские же дороги содержались, как уже говорилось выше, за счет средств Кабинета Его Императорского Величества [7, л. 2].

Помимо государственных ведомств, вопросами строительства и «благоустройства» гужевых дорог занимались и частные предприниматели. Например, алтайские купцы постоянно участвовали (естественно, путем выделения из своих средств определенных сумм) в строительстве и ремонте Чуйского тракта, особенно «чуйцы», т.е. купцы, ведшие активную торговлю с монголами и китайцами. Расширявшиеся от десятилетия к десятилетию торговые связи с ними, стали тормозиться «возможностями вьючной торговой тропы»: они просто перестали удовлетворять потребности купцов-предпринимателей. Поэтому в 60-70-х гг. XIX века они привлекли к решению возникшей у них проблемы местное население (и русское, и алтайское). Благодаря его помощи, была построена (на деньги купцов-«чуйцев») дорога до Онгудая, по которой могли свободно передвигаться повозки (чаще всего двухколесные таратайки). Однако дальнейшее движение товаров осуществлялось вьючным путем, что, естественно, не устраивало купцов. Поэтому в начале XX века было продолжено строительство Чуйского тракта до Кош-Агача. При строительстве этого участка дороги применялась смешанная система финансирования. Средства на это важное «государственное дело» выделили и Комитет Сибирской железной дороги, и Кабинета Его Императорского Величества, а также бийские купцы [8, л. 7]. Наряду с этим, были случаи, когда средства на строительство дороги Онгудай—Кош-Агач вносили и частные лица. Особенно «преуспел на этом поприще» золотопромышленник И.Г. Истомин, который был награжден в 1912 году от имени Кабинета Его Императорского Величества «подарком» (золотыми часами) за «личный вклад в сооружение дороги к селению Артыбаш» [9, л. 1-10].

Говоря о транспортных артериях Алтайского горного округа, следует отметить, что были среди них и такие, которые составляли гордость руководства Коронного ведомства. В начале XX века такие «лучшие дороги» строились на Алтае Переселенческим управлением, которое располагало для этого «специальным и квалифицированным штатом дорожных работников», а также активно использовавшее на строительстве дорог наемных рабочих. В годы предвоенного промышленного подъема лучшие дороги стали появляться и в переселенческих районах Алтая. Степные и лесостепные районы

округа становились в это время главными поставщиками товарного хлеба. В силу этого, именно из этих уездов руководство округа стало прокладывать новые дороги к железнодорожным станциям и пристаням. Именно в это

время Барнаул, а особенно Новониколаевск превратились в мощные транспортные узлы, где пересекался поток различных грузов, поступавших сюда железнодорожным, речным и гужевым транспортом.

Библиографический список

1. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. — Барнаул, 2007.
2. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири. 1900 — 1928. — Новосибирск, 1996.
3. Соловьева Е.И. Извозный промысел в Сибири во второй половине XIX в. (1861 — 1893 гг.) // Из истории Сибири. Научные труды, Вып. 64. — Новосибирск, 1972.
4. Бородаев В.Б. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века) / В.Б. Бородаев, А.В. Контев. — Барнаул, 2007.
5. История Сибири. Т. 2. — Л., 1968.
6. История дорожного дела в Томской области/Б.К. Андрющенко, В.А. Бузанова, В.П. Зиновьев, В.Г. Зыкова, П.С. Коновалов; Под ред. В.П. Зиновьева. — Томск, 1999.
7. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). ФР. 10. Оп. 1. Д. 731.
8. ЦХАФ АК. Ф. 4. Д. 2540.
9. ЦХАФ АК. Ф. 4. Д. 416.

Статья поступила в редакцию 11.02.08

УДК 902

И.А. Новиков, канд. истор. наук, доцент ЧГПУ, г. Челябинск

ВИЛИМ ДЕ ГЕННИН И ЕГО РОЛЬ В СОЗДАНИИ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII В.)

В статье, на основе документальных источников (опубликованных и архивных) анализируется деятельность В.И. Геннина в создании крупной горнозаводской промышленности в Карелии и на Урале и его вклад в формирование системы местного управления горнозаводских регионов.

Ключевые слова: горнозаводская промышленность, Карелия, Урал, Западная и Восточная Сибирь, индустрия, металлургические заводы, промышленный комплекс.

Металлургическая промышленность, начиная с XVIII в., становится, как известно, основой экономического развития России и отдельных ее регионов (Уральского, Олонецкого, Алтайского, Нерчинского и Южно-русского). Именно металлургия определила не только их дальнейшее развитие, но и развитие всей горнозаводской индустрии страны в целом, оказав непреходящее значение на формирование ее социально-экономического «облика» и ее регионального хозяйства в частности.

Зарождение и последующее развитие горнозаводского производства, его модернизации (в интересующее нас время и в дальнейшем — И.Н.) явилось, без преувеличения, прямым следствием тех поражений, которые потерпела русская армия. Если заглянуть в XVII в., то здесь мы увидим, что развитию «железодельному» производству способствовали события Смутного времени и Смоленские «сидения», в начале XVIII в. — неудачи первого этапа северной войны породили «Петровские модернизации». И если продолжить такого рода аналогии, то в XIX в. таковыми катализаторами явятся антинаполеоновская борьба и Крымская война. На любом из указанных этапов, российское правительство предпринимало срочные меры к тому, чтобы армия своевременно получила хорошее оружие и боеприпасы, что, в свою очередь, было возможно лишь при высоком уровне развития горнозаводской промышленности — основы бесперебойных поставок вышеуказанного. Именно решение этих задач породило металлодобычу и соответствующих заводов в Подмосковье и в Карелии, а затем на Урале, в Западной и Восточной Сибири. Но, несмотря на предпринимаемые правительством меры создать в «Московии» в XVII в. крупную металлургическую промышленность не удалось. В разных регионах страны существовали небольшие заводики, производившие примитивными способами

ми (напрмер с помощью ручных мехов) не всегда качественный металл, из которого изготовляли «все необходимое» для страны (в т.ч. и для армии), а также инструменты, домашнюю утварь, украшения и т.д. Однако в полной мере удовлетворить растущие из года в год потребности страны в металле, они были не в состоянии.

Иначе говоря, к моменту вступления Петра I на престол в России имелось около 20 железнодельных предприятий, расположенных в Тульско-Каширском районе и на берегу Онежского озера. В силу нехватки металла, его приходилось экспортировать, главным образом, из Швеции. Однако начавшаяся с ней война перекрыла этот канал. Поэтому перед правительством России встала неолгожая задача — создать (во чтобы то ни стало) у себя крупную металлургическую промышленность.

Отличительными чертами создаваемой в России (в начале XVIII в.) горнозаводской промышленности (это будет иметь место и в первой половине XIX в. — И.Н.) стал патернализм государства над горными заводами, выпуск продукции для военных нужд и отсталость внутреннего рынка, что, безусловно, ограничивало свободу частного предпринимательства и нередко приводило к принудительным методам создания рабочей силы для развития, к примеру, уральской металлургии. С другой стороны, вместе с формированием в крае горнозаводского производства шло становление и совершенствование в нем и органов управления им, вырабатывались принципы и методы руководства.

Говоря об этом, следует подчеркнуть и еще один момент: успех в развитии горнозаводской промышленности был невозможен без грамотных специалистов. С началом масштабного строительства металлургических заводов и организации системы управления ими большая роль отводилась государством «главным и горным

начальникам», среди которых было немало ярких и неординарных личностей. В их числе можно назвать В.Н. Татищева, В.И. Геннина, А.С. Ярцова, И.Ф. Германа, А.Ф. Дерябина, В.А. Глинку и других, сыгравших истинно выдающуюся роль в создании и дальнейшем развитии горнозаводской промышленности России. Наряду с непосредственными обязанностями, им приходилось заниматься и решением многих других — побочных — вопросов (хозяйственных, социальных, судебных, «гражданского благоустройства» и др.). Учитывая все это, и подбирало правительство на эти должности «разносторонне подготовленных людей», способных содействовать не только развитию горнозаводского производства, улучшению его технического оснащения, но и повышению уровня образования, квалификации подчиненных им людей, а также «поднятию хозяйственного и социально-культурного уровня подведомственного главному начальнику региона». В силу сказанного, становится вполне оправданной разработка персоналий горных администраторов, анализ их деятельности, тем более, что данная тема была и по сей день остается одной из малоисследованных в истории горнозаводских регионов в интересующее нас время.

Одним из первых горных начальников, внесшим заметный вклад в становление и развитие горнозаводской промышленности в Карелии и на Урале (в России в целом — И.Н.), был Вилим Иванович де Геннин — строитель Петербурга и Петрозаводска, Перми и Екатеринбург, крупнейший инженер-металлург первой половины XVIII в., создатель первого описания Уральских и Сибирских заводов, основатель казенных заводов на Урале, «расследователь» конфликта, возникшего между В.Н. Татищевым и кланом Демидовых, 12 лет управлявший горнозаводской промышленностью Урала.

Однако столь разносторонняя его деятельность не стала, к сожалению, предметом изучения для отечественных историков. Имя В.И. Геннина почти не встречается в их публикациях. Своеобразное «исключение» из правила составила лишь работа М.Ф. Злотникова, вобравшая в себя биографические сведения о нем [1, с. 11-64]. И только в постсоветское время проявили исследователи интерес к личности В.И. Геннина, его вкладу в становление металлургии Урала [2]. В связи со сказанным, можно лишь порадоваться тому, что В.И. Геннину повезло с первым биографом. Им стал В.Н. Берх. Главным достоинством опубликованного им в 1826 г. труда является наличие в нем большого числа документов о генерале [3, с. 51-68].

Но говоря о «невнимании» историков к В.И. Геннину, естественно, не означает о полном отсутствии его имени в публикациях. Нет, оно упоминается в них, особенно в исторической литературе, в которой имеет место анализ причин зарождения и дальнейшего развития горнозаводской промышленности в петровскую эпоху и рассматривается, в этой связи, деятельность В.И. Геннина, как практика и организатора Сибирского обербергамта, в т.ч. и в дореволюционной литературе [4, с. 108-110]. И, тем не менее, учитывая немалый его вклад в зарождение и становление горнозаводской промышленности России до сих пор отсутствует целостное и комплексное исследование об этом, без преувеличения, выдающемся деятеле XVIII в. — В.И. Геннине.

Как и многие другие иностранцы, Вилим Иванович оказался на русской службе «по воле случая и удачи». Произошло это в конце XVII — начале XVIII вв. За время службы он прошел путь от фейерверкера Оружейной палаты до начальника Главной артиллерийской канцелярии. Поступая на службу (в конце 1697 г. — И.Н.), В.И. Геннин указал в прошении, что он «основательно разумеет архитектуру гражданскую... делание всяких потешных огнестрельных вещей, — а также различные «хитрости»: делать «изображения из воска», из соломы, крашеной «японской олифою», из «бумаги вырезать» [5, л. 181].

Подобные его «умения», естественно, не могли не заинтересовать нанимателей: его прошение было удовлетворено. И с 10 мая 1698 г. он стал фейерверкером Оружейной палаты, с «жалованьем в шесть рублей» [5, л. 181].

Прибыв в Москву, молодой инженер, получил (в дополнение к своим прямым обязанностям — И.Н.) задание обучать молодых русских дворян артиллерии. Надо добавить, что его знания и опыт Петр I всецело использовал во время Северной войны, особенно при возведении крепостных укреплений в Новгороде, Гангуте и Кексгольме и при взятии Выборга. Приложил руки В.И. Геннин (начиная с 1712 г. — И.Н.) и к достройке литейного двора и пороховых заводов в Петербурге.

Отлично выполнив все эти поручения, молодой инженер был по достоинству отмечен: в 1713 г. он назначается Олонецким комендантом и начальником Петровских, Повенецких и Кончозерских заводов. Это назначение было очень ответственным, поскольку последние имели важное значение, ибо указанные заводы находились в непосредственной близости от театра военных действий, а потому и служили главными поставщиками оружия, боеприпасов и военного снаряжения для русской армии. И В.И. Геннин блестяще справился с порученным ему делом. Для этого, он, в первую очередь, перестроил заводское производство и усовершенствовал их технику: на смену старым домнам пришли новые, с большей производительностью. Так, если до его прихода на Петровском заводе работала только одна домна, то год спустя, — уже четыре. В его бытность этот завод достиг наивысшего своего развития, он стал одним из самых высокотехнологизированных предприятий. Благодаря этому, выпуск пушек был доведен до совершенства: из 1000 только 3 разрывались на испытаниях. Словом, Геннинские заводы стали основным поставщиком пушек, ружей и снарядов для русской армии и флота. За успешное выполнение заказов для армии В.И. Геннин был произведен в 1716 г. в полковники [3, с. 53-54, 57-58]. Учитывая ответственное отношение В.И. Геннина к делу, его знания и опыт, правительство поручило ему в 1721 г. (в дополнение к тому, чем он занимался — И.Н.) строительство Сестрорецкого оружейного завода и разработку проекта строительства канала между Москвой и Волгой [6, с. 16].

Однако новые обязанности не «отяготили» В.И. Геннина. Более того, он «искал новых забот». Одной из таких стало «учреждение» в Олонце школы, в которой он обучал учеников «доменному, пушечному, якорному и другим заводским делам», а также посылал Н.А. Демидову «кадрами»: отправлял на Урал мастеровых [6, с. 118]. Усилиями В.И. Геннина были обнаружены в районе Олонецких заводов минеральные воды, которые несколько раз посетил сам Петр I.

Высокое качество продукции, даваемой его заводами, не останавливало их главного начальника. Он продолжал искать пути его повышения. С этой целью он совершил поездки в Голландию, Саксонию и Пруссию, где изучал европейскую технику горно-металлургического производства и вербовал иностранных специалистов для работы на российских заводах. Вернувшись домой, он занялся в 1719 г. «полной перестройкой своих заводов и установкой на них зарубежной техники» [6, с. 118].

Энтузиазм и энергия В.И. Геннина не остались незамеченными: 6 марта 1722 г. он производится в генерал-майоры и назначается (в конце месяца — И.Н.) главой горнозаводской администрации на Урале [7, с. 667]. Это назначение его не очень-то обрадовало, ибо по опыту своей работы на Олонецких заводах он знал, что на новом месте ему опять придется столкнуться с противодействием местных воевод и Сибирского губернатора. Кроме них, не будут рады его деятельности и частные заводладельцы. В дополнение ко всему этому на Урале (о чем В.И. Геннин знал доподлинно — И.Н.) ему будет не

хватать грамотных специалистов. Поэтому, соглашаясь с назначением, он «выторговал» для себя одно условие: забрать с Олонецких заводов и из Петербурга 36 мастеров, подмастерьев и учеников.

Прибыв на Урал, он первым делом осмотрел здешние медные и железные месторождения, «учинил их пробу», которая обещала, по его заключению, «хорошую прибыль». Однако хорошее впечатление от природных богатств Урала тут же исчезло, как только В.И. Геннин посетил казенные заводы. «На оные, — докладывал он Петру I, — сожальительно смотреть, ..оные... в доброй порядок не приведены... ныне [они] в весьма в худом порядке». Причины этого В.И. Геннин видел в неудобности мест расположения заводов, в недостатке воды и припасов, а, главное, — в «бездельности и необученности» мастеров [8, с. 22-24, 30].

Ознакомившись с состоянием дел на заводах, В.И. Геннин пытался применить здесь опыт и практику работы, бытовавшую на Олонецких заводах. С этой целью, он начал осуществлять не только техническое, но и организационное переустройство на заводах, передав с этой целью решение административных, судебных и финансовых вопросов специальным чиновникам, подведомственным Сибирскому обербергамту. Иначе говоря, он стал закладывать основу местной системы управления горными заводами.

Как когда-то в Олонцеком крае, он начал свою работу с перестройки старых заводов. За первые два года им были перестроены и расширены Уктусский, Алапаевский и Каменский заводы, а также построено 8 новых — Екатеринбургский, Лялинский, Пыскорский, Егошихинский, Полевской, Верх-Исетский, Снячихинский и Уктусский (верхний) [3, л. 181, 292]. Но теперь модернизация заводов идет с учетом европейского опыта: увеличиваются размеры домен, изменяется конструкция их верхней части, совершенствуется дутье в домну [9, с. 64], появляются на заводах и новые производства. В частности, на Екатеринбургском заводе вошли в строй действующих ранее неизвестные «предприятия» — жестяная и лудильная фабрики [10, с. 76].

Наряду со строительством и модернизацией заводов, обустривает В.И.Геннин и столица горнозаводского Урала — Екатеринбург, в которой теперь, кроме церкви, «командирских и мастерских квартир», появились школа и госпиталь [11, с. 9]. Осуществляя преобразования, главный командир постоянно был озабочен одной проблемой: строительство заводов и обустройство города требовало квалифицированных специалистов. Привезенных с собою с Олонецких заводов мастеровых было явно мало. Поэтому В.И. Геннин не перестает просить присылки новых и новых мастеровых людей.

Забываясь о развитии казенных заводов, В.И. Геннин не упускает из виду и частные предприятия, действующие здесь. В противовес своему предшественнику (В.Н. Татищеву — И.Н.), он поддерживает дружеские отношения с частными заводчиками: Демидовыми, Строгановыми, А.Д. Турчаниновым, которые обрели в лице нового начальника не только хорошего «советчика, но и доброжелателя» в развитии их предпринимательства.

Налаживая горнозаводское дело на Урале, В.И. Геннин нашел «сочувствие и поддержку» почти у всех людей, причастных к этому делу, за исключением местных кочевых племен, которые никак не мирились с увеличением числа заводов, приводивших к сокращению их пастбищных, охотничьих, рыболовных и промысловых угодий. Протестуя против этого «наступления», они то и дело нападали на заводы и прилегавшие к ним деревни. Противились аборигены и деятельности рудознатцев, «кои своими открытиями способствовали рождению новых грабителей». Чтобы не допустить рудознатцев на свои территории, они всячески мешали им,

выгоняли их из «своих владений», а самых настойчивых и непреклонных били и даже убивали. [8, с. 103]. Чтобы защитить заводы от набегов кочевников, В.И.Геннин строит Екатеринбургскую крепость, в которой размещает для «охраны края и русского населения» пехотный и драгунский полки. Но «оные», по его признанию, присутствовали «для порядка», сам же начальник был сторонником политики «кнута и пряника». Заигрывая с башкирами, он предлагал членить их роды и объединения, глав которых «одаривать подарками и званиями», а «непокорных — вывозить в Центральную Россию или строить на их территориях русские крепости.

Увеличение числа заводов на Урале привело к формированию здесь органов горнозаводского управления. Кроме уже упоминавшегося выше Сибирского обербергамта, в Екатеринбурге начали создаваться, благодаря инициативе В..И. Геннина, и местные органы горнозаводского управления — горные начальства (Пермское, Казанское и Нерчинское). Он же явился и инициатором составления в России первых заводских штатов. Однако занимаясь делами управления он не любил. Поэтому В.И.Геннин перепоручал их своему советнику. Когда ему делали замечания на сей счет, он резонно замечал: «Во время размножения... заводов, мануфактур и фабрик, которые друг от друга имеют расстояние дальное, мне одному над всеми вдруг (т.е. одновременно — И.Н.) смотреть и ездить невозможно» [8, с. 67].

Но, увеличивая число заводов, главный начальник, наживал себе «закономерную головную боль» — их надо было обеспечивать рабочей силой. Ее же на Урале, равно как и в других горнозаводских районах) постоянно не хватало. В решении этой проблемы он был твердым сторонником привлечения на заводы вольнонаемных рабочих. А раз таковых было мало, то единственным выходом из создавшегося положения была приписка «деревень к заводам». Понимая сложность положения приписных крестьян, В.И. Геннин старался облегчить его: следил за тем, чтобы им платили за работу вовремя и по расценкам, а также не отягощали крестьян выполнением других повинностей. Однако несмотря на все старания, избежать жалоб не удавалось. Поэтому работные люди, недовольные низкой платой за работу бежали с заводов. Этого главный начальник не терпел и расценивал побеги, как преступление, которое должно строго наказываться. В назидание другим, он готов был даже казнить беглецов [8, с. 132]. Не церемонился он и с беглыми солдатами, причастными к строительству Екатеринбурга. В назидание другим, он, по свидетельству источника, «наказывал виновных шпицрутенами», а «отдельных злодеев вешал и даже колесовал» [8, с. 136-137]. Таким же образом наказывал он и аборигенов, противившихся строительству заводов.

Грамотный специалист и умелый администратор имел широкие связи. Он переписывался не только с иностранными учеными и общественными деятелями, но и с российскими. Так, в посланиях Петру I и Екатерине I он поднимал не только вопросы экономического развития России, но и высказывал свое мнение относительно Берг-коллегии, в деятельности которой он видел только бюрократическую волокиту («соглашается с мнением, а указа на реализацию оного — никогда не дает») [8, с. 244].

Не обошлось без В.И. Геннин и в деле «складывания особого горнозаводского сословия». В 1731 г. он ходатайствовал перед Сенатом об «уравнении заводских служащих рангом и жалованьем с офицерами воинской службы». Представленный им «Табель горных чинов», нашел у него поддержку и переработан, три года спустя (в 1734 г., В.Н. Татищевым) и утвержден как «Штат чинов при Сибирских горных заводах» [12, л. 28-28об].

Активная и результативная деятельность В.И. Геннина была по достоинству оценена правительством: в

1727 г. он был произведен в генерал-лейтенанты, а в 1731 г. — награжден орденом святого Александра Невского. Однако в начале 30-х гг. он был уже не так активен. Главной причиной этого стала «несносное», по его выражению, занятие «приказными делами» [8, с. 15]. Они-то и понудили его покинуть (в 1734 г. — И.Н.), Урал. О том, что было сделано им здесь В.И. Геннин описал в своем отчете (известный ныне исследователям как «Описание Уральских и Сибирских заводов» — И.Н.), который он представил Анне Иоанновне [1, с. 63].

По прибытии его в 1735 г. в Петербург, он был назначен начальником Главной артиллерийской канцелярии, членом Военной коллегии и управляющим Сестрорецкими, а с 1737 г. — и Тульскими заводами [13;

л. 1,334]. В этих должностях В.И. Геннин «состоял» до 1742 г., когда он «за старостию и болезнью» был «отставлен от оружейных и заводских дел» [13, л. 330].

Подводя итог вышесказанному, можно с полным правом констатировать, что благодаря профессиональным знаниям, опыту и личной инициативе В.И.Геннина начались в России планомерные разработки рудных месторождений, а Олонецкие заводы превратились в крупный промышленный комплекс по производству металла и вооружения. То же самое им было сделано и на Урале. Наряду с этим, он стал и первопроходцем в деле формирования системы местного управления горнозаводской промышленностью.

Библиографический список

1. Злотников М.Ф. Первое описание уральских и сибирских заводов / М.Ф. Злотников // Геннин В.И. Описание сибирских и уральских заводов — М., 1937
2. Василий Никитич Татищев и Виллим Иванович Геннин на Урале. — Екатеринбург, 1999.
3. Берх В.Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И. Геннина, основателя Российских горных заводов// Горный журнал. — 1826. — № 1.
4. Берс А.А. Екатеринбург в описании путешественников / А.А. Берс // Екатеринбург за 200 лет. 1723-1923. — Екатеринбург, 1923.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 4. Д. 161.
6. Горный журнал. — 1826. — Кн. III.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. VI. № 3986. — СПб., 1830.
8. Геннин В.И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. — Екатеринбург, 1995.
9. Бакланов Н.В. Техника металлургического производства XVIII века на Урале // Известия Академии истории материальной культуры. — М.; Л., 1935. — Вып. 134.
10. Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов. — М., 1937.
11. Акишин М.О. В. Геннин и его уральские доношения в Кабинет Петра I // Геннин В.И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. — Екатеринбург, 1995.
12. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 3380.
13. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 458.

Статья поступила в редакцию 18.02.08

УДК 902

Д.И. Сидоренко, аспирант БПГУ им. В.М.Шукшина, г.Бийск

РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕКРЕТА СНК «ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА И ШКОЛЫ ОТ ЦЕРКВИ» НА АЛТАЕ (1917-1921 гг.)

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется деятельность Советского государства и его органов по претворению в жизнь декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» на Алтае в 1917-1921 гг.».

Ключевые слова: революция, церковь, декрет, реквизиция, религиозные организации, репрессия, тюрьма, расстрел.

Февральская революция 1917 г., ликвидировавшая самодержавие в России, в корне изменила положение Русской Православной Церкви (РПЦ) в стране, ее взаимоотношения с Временным правительством. Еще больший диссонанс в ее существование привнес октябрь 1917 г., когда на одной шестой части земли родилось и начало свое существование государство рабочих и крестьян. Уже первые постановления его правительства — Совета Народных Комиссаров (СНК) — затронули почти все сферы жизнедеятельности РПЦ. Так, известный всем декрет «О земле», породивший потом земельные комитеты, предписал им уже 4 декабря 1917 года начать изъятия (в пользу государства) церковных и монастырских земель. Вслед за этим, последовала национализация вкладов РПЦ и духовенства, хранившихся в частных банках. Тогда же были приняты декреты о передаче «всего дела образования в ведение Народного комиссариата просвещения, а регистрацию актов рождения, брака и смерти — в исключительное ведение государственных организаций» [1, с. 47-49]. Вслед за этим, в конце декабря 1917—начале января 1918 г. по стране прокатилась волна антирелигиоз-

ных акций (явочным порядком были закрыты дворцовые и домовые храмы, изъята синодальная типография и др.) предвизвавшие, как станет ясно только потом, готовившийся закон об отделении Церкви от государства. И как результат этого, в целом ряде мест произошли столкновения красногвардейцев с верующими. Таковое произошло, к примеру, 19 декабря 1917 г. в Петрограде, при попытке первых силой «реквизировать жилые помещения Александр-Невской Лавры» [2, с. 71].

Чтобы устранить «не нужное противостояние с Церковью» и вести «правовой диалог с нею», СНК принял 20 января 1918 г. два декрета («О свободе совести, церковных и религиозных обществах» и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»), которые узаконили в дальнейшем отделение церкви от государства и национализацию ее имущества, а также заложившие основы будущего бесправного положения Церкви [1, с. 25-27]. Иначе говоря, с этого момента само существование церкви, ее деятельность были поставлены новой властью в жесткие рамки всевозможных запретов и ограничений, что было расценено РПЦ как «злостное по-

кушение на весь строй Православной Церкви, как акт открытого гонения против неё, священнослужителей и верующих» [1, с. 41-44]. Выражая свой протест против этого «беззакония», митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) призвал верующих на общегородской крестный ход в защиту Церкви, который и состоялся 21 января, в коем приняло участие почти 500 тыс. чел. [2, с. 71].

Приняв эти документы, новая власть получила отныне право вытеснять религиозные объединения из сферы общественных и гражданско-правовых отношений. Их содержание, изложенное, к примеру, в декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» позволяло ей, достаточно широко и на свой лад, толковать провозглашенный в нем принцип — «отделения Церкви от государства», — фактически приближая его по смыслу к отделению Церкви от общества.

Истинный же смысл принципа отделения РПЦ от «невраждебного» к ней государства — в общепринятом понимании — означает ничто иное как предоставление им религиозным институтам не только идеологической и экономической независимости, но и имущественной «обособленности», т.е. государство гарантирует свое «невмешательство» во внутреннюю жизнь религиозных конфессий и религиозных обществ. Реализация принципа «невмешательства» обеспечивается и созданием в государстве специального социального института, наделенного правом юридического лица. Иначе говоря, Церковь и ее организации должны были получить, согласно общепринятому праву, возможность самостоятельно решать вопросы управления и материального обеспечения своей деятельности. Однако декрет СНК от 20 января 1918 г., ничего подобного, что соответствовало бы общепринятому принципу отделения Церкви от государства, не предусматривал. В нем, на беду РПЦ, полностью отсутствовали какие-либо гарантии экономической независимости, а понятие «религиозная организация» — вообще не был упомянут. Таким образом, вместо освобождения от «государственных оков», все религиозные объединения, обрели на самом деле полную зависимость от государства, открыто проводившего антирелигиозную политику, базис которой составляли три основных положения: а) «отказать церковным и религиозным обществам в предоставлении им права юридического лица, б) лишить их возможности обладать имуществом на правах собственности, в) объявить их бывшее имущество народным достоянием» и «передать его в ведение атеистического государства» [2, с. 3-4].

Вводя эти и другие ограничения, Советское государство руководствовалось только политическими и идеологическими соображениями, которые, по общему мнению исследователей, и «отяготили» для РПЦ практический смысл вышеназванного декрета. Возможно, осознавая свой «перегиб», власти издали 24 августа 1918 года новый документ, в какой-то мере, разъяснивший отдельные «спорные» моменты декрета СНК, относительно положения Церкви в РСФСР. Однако ее надежды на улучшение своего положения рухнули, как только выяснилось, что это совсем не новый закон, а всего лишь инструкция Наркомата юстиции о порядке проведения в жизнь прежнего декрета, которая еще более ужесточала требования властей к Церкви. Согласно ей, все «богослужебное имущество, находившееся до этого в ведении вероисповедных учреждений или обществ, переходило отныне в собственность Совета рабочих и крестьянских депутатов», который имел право передать его в бесплатное пользование «местным жителям соответствующей религии» только на основании специально заключенного соглашения. Со стороны верующих его должны были подписать не менее 20 человек (так, называемая «двадцатка»). Передача им богослужебного имущества осуществлялась по описи, составленной представителя-

ми бывших ведомств или лиц соответствующего вероисповедания, в чем фактическом «владении» находился до этого «храм и иные предметы культа». Порча «народного имущества» или халатное отношение к нему грозили общине немедленным его возвратом Совету [3, л. 12].

В соответствии с новым законом, закрывались все благотворительные, просветительские и другие религиозные организации. Их имущество изымалось и также передавалось государству. РПЦ и иные конфессии лишались отныне возможности осуществлять социальную и религиозно-просветительскую деятельность. Духовные учебные заведения, включая церковно-приходские школы, были отданы в распоряжение местных Советов или Наркомата просвещения. Преподавание «религиозных вероучений» запрещалось отныне и в государственных, и в общественных, и даже в частных учебных заведениях [3, л. 10-11,17].

Отменялись, в соответствии с инструкцией от 24 августа 1918 г., также и религиозные обряды при совершении государственных и иных публичных мероприятий. Регистрация же актов гражданского состояния была передана теперь в ведение губернских (областных) отделов записи смерти и рождений. Там же сосредоточились и метрические книги представителей всех вероисповеданий и за все годы [3, л. 14-15].

В соответствии с распоряжением властей, на «реализацию вышеозначенных мероприятий» было отведено всего два месяца [3, л. 8].

На практике же этот процесс затянулся на несколько лет: во многих губерниях он завершился только к 1921 г. [4, с. 75].

С начала 1920 года мероприятия, предписанные вышеназванными нормативными актами, стали претворяться и на территории Алтайской губернии. До этого времени здесь ничего не было сделано, поскольку существовавшие здесь (с декабря 1917 по июнь 1918 г.) органы Советской власти вопросами «конфессиональной политики» не занимались [5, с. 16].

Причины этого «бездействия» заключались, во-первых, в «длительности периода образования волостных и сельских Советов, а во-вторых, — в «недостатке грамотных и подготовленных для этого кадров». Последовавшее затем падение Советской власти и установление военной диктатуры адмирала Колчака и вовсе «воспрепятствовали реализации декрета об отделении Церкви от государства».

Кроме указанных причин, было еще одно «препятствие», задержавшее его претворение в жизнь: с июня 1918 по декабрь 1919 г. Алтайская Церковь была «отторгнута» от Московской Патриархии и находилась в ведении Временного Высшего Духовного Управления Сибири (ВДУ). Восстановление в декабре 1919 г. на Алтае Советской власти давало возможность приступить «к работе с Церковью». Теперь ее выполнять было гораздо легче, поскольку в распоряжении властей был не только декрет об отделении церкви от государства, но и инструкции, и циркуляры, разъясняющие как поступать в том или ином случае, но, главное, — было кому этим заниматься. В стране (в т.ч. и на Алтае) уже функционировали государственные органы по проведению религиозной политики — VIII отдел НКЮ и отдел управления НКВД. Они-то и осуществили в крае три основных «мероприятия»: 1) закрыли домовые церкви, монастыри, богословские учебные заведения; 2) приостановили деятельность религиозно-просветительских организаций; 3) изъяли «не предназначенное для богослужебных целей» движимое и недвижимое имущество религиозных обществ. Наиболее зримо «это произошло» Барнауле и Бийске. В первом, к примеру, в 1920 г. было закрыто три домовых церкви. В их помещениях были открыты различные государственные учреждения. Так, в здании гимназической церкви Иоанна Рильского открылся рабфак, в тюремном храме Святителя Нико-

лая — клуб-театр, а в Дмитриевской церкви — разместился художественный музей [6, л. 28; 7, с. 60].

Кроме вышеперечисленных, в Барнауле прекратили свое «существование» еще две домовые церкви, правда, это случилось еще до реализации декрета Совнаркома. Так, храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы (при духовном училище) сгорел в 1917 г. Тогда же пожар уничтожил и здание Барнаульского духовного училища (не задолго до этого, его преподаватели и питомцы были переведены новой властью в г. Бийск, в миссионерское катехизаторское училище [8, с. 10]), а церковь Сошествия Святого Духа при доме призрения детей перестала действовать, где-то между 1917-1920 гг. [9, л. 91]).

После приостановления в 1919 г. деятельности Алтайской Духовной миссии, местные власти ликвидировали и ее центр в г. Бийске. В апреле — мае 1920 г., по постановлению Бийского уездного ревкома, были национализированы Архиерейский дом и миссионерское катехизаторское училище. Располагавшиеся в их зданиях домовые церкви (в честь Святителя Дмитрия Ростовского и Иоанна Богослова) были закрыты. В освободившихся помещениях были открыты лечебные учреждения. Лишь Архиерейский собор — храм Казанской иконы Божией Матери — избежал этой печальной участи, поскольку он располагался отдельно от резиденции Бийского епископа. Со временем прихожане образовали в нем свою общину, и он перешел в разряд приходских храмов [10, с. 38-39]).

Наряду с вышеперечисленными, прекратили свое существование в период с 1917 по 1920 гг. и две домовые церкви г. Бийска — Космы и Домиана — при тюремном замке, Константина и Елены — при Пушкинском 4-х классном училище [10, с. 38-39]).

Для защиты своих прав и оказания взаимной материальной поддержки, городские, сельские и монастырские общины Бийского уезда образовали 23 марта 1920 года окружной союз христианских общин. Если к закрытию домовых церквей он, в целом, отнесся спокойно, то по поводу национализации Архиерейского подворья — заявил протест. В конце апреля 1921 года его руководство направило в Совнарком жалобу на действия местных властей. Как и следовало ожидать, до правительства это обращение не дошло. Ответ был получен из VIII отдела НКЮ, причем он был адресован не гражданам, выразившим свой протест, а Бийскому уездному ревкому. В нем указывалось, что НКЮ не находит оснований для отмены постановления ревкома о передаче бывшего архиерейского дома под больницу, и что это соответствует декрету об отделении Церкви от государства. Одновременно с этим, VIII отдел НКЮ прислал в г. Бийск и свой циркуляр о приостановлении деятельности союза христианских общин.

В результате «наступательной» политики государства, на Алтае прекратили свое существование все три православные обители: в 1918 г. — Александро-Невский мужской пещерный монастырь (имущество его было конфисковано, монахов же заставили выкопать себе могилу, в которой и похоронили их после расстрела [10, с. 18-19]), в 1920 г. — Барнаульский Богородице-Казанский женский монастырь (он был переименован в сельскохозяйственную Богородицкую трудовую общину). Монахинь «загрузили» срочными заказами по изготовлению флагов, плакатов, значков для 26-й стрелковой дивизии, свечей и т.п. [11, с. 117]. Из-за нехватки помещений, у монастыря, в ультимативном порядке, отобрали почти все здания. Не приостановило «наступление» на монастырь и обращение игуменья Мариамны к председателю губревкома В. Аристову [12, л. 52]. Осенью 1920 г. обитель закрыли, а ее имущество национализировали, а выгнанные монахини разъехались по своим деревням [13, с. 128]. Лишь немногие из них остались в

городе и продолжали «втайне нести свой монашеский подвиг» [12, л. 35. л. 266-267]. Игуменья Мариамна (вместе со своими сестрами — старшей Ксенией и младшей Параскевой) проживала в маленьком домике (на улице Пролетарской, 163). Она трижды арестовывалась органами ОГПУ и НКВД, но каждый раз была оправдана и освобождалась 11, с.130]. После закрытия, Богородице — Казанский монастырь был переименован в «Городок просвещения» и в нем работали «курсы красных учителей». В 1925-1926 гг. в главном монастырском храме (в честь Казанской иконы Божией Матери) была устроена тюрьма [7, с. 102]), в 1920 г. — Бийский Тихвинский женский монастырь (К этому времени из 220 его насельниц осталось только 60, из которых игуменья Ираида организовала «двадцатку» — религиозную общину, в распоряжение которой передали 6 жилых помещений из 37 и главную церковь обители — в честь Тихвинской иконы Божией Матери, священнослужителем при которой состоял Никита Прибытков [10, с. 41]).

В реквизированных же монастырских помещениях власти разместили детдом им. М.И. Калинина. Его «появление» послужило в дальнейшем поводом для закрытия «сосуществовавшей рядом с ним» религиозной общины, а потом и к полной ликвидации обители [14, л. 155]).

Завершая разговор о декрете СНК «Об отделении Церкви от государства», следует отметить, что реализация его положений (национализация небогослужебного имущества, закрытие богословских учебных заведений, благотворительных и просветительских религиозных организаций и т.д.), прошла достаточно быстро, даже в Алтайской губернии, где еще не погас пожар гражданской войны. Правда, работа по регистрации и учету религиозных объединений, составлению и заключению с ними договоров на передачу богослужебного имущества будет закончена только к 1925 г. Эта «затяжка» будет обусловлена двумя причинами: с одной стороны, отсутствием единого централизованного руководства и с другой, — недостатком подготовленных кадров для такой работы.

Но, несмотря на это, реализация вышеперечисленного декрета СНК на Алтае продолжалась. В соответствии с его требованиями, с 1918 по 1920 г. здесь было закрыто 3 монастыря, 2 духовных училища, 5 домовых церквей и Архиерейское подворье в г. Бийске, приостановлена деятельность Алтайской Духовной миссии и отделения «противораскольнического Братства имени Дмитрия Ростовского», реквизировано церковное и монастырское «имущество». Некоторое представление о реквизированном имуществе дает нижеприведенная таблица.

Таблица 1

Имущество, реквизированное
у Алтайских монастырей в 1918-1920 гг.*

Реквизированное имущество	Монастыри			Всего
	Александро-Невский мужской	Богородице-Казанский женский	Тихвинский женский	
Деньги (руб.)	-	109500	-	109500
Земля (дес.)	10	343	331	684
Жилпомещ-ия	10	17	31	58
Мастерские	-	5	6	11
Заводы	-	-	1	1
			(свечной)	
Доходные дома	-	1	2	3
Торговые лавки	1	-	-	1
	(книжная)			

* Таблица составлена автором — Д.С.

Источники: ЦХАФАК. ФР. 9. Оп. 1. Д. 35. Л. 266 — 267; ФР. 531. Оп. 1. Д. 31. Л. 85 — 86.

Как явствует из таблицы, за период с 1918 по 1920 гг. у алтайских монастырей было реквизировано 109,5 тыс. руб., 684 дес. земли, 58 жилых помещений, 11 мастерских, свечной завод, три доходных дома и одна книжная лавка.

Однако подрыв материальной базы и административные гонения на РПЦ не были еще свидетельством победы новой власти над нею. Это был лишь первый натиск на нее, отличавшийся бессистемностью и хаотичностью и

не принесший Советам тех результатов, на которые рассчитывали теоретики большевизма, в частности, Н.И. Бухарин. Большая часть населения страны, несмотря на «жесткие методы отлучения людей от Церкви», продолжала оставаться верующей. Словом, за «конечную победу над опиумом для народа» Советской власти предстояла долгая и жесткая борьба. И она, как мы теперь знаем, будет ее вести все 74 года своего существования.

Библиографический список

1. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000.
2. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). ФР. 430. Оп. 1. Д. 181.
4. Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской православной Церкви XX века. СПб., 1999.
5. Мезенцев Р.В. Православная Церковь на Алтае в 1917-1940 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 2003.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). ФР. 531. Оп. 1. Д.31.
7. Кривоносов Я.Е., Сковцова Т.В. Православные храмы Барнаула (1751 — 2001 гг.). Барнаул, 2001.
8. Палий А., протоиерей. Это было недавно ... // Алтайская миссия. 2003. № 2.
9. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). ФР. 10. Оп. 4. Д. 20.
10. Крейдун Ю.А. История Александрово — Невского пещерного монастыря в начале XX столетия. Барнаул, 2001.
11. Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995.
12. ЦХАФАК. ФР. 9. Оп. 1. Д. 24.
13. Сковцова Т.В. Барнаульский Богородице — Казанский женский монастырь // Православный Алтай. М., 2002.
14. ЦХАФАК. ФР. 690. Оп. 1. Д. 1.

Статья поступила в редакцию 07.03.08

УДК 902

А.С. Фетисов, аспирант ГАГУ, г.Горно-Алтайск.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (на примере Горного Алтая)

В статье на основе привлечения широкого круга источников показан процесс изменения политики государства в области религиозных организаций

Ключевые слова: государство, церковь, государственная политика, религиозная политика, религиозные организации, ислам, буддизм, христианство.

90-е гг. XX в. оказались самыми противоречивыми в истории нашей страны. Уходящая в прошлое коммунистическая эпоха привнесла в жизнь общества, каждого отдельно взятого человека неоднозначные изменения. Они касались не только политики и экономики, но и духовно-нравственных постулатов. Марксистская (как и любая другая) идеология подверглась резкой критике и была «исключена из жизни общества. Это было законодательно закреплено «Декларацией прав и свобод человека» (была принята ВС РСФСР 5 сентября 1991 г.), которая заявила о том, что в стране не должно быть никакой государственной идеологии, «вменяемой в обязанности граждан» [1]. Но, отменив ее, она, увлекшись решением «глобальных проблем», не дала обществу ничего взамен, чтобы определяло систему политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов россиян.

Свалившаяся на их головы «вожделенная свобода», коренные экономические и социально-политические изменения в обществе, «выбили» многих россиян из «привычной колеи». Потеряв в одночасье привычную для себя социальную нишу, определенные «КПСС и Советским государством ориентиры», они не знали, что им делать дальше. Это «растерянность» усугубилась и образовавшимся духовным вакуумом. Всё это вместе взятое и предопределило развитие в России религии и религиозной идеологии как альтернативы государственной идеологии. Произошёл, без преувеличения, настоящий «религиозный бум», которого не знала страна в течение 70

лет. В условиях демократии в новой России стали возрождаться как бывшие «мировые религии» (христианство, ислам и буддизм), так и неизвестные ей до этого религиозные культы. Особое место среди них заняли протестантские направления, бытовавшие в христианстве (адвентисты седьмого дня, баптисты, мормоны и др.), организации «по своему толковавшие христианство» (свидетели Иеговы, мунниты), оккультно-философские религиозные организации, преимущественно восточного толка (сахаджа-йога) и, наконец, организации сектантского типа, часто тоталитарного характера (виссариониты, белые братья). Наряду с ними, стали пропагандироваться и «сатанинские культы», которые почти повсеместно официально запрещены законом. Все эти, вышеперечисленные религиозные организации и получили название «новых религиозных движений (НРД)». Стоит отметить, что большинство их «импортированы» в Россию из-за рубежа, а их успешная конфессиональная практика у нас объяснялась (да и сегодня объясняется) «религиозной всеядностью» россиян, а также хорошей материально-технической базой, которая имеется в их распоряжении.

Наряду с «пришлыми», в некоторых регионах России «зародились» и действуют сегодня традиционные, национальные культы и верования (шаманизм — в Республике Марий Эл, бурханизм — в Республике Алтай). Согласно официальным данным на 1 января 1986 г. в СССР действовало 3040 зарегистрированных религиоз-

ных объединений (и 1386 не зарегистрированных). Спустя 10 лет (на 01.01. 1995 г.), в стране было уже 11532, в 1996 г. — 14688, в 1997 г. — 16017, в 1998 г. — 16749 и в 1999 г. — 17427 религиозных объединений.

На 1 января 2004 г., по данным Минюста России, в России имелось 20215 религиозных объединений [2].

Сложившаяся в стране конфессиональная ситуация характерна и для Горного Алтая. Правда, процесс религиозного строительства у нас проходил менее сложно и не сопровождался ростом социальной и национальной напряженности, как это имело место в центральной России.

В связи с этим, небезынтересно посмотреть, что представляет собой политика государства по отношению к религиозным организациям. И определить ее, что вполне естественно, помогут нам нормативно-правовые документы государственной власти, а также делопроизводственная документация органов, контролирующей деятельность религиозных организаций. Наиболее важными из них, конечно же, являются Конституция Российской Федерации и Конституция Республики Алтай, гарантирующие права и свободы граждан и требующих соответствия всех остальных законов их положениям. В числе других нормативных актов, оказывающих заметное влияние на религиозную ситуацию в стране, следует назвать уже упоминавшуюся выше «Декларацию прав человека» и Федеральный Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997 г.). Именно на них опираются исследователи, изучая религиозную политику государства. В числе их можно назвать А.Красикова, работа которого («Религиозный фактор в европейской и российской политике») достаточно четко прослеживает связь религии и политики [3]. То же самое можно сказать о работах К. Кариайнена, Д. Фурмана («Старые церкви, новые верующие, религия в массовом сознании постсоветской России», Ю.И. Власова («Государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации на современном этапе развития правового общества»), в которых, наряду с описанием общей ситуации в религиозной сфере, приводятся численность религиозных организаций в стране, динамика их роста и др. [2].

Имеются такого рода исследования и в регионах. Для нас особый интерес представляет статья Н.М. Екеевой («Современная этноконфессиональная ситуация в Республике Алтай»), в которой дается экспертная оценка религиозной ситуации в Горном Алтае, анализируется деятельность имеющихся в регионе движений и культов (с четким делением их на традиционные (имевшие длительную конфессиональную практику на нашей территории) и нетрадиционные (не функционировавшие до этого), анализируются проблемы, с которыми сталкиваются религиозные организации в процессе своей деятельности [4, с. 88-91].

Аналогичные вопросы, но несколько в ином ракурсе, раскрыты Н.В. Расовой («Мировоззренческие проблемы взаимоотношений религиозных систем в Горном Алтае»), автор которой, опираясь на архивные материалы, освещает историю возникновения различных религиозных направлений в Горном Алтае (шаманизма, христианства, в т.ч. и старообрядчества, буддизма, ислама), а также развитие нетрадиционных конфессий в крае [5; с. 78-84]. Основными правовыми актами в работе с ними стали (помимо Конституций РФ и РА) законы «О свободе совести и религиозных организациях» (принят 1 октября 1990 г.), уже упоминавшийся закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», а также федеральные законы «О свободе совести» (1991 и 1997 гг.).

Начало религиозному строительству в Горном Алтае (равно как и в России в целом) положила Декларация прав и свобод человека, принятая ВС РСФСР 5 сентября 1991 г., гарантировавшая религиозную свободу (ст. 6); право человека исповедовать (в соответствии со своими

убеждениями) любую религию, или не исповедовать никакой; распространение религиозных или атеистических взглядов; занятие религиозным или атеистическим воспитанием и образованием детей. Гарантировала они и свободу отправления религиозных обрядов (ст. 7). В дальнейшем все это нашло свое отражение в Конституции РФ (принята 12 декабря 1993 г.), «Российская Федерация, — подчеркивалось в ней, — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной. Религиозные организации отделены от государства и равны перед законом» [6, с. 8]. Также признавала она идеологическое и политическое многообразие, многопартийность, равенство общественных объединений перед законом, гарантировала, что никакая идеология не может устанавливаться в виде государственной или обязательной, запретила разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст. 14). Эти основополагающие моменты были продублированы и Конституцией РА (ст. 18) [7, с. 17].

Дальнейшее развитие законодательства в области религии связано с законом «О свободе совести и религиозных объединениях» (принят 19 сентября 1997 г.). Согласно ему, права юридического лица предоставлялись только тому объединению, которое «имеет подтверждение (своего) существования на данной территории на протяжении не менее 15 лет» (ст. 9.1). Такие объединения назывались «организациями», в отличие от «групп», которые не соответствовали требованию о 15-летнем сроке. Отсутствие статуса юридического лица серьезно ограничивало возможности группы, т. к. ей не позволялось обладать собственностью, иметь счет в банке, пользоваться налоговыми льготами, приглашать проповедников из-за рубежа или организовывать образовательные учреждения [8, с. 202]. Коснулся закон 1997 г. и нетрадиционных религиозных организаций и возможных «рисков», которые могут возникать в связи с деятельностью некоторых религиозных групп. Именно этим было продиктовано включение в него ряда положений об их ответственности, связанных с антиобщественной деятельностью данных групп, что позволило эффективно разрешать возникшие проблемы с помощью соответствующих административных и правовых мер, предусмотренных законом.

Наряду с указанными выше ограничениями, осуществлял он и «защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина» (ст. 3.2). Статья 14 перечисляла нарушения, за которые религиозные организации могли быть ликвидированы или запрещены. В числе их значились: «подрыв общественного порядка», «разрушение единства Российской Федерации», «принуждение к разрушению семьи» и т.д. [8, с. 204].

Иначе говоря, закон 1997 г., заявив о праве человека на свободу вероисповедания, в то же время подчеркнул, что оно должно всецело регулироваться федеральными и региональными законодательными актами (ст. 2). При этом он еще раз напомнил, что представляет собой «полная свобода» религиозных объединений в решении канонических, культовых организационных вопросов, в пропаганде вероучения, религиозном образовании и воспитании своих последователей, в делах благотворительности и т.д.

В соответствии с законом, религиозная организация должна ежегодно информировать органы юстиции, её зарегистрировавшей, о продолжении своей деятельности. Не соблюдение этого пункта в течении трёх лет являлось основанием для обращения регистрирующей организации в суд с иском о признании данной религиозной организации прекратившей своё существование. Контролировался ею и установленный порядок создания религиозной организации («учредителями ее должны были быть граждане РФ — не менее 10 чел., — объеди-

нённых в религиозную группу, функционирующей на данной территории не менее 15 лет, документально подтвержденное органами местного самоуправления или свидетельством о вхождении ее в вышестоящую религиозную группу того же вероисповедания, с выдачей последней соответствующего свидетельства» (ст. 9.1).

Учредительным документом религиозной организации является, согласно закону, устав, где должны быть указаны: название, место нахождения, вид религиозной организации, вероисповедания, цели, задачи и основные формы деятельности, источники образования денежных средств и иного имущества организации. Ее ликвидация или запрет на уставную деятельность осуществлялись только по решению судебного органа. Орган юстиции, зарегистрировавший религиозную организацию оставлял за собой право на контроль за соблюдением ею устава относительно целей и порядка её деятельности.

Регламентировал закон 1997 г. и положение организаций, образованных до его принятия: он предписывал им привести свои уставы и другие нормативные документы в соответствие с новым законодательным актом и пройти затем государственную перерегистрацию до 31 декабря 1999 г. Религиозные организации, не сделавшие этого, подлежали ликвидации в судебном порядке. Уставы и иные нормативные документы религиозных организаций зарегистрированные до вступления Закона подлежали приведению в соответствие с настоящим Федеральным законом. Уставы и иные нормативные акты религиозных организаций, не приведённых в соответствие с Федеральным законом, действовали только в той своей части, где они не противоречили Федеральному закону.

Своеобразным продолжением закона 1997 г. стало постановление Правительства РФ («О порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы» (от 03.06.1998 г. №565), которое обязало Минюст РФ проводить религиоведческую экспертизу при государственной регистрации централизованных религиозных организаций, имеющих свои отделения на территориях двух и более субъектов РФ (п. 2), а исполнительным органам последних — принимать необходимые меры по организации на своих территориях государственной религиоведческой экспертизы (п. 3). Ее проводили специально созданные экспертные советы (п. 4). В их состав входили работники органов государственной власти, специалисты в области религиоведения, в качестве консультантов к их работе привлекались специалисты, не являвшиеся его членами, а также представители религиозных организаций (п. 5). Совет имел право запрашивать от органов исполнительной власти, общественных и религиозных организаций информацию, необходимую для проведения экспертизы (п. 9). По результатам экспертизы делалось заключение, дававшее право или перерегистрировать или приостановить деятельность религиозной организации [9, л.14].

На территории Горного Алтая таковой совет был создан 16 июня 2003 г. (распоряжение Правительства РА №309) [10; л. 5], в составе 8 чел. (В.С. Торбоков (председатель), С.Ч. Пустогачева (секретарь) и члены: А.П. Бабин, Н.В. Белоусова, С.К. Носов, Н.В. Расова, Н.В. Туденев и Т.А. Яшева [10, л. 6].

Проводя свою работу, экспертный совет столкнулся с рядом вопросов, связанных с нерешенностью вопросов передачи религиозным организациям и объединениям культовых зданий и иного имущества. Чтобы разрешить эти проблемы Правительство Республики, опираясь на решение федерального центра — от 9.07.1994, за №820 — о создании Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации [9, л.15-16], идет в апреле 2004 г. на создание в Горном Алтае «Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Главе Республики Алтай», который он и возглавил. В его состав вошли: 4 руководителя религиозных объединений (Кобдобаев А.Д. (представитель мусульманской общины), Кожутов Э. (представитель буддистской общины), Кыныев С.К. (представитель организации «Традиционное мировоззрение тюрков Ак-жан»), о. Георгий (Балакин) (представитель Русской Православной Церкви), 3 научных сотрудника (В.Г. Бабин, Н.М. Екеева, Т.А. Яшева) и 3 представителя от правительства (М.И. Лапшин, В.С. Торбоков, С.Ч. Пустогачева) [9, л. 9-10]. В его обязанности входила подготовка предложений по урегулированию вопросов, связанных с деятельностью религиозных объединений; содействие контактам Правительства РФ с религиозными объединениями; выработка рекомендаций по вопросам взаимоотношений Правительства с религиозными объединениями, содействие укреплению общественного согласия, достижению взаимопонимания, терпимости и взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания; изучение проблемы, связанной с поддержанием межконфессионального диалога.

Чтобы решать возникавшие проблемы, Совет собирался на свои заседания, проводившиеся (согласно Положению) 2 раза в год. В перерывах между ними его функции выполнял Комитет по информационной и национальной политике и связям с общественностью, работавший под руководством С.Ч. Пустогачевой.

Заключая все вышесказанное, можно констатировать, что политика государства в сфере религиозных организаций в рассматриваемый период претерпела значительные изменения. Если в начале 90-х гг. государство полностью самоустранилось от этой работы, то в последующие годы происходит ужесточение контроля с его стороны за деятельностью религиозных объединений, что нашло свое отражение в законодательстве, как федеральном, так и местном. Кроме того, государству удалось привлечь в эти годы религиозные организации к диалогу, посредством создания консультативных органов (в т.ч. и между собой) и совместному решению социально значимых для общества вопросов.

Библиографический список

1. Декларация прав и свобод человека // Звезда Алтая. 10.09.1991. №35.
2. <http://www.ostu.ru/conf/soc2002/papers/vlasov.htm>.
3. Красиков, А.А. Религиозный фактор в европейской и российской политике (исторический аспект). М., 2000.
4. Екеева, Н.М. Современная этноконфессиональная ситуация в Республике Алтай // — Горно-Алтайск., Макарьевские чтения. 2004. №4.
5. Расова, Н.В. «Мировоззренческие проблемы взаимоотношения религиозных систем в Горном Алтае»// Макарьевские чтения. Г-Алтайск., 2004.
6. Конституция Российской Федерации. — М., 2003.
7. Конституция Республики Алтай. Горно-Алтайск., 2002.
8. Штерин, М. Взаимоотношения государства и религии. Закон 1997 г. // Каариянен К., Фурман Д. Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании постсоветской России. — М., 2000.
9. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДАРА). Ф. 725. Оп. 3. Д. 9.
10. КПДАРА. Ф. 725. Оп. 4. Д. 16.

Статья поступила в редакцию 18.02.08

УДК 902

Д.В. Чарыков, аспирант ЧГПУ, г. Челябинск

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» (на материале конференций, проводимых Екатеринбургским исследовательским центром «XX век в судьбах интеллигенции»)

В статье (на базе материалов Екатеринбургского исследовательского центра «XX век в судьбах интеллигенции») освещается его роль и вклад в изучение понятия «интеллигенция», обосновывается возможность использования социологического подхода при ее изучении.

Ключевые слова: интеллигенция, научно-исследовательский центр, конференция, работники умственного труда, социальная культура.

Проблема интеллигенции вызывает сегодня у исследователей немалый интерес. Это обусловлено тем, что она (в силу своей профессиональной специфики) занимается изучением всего комплекса наук. Поэтому исследование ее социального и культурного феномена обусловлено определением и уровня достоверности, и качества производимого ею знания. Немалое значение, при этом, имеет и уточнение понятия «интеллигенция». Оно же, по справедливому замечанию исследователей, составляет сегодня «центральную проблему интеллигентоведения» [1, с. 130-132].

Актуальна вышеназванная проблема и тем, что многие авторы отмечают безусловный «семантический беспредел», имеющий место при использовании данной дефиниции. Отсутствие строго научного подхода к ней, естественно, приводит и к разного рода «курьезам». Чтобы избежать их, необходимо универсальное понятие, которое было бы и «непротиворечивым, и исчерпывающим» [2, с. 136]. Не последнюю роль в отсутствии такого рода дефиниции играют как «крайний субъективизм, так и не поддающаяся никаким твердым критериям оценка подлинной, а не мнимой сущности интеллигенции» [3, с. 308-309]. Не секрет, что «у каждого, причисляющего себя к «интеллигенции» или изучающего этот феномен есть свое его видение, свои методологические подходы, свое понимание будущего России и роли интеллигенции в нем» [4, с. 29-31].

Изучение же этой проблемы, как и любой другой, имеет свою специфику. К сожалению, отдельные исследователи, как справедливо подметил А.В.Квакин «пытаясь созерцать свой объект исследования со стороны, не перестают между тем быть частью данного объекта» [1, с. 21]. Именно поэтому «познание» данного понятия, нередко приводит к «саморефлексии», т.е. к опасности попадания в плен собственных пристрастий. С другой стороны, «многие латентные характеристики социального самочувствия у данной социальной группы поддаются, в силу вышеуказанных причин, изучению лишь с помощью традиционных методов сбора и анализа информации» [5, с. 20-21, 140].

Поэтому, приступая к изучению вышеозначенной проблемы, мы отталкивались, в первую очередь, от общепринятого понятия «интеллигенция», но, привнося в него определенные уточнения, выработанные Екатеринбургским центром «XX век в судьбах интеллигенции в России» (руководитель М.Е. Главацкий) — одним из двух официальных центров «интеллигентоведения», существующих в нашей стране (другой находится в Иваново; кроме их существует еще один, правда, неофициальный центр исследования интеллигенции — в Новосибирске).

Анализируя материалы конференций, проведенных центром в 2000-2005 гг., (их проведение он начал с 1993 г. — Д.Ч.), мы выявили весьма интересные «количественные и качественные параметры», относящиеся к дефиниции «интеллигенция». То и другое было порож-

дено 90-ми годами. Они же породили и достаточно сильную исследовательскую «горячку», давшая нам немало смутных, не всегда объективных и взвешенных высказываний, мнений, точек зрения. Поэтому, чтобы не «утонуть» в них, нами отслежен лишь «сухой остаток» того исследовательского периода, названного исследователями «интеллигентоведческим бумом».

Чтобы обеспечить необходимую в таких случаях репрезентативность исследуемых материалов, приведем некоторые статистические данные, выявленные из материалов конференций, проведенных центром «XX век в судьбах интеллигенции в России» в 2000-2005 гг. За это время им было проведено пять научных форумов, в работе которых приняли участие (подсчитано по публикациям — Д.Ч.) 860 чел. Если исключить из этого числа постоянно публиковавшихся авторов, то число участников конференций составит 561 чел., т.е. столько человек высказало свое мнение по проблеме интеллигенции и дефиниции, касающейся ее. Беря во внимание, что состав участников конференции ежегодно обновлялся, в среднем, на половину, то можно с полным правом говорить о постоянном расширении состава участников «опроса». Правда, число лиц, касавшихся интересующих нас вопросов, было значительно меньше, примерно, 31% от общего числа опубликовавшихся. Это связано с тем, что, во-первых, ряд авторов высказался по смежным проблемам. К примеру, в сборнике 2000 г. «Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России», часть авторов затронула вопросы изучения гражданского общества, а в 2003 г., в сборнике «Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения» — проблему изучения культуры. Кроме того, нами были исключены из анализа и материалы историографического характера, характеризовавших позицию того или иного исследователя (публициста) по проблемам интеллигенции (например, участников сборника «Вехи»), если в них никак не прослеживалась точка зрения самого автора. Исключались нами и «фактологические» работ, авторы которых никоим образом не касавшиеся понятия «интеллигенция». С учетом всего сказанного, в поле нашего зрения попали материалы 256 авторов, 203 из которых четко высказали свою точку зрения по интересующим нас вопросам.

В связи со сказанным, нельзя не отметить качественный уровень участников конференции. Согласно «Информации об авторах», почти 2/3 авторов имела ученую степень (половина участников — кандидаты наук, а четверть — доктора наук), остальные — аспиранты, соискатели и студенты. Приведенные цифры, дают возможность говорить и о репрезентативности высказываний участников конференций, поскольку большая их часть являлась квалифицированными специалистами, уровень знаний которых подтверждался официально.

И, наконец, немаловажным моментом было их «географическое представительство». В работе конференций приняли участие представители многих регионов РФ, ученые из Белоруссии, Украины, Италии, Англии и Швеции. Однако нами анализировались лишь работы отечественных авторов.

Отметив необходимые в таких случаях «организационные» моменты, перейдем к существу затронутого нами вопроса — о понимании участниками конференций дефиниции «интеллигенция».

Анализ же интересующих нас материалов (на основе вышеуказанных параметров, позволяющих идентифицировать интеллигенцию как исторический, культурный и социальный феномен), дает право утверждать, что дефиниция «интеллигенция» по-разному понимается научной средой. Подобная ситуация лишней раз подтверждает, что это результат отсутствия «качественного и непротиворечивого определения» понятия «интеллигенция». Подтвердим это несколькими примерами. Взяв за основу классификацию, предложенную О.Ф. Русаковой, с которой согласны многие исследователи, мы поделим всех авторов на две группы: а) сторонники рассмотрения интеллигенции как социальной группы, т.е. те, кто раскрывает данную дефиницию через категорию «образованный класс общества», «работники умственного труда», «духовная элита», «социально-политический медиатор», «производитель духовных ценностей» и б) сторонники, рассматривающие интеллигенцию с позиций этического подхода, т.е. превращая ее в культурный феномен без определенных социальных границ (интеллигенция — «особое состояние ума и души», «совесть народа», «цвет нации» и т.д.). К этой же группе мы отнесли и авторов, акцентировавших свое внимание на служении интеллигенции народу. Однако данная категория очень «расплывчата». При желании (т.е. опираясь на нее) можно причислить к числу интеллигентов и императора Николая I [5; с. 21-22]. Но, не взирая на ее неконкретность, нами установлено, что 162 автора или 68% — это сторонниками социального подхода, а остальные (32%) — сторонники этического подхода. Несмотря на такое деление, следует все же сказать, что из 68% сторонников социального подхода, 11% рассматривают в то же время интеллигенцию и как «духовную элиту», не вводя четких критериев ее вычленения в социальной структуре общества. Кроме того, 14% авторов рассматривают интеллигенцию как производителя духовных ценностей и культуры, что также не позволяет указать определенные социальные критерии данной группы, поскольку носителем и, в соответствии с принципом обратной связи, производителем культурных и духовных ценностей является все общество в целом. С другой стороны, немалое число сторонников социального подхода не привели серьезной аргументации относительно того, почему они используют именно данный подход, указывая его, скорее оперативно, чем в целях конкретной научной работы. Если тут дело в рефлексии, то она наталкивается на ряд трудностей, речь о которых чуть ниже. В этой связи, нельзя не согласиться с А.В. Токаревым, подметившим слабость образовательного критерия в том, что он, во-первых, исторически изменчив, а во-вторых, официальный уровень образования отличается от представлений об образованности, сложившихся в обществе [1, с. 48-49].

Но, не взирая на эти недостатки, попробуем проанализировать особенности социального подхода, поскольку он, в отличие от этического, имеет возможность быть научно верифицируемым, если ввести в него четкие социальные критерии интеллигенции. Итак, начнем с критических аспектов, в частности, образования. Он, хотя социологически изучаем, но не является единственно верным и надежным, как это показали авторы, работающие

над его изучением. Следующий критерий — принадлежность к профессионалам умственного труда. Тут, безусловно, необходимо помнить, что исторически данный критерий возник в рамках советской идеологической модели, которой необходимо было найти место интеллигенции в социальной структуре советского общества. И как результат — она оказалась «зажатой» как в идеологическом, так и в социальном отношении (между пролетариатом и крестьянством, причем, в силу господствовавшей социальной теории, также оказалась «работником», только трудящимся в специфической сфере — умственной). И здесь возникает вполне закономерный вопрос: «А какую человеческую деятельность нельзя назвать умственной»? Не секрет, что даже человек, являющийся частью «конвейерного производства» и руководствующийся «инструкциями», всегда может оказаться в ситуации, требующей «подключения интеллектуальных ресурсов», ибо даже самая «точная и качественная инструкция» не способна охватить всего многообразия мира и всю совокупность технологических и жизненных ситуаций.

Весьма показательным в этом плане является определение интеллигенции, данное М.С. Петренко, аргументированно критикуя этический подход понятия «интеллигенция». Это, по ее мнению, «высокообразованный слой общества, профессионально занимающийся *умственным трудом*, производящий *интеллектуально-духовную продукцию* и осуществляющий трансляцию, распространение и потребление *основных духовных ценностей и идей*» [1, с. 33-34]. Признавая в целом справедливость данного определения, мы все же вынуждены сказать, что отдельные моменты в нем (выделены курсивом) представляются спорными. Некую двусмысленность вышеозвученной дефиниции можно, на наш взгляд, избежать, если увязать деятельность «интеллигенции» с обработкой информации, как предлагает это сделать П.Б. Уваров. Опираясь на положение о принципиальной оппозиционности традиционных (религиоцентристских) и смыслообразующих началах современного общества (сугубая религиозность в первом случае и безрелигиозность, и соответствующая информационная активность во втором) позволяет говорить об интеллигенции как о «слое информационных посредников», социальная функция которого связана с «производством, хранением, тиражированием и передачей информации» [6, с.133]. В этом случае интеллигенция будет выступать как своеобразная «инфократия», системообразующим признаком которой является работа с информацией, а в число ее социальных интересов войдет поддержание неопределенности существования, стремление к унификации социального пространства для оптимизации и усиления информационного обмена, а также требование минимизации внешнего контроля над информационным пространством [5, с. 128-129]. Теперь, когда мы заменили «спорные, на наш взгляд, моменты» в определении, данном М.С. Петренко, на слово «информация», то оно стало созвучным тому, которое дал П.Б. Уваров.

Но, несмотря на всякого рода уточнения, практическое применение дефиниции «интеллигенция», как явствует анализ фактологических работ, обнаруживает, тем не менее, немало трудностей, связанных с семантической неопределенностью данного понятия. В частности, В.А. Порозов, занимаясь изучением провинциальной юридической интеллигенции во второй половине XX в., включил первоначально эту категорию квалифицированных, имевших специальное образование работников юстиции, правда, оговорившись, что критерий образованности условен в силу того, что «факт получения образования не дает необходимых качеств интеллигентности, ибо специалисты-практики, не получившие образования, превосходили образованных коллег» [2, с. 86]. При этом, он подчеркнул, что интеллигентность

есть свойство личности, обнаружив, тем самым, типичный этический подход к дефиниции. Осознавая это, автор признал, что при изучении затронутой им темы «количественные характеристики вряд ли возможны, но то, что в суде, прокуратуре... мы обязательно встретим российского интеллигента — очевидно» [2, с. 86]. Наряду с этим высказыванием, есть и другие. Так, Н. Киселева отнесла к интеллигенции представителей администрации, суда, полиции, людей на общественной и словесной службе и частной юридической деятельности, а также военных [2, с.133]. По мнению же И.Н. Юркина понятие «интеллигент» должно увязываться с определенным уровнем моральных качеств. В связи с этим, он высказал вполне справедливые сомнения относительно критериев включения С.С.Илизаровым «номинантов» в энциклопедию «Московская интеллигенция XVIII в.». Справедливости ради, скажем, что их «туманность» была признана и самим автором, признавшим, что это. «результат отсутствия общепринятого представления о смысловых границах термина интеллигенция, непол-

ной координации его семантических полей в научной литературе и обиходном употреблении» [2, с. 223].

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что в «интеллигентоведении» до сих пор нет четкости и ясности в бытующей в науке дефиниции «интеллигенция», что серьезно затрудняет разработку данной научной проблематики. Поэтому наиболее перспективными (исходя из анализа материалов Екатеринбургского научного центра «XX век в судьбах интеллигенции») представляются подходы, пытающиеся всесторонне и беспристрастно взглянуть на данный социальный феномен и дать ему строго научное объяснение. К числу таковых можно отнести коммуникативную теорию П.Б. Уварова. Разрабатывая проблему интеллигенции, необходимо, как подметил А.В. Квакин, внимать вопросам, задаваемым историком интеллигенцией, для которой «сегодня жизненно важно уяснить уроки своего прошлого, осознать свое место в обществе и увидеть перспективы общественного развития и оценить свою роль в нем» [3, с. 33].

Библиографический список

1. Культура и интеллигенция России XX в. как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения. Материалы научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения проф. Л.М. Зак и 70-летию со дня рождения проф. В.Г. Чуфарова — Екатеринбург, 2003.
2. Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России. Материалы Всероссийской конференции 14-15 апреля 2000 г. — Екатеринбург, 2000.
3. Интеллигенция России и Запада в XX-XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. Мат-лы науч. конф. 28-30 мая 2004 г. Екатеринбург, 2004.
4. Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию «философского парохода». 4-6 октября 2002 г. Пермь, 2002.
5. Российская интеллигенция: критика исторического опыта. Мат-лы Всеросс. конф., посвящен. 80-летию сборника «Смена веков», 1-2 июня 2001 г. Екатеринбург, 2001.
6. Уваров П.Б. Дети Хаоса: исторический феномен интеллигенции. — М., 2005.

Статья поступила в редакцию 18.02.08

УДК 902

А.П. Адлыкова, аспирант ГАГУ, г.Горно-Алтайск

Н.С. Модоров, д-р истор. наук, академик РАГН, проф. ГАГУ, г.Горно-Алтайск

И.Г. Черляков, аспирант ГАГУ, г.Горно-Алтайск

ОСВОЕНИЕ РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В XVII-ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В. И ХРИСТИАНИЗАЦИЯ МЕСТНЫХ «ИНОРОДЦЕВ»

В статье, на основе анализа опубликованных и архивных источников рассмотрен процесс освоения Русским государством Северного Алтая и начальный этап христианизации местного населения.

Ключевые слова: Русское государство, Западная Сибирь, Северный Алтай, «инородцы», «инородческая волость», ясак, «христианизация», священник, старообрядцы.

Закрепление Русского государства в начале XVII в. в среднем течении Томи (благодаря устройству здесь в 1604 г. укрепленного пункта — г. Томска) открыло ему путь на юг Западной Сибири, заселенной многочисленными тюркскими племенами. Немало их проживало и в Правобережье Бии (ныне это территории Турачакского (Республика Алтай), Бийского и частично Солтонского (Алтайский край) районов, а также северное побережье Телецкого озера и Бии с ее притоками (Лебедь, Байгол, Тондошка и другие до слияния Бии с Катунью — Авт.). Наиболее многочисленным из них было, по свидетельству Г.Ф. Миллера, племя «уманов», обитавшее «в верховьях Томи и Оби» и до местожительства которых было «14 дней пути». А возглавлял их «князец Чита» [1, с. 537].

Как полагает большинство историков, под этим этнонимом фигурируют у Г.Ф.Миллера общеизвестные «куманы», именуемые ныне кумандинцами, которые, действительно проживали (и ныне продолжают жить) «в верховьях Томи и Оби» и которых уже зафиксировали в

1628 г. ясачные книги Кузнецкой воеводской канцелярии» [2, л. 535-537]. Позднее кумандинцы «уйдут» — не желая платить ясак русским — несколько на юг и расселятся «по Бие и Катунь рекам» и образуют две своих волости — «Малую и Большую Куманды». Пока же — в конце XVII в. — они проживали в тех местах, которые названы Г.Ф.Миллером.

По соседству с ними жили, как писал в свое время Л.П. Потапов, «керсагалы» [3, с. 110], что подтверждается и полевыми этнографическими материалами, накопленными одним из авторов настоящей статьи, которые свидетельствуют, что «керсагалы» проживали в Верхних и Нижних Кумандах, по Бие вниз, до устья Лебеда...и почти до современного Бийска...По обоим берегам Бии...до Ажинского перевала до сих пор встречаются остатки их селищ и мест захоронений керсагалов (саал)» [4].

Проживали в интересующем нас районе и челканцы, известные исследователям по письменным источникам

первой половины XVII в. В частности, в 1625 г. русские казаки С. Федоров и И. Путимец, посланные воеводами «в Телесскую землю и Щелкалы», сообщали потом своему начальству, что «взяли в Щелканской волости (населенной, главным образом, челканцами — Авт.) с 20 человек ясаку... 20 соболей» [5, с. 115]. Близкородственными им были тубалары, проживавшие в XVII в. в Кузенской, Комляжской, Тиргешской (Кергежской) и Южской волостях, и платившие «государев ясак», как и их, вышеуказанные соседи [6, с. 105]. И, наконец, в «окрестностях Телеского озера» проживали «телесцы» [7, с. 25-26].

Русское государство, естественно, не интересовало: кто «сии инородцы», каких они родов, племен и т.д. Главный его интерес заключался в одном — «кто взимает ясак с этих людей»? [8, с. 32]. Поэтому «доездами служилых, сказками гулящих и охочих людей», а также «расспросами» самих «инородцев», Москве удалось уже к концу второго десятилетия XVII в. установить, что «Обь великая» рождена слиянием двух рек: Бии и Катунь, и что места там «вельми хороши для хлебопашества, охоты, рыболовства» и к тому же «они zelo лесом богаты» [9, с. 56-57]. А прознав про это, она приложила максимум усилий для того, чтобы «приискать оные земли» и включить таким образом их в сферу своего влияния. Этому стремлению русского правительства содействовали, в известной степени, и местные племена («саянцы», «мингаты», «точичи» и др.), искавшие у «урусов» (через содействие телесов — Авт.) защиты от «мунгалов». В частности, князь Самарган, правивший «саянцами», даже обращался с просьбой к царским властям, чтобы «белого государя люди построили свой острог при слиянии Бии и Катунь, дабы защитить нас от мунгалов» [6, с. 534]. Но тогда, в начале 50-х гг. XVII в. — Авт.) эта просьба не была удовлетворена воеводами из-за активного противодействия джунгаров русскому продвижению в Верхнее Приобье: ойратский правитель не желал ни с кем делиться алмазом, который давали ему местные «инородцы» [10, с. 319]. А он, надо сказать, был немалый. К примеру, только аборигены интересующего нас региона давали джунгарам, причём в не малом количестве, «соболей, бобров, куниц, горностаев, красных лисиц и иную мягкую рухлядь, скот, лошадей, ячмень, железо всякое» и изделия из него: «шеломы, пансыри, рогатины, сабли, железцы стрельные (наконечники стрел — Авт.), принадлежности сбруйные» — удила, стремена, пряжки для подпруг и т.д. [3, с. 96 и др.].

Поэтому, зная о «пригожести земель Верхнего Приобья» и понимая какие выгоды сулит их «приискание», Москва настойчиво рекомендовала томским и кузнецким воеводам идти туда, где «Обь великая рождается». Реализуя эти «высокие рекомендации», они снаряжают в течение 1607-1615 гг. несколько поисковых экспедиций в Верхнее Приобье. Наиболее крупным предприятием такого рода стал поход томских служилых людей под предводительством стрелецкого сотника И. Пуштина и казачьего атамана Ф. Константинова в 1614-1615 гг. Его конечным итогом стало подчинение шорцев и обложение их данью [11, с. 16]. Но, чтобы закрепить этот успех, необходимо было иметь здесь надежный форпост. И он, надо сказать, появился в «новоприисканной земле»: в 1618 г. на р. Томи (против устья р. Кондомы) вырос Кузнецкий острог, благодаря которому «саянцы», шорцы, челканцы, тубалары, «телесцы» и часть телеутов были к 1627 г. включены в состав Русского государства [12, с. 41].

Но это было «шаткое» подданство местных «инородцев» Москве. Спустя два года, многие из них (в частности, кумандинцы, тубалары, челканцы и «иные») «отложились» от нее и бежали (чтобы не платить ясак русским) в «Телеутскую землю» [12, с. 41-42].

Чтобы предотвратить подобного рода поползновения «новоподданных», томские воеводы И.Ф. Татев и С.И. Воейков «испрашивают» у Москвы «разрешение дабы проникнуть в Верхнее Приобье и возвести там острог. И таковое им, естественно, было дано. Получив его, они собирают небольшой (60 чел.), но хорошо вооруженный отряд и отправляют его в 1632 г. «на стругах» к месту слияния Бии и Катунь. Однако активное противодействие телеутов, не позволило Ф. Пушину выполнить поставленную перед ним воеводами задачу [9, с. 56-64].

Однако эта неудача не остановила воевод. Они намериваются пробиться в «нужный район» через Телецкое озеро. С этой целью, они направляют туда в феврале 1633 г. («лыжным ходом» — Авт.) отряд служилых людей во главе с сыном боярским П. Сабанским с «твердым» заданием: найти «угоднее место для поставления острога». Наряду с этим, ему было предписано также наносить на карту все обследованные им места. Добравшись до места назначения, П. Сабанский разбил обитавших там телесов и обложил их данью. Однако закрепить русским на Телецком озере не удалось [12, с. 54]. Эта задача будет решена русскими лишь 9 лет спустя, т.е. в 1642 г., когда П. Сабанский будет вторично послан на Телецкое озеро. Прибыв туда, он в очередной раз разбил телесов (в «их городке»), а потом продолжил (по приказу воевод — Авт.) поиски места для строительства острога. Захватившая казаков зима, принудила их «зазимовать» во временном укреплении, возведенном ими на берегу озера. Возвратившись весной 1643 г. в Томск, П. Сабанский предложил воеводам строить острог не на Бии, а на р. Лебедь, где есть «для оного места более угоднее». Однако предложение сына боярского, было отвергнуто воеводами [13, л. 30-36]. Правда, сама идея о закреплении Русского государства в верховьях Оби не была забыта Москвой. Свидетельство тому — ее «всплытие на поверхность» (в несколько измененном варианте: укрепленный форпост предлагалось возвести недалеко от слияния Бии и Катунь) в 1651, 1667, 1673 и 1683 гг. Но ее реализация то и дело срывалась «политическими обстоятельствами». Материализуется она лишь в 1709 г., когда по указу Петра I будет возведена — в указанном месте — «Бикатунская крепость» [14, л. 1-5].

Но все это будет потом, почти семь десятилетий спустя, а пока — в 40-х гг. — кузнецкие и томские воеводы шлют, выполняя указания Москвы, одну экспедицию за другой в Верхнее Приобье, дабы «взять его» под свой (т.е. Русского государства — Авт.) контроль. Об этом им постоянно напоминало правительство, которое, наряду с «тамошними угодными местами» имело — «вельми немалые виды» и на «Калмыцкую торговую дорогу», шедшую по долине Бии и Кондомы, через «плавежную переправу» на Оби, близ слияния Бии и Катунь. Словом, выгода от занятия верховий Оби виделась Москве немалая — и экономическая, и стратегическая [9, с. 57].

Следуя своей, оправдавшей уже себя, политике («лаской и приветом приискивать новые земли», а где это не удастся — применять силу), она заметно расширила к концу XVII в. сферу русского влияния в южно — сибирском регионе. К примеру, только в одном Кузнецком уезде находилось в 1698 г. под контролем Русского государства около 40 «инородческих волостей и улусов» [8, с. 52].

Подобное расширение российских владений в Южной Сибири привело к естественному сокращению сферы влияния джунгарского владельца, чего последний, конечно же, потерпеть не мог. Это обстоятельство послужило причиной обострения отношений в начале XVIII в. между Россией и Джунгарией. Открыто не выказывая своего «неудовольствия», ее правитель провоцирует на антирусские выступления кочевников Алтае-Саянского нагорья, попавших к тому времени в полное подчинение

джунгарам [12, с. 169]. Так, опираясь на их поддержку, совершают в 1700 г. набеги на «русские земли» киргизский князец Корчинко Ереняков (напал на Томский уезд) и калмыцкий князец Тонгыстай (на Рождественский монастырь)» [15, л. 1, 73-74]. Выступили, поддавшись провокациям джунгаров и алтайские «инородцы», в частности, жители Кумандинской, Комляжской и других волостей. Нарушив присягу, данную на верный «великому государю», многие из них, как доносил по инстанции воевода, «вначале отложились, а потом бежали в Саяны» [8, с. 54].

Неспокойная обстановка, сложившаяся на юге Сибири, побуждала правительство России к «наискорейшему занятию» низовой Бии и устройстве там опорного пункта, который бы защитил русские уезды от вторжений кочевников, а также способствовал бы расширению сферы российского влияния на этом направлении. Именно эти обстоятельства и обусловили появление указа Петра I, который весной 1708 г. поступил в Кузнецкую воеводскую канцелярию. В соответствии с ним, воеводе М. Овцыну предписывалось, «не отлагая, построить на реках Бии и Катунь...острог со всякими крепостями для защиты от приходу воровских калмыцких и киргизских воинских людей» [16, л. 4-5].

Тон и категоричность «высокого повеления» исключала даже намеки на его невыполнение. Поэтому, «благодаря дисциплинированности и расторопности кузнецкого воеводы», царский указ был выполнен: летом (18 июня) 1709 г. «русская крепость» встала на месте «слияния Бии и Катунь» [12, с. 173].

Появление в истоке Оби важного военно-стратегического пункта «урусов» никак не соответствовало планам набиравшего силу джунгарского правителя Цэван-Рабдана. Он понимал, что с появлением данной военной крепости практически закрывался доступ ойратам, кыргызским и «иным кочевым владетелям» в Верхнее Приобье, что прерывало, по сути дела, многовековую хозяйственно-экономическую эксплуатацию ими местных кочевников. Иначе говоря, появление Бикатунской крепости «передавало» последних в «безраздельное владение урусов». Этого джунгарский контайша допустить не мог. Поэтому он и его «союзники» сделали все для того, чтобы ликвидировать «опорный пункт урусов» в Верхнем Приобье. Поступавшие в 1709 г. в Москву сообщения из Сибири стали неизменно содержать известия о набегах на «вверенные им уезды» киргизов, калмыков и «контайшинных людей (джунгаров — Авт.), кои деревни...сена и урожай на полях жгут, а людей кои на полях работали...в полон берут...» [16, л. 9-10].

Набеги «кочевых воинских людей» понудили местные власти принять ответные меры. Так, кузнецкий воевода М. Овцын донес по инстанции, что 23 августа 1709 г. им были посланы против «набежников» кузнецкие служилые люди, «кои побили оных... отбили полоненных русских и ясашных... и их кошт (имущество — Авт.) ...и разогнали набежников» [16, л. 9-10].

Однако временные неудачи не обескуражили последних, и они с удвоенной энергией ударились в «новые набеги». В ходе одного из них им удалось (в 1710 г.) сначала «разрушить», а потом и «сжечь Бикутанскую крепость» [8, с. 56].

Реальная опасность, которую несли набеги джунгарских феодалов и их «союзников», их алманские акции, наносившие немалый урон «государевой казне», понудили сибирскую администрацию — в срочном порядке — пополнить «пограничные гарнизоны» людьми, вооружением и боеприпасами. В частности, в начале 1715 г. в Кузнецк прибыл из Томска отряд конных и пеших казаков (274 чел.) под командой О. Качанова, а в середине лета — другой (760 чел.), который привел из Тобольска полковник Черкасов [17, л. 51].

«Проведав об этом», и джунгары не стали «таиться». По словам кумандинцев, промышлявших в низовьях Бии, они «подсмотрели (а говорилось это «кузнецкому дворянину Ивану Максюкову — Авт.)...многие палатки...в устье Бии и Катунь, на месте, где был преж сего поставлен... острог (Бикатунская крепость — Авт.). И при тех палатках людей много число и к ним через Бию другие переплывающа... А по признаку... те люди, воинские» [17, л. 8-8об].

Накопление той и другой стороной «воинских сил» создало в южно-сибирском регионе почти критическую ситуацию. Достаточно было одного «опротечивого шага» со стороны «урусов», чтобы это многолюдное войско» двоюродного брата джунгарского хана — Цэвана-Рабдана — напало, по словам жителей Кузнецкой и Комляжской волостей — Б.Карашева и Е.Бобугаева — на русские поселения и «инородческие волости» [12, с. 180].

Но, противоборствуя с Россией в Южной Сибири, Цэван-Рабдан в то же время стремился «не перегнуть палку», т.е. не довести дело до военного конфликта. Объяснялось это довольно просто: джунгарский хан находился в постоянной вражде с Цинской империей за Тибет, а с казахскими феодалами — за господство в Семиречье. Поэтому разрыв с Россией поставил бы Джунгарию в крайне сложное положение. В свою очередь, и Петр I, связанный войной со Швейцарией, также не имел возможности «одним ударом» закончить (в свою пользу) спор с «беспокойным и самоуверенным северным соседом». В силу этого, их противостояние перешло в «дипломатическую войну», в ходе которой каждая из сторон «аргументировано» обосновывала «свое право» на господство в Верхнем Приобье. А «та земля на Бие и Катунь», — писал в одном из своих посланий Петр I в 1715 г. джунгарскому контайше, — где был построен город, его царского величества, и те земли Сибирские, а не твои контайшинины, потому что сибирские реки, Обь...Енисей и Лена, искони Сибирские, и от устья, где впади в Северное море и до гор, из которых те реки потекли» [18, №22]. Однако такая аргументация не убедила Цэван-Рабдана и он продолжал взыскивать алман с населения Северного Алтая.

Учитывая «непримиримость» джунгарского правителя, российское правительство избрало (как потом покажет время) «умелую тактику»: оно укрепило «воинскими силами» Кузнецкий гарнизон (21 мая 1717 г. он «прирос» в общей сложности, как уже было сказано выше почти на 1000 чел.) и, не обращая «сильного внимания» на «местные конфликты и стычки» (правда, не упуская случая и наказывать «набежников»), продолжало, пусть медленно, но неуклонно продвигаться вверх по Оби, закрепляя тамошние земли с помощью «новопоставленных острогов» (Чаусского, Бердского и др.) [17, л. 14-15 и др.].

Следуя данной «стратегии», правительство планировало построить «крепости и остроги» на устье Бии и Катунь, на «Алтын-озере», на Чумыше и в ясачных волостях Северного Алтая. И, надо сказать, оно реализовало (правда, не в полной мере) свой план: в 1717 г., благодаря мобилизации значительных «материальных и людских ресурсов», кузнецкие и «иных городов люди поставили Белоярскую крепость» (близ нынешнего Барнаула — Авт.), а в 1718 г. — на правом берегу Бии, выше ее устья, Бийскую крепость [8, с. 60].

Появление двух новых форпостов с достаточно сильными гарнизонами, позволившими русскому правительству закрепить за собой междуречье Оби и Томи, не смутило джунгаров и их союзников: они, как ни в чем не бывало, продолжали «наведываться в государевы ясачные волости» и взыскивать с их населения дань. Об этом не замедлили донести в Кузнецк родовые старосты

Кергежской, Комляжской, Кумандинской и Щелкальской волостей, что прибыли к ним в декабре 1718 г. «конташинины сборщики, в 649 человеках и взяли с нас... со всякого человека... алмана за 2 года по 12 соболей... оные сборщики и грабеж в волостях чинили» [17, л. 13].

Действия подвластных джунгарскому хану людей в южно-сибирском регионе воочию показывали, что возводимые русским правительством здесь крепости и остроги вызывают неприязнь Цэван-Рабдана и могут стать очередным поводом для обострения отношений с ним. Чтобы не допустить этого, Петербург активизировал свои усилия на дипломатическом поприще. Именно эти задачи решали посольские миссии майора И. Лихарева (1719 г.) и капитана от артиллерии И. Унковского (1722-1723 гг.) [8, с. 60-61].

Но, идя на дипломатический диалог, русское правительство понимало, что переговоры с джунгарским ханом (в обстановке его временного «замирения» в борьбе с Цинской империей) — это лишь кратковременное «спокойствие» на юге Сибири, которое в любой момент будет нарушено. И, действительно, так вскоре и случилось. В «спорных районах» Южной Сибири вновь появились джунгарские сборщики дани, остановить которых не помогали ни сила, ни дипломатия. В этой сложной для себя ситуации сибирская администрация прибегает к весьма хитроумной уловке, чтобы проникнуть в новые районы, в частности, на Алтае, и попробовать закрепить там. Она делает это под видом «поиска рудных мест», против которого не возражали джунгары. И, надо сказать, этот маневр удался. Интерес русских к «приисканию рудных мест», действительно, успокоил ойратов, поскольку «рудоискатели» не предпринимали каких-либо попыток к взятию дани или ясака с населения тех районов, куда они проникали.

А фиктивные поиски русскими «рудных мест», привели их, тем временем, (совершенно случайно) к действительным открытиям: в 1725 г. по р. Алею и на Змеевой горе были обнаружены богатые месторождения руд, о чем тут же было доложено в Екатеринбург. «Прибравшему» их к своим рукам А. Демидову, было разрешено построить «на оных» медеплавильный завод, каковой и был им устроен в 1726 г. на р. Локтевке [19; с. 39-48]. Однако прибывшие осенью 1727 г. из Екатеринбурга горные специалисты «нашли» его месторасположение «крайне неудачным» и посоветовали хозяину «устроить» завод на притоке Локтевки — р. Белой. Вставший здесь вскоре завод стал называться в дальнейшем — «Колывано-Воскресенским» [19, с. 48].

Пограничное положение завода понудило его хозяина тут же позаботиться об охране своего «детища», ибо, не успев еще дать первую плавку, он сразу же превратился в «перспективный» для кочевников объект нападения. «Колыванские заводы Демидова, — доносил уже в июне 1728 г. в Тобольск кузнецкий воевода, — [подверглись] нападению неприятельских воинских людей... кои отогнали [оттуда] 3790 лошадей и ранили там 2 человека» [20, л. 382].

Русское правительство внимательно следило за развитием демидовских заводов на Алтае, ибо они (хотя и были частными предприятиями, в то же время) представляли собой передовой форпост Российского государства, откуда оно намеревалось — в дальнейшем — шагнуть дальше — вглубь южно-сибирских просторов. Однако о планах и намерениях правительства, естественно, не ведали «гулящие, вольные, беглые, старообрядцы и иного звания русские люди». «Прельщенные» природными богатствами Алтая (пушным и копытным зверем, разной дичью, рыбой, удобными для «хлебопашества, скотоводства и пчеловодства местами», а также «запасами строевого леса»), они устремились (на свой страх и риск) в его просторы. В погоне за этими, Богом данными «дарами» русские землепро-

ходцы проникли в начале XVIII в. в низовья Катунь, в бассейны Песчаной, Алея, Чарыша и других рек, а также в Правобережье Бии. Избрав понравившееся место, они начинали обустраивать его — «заводить избы, иные строения», давая тем самым начало населенному пункту. Именно таким образом появился, к примеру, «заселок Тондошка». В 1726 г., как явствует из источников и имеющихся материалов, на его месте появились два православных монастыря, «коих мирно приняли тубалары из рода «кузенов». Скромные и «тихие пришельцы» возвели на облюбованном месте (не без помощи «тамошних инородцев — Авт.) первое деревянное строение — «храм (скорее всего, часовню — Авт.) и стали обживать». Именно этим монахам отдают источники приоритет не только в «зарождении села», но и называют их первопроходцами в деле «знакомства местных инородцев со светом веры Христовой» [4].

Но, прежде, чем говорить о проникновении и распространении православия в Северном Алтае, вкратце напомним о религиозных воззрениях тамошних аборигенов. Они же, как явствует из разных источников и свидетельств, с давних пор исповедовали шаманизм (ранняя форма религии, основывающаяся на представлении общения шамана, во время камлания, с духами — Авт.), о котором подробно рассказано Л.П. Потаповым в его работе «Алтайский шаманизм» (Л., 1969). Коренное население Северного Алтая почитали, как и все алтайцы, «хозяина» горы, земли, огня, воды и др. Каждый род имел свой «родовой пенат» (гору, родовую территорию — Авт.), который был понятен и доступен каждому члену рода и четко осознавался им. К примеру, у тубаларов издревле почиталась гора Салоп (Кузенташ). Таковая имелась и у кумандинцев, название которой переводилось как «дети гор» [21, с. 153-154].

И вот, наряду с этим, традиционным для местных аборигенов религиозным мировоззрением, в их духовную жизнь стало внедряться в XVII в. (с приходом русских) новое, доселе неизвестное им — православие. В связи с этим, встает закономерный вопрос: «Как же оно проникло в Правобережье Бии, в район, далеко отстоящий от «Калмыцкой торговой дороги», и вообще от каких-либо известных людям путей сообщения? Ответ на него видится один: православие проникало сюда вместе с первыми служилыми людьми и шедшими за ними «промышленниками» и «самовольными поселенцами». Свидетельством этому могут служить уже упоминавшиеся выше «военные экспедиции» П. Дорофеева, И. Пущина, П. Сабанского, Б. Зубова и других атаманов. Правда, проку от этих походов для распространения православия в Северном Алтае и «христианизации» тамошних аборигенов было мало. Более того, на этом этапе освоения данного края больше имела место «дехристианизация» служилых людей и первых православных поселенцев. Об этом, в известной степени, свидетельствуют жалобы сибирских воевод. «А пашенные люди, — гласит одна из них, посланная в 1623 г. по инстанции, — живут не по-христиански: крестов... не носят... сред и пятниц (постные дни для православных — Авт.) не почитают, едят [вместе] с некрещеными татари всякую скверну и... с татарскими... женками живут» [7, с. 18]. Чтобы прекратить подобные «непотребства», местные администраторы предлагали крестить «ясачных людей», особенно, «особ женского полу, коих (естественно, православных — Авт.), в Сибири очень не хватало. Однако священники, понимая «формализм» данной акции в отношении «татарских женок и девок», в большинстве своем, не шли на такую «христианизацию». И лишь уступая воеводскому «произволу», они осуществляли «крещение татарок», дабы выдать их потом замуж за служилых людей». Подобные крещения, по признанию священников, являлись «не светом для заблудившихся в язычестве татарских душ», а «орудием

ложного обрусения черневых татар» [7, с. 18]. И в этом священнослужители были, безусловно, правы. Потому их жалоб местные власти остерегались и шли на «нарушения» лишь в исключительных случаях.

Но подобная ситуация была характерна лишь для прошлых веков, когда Церковь занимала в государстве «главствующее место». Правда, справедливости ради, следует отметить, что нередко и в «стародавние времена» светская власть вмешивалась порой в церковные дела. Но, несмотря на это, положение церкви в государстве было неизменно: не одному царю и в голову не приходило, что «ее можно было отвергать». Однако «ржа», единожды коснувшись взаимоотношений «государство — церковь», осталась в них, укоренялась и стала «разъедать» не только вышеназванные отношения, но и «русскую духовную жизнь и русскую святость» [22, с. 30]. На эти «неприятные для церкви и государства моменты» не раз указывали историки. «На заре своего бытия, — писал по этому поводу один из них, — Древняя Русь предпочла путь святости пути культуры. В последний свой век XVII — Авт.) она горделиво утверждала себя как святую, как единственную христианскую землю. Но живая святость уже покинула ее. Петр разрушил лишь обветшалую оболочку Святой Руси» [23, с. 197].

Издав 30 декабря 1701 г. свой указ, «преобразователь» последней констатировал, что отныне не существует проблемы «церковь-государство», а посему в стране все должно быть подчинено «ее пользе» [24, с. 297-298]. Этот высокий вердикт сразу же был принят властными структурами «к исполнению». Правда, на далеких окраинах Русского государства (в частности, в Сибири) все делалось «с оглядкой». Не стало исключением в этом плане и «антихристово (по выражению старообрядцев — «кержаков» — Авт.) глумление над Христовой верой». Отныне они стали «главными проповедниками». Этим искателей «вожделенного Беловодья» приютила и в «немалом количестве» Правобережная и Прителецкая чернь. Именно благодаря им, появились здесь «Огни, Данилкино, Пьянково и другие заселки» [7, с. 129]. Завязывая «дружеские» контакты с местными «инородцами», старообрядцы знакомили их с «христианским образом жизни» и «со своей верой». Однако «тамошние татаровья» трудно воспринимали «истинную Христову веру», преподносимую им соседями-старообрядцами». А потому и хранили они у себя рядом с иконами, подаренными им последними, своих «языческих божков», регулярно моля их о ниспослании им добра, одаривая потом их за службу молоком, мясом, аракой и другим

по своим «издревле сложившимся обычаям и обрядам» [4]. С аналогичной ситуацией столкнутся здесь, полтора столетия спустя, миссионеры Алтайской Духовной миссии. «В домах у них («черневых татар» — Авт.), — напишет потом в своих воспоминаниях протоиерей М.В.Чевалков, — есть образа (т.е. иконы — Авт.), а у некоторых... и камские бубны». На замечание миссионера о том, что они крещенные и держать у себя атрибут язычества — «камский бубен» — не положено, его собеседники отвечали: «Мы хотя и крещенные, но жить без камлания — не можем» [25].

Если ситуация с «христианизацией» аборигенов Северного Алтая была таковой во второй половине XIX в., как ее описал протоиерей М.В.Чевалков, то что уж говорить об этом применительно к началу XVIII в. Опираясь на отрывочные сведения о том времени, извлеченных из воспоминаний и дневниковых записей путешественников, можно с полным основанием согласиться с утверждением старообрядцев, осевших в Правобережье Бии и в Прителецкой черни, что тамошние «инородцы и после проведенного нами их крещения, даже понятия не имели о вере Христовой, не умели изобразить на себе крестного знамения, не знали не одной молитвы, а также не помнили имен, данных им при крещении». Потому-то среди крещенных «черневых татар» (это было присуще «инородцам» не только Саяно-Алтая, но других регионов Сибири — Авт.) самыми распространенными именами были: «Петр и Иван» — у мужчин, а у женщин — «Марфа и Анна» [4].

Более «значимые результаты в деле «христианизации инородцев» принесла «вольно-народная колонизация Алтая, в т.ч. и Северного. Русские крестьяне, проникая в «облюбованные ими места», знакомились с тамошними аборигенами, а установив с ними «дружбу», оседали там, заводили свое хозяйство, знакомили новых «товарищей» с «правилами» его ведения, не упуская возможности и перенимать «местный опыт в хозяйственном деле». Правда, говорить о какой-либо миссионерской роли русских крестьян по отношению к аборигенам на данном этапе (в силу изменившегося в начале XVIII в. положения Церкви в государстве), конечно же, не приходится. Она, если говорить в целом о Сибири, еще как-то «теплилась» здесь в бытность «активного проповедника православия Филофея Лещинского». С его же смертью, целенаправленная работа по «христианизации инородцев Сибири», в т.ч. и Северного Алтая полностью прекратилась.

Библиографический список

- Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. — Иркутск, 1937.
- Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 21. Оп. Д. 7.
- Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969.
- Личный архив И.Г.Черлякова.
- Оглоблин Н. Обзорение столбцов Сибирского приказа. Т.1. — М., 1895.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII. — М., 1960.
- Сатлаев Ф.А. Горный Алтай в период феодализма. — Горно-Алтайск, 1988.
- Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: социально-экономические, политические и культурные связи (XVII-XIX вв.). — Горно-Алтайск, 1996.
- Модоров Н.С. Надежд великое начало. Очерки по истории Алтая второй половины XVI-XVII в. — Бийск, 2002.
- Дополнения к Актам историческим. Т.III. — СПб., 1858.
- Черляков И.Г. Освоение Южной Сибири Русским государством в начале XVIIв.//Вестник ТГУ. Бюллетень оперативной научной информации. №95. — Томск, 2006.
- Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII-XVIII вв. — Новосибирск, 1980.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Кн. 11.
- РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1506.
- АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 150.
- РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1962.
- Там же. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3.
- Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн.II. — СПб., 1885.
- Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири. — Новосибирск, 1960.
- РГАДА. Ф. 248. Кн. 725.
- Черляков И.Г. Легенды Кузнецкого // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып. 10. — Горно-Алтайск-Бийск, 2006.
- Адлыкова А.П. Монастыри Алтайской Духовной миссии во второй половине XIX-начале XX века. — Горно-Алтайск, 2006.
- Федотов Г. Святые древней Руси. — М., 1990.
- Николай, архиепископ. История Русской церкви. — М., 1990.
- Памятное завещание. — Горно-Алтайск, 1990.

Статья поступила в редакцию 18.02.08

Раздел 5

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ

КУРАТОР
РАЗДЕЛА

Анатолий Андреевич Шаповалов — доктор педагогических наук, профессор Барнаульского государственного педагогического университета, г. Барнаул.

РЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Надежда Ивановна Кудирмекова — кандидат педагогических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

РЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Павел Николаевич Карплюк — кандидат педагогических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета, директор Регионального центра обработки информации, г. Горно-Алтайск.

УДК 01:001.837

***В.И. Ревякина**, д-р. пед. наук, профессор ТГПУ, г. Томск*

КОНЦЕПЦИИ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматривает вопрос: «Каким быть образованию в XXI веке и каким будет специалист ближайшего и отдаленного будущего?». С этой целью исследуются устоявшиеся к настоящему времени реалии, наметившиеся тенденции и возможные перспективы, имеющиеся концепции послевузовского образования.

Ключевые слова: послевузовское образование, идеология подготовки специалиста, наукоемкость и культуроемкость образования, общечеловеческие ценности, концепции вузовского и послевузовского образования.

Заглядывая в будущее, нельзя не заметить, что жизнь намного богаче предположений, она постоянно вносит множественные коррективы. Поэтому речь в данной статье может идти только о принципиально важных проблемах.

Размышляя о содержании подготовки специалистов педагогического, инженерного или любого другого профиля, важно представлять общественные потребности и потребности самой личности, а также изменения, которые непрерывно происходят в науке, технике, производстве, социальной сфере. Известно, что требования к подготовке специалиста формируются вне сферы образования, они исходят из общественных и экономических целей государства. Следовательно, неизбежной является прогностическая функция, из которой вытекают новые требования к знаниям, умениям, навыкам, способностям, профессионально значимым личностным качествам специалиста. До недавнего времени преимущественное влияние на постановку целей и формирование содержания образования имела старая идеология подготовки специалиста: он готовился под конкретное место в функциональной структуре экономики и социальной сферы страны [3].

Новой тенденцией становится подготовка специалистов двойной компетенции. Например, в настоящее время выпускник Томского политехнического университета наряду с инженерной подготовкой получает вторую специальность переводчика. Известно, что двойная компе-

тенция расширяет области, функции, виды профессиональной деятельности. Она предлагает интеграцию разнородных полей профессиональной деятельности, разнородных технических, технологических и гуманитарных знаний. Необходимость такой подготовки детерминруется усилением интеграционных процессов в социальной и производственной сферах общества, а также в социально-управленческой деятельности.

Важнейшее требование наступившего XXI века — высокая квалификация, отражающая качественную сторону подготовки специалистов, совокупность человеческих возможностей и способностей достойно выполнять функции своей профессиональной деятельности. Необходимость получения высокой квалификации требует повышения уровня содержания образования, его фундаментализации, методологизации.

Общеизвестный факт: ведущей тенденцией XXI века намечается рост наукоемкости и культуроемкости образования. На смену единому образованию, некогда полученному, как ранее считалось «на всю жизнь» приходит высшее образование, рассматриваемое сегодня как база для дальнейшего непрерывного совершенствования профессионального уровня специалиста на протяжении всей жизни. Целый ряд ведущих мировых держав (Япония, США, Германия) к настоящему времени уже заявили о готовности перехода к всеобщему высшему образованию как к основе для дальнейшего личностного, профессионального и научного роста специалистов.

Бесспорно, образование в XXI веке призвано стать основным механизмом воспроизводства общественного интеллекта, обеспечивать опережающее развитие не только интеллекта, но также всех других социально значимых качеств личности.

В основе модели образования в XXI веке, по прогнозам экспертов, мыслится принцип опережающего развития образовательного потенциала по отношению к материально-техническому потенциалу, так как по природе своей они находятся в диалектическом единстве.

Успешная реализация опережающего развития образовательного потенциала возможна через такие принципы как «опережающее развитие науки», «опережающее развитие воспроизводства педагогических и научных кадров высшей квалификации» для различных областей науки, культуры, образования, социальной сферы.

Какое влияние оказывают новые рыночные отношения на состояние и перспективы развития образования? Исследователи отмечают, что особое значение имеет такой феномен, как рынок труда. Безусловно, рыночные отношения являлись всеобщей нормой и тенденцией в мировой экономике. Однако и в этих условиях только профессионализма, предприимчивости недостаточно для человека в обществе, также необходимы такие общечеловеческие ценности, как высокая порядочность, честность, соответствие морально-правовым нормам. Опыт ведущих мировых держав доказано, что бизнес, например, без моральных устоев недолговечен и непрочен, что мораль не менее важна, чем профессионализм, гарантированный соответствующим образованием.

В соответствии с новой парадигмой цель образования молодежи должна прежде всего заключаться в создании условий, необходимых для максимально полного освоения личностью и материальной культуры, и духовных ценностей, накопленных человечеством; помочь человеку в формировании и раскрытии его личностного потенциала.

Образование призвано способствовать ментальной совместимости человеческих сообществ и социумов как важнейшему условию движения человечества к духовной интеграции, помочь людям вернуть веру в высшие идеалы и ценности.

Таким образом, новые тенденции и новые требования не могут не учитываться при проектировании содержания образования специалистов настоящего и будущего времени, а долгосрочное прогнозирование развития образования может осуществляться путем моделирования трех основных стратегий:

- обеспечение социального спроса населения на получение образования;
- обеспечение потребности социальной сферы и экономики в высококвалифицированных специалистах;
- обеспечение необходимой устойчивости развития высших учебных заведений и их структурных подразделений «Послевузовское образование».

С одной стороны, педагогическое проектирование немыслимо без нормативной основы, регламентирования целей, принципов, этапов, процедур. С другой стороны, это процесс творческий, где наряду с логикой присутствует способность видеть завтрашний день, новые тенденции в содержании, формах и методах образования; умение предвидеть и обеспечивать успешные результаты. Мировой опыт подтверждает, что научное предвидение, в том числе и в реформировании сферы образования, возможно и вполне реально, поскольку будущее есть продолжение прошлого.

Одним из важнейших средств реализации идеи самосовершенствования личности всегда считалось образование. Сегодня идея самосовершенствования человека за счет непрерывного образования мыслится как функциональное включение человека в образовательный процесс или в систему организационных мер, обеспечи-

вающих формирование внутренней личностной мотивации к постоянному восхождению по образовательной лестнице. Как справедливо утверждают исследователи феномена непрерывности, это самодвижение личности является для нее способом выработки смысловых, жизненных ориентиров, включая и профессионально-образовательный, одной из важнейших стратегических линий самореализации средствами образования.

Таким образом, идею непрерывности образования следует воспринимать как путь научного и творческого роста личности, конструктивного преодоления ситуаций социального и профессионального жизненного кризиса [1].

В настоящее время, в условиях включения России в общеевропейские рамки требований Болонской конвенции, где жестко задана двухуровневость высшего образования, а послевузовский этап предъявляет еще большие ограничения для непрерывного научного роста, имеет смысл не копировать слепо зарубежный опыт, а сохранить устоявшиеся и эффективно работающие российские традиции подготовки преподавательских кадров высшей квалификации посредством обучения в аспирантуре и докторантуре. В этом плане для России гораздо полезнее в целях сравнительного ознакомления изучить самодостаточный опыт США на основе анализа нормативных документов, публикаций деятелей высшего образования этой страны и научных разработок американских ученых самой разной специализации о развитии американской концепции послевузовского образования (докторантуры) и ее моделей как традиционного, так и новаторского типа. В этой высокоразвитой стране именно докторские исследования и программы являются основной формой подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации для вузов США [2].

При разработке концепции высшего образования и стратегии его развития в России также было бы полезно учесть такое достижение американской высшей школы, ее высшего звена — докторантура — как профессиональная автономия. Строгое соблюдение американской докторантурой принципа академической свободы от идеологических рамок обеспечивает необходимые условия для независимых научных исследований, свободного выбора тем исследователями без жесткой зависимости от политической конъюнктуры и социального заказа, что снижает вероятность искусственного ограничения научных интересов и непродуктивной концентрации исследовательских сил на отдельных темах и направлениях научной мысли.

Мировая практика доказывает, что принципы академической свободы и научного плюрализма обеспечивают широкую методологическую базу исследований, способствуют обогащению и развитию науки.

Что касается непрерывности образования в контексте научной карьеры российских исследователей гуманитарного профиля, то необходимо указать характерные для современной действительности возможные пути карьерного роста молодых ученых.

Среди них как наиболее реальные и довольно распространенные способы применения интеллектуальных и творческих сил человека с ученой степенью гуманитария укажем некоторые: преподаватель вуза, сотрудник научно-исследовательского учреждения, работник архива или музея, директор общеобразовательной школы или профессионального училища. Кроме этого, наряду с повышением научной и профессиональной квалификации, необходимо отметить укрепление в социуме статусной позиции обладателя ученой степени, повышенную востребованность такого специалиста, актуализацию возможностей получить работу не только в своей стране.

Без сомнения, вышеперечисленные виды деятельности привлекают своей гуманной направленностью, креативностью, благородны по сути, всегда ценились населением. В качестве еще одного безусловного преимущества

научная профессиональная занятость педагогического характера является надежным гарантом трудоустройства при самой жестокой безработице. Недостаток один, но чрезвычайно существенный: материальное неблагополучие профессии, однако именно это обстоятельство является главным тормозящим фактором при планировании карьеры молодым человеком с вузовским дипломом гуманитария. Общеизвестно, что гуманитариям-педагогам, даже если они обладатели ученых степеней и званий, исключительно редко удается занять престижные и хорошо оплачиваемые должности советников (консультантов) ответственных VIP-чиновников или руководителей отделов в административных структурах.

Однако в сравнительном плане подчеркнем, что и в России, и в США, и в любой другой развитой стране гуманитариям даже с самой высокой научной квалификацией выстроить свою карьеру намного труднее по причине перепроизводства данных специалистов. Прогресс научно-производственной сферы сегодня во всем мире диктует повышенную востребованность кадров инженерно-технических направлений, а не гуманитариев.

Остановимся все-таки на педагогических карьерных возможностях тех молодых людей, которые вопреки всем вышеперечисленным лекторам избрали путь повышения научной подготовки через аспирантуру. Думается, самое главное при этом — осознанность выбора, так как именно от внутренней мотивации личности зависит успешность обучения, эффективность исследовательской работы и, следовательно, повышенная конкурентоспособность на педагогическом поприще.

В этой связи стратегия подготовки научно-педагогических кадров для регионов Сибири и Дальнего Востока в условиях Института теории образования ТТПУ может рассматриваться как многолетняя программа-максимум. Образовательная лестница будущих потенциальных светил науки по стратегическому замыслу включает следующие ступени: студенческий этап, завершаемый отлично выполненным дипломным проектом и получением «красного» диплома — далее этап стажировки, возрожденный решением Ученого совета университета — затем этап обучения в аспирантуре, заканчивающийся при благополучном исходе своевременной защитой диссертации, после чего возможна преподавательская работа в вузе. Это еще не финал. Творческая личность через определенный промежуток времени ощутит острую потребность дальнейшего научного роста и выберет для себя наилучший способ — обучение в докторантуре. Общеизвестно, что истинного трудолюбия в науке не остановит наличие диплома доктора наук, его удел — последующее непрерывное научное самосовершенствование посредством различных извест-

ных форм, в том числе за счет создания собственной научной школы, а это надо рассматривать как надежный резерв воспроизводства новых генераций ученых.

Каждый из перечисленных этапов важен, однако самого серьезно го внимания заслуживает первоначальный, определяющий предрасположенность молодого человека к планированию научно-исследовательской карьеры в сфере образования. Опыт показывает, что выявление мотивации к исследовательской деятельности у некоторой части студентов происходит еще на младших курсах во время подготовки к традиционным ежегодным вузовским Дням Науки. Как правило, это отличные успевающие студенты с выраженной социальной активностью и высокими познавательными потребностями. Они представляют перспективную категорию поступающих в аспирантуру.

Однако даже самые «продвинутые» вчерашние выпускники вуза, не имеющие жизненного и профессионального опыта, не в состоянии за три года обучения в аспирантуре благополучно и в официально намеченный срок решить все исследовательские проблемы. Поэтому для этой категории потенциальных молодых ученых в качестве рекомендации будет полезен одногодичный или двухгодичный стажерский этап, в течение которого человек успеет сдать экзамены кандидатского минимума, определиться с направлением своего научного исследования, включиться в работу проводимого ежемесячного обучающего семинара для стажеров и аспирантов «Введение в методологию научного исследования», систематически получать от ведущих ученых Института теории образования консультативную помощь и научно-методическое сопровождение от своего научного руководителя.

Полагаем, что система стажировок — это инновационная форма, способствующая совершенствованию последипломной подготовки, повышению научного потенциала молодого исследователя, приобретению им солидного опыта осуществления экспериментальной и научно-поисковой работы. Как справедливо подчеркивается известным ученым В.А. Дмитриенко, возможности стажировки являются, с одной стороны, предпосылкой, а с другой стороны, необходимым условием формирования исследовательской компетентности будущего ученого, выбора им индивидуальной стратегии научно-образовательной деятельности, а также и устранения психологических барьеров, снятия внутренних препятствий.

Еще одну возможность для планирования научной педагогической карьеры представляет системное обучение в «Школе молодого ученого», которая призвана обеспечить содержательное наполнение процесса обучения специалистов высшей научной квалификации.

Библиографический список

1. Российская педагогическая энциклопедия. — Т. 2. — М., 1999.
2. Захарова, А.П. Становление и развитие системы подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации в США: автореф. дис. канд. пед. наук / А.П. Захарова. — М., 1995.
3. Кирсанов, А.А. Проектирование содержания профессиональной подготовки специалиста XXI века: проблемы и опыт их решения // Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах: Материалы международной научно-практической конференции. — Сочи, 1998.

Статья поступила в редакцию 11.02.08

УДК 373.1.02

В.А. Насонов, аспирант БГПУ, г. Барнаул

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ САНОГЕННОГО МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Рассматриваются некоторые вопросы формирования саногенного мышления школьников, анализируются литературные данные об организации и развитии данного вопроса в средней школе.

Ключевые слова: саногенное мышление, саногенномыслящий человек, эмоции, рефлексия, самоанализ.

Современные темпы развития цивилизации, нарастающие катаклизмы природного и социального генеза, интенсивность динамики человеческой жизни, сложность перестроенных процессов, происходящих в нашей стране выступают в роли стрессовых факторов. В связи с этим важная задача современной школы — воспитать такую личность, которая могла бы противостоять подобного рода факторам, способную позитивно и диалектически мыслить, адекватно воспринимать происходящее, строить реальные оптимистические прогнозы, то есть обладающую саногенным мышлением.

Традиционно в психологии и педагогике мышление часто связывают с совокупностью умственных действий, с помощью которых решается определённая задача. Как правило, мышление связывают с внешними объектами. Однако более значимы для человека проблемы внутренние, такие как переживание неудач, обиды, горя и т.п. Но проблема в том, что такому мышлению в современной школе не учат. К тому же, зачастую и сами учителя являясь собой пример людей, не способных справиться со своими внутренними конфликтами. В этой связи возникает необходимость создания в школе таких условий, при которых бы у участников образовательного процесса формировался новый тип мышления — мышления оздоравливающего, снимающего внутренний конфликт, создающего позитивные установки. В научной литературе такое мышление называется саногенным. По мнению Ю.М. Орлова, основой саногенного мышления является разрешение внутренних противоречий в человеке. Это мышление учёный называет мышлением «ненасилия».

Данной проблеме посвящены также исследования Д.А. Белухина, О.С. Гребенюк, Т.Н. Васильевой. Так, О.С. Гребенюк рассматривает саногенное мышление в контексте развития индивидуальности ребёнка. Т.Н. Васильевой разработаны методы формирования саногенного мышления у младших школьников. Серьёзное внимание она обращает также на саногенное мышление учителя как средство саногенного воспитания ребёнка. Д.А. Белухин исследует саногенное мышление учителя как средство саморегуляции его психического состояния и выработку верных ориентиров профессиональной педагогической деятельности. Т.Н. Васильевой разработан ряд коррекционно-развивающих игр и упражнений для младшей школы, а также адаптированы опросники Х. Корнелиуса и Ш. Фэйра для выявления саногенного (патогенного) мышления младшего школьника. Вместе с тем в педагогической науке специальных исследований, посвящённых данной проблеме, нет.

На основе проведённого научного анализа нам удалось также выделить следующие характеристики человека, обладающего саногенным мышлением.

Во-первых, человек с саногенным типом мышления, это человек способный быть счастливым. Поскольку счастье — это эмоция, возникающая в ходе определённой длительности, а не постоянное состояние, то нужно говорить именно о способности саногенно мыслящего человека ощущать себя счастливым. Необходимо отметить, что мы рассматриваем счастье как субъективное психологическое состояние человека, то есть, исходим из утверждения, что счастье — это чувство глубокого внутреннего удовлетворения, памятью при этом, что счастье относительно. В одних и тех же обстоятельствах люди могут ощущать себя либо счастливыми, либо несчастными.

Потребность ощущать себя счастливым является одной из ведущих потребностей человека. И если эта потребность не удовлетворяется, то возникает внутренний конфликт между тем, чего человек желает, и тем, что он имеет. Поскольку потребность в счастье — не сиюминутная, но постоянная, то и конфликт такой может продолжаться длительное время. Поэтому понятие саногенного мышления неразрывно связано с понятием счастья.

Счастье предполагает наличие группы соответствующих положительных эмоций. Об этом писал Н. Казмин-Вьюгов: «...случайные причины радости могут являться чаще или реже. Мы, воспитатели, не можем предвидеть, будут ли они часто являться у наших детей. Но для нас важно решить: нет ли постоянных причин жизнерадостности, которые, хотя и не являлись бы решающими, единственными, доминирующими над всеми текущими переживаниями, но все же способствовали бы возникновению чувства любви к миру и радости жизни» [2]. Саногенно мыслящий человек должен уметь акцентировать своё внимание на тех моментах жизни, которые приносят ему радость и ощущение счастья. Исследователи отмечают: «Мы фиксировали постоянно одну и ту же общую для всех людей ситуацию: в жажде счастья люди, как правило, ничего не делают, чтобы создавать счастье. Им, в большинстве своем, свойственно тоскливое ожидание желаемого счастья, упование на везение, случай, на какие-то силы, могущие кардинально изменить судьбу, ниспослав им желаемое. Впрочем, если поставить вопрос прямо: «Счастье — это что такое? Чего тебе надобно для счастья?» — то приходится констатировать еще одну поразительную черту в отношении людей к счастью. Люди не знают того, что обозначают словом «счастье», и имеют весьма смутные представления о том, чего же на самом деле жаждут» [3, с. 4]. Таким образом, можно сделать вывод, что саногенно мыслящий человек должен ясно представлять природу счастья и способ его достижения в своей жизни. Такое представление (и более того — ощущение) необходимо формировать у ребёнка уже в детстве. Эта первая и одна из важнейших, на наш взгляд, характеристик саногенного мышления.

Во-вторых, человек с саногенным типом мышления, это человек целеустремлённый. Человек не может быть счастливым, если у него нет осознанных целей в жизни, если он не знает, к чему стремиться, к чему идти. Известный педагог А.С. Макаренко в своих трудах неоднократно подчёркивал важность целеполагания в жизнедеятельности ребёнка. Он утверждал, что важна не просто цель, а группа целей, разнесённых по времени и различных по значимости.

В то же время наличие цели не делает человека счастливым. Это необходимое условие, но не достаточное. Нужно уметь ещё и достигать поставленных целей. Человек должен испытывать удовлетворение от достигнутой цели. Это верное основание для того, что бы человек чувствовал себя счастливым.

Как известно, постановка цели и процесс её достижения тесно связаны. Школьников нужно учить правильно ставить цели. Если ребёнок поставил перед собой цель, но не достиг её, то вместо ощущения радости, в нём возникнет чувство досады, обиды, горя. Ученик может быть излишне требователен к себе и ставить цели, не соответствующие своим возможностям. Эти требования к себе могут быть сформированы культурными стереотипами, мнениями других людей и т.д.

В-третьих, человек с саногенным типом мышления, это человек свободный. При этом мы понимаем свободу как осознанную необходимость, а не просто отсутствие внешнего целеполагания. В то же время, саногенно мыслящий человек должен быть свободен и от культурных стереотипов. Он должен понимать, что его поведение определяется в первую очередь им самим. Это не говорит о свободе от нравственных ограничений, но, наоборот, — о желании исполнять морально-нравственные нормы.

В-четвёртых, человек с саногенным типом мышления, это человек, знающий себя. Зачастую люди не понимают природы конкретных эмоций. Взрослые, и особенно дети, не могут разобраться с такими чувствами, как «страх», «обида», «стыд», и воспринимают их как

данность. То есть существует мнение, что человек не может регулировать свои эмоции. На самом деле это мнение ошибочно Т.Н. Васильева справедливо отмечает, что «эмоции — это то, за что, в конечном счёте, отвечаем мы сами» [1, с. 14]. Ребёнку нужно это понять, чтобы научиться саногенно мыслить.

В-пятых, человек с саногенным типом мышления, это человек, способный к рефлексии. Как отмечал К. Хорни, рефлексия предполагает освоение техники самоанализа. Саногенное мышление может быть только целенаправленно, осознанно. Важно, чтобы человек умел выполнять акт прекращения мышления, то есть умел в нужный момент переключить свой разум, свои мысли на другое. Человек, способный остановить поток негативных мыслей, формирует в себе навыки вытеснения неприятных эмоций, воспоминаний. Эти навыки должны быть отработаны до автоматизма.

Библиографический список

1. Васильева, Т.Н. Саногенное мышление учащегося, учителя / Т.Н. Васильева — (Серия «Познай самого себя») — Калининград, 2000.
2. Казмин-Вьюгов, Н. Воспитание жизнелюбия / Н. Казмин-Вьюгов // Университетский округ. — 2001. — №2. — С. 20-24.
3. Щуркова Н.Е., Павлова Е.П. Воспитание счастьем, счастье воспитания. Педагогическая технология воспитания счастливого человека в школе (феликсология воспитания: как воспитать счастливого) / Н.Е. Щуркова, Е.П. Павлова М., 2004.

Статья поступила в редакцию 18.02.08

УДК 378.02:372.8

А.Н. Чинин, аспирант ГАГУ, с. Кош-Агач
С.С. Косолапов, аспирант ГАГУ, г. Горно-Алтайск

ПОЧЕМУ ПОПЫТКИ ПОЛОЖИТЬ ПРАКТИКУ В ОСНОВУ ОБУЧЕНИЯ ЗАКАНЧИВАЛИСЬ НЕУДАЧЕЙ

Развивается мысль о необходимости делать акцент в обучении физике на теоретические знания, но не в ущерб эмпирическим. При этом особое внимание необходимо уделять формированию знаний о теоретических законах, которые составляют основу любой теории и выражают сущность, внутренние связи изучаемого объекта или явления.

Ключевые слова: теоретические знания, развивающее обучение, теория, элементы теории, основные особенности теории, законы, классификация законов, ошибочные трактовки закона в практике обучения.

Соотношение теории и практики в преподавании физики в школе

Источником для совершенствования методики преподавания уроков физики является не только обобщение передового опыта, но и повышение теоретической подготовки учителей, позволяющей осваивать современные теоретически обоснованные педагогические системы обучения.

В настоящее время организуются целые научные школы, которые ведут теоретическую и практическую подготовку учителей по тем или иным педагогическим системам образования. Одной из самых прогрессивных научных школ является школа развивающего обучения Д.Б. Эльконина—В.В. Давыдова, которая уже давно вышла на международный уровень [1]. Последние инструктивные и программные документы Министерства образования и науки РФ ориентируют все образовательные учреждения на развивающие технологии. В связи с этим, в последние годы в особенности критикуют традиционную классификацию методов обучения (по источнику знаний: беседа, демонстрационный эксперимент, лабораторная работа и т.д.). Предлагается классифицировать методы по дидактическим целям, по уровню самостоятельности. Это и не удивительно, так как развивающее обучение это и есть «обучение, формирующее способность к самообразованию, самовоспитанию, сознательной регуляции личностной активности учащихся» [2, с. 17].

Физика, как учебный предмет, занимает ведущее место в формировании научного мировоззрения школь-

Анализ научных публикаций, посвящённых проблеме саногенного мышления школьников, позволил нам сделать следующие выводы. Проблема саногенного мышления и процесс его формирования у школьников рассматривалась до недавнего времени преимущественно учёными-психологами. Однако современные реалии таковы, что назрела серьёзная необходимость разработки её педагогического аспекта.

Исследователям предстоит вскрыть сущность саногенного мышления как педагогического явления, чётко выделить его структурные составляющие, определить факторы детерминирующие устойчивые установки школьников мыслить патогенно, выявить педагогические условия, способствующие формированию у учащихся черт саногенного мышления

С решением этих задач мы и связываем перспективы своей исследовательской деятельности.

ников, так как в ней наиболее полно представлен весь цикл естественнонаучного познания: от наблюдения фактов к формулировке проблемы и далее к выдвижению гипотезы (модель явления, понятия, законы и принципы), логическое развитие гипотезы и теоретическое предвидение, экспериментальная проверка теоретических выводов и применение на практике.

Исходя из потребностей народного хозяйства в квалифицированных рабочих, нередко говорят о практической направленности преподавания физики. Однако только в последнее время всё глубже стало осознаваться, что в школе определяющую роль в построении обучения основам наук должны играть научные **теории и законы**, а не практика. «Все заманчивые попытки положить практику в основу обучения заканчивались неудачей, ибо становилось очевидным разрушение систематичности обучения. Педагоги, наконец, осознали истинность изречения, приписываемого то Гексли, то Луи де Бройлю: «нет более практичной вещи, чем хорошая теория» [3, с. 41]. Понятно, что теория и законы, составляющие ее основу, не должны оставаться абстракциями. Они должны выходить на практику, а значит, в учебном процессе теоретические положения необходимо доводить до стадии действий, операций, процедур, технологий, вырабатывать у учащихся умения и навыки применения полученных теоретических знаний.

Движение от теории к практике и от практики к теории — отражение теоретической закономерности познания мира и его освоение человеком. Причем практика

может в разных формах предшествовать теоретическим обобщениям или следовать за ними. Например, к изучению свойств газов по физике можно идти от выяснения теории, а можно — от рассмотрения устройства отбойного молотка, пылесоса, механизма работы входных дверей в «ИКАРУСе» и т.д.

Таким образом, физика как наука представляет собой систему знаний, и их усвоение требует систематической учебной работы, включающей в себя оперирование теоретическими понятиями, *законами* и практически способами преобразования действительности. Вот почему мы согласны с В.И. Загвязинским, что правильно говорить не о дидактическом принципе научности, а о принципе научности и связи теории с практикой» [3, с. 41]. Теория и есть развитое и оформленное научное знание, обслуживающее практику.

Закон как ключевой элемент научной теории

Любая теория — это целостная развивающаяся система истинного знания (включающая и элементы заблуждения), которая имеет сложную структуру и выполняет ряд функций. В современной методологии науки выделяют следующие основные элементы теории:

1. Исходные основания — фундаментальные понятия, принципы, законы, уравнения и т.п.
2. Идеализированный объект — абстрактная модель существенных свойств и связей изучаемых предметов (например «абсолютно твердое тело», «идеальный газ» и т.п.)
3. Логика теории — совокупность определенных правил и способов доказательства, нацеленных на прояснение структуры и изменения знания.
4. Философские установки и ценностные факторы.
5. **Совокупность законов** и утверждений, выведенных в качестве следствий из основных положений данной теории в соответствии с конкретными принципами.

Говоря о целях и путях теоретического исследования вообще, А. Эйнштейн отмечал, что «теория преследует две цели: 1) охватить по возможности все явления в их взаимосвязи. 2) добиваться этого, взяв за основу как можно меньше логически взаимно связанных понятий и произвольно установленных соотношений между ними. Эту цель я буду называть «логической единственностью» [4, с. 264].

А. Эйнштейн различал в физике два основных типа теорий — конструктивные и фундаментальные. Большинство физических теорий, по его мнению, являются конструктивными, т.е. их задачей является построение картины сложных явлений на основе некоторых относительно простых предположений. Исходным пунктом и основой фундаментальных теорий являются не гипотетические положения, а эмпирически найденные общие свойства явлений, принципы, из которых следуют математически сформулированные критерии, имеющие всеобщую применимость. В фундаментальных теориях используется не синтетический, а аналитический метод. К достоинствам конструктивных теорий Эйнштейн относил их законченность, гибкость и ясность. Достоинствами фундаментальных теорий он считал их логическое совершенство и надежность исходных положений.

Несмотря на то, какого бы типа теория ни была, какими бы методами она ни была построена «всегда остается неизменным самое существенное требование к любой научной теории — теория должна соответствовать фактам ...В конечном счете только опыт вынесет решающий приговор», — резюмирует Эйнштейн. В этом выводе он вовсе не случайно использует выражение «в конечном счете». Дело в том, что, в процессе развития науки наши теории становятся все более абстрактными, их связь с опытом становится все более сложной, а путь от теории к наблюдениям становится длиннее, тоньше и сложнее. Чтобы реализовать нашу постоянную конечную цель — «все лучшее и лучшее понимание реальности»,

надо четко представлять себе следующее объективное обстоятельство. А именно, что к «логической цепи, связывающей теорию и наблюдение, прибавляются новые звенья. Чтобы очистить путь, ведущий от теории к эксперименту, от ненужных и искусственных допущений, чтобы охватить все более широкую область фактов, мы должны делать цепь все длиннее и длиннее» [4, с. 247-248]. При этом, чем проще и фундаментальнее становятся наши допущения, тем сложнее математическое орудие нашего рассуждения.

Таким образом, теория имеет следующие основные особенности:

1. Теория — это не отдельно взятые достоверные научные положения, а их совокупность, целостная органически развивающаяся система. Объединение знания в теорию производится прежде всего самим предметом исследования, его *закономерностями*.
2. Не всякая совокупность положений об изучаемом предмете является теорией. Чтобы превратиться в теорию, знание должно достигнуть в своем развитии определенной степени зрелости. А именно — когда оно не просто описывает определенную совокупность фактов, но и объясняет их, т.е. когда знание вскрывает причины и *закономерности* явлений.
3. Для теории обязательным является обоснование, доказательство входящих в нее положений: если нет обоснований, нет и теории.
4. Теоретическое знание должно стремиться к объяснению как можно более широкого круга явлений, к непрерывному углублению знаний о них.
5. Характер теории определяется степенью обоснованности ее определяющего начала, отражающим фундаментальную закономерность данного предмета.

К числу основных функций теории можно отнести следующие:

1. Синтетическая функция — объединение отдельных достоверных знаний в единую, целостную систему.
2. Объяснительная функция — выявление причинных и иных зависимостей, многообразия связей данного явления, его существенных характеристик, его происхождения и развития и т.п.
3. Методологическая функция — на базе теории формулируются многообразные методы, способы и приемы исследовательской деятельности.
4. Предсказательная — функция предвидения. На основании теоретических представлений о «наличном» состоянии известных явлений делаются выводы о существовании неизвестных ранее фактов, объектов или их свойств, связей между явлениями и т.д. Предсказание о будущем состоянии явлений называют научным предвидением.
5. Практическая функция. Конечное предназначение любой теории — быть воплощенной в практику, быть «руководством к действию» по изменению реальной действительности. Поэтому вполне справедливо утверждение о том, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория. Но как из множества теорий выбрать хорошую?

Характеризуя науку, научное познание в целом, необходимо выделить ее главную задачу, основную функцию — открытие **законов** изучаемой области действительности. **Без установления законов действительности, без выражения их в системе понятий нет науки, не может быть научной теории.**

Изучение законов действительности находит свое выражение в создании научной теории, адекватно отражающей исследуемую предметную область в целостности ее законов и закономерностей. Поэтому **закон — ключевой элемент теории**, которая есть не что иное как система законов, выражающих сущность, глубинные связи изучаемого объекта во всей его целостности и конкретности, как единство многообразного.

В самом общем виде закон можно определить как связь между явлениями, процессами, которая является:

а) объективной, т.к. присуща прежде всего реальному миру, выражает реальные отношения вещей;

б) существенной, конкретно-всеобщей. Будучи отражением существенного в движении универсума, любой закон присущ всем без исключения процессам данного класса, определенного типа и действует всегда и везде, где разрываются соответствующие процессы и условия;

в) необходимой, ибо будучи тесно связан с сущностью, закон действует и осуществляется с «железной необходимостью» в соответствующих условиях;

г) внутренней, т.к. отражает самые глубинные связи и зависимости данной предметной области в единстве всех ее моментов и отношений в рамках некоторой целостной системы;

д) повторяющейся, устойчивой, т.к. «закон есть прочное в явлении», «идентичное в явлении», их «спокойное отражение» (Гегель). Он есть выражение некоторого постоянного определенного процесса, регулярности его протекания, одинаковости его действия в сходных условиях.

Стабильность, инвариантность законов всегда соотносится с конкретными условиями их действия, изменение которых снимает данную инвариантность и порождает новую, что и означает изменение законов, их углубление, расширение или сужение сферы их действия, их модификации и т.п. Любой закон не есть нечто неизменное, а представляет собой конкретно-исторический феномен. С изменением соответствующих условий, с развитием практики и познания одни законы сходят со сцены, другие вновь появляются, меняются формы действия законов, способы их использования и т.д.

Познание законов — сложный, трудный и глубоко противоречивый процесс отражения действительности. Но познающий субъект не может отобразить весь реальный мир, тем более сразу, полностью и целиком. Он может лишь вечно приближаться к этому, создавая различные понятия и другие абстракции, формируя те или иные законы, применяя целый ряд приемов и методов в их совокупности. Характеризуя особенности законов науки, известный американский физик Р. Фейнман писал, что, в частности, «законы физики нередко не имеют очевидного прямого отношения к нашему опыту, а представляют собой его более или менее абстрактное выражение... Очень часто между элементарными законами и основными аспектами реальных явлений дистанция огромного размера» [5, с. 110].

В. Гейзенберг полагая, что открытие законов — важнейшая задача науки, отмечал, что, во-первых, когда формируются великие всеобъемлющие законы природы — а это стало впервые возможным в ньютоновской механике — «речь идет об идеализации действительности, а не о ней самой». Идеализация возникает от того, что мы исследуем действительность с помощью понятий. Во вторых, каждый закон обладает ограниченной областью применения, вне которой он не способен отражать явления. В третьих, теория относительности и квантовая механика представляют собой «очень общие идеализации весьма широкой сферы опыта и их законы будут справедливы в любом месте и в любое время — но только относительно той сферы опыта, в которой применимы понятия этих теорий» [3, с. 202-204].

Законы открываются сначала в форме предположений, гипотез. Дальнейший опытный материал, новые факты приводят к «очищению этих гипотез», устраняют одни из них, исправляют другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Одно из важнейших требований, которому должна удовлетворять научная гипотеза, состоит в ее принципиальной проверяемости на практике, что отличает гипотезу от всякого рода умозрительных построений, вымыслов и т.д.

Поскольку законы относятся к сфере сущности, то самые глубокие знания о них достигаются не на уровне непосредственного восприятия, а на этапе **теоретического исследования**. Именно здесь и происходит в конечном счете сведение случайного, видимого лишь в явлениях, к действительному внутреннему движению. Результатом этого процесса является открытие закона, точнее — совокупности законов, присущих данной сфере, которые в своей взаимосвязи образуют «ядро» определенной научной теории.

Следует иметь в виду, что каждый конкретный закон практически никогда не проявляется в «чистом виде», а всегда во взаимосвязи с другими законами разных уровней и порядков. Условия, в которых осуществляется каждый данный закон, могут стимулировать и углублять, или наоборот — «пресекать» и снимать его действие. Тем самым любой закон в своей реализации всегда модифицируется конкретно-историческими обстоятельствами, которые либо позволяют закону набрать полную силу, либо замедляют, ослабляют его действие, выражая закон в виде преобладающей тенденции.

Открытые законы, познанные закономерности могут — при их умелом и правильном применении — быть использованы людьми для того, чтобы они могли изменять природу и свои собственные общественные отношения. Поскольку законы внешнего мира — основы целесообразной деятельности человека, то люди должны сознательно руководствоваться требованиями, вытекающими из объективных законов, как регулятивами своей деятельности. Иначе деятельность не станет эффективной, а будет осуществляться в лучшем случае методом проб и ошибок. На основе познанных законов люди могут действительно научно управлять как природными, так и социальными процессами, оптимально их регулировать.

Многообразие видов отношений и взаимодействий в реальной действительности служит объективной основой существования многих форм (видов) законов, которые классифицируются по тому или иному критерию. По формам движения материи можно выделить законы: механические, физические, химические, биологические, социальные; по основным сферам действительности — законы природы, законы общества, законы мышления; по степени их общности, точнее по широте сферы их действия — всеобщие (диалектические), общие (особенные), частные (специфические); по механизму детерминации — динамические и статистические, причинные и не причинные; по их значимости и роли — основные и неосновные; по глубине фундаментальности — эмпирические и теоретические и т.д.

Односторонние (а значит ошибочные) трактовки закона, встречающиеся в практике их использования в учебном процессе:

1. Понятие закона абсолютизируется, упрощается. Здесь упускается из виду то обстоятельство, что данное понятие — безусловно важное само по себе — есть лишь одна из ступеней познания человеком единства, взаимозависимости и цельности мирового процесса. Закон лишь одна из форм отражения действительности в познании, одна из граней, моментов научной картины мира во взаимосвязи с другими (причина, противоречие и др.).

2. Игнорируется объективный характер законов, их материальный источник. Не реальная действительность должна соотноситься с принципами и законами, а наоборот, — последние верны лишь постольку, поскольку они соответствуют объективному миру.

3. Отрицается возможность использования людьми системы объективных законов как основы их деятельности в многообразных ее формах — прежде всего в чувственно-предметной. Однако игнорирование требований

объективных законов все равно рано или поздно дает о себе знать.

4. Закон понимается как нечто вечное, неизменное, абсолютное, не зависящее в своем действии от совокупности конкретных обстоятельств и фатально предопределяющее ход событий и процессов. Между тем развитие науки свидетельствует о том, что «нет ни одного закона, о котором мы могли бы с уверенностью сказать, что в прошлом он был верен с той же степенью приближения, что и сейчас. Своим разжалованием всякий закон обязан воцарению нового закона, и, таким образом, не может наступить междуцарствие» [12, с. 418].

5. Игнорируется качественное многообразие законов, их несводимость друг к другу и их взаимодействие, дающее своеобразный результат в каждом конкретном случае.

6. Отвергается то обстоятельство, что объективные законы нельзя создать или отменить. Их можно лишь открыть в процессе познания реального мира и, изменяя условия их действия, изменять механизм последнего.

7. Абсолютизируются законы более низших форм движения материи, делаются попытки только ими объяснить процессы в рамках более высоких форм движения материи.

8. Нарушаются границы, в пределах которых те или иные законы имеют силу, их сфера действия неправомерно расширяется или, наоборот, сужается. Например, законы механики пытаются перенести на другие

формы движения и только ими объяснить их своеобразие. Однако в более высоких формах движения механические законы хотя и продолжают действовать, но отступают на задний план перед другими, более высокими законами, которые содержат их в себе в «снятом» виде и только к ним не сводятся.

9. Законы науки толкуются не как отражение законов объективного мира, а как результат соглашения научного сообщества.

10. Игнорируется то обстоятельство, что объективные законы в действительности, модифицируясь многочисленными обстоятельствами, осуществляются всегда в особой форме через систему посредствующих звеньев. Нахождение последних — единственно научный способ разрешения противоречия между общим законом и более развитыми конкретными отношениями, иначе «эмпирическое бытие» закона в его специфической форме выдается за закон как таковой в его «чистом виде».

Акцентируя внимание в обучении учащихся физике на теоретических знаниях, мы считаем, что в учебном процессе следует не отказываться от эмпирических знаний, а проводить систематически и целенаправленно сопоставление теоретических, эмпирических и практических знаний, выявляя их специфику и достоинство. Именно такой процесс позволит более глубоко формировать теоретические знания, позволяющие раскрывать сущность физических понятий, законов, теорий.

Библиографический список

1. Давыдов, В.В. Теория развивающего обучения / В.В. Давыдов. — М., 1996.
2. Петров, А.В. Дидактические основы реализации принципов преемственности и развивающего обучения при формировании фундаментальных понятий в преподавании физики в педвузе: автореф. док. дис. / А.В. Петров. — Челябинск, 1996.
3. Загвязинский, В.И. Теория обучения: Современная интерпретация: учеб. пособие / В.И. Загвязинский. — М.: Издательский центр «Академия», 2001.
4. Эйнштейн, А. Физика и реальность / А. Эйнштейн. — М., 1965.
5. Фейнман, Р. Характер физических законов / Р. Фейнман. — М., 1987.

Статья поступила в редакцию 14.03.08

УДК 378

А.В. Андриенко, канд. пед. наук, доцент СибГТУ, г. Красноярск

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Автор показывает, что решение воспитательных задач в вузе невозможно без изучения общения преподавателей и студентов. Перед преподавателем вуза стоит ответственная психологическая и педагогическая задача формирования студента как субъекта учебной деятельности, что предполагает, прежде всего, необходимость обучить его умению планировать, организовывать свою деятельность, уметь полноценно учиться, общаться.

Ключевые слова: совершенствование обучения в вузах, взаимодействие преподавателей и студентов, формирование студента как субъекта учебной деятельности, критерии эффективности обучения, корреляционный анализ.

Совершенствованию процесса обучения в вузах уделяется большое внимание: предлагается использовать разнообразие учебного материала, пособий, форм и приемов учебной работы, выбирать индивидуальные программы обучения и сроки освоения учебных курсов. В то же время в вузовской практике ощущается дефицит современных программ профессионального становления личности специалиста. Решение воспитательных задач в вузе невозможно без изучения общения преподавателей и студентов, и использования результатов таких исследований в повседневной работе.

Перед преподавателем вуза стоит ответственная психолого-педагогическая задача формирования студента как субъекта учебной деятельности, что предполагает, прежде всего, необходимость обучить его умению плани-

ровать, организовывать свою деятельность, уметь полноценно учиться, общаться. Подобная постановка вопроса требует определить учебные действия, необходимые для успешной учебы, программу их выполнения на конкретном учебном материале и четкую организацию упражнений по их формированию. При этом образцовое выполнение этих действий должен демонстрировать сам преподаватель, учитывая трудности адаптационного периода обучения студентов на первом курсе. Его влияние на формирование новых ценностных ориентации студента, его мотивацию и такое индивидуальное свойство, как тревожность, не оценимо.

Отношение к студенту как к социально зрелой личности, носителю научного мировоззрения предполагает учет того, что мировоззрение — система взглядов чело-

века не только на мир, но и на свое место в мире. Другими словами, формирование мировоззрения студента означает развитие его рефлексии, осознание им себя субъектом деятельности, носителем определенных общественных ценностей, социально полезной личностью. В свою очередь, это обязывает преподавателя думать об усилении диалогичности обучения, специальной организации педагогического общения, создания для студентов условий возможности отстаивать свои взгляды, цели, жизненные позиции в процессе учебно-воспитательной работы в учебном заведении [6].

Студенческий возраст (18-25 лет) представляет особый период в жизни человека, прежде всего в силу того, что по основным закономерностям возраст от 18 до 25 лет составляет начальное звено в цепи зрелых возрастов. Заслуга самой постановки проблемы студенчества как особой социально-психологической и возрастной категории принадлежит психологической школе Б.Г. Ананьева. В исследованиях самого Б.Г. Ананьева, Н.В. Кузьминой, Ю.Н. Кулюткина, А.А. Реана, Е.И. Степановой, а также в работах П.А. Просецкого, Б.М. Никиреева, В.А. Сластенина, В.А. Якунина и других накоплен большой эмпирический материал наблюдений, приводятся результаты экспериментов и теоретических обобщений по этой проблеме. Данные этих многочисленных исследований позволяют охарактеризовать студента как особого субъекта учебной деятельности с социально-психологической и психолого-педагогической позиций.

Студенчество — это особая социальная категория, специфическая общность людей, организационно объединенных институтом высшего образования. В социально-психологическом аспекте студенчество по сравнению с другими группами населения отличается наиболее высоким образовательным уровнем, наиболее активным потреблением культуры и высоким уровнем познавательной мотивации. В то же время, студенчество — социальная общность, характеризуемая наивысшей социальной активностью и достаточно гармоничным сочетанием интеллектуальной и социальной зрелости. Учет этой особенности студенчества лежит в основе отношения преподавателя к каждому студенту как партнеру педагогического общения, интересной для преподавателя личности. В русле личностно-деятельностного подхода студент рассматривается как активный, самостоятельно организующий свою деятельность субъект педагогического взаимодействия. По мнению А.А. Вербицкого, студенту присуща специфическая направленность познавательной и коммуникативной активности на решение конкретных профессионально-ориентированных задач.

Для социально-психологической характеристики студенчества важно, что этот этап развития жизни человека связан с формированием относительной экономической самостоятельности, отходом от родительского дома и образованием собственной семьи. Студенчество — центральный период становления человека, личности в целом, проявления самых разнообразных интересов.

Во время обучения в вузе формируется прочная основа трудовой, профессиональной деятельности. «Усвоенные в обучении знания, умения, навыки выступают уже не в качестве предмета учебной деятельности, а в качестве средства деятельности профессиональной» [1, с. 14]. Существуют определенные различия в психологической структуре личности у специалистов разных профилей. Например, для будущих социальных работников свойственны следующие коммуникативные характеристики: способность к сопереживанию, социальная открытость, уважение к другим, терпимость, доброта, эмпатия и другие. Для будущих психологов — тактичность, чувство юмора, широта интересов, умение вступать в контакт с незнакомыми людьми, понимание намерений и желаний

других и т.п. Для будущих руководителей: умения работать с людьми, хорошая профессиональная подготовка, умения решать конфликты, готовность брать на себя ответственность, развитые речевые навыки и др.

Существенным показателем студента как субъекта учебной деятельности служит его умение выполнять все виды и формы этой деятельности. Однако результаты специальных исследований показывают, что большинство студентов не умеют слушать и записывать лекции, конспектировать литературу (в большинстве случаев записывается только 18-20% лекционного материала). Так, по данным В.Т. Лисовского, умели выступать перед аудиторией только 28,8% студентов, вести спор 18,6%, давать аналитическую оценку проблем 16,3%. На материале конкретного социологического исследования было показано, что только 37,5% студентов стремились хорошо учиться, 53,6% не всегда старались, а 8% не стремились вообще к хорошей учебе. Но и у тех, кто стремился хорошо учиться, в 67,2% случаев учеба не шла хорошо [4]. При изменении в последнее десятилетие количественных показателей этих умений и отношения к учебе в целом общая картина их неполной сформированности остается.

Юношеский возраст характеризуется ярко выраженной потребностью в эмоциональных контактах, в развитии интимно-личных отношений (И.С. Кон, А.В. Мудрик и др.). Накоплено немало фактов, свидетельствующих о том, как много значит для студента общение не только с преподавателями, но и со сверстниками. Как показывают исследования (А.А. Бодалев), значительный рост контактов в возрасте 17-23 лет связан с необходимостью удовлетворения познавательной потребности. Общество сверстников является важным каналом получения разнообразной информации. Следует иметь в виду, что в данном случае под познавательной мотивацией подразумевается и ситуативная познавательная мотивация, и мотивация в постоянном познании окружающего мира путем общения, и потребность в усвоении и пополнении знаний с последующим их обсуждением с другими. Наряду с познавательной мотивацией, важнейшей причиной вступления в контакт с другими людьми является и аффективная мотивация (например, «в общении ищу поддержку и утешение»). В студенческом возрасте встречаются также деловая и социально-перцептивная мотивации.

Два типа мотивов характеризуют преимущественно учебную деятельность — мотив достижения и познавательный мотив. Последний представляет собой основу учебно-познавательной деятельности человека, соответствующая самой природе его мыслительной деятельности. Эта деятельность возникает в проблемной ситуации и развивается при правильном взаимодействии и отношении студентов и преподавателей. В обучении мотивация достижения подчиняется познавательной и профессиональной мотивации.

Н.П. Воробьева рассматривает развитие личности как процесс вхождения ее в новую социальную среду и интеграции в ней. Фазы этого вхождения: адаптация, индивидуализация и интеграция. Таким образом, общение является необходимым условием формирования психологических свойств личности, ее сознания и самосознания. Общение выступает универсальной реальностью, в которой зарождаются, протекают все психические процессы и поведение человека, восприятие и усвоение социальной и природной действительности.

Общение, коммуникативные умения рассматриваются также в контексте профессиональной подготовки студентов. Задача вуза — дать студентам правильное представление о коммуникативных свойствах личности, которые необходимы высококвалифицированному специалисту, и за годы обучения сформировать, усовершенствовать эти качества.

Анализ различных подходов (структурного, функционального, динамического, системного) к педагогической деятельности сделан в работе В.А. Лившица, Н.Н. Нечаева. Структурный подход позволяет осуществить многоуровневый анализ этой деятельности и охватывает социологическую, психологическую и педагогическую стороны труда преподавателя высшей школы. Социологический анализ структуры представлен исследованиями, разделяющими педагогическую деятельность на различные ее типы (исследовательская и собственно педагогическая деятельность, политическая, психологическая, методическая и пр.). Психологический анализ выделяет взаимосвязь действий преподавателя, направленных на решение педагогических задач. В исследованиях Н.В. Кузьминой выявлены пять основных компонентов структуры, охватывающих все наиболее значимые стороны деятельности преподавателя: конструктивный, проектировочный, организаторский, коммуникативный, гносеологический. Психологический анализ педагогической деятельности к психолого-педагогической подготовке, содержанию методической подготовки по специальности, объему и содержанию специальной подготовки [15].

В модели педагогической деятельности, предложенной Н.Ф. Талызиной, параметрами служат первостепенные педагогические задачи и соответствующие им умения. Совокупность разнообразных педагогических умений составляет структуру деятельности, которая является объектом педагогического анализа. Эти умения связываются с решением основополагающих задач, педагогическим мастерством, качествами личности и поведением преподавателя. Основное в таких работах — это попытка рассмотреть педагогическую деятельность как состоящую из решения динамично меняющихся задач.

Наряду со структурным, выделяют функциональный подход к изучению педагогической деятельности (В.А. Лившиц, Н.Н. Нечаев), в рамках которого деятельность преподавателя рассматривается в виде системы функций и функциональных характеристик: описываются предметные и педагогические умения, знания, требования к педагогической профессии. Педагогические функции ранжируются по степени их значимости (например, общественные, методические, организаторские, трудовые, психофизиологические), им даются качественные характеристики («умелая постановка учебных целей», «систематическое планирование работы» и пр.). Педагогические функции разделяются на два вида:

- а) по отношению преподавателя к студенту;
- б) собственно педагогические функции [9].

Динамический подход рассматривает развитие мастера-педагога с позиций постановки новых задач, совершенствования человеческой личности, уровней мастерства, обоснования системности действий педагогов-мастеров (Н.Ф. Талызина). Динамику роста педагогического мастерства авторы видят в улучшении умения проектировать учебно-воспитательный процесс, в изменении стоящих задач, в постоянном самообразовании, изменении целей. Некоторые авторы (Н.В. Кузьмина), выделяя пять уровней педагогического мастерства (репродуктивный, адаптивный, локально-моделирующий, системно-моделирующий знания, системно-моделирующий деятельность), отмечают, что для каждого из них характерны определенные алгоритмы действий и поведения.

Авторы системного анализа педагогической деятельности [12] в качестве ее элементов рассматривают эталон специалиста, деятельность «объекта» педагогической деятельности (учащегося), деятельность субъекта (преподавателя), деятельность педагога, повышающего свою квалификацию. В этой «метасистеме» в качестве конечной целью выступает эталон специалиста, отраженный в модели его профессиональной деятельности, а непосредственно эту цель достигает «объект» (студент). Преподаватель же, воздействуя на студента, тем самым ускоряет достижение результата. Таким образом, если абстрагироваться от конечного результата (отраженного в модели специалиста), то непосредственной задачей педагога являются действия студента, которыми тот достигает цели, способы ее достижения. Тогда развивающаяся педагогическая деятельность — это деятельность преподавателя, обеспечивающая развитие студента, развитие самого педагога и постоянно учитывающая изменения социальных требований к подготовке специалистов.

Системный анализ показал, что подготовка специалиста происходит наилучшим образом в том случае, если преподаватель в своей деятельности ориентируется не на результаты, а на способы их достижения.

Н.Д. Творогова изучает не «метасистему», а интраиндивидную систему, включающую потребностно-мотивационную сферу преподавателя, его цели, перцептивные компоненты, коммуникативные умения (посредством которых достигаются все учебно-педагогические цели), удовлетворенность своей деятельностью. Системообразующим элементом такой системы является цель, отражающая желаемый результат, который может быть различным. Так, выделяют преподавателей, которые ориентированы на:

- а) обучение как средство воспитания (осуществляют воспитывающее обучение);
- б) формальное выполнение дела (обучение без воспитания);
- в) отлаживание отношений с учащимися (акцентируются на воспитании) [18].

Нам представляется, что два направления в трактовке системного подхода к педагогической деятельности, указанные выше, не исключают, а дополняют друг друга.

Благодаря педагогическому общению создаются условия для совершенствования преподавателя и студента, для достижения конечных целей, предусмотренных в модели специалиста. Обсуждая критерии эффективности обучения, наряду с такими, как степень достижения учебных целей, выживаемость знаний и умений, затраты времени, трудность-легкость учения, продуктивность, результативность и прочность усвоения, количество допущенных ошибок, время, затраченное на достижение учебных целей, отношение учащихся к программе обучения и др., выделяют психологические и социально-психологические аспекты эффективности обучения. Как правило, в психолого-педагогических исследованиях они исчерпываются критерием мотивации. Считается, что если удастся сформировать высокую учебно-познавательную мотивацию, то такое обучение психологически эффективно (В.В. Давыдов, К. Денек, Г.А. Китайгородская, Г.М. Шемякина и др.). К психологическим критериям, наряду с критерием мотивации учения, относят и критерии интереса и удовлетворенности результатами учебной деятельности (Г.М. Андреева, А.Л. Свенцицкий, Ю.М. Орлов и др.). В качестве критерия социально-психологической эффективности обучения рассматривают позитивную динамику общительности, коммуникативной готовности, доброжелательности, интереса к товарищам по группе, их нуждам, желаниям, эмоциональным состояниям (Л.А. Карпенко и др.). Если в результате обучения формируется такое важнейшее качество, как коллективизм,

и проявляется готовность содействовать развитию другого человека, то считают, что такое обучение психологически эффективно (А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, Ш.А. Амонашвили и др.).

Обследование преподавателей высшей школы выявило бедность их арсенала средств и способов педагогического воздействия. Вузovsky педагог нередко затрудняется четко сформулировать цели педагогического воздействия, перевести общие педагогические принципы на язык конкретных педагогических задач. Он, как правило, отлично владеет специальным предметом, но недостаточно свободно умеет обеспечить усвоение. Оставляет желать лучшего педагогическая подготовка преподавателей: большинство знакомы с педагогикой высшей школы в объеме небольшого курса, читаемого на факультетах повышения квалификации. Многие преподаватели объясняют отсутствие результатов обучения слабым контингентом, их нежеланием учиться, малым количеством часов, отводимых на изучение предмета, а не недостатками в собственной педагогической деятельности.

В качестве главной составляющей педагогического мастерства преподаватели рассматривают знание предмета, хотя известно, что можно блестяще знать предмет и быть посредственным преподавателем. Далее в порядке уменьшения значимости они выделяют: умение преподнести материал; умение установить контакт с аудиторией; внешность; обаяние; мастерство устной речи; культуру поведения; умение пользоваться доской; умение увязывать материал с будущей профессиональной деятельностью; умение побуждать аудиторию мыслить, провоцировать вопросы; умение рационально планировать и использовать время на занятии [14]. Как отмечают авторы исследования, смещение понятий, непонимание целей и средств своей деятельности является тормозом для педагогической деятельности преподавателей и повышения качества учебного процесса.

Что же касается воспитания, то оно чаще осознается преподавателями очень смутно или как нечто, вынесенное за рамки учебного процесса. Это связано с тем, что применительно к разным уровням образовательной системы понятие «воспитание» недостаточно проработано. Сказываются до сих пор не преодоленные последствия подхода, когда обучение и воспитание рассматривались в отрыве друг от друга. Понятия «воспитывающее обучение» и «педагогика сотрудничества» не наполнены реальным практическим содержанием для большинства преподавателей высшей школы [7].

Исследования взаимодействия студентов в группе и студентов с преподавателями проводились в 1980-х годах зарубежных вузах. Вопросы общения преподавателей и студентов изучались И. Марешом (Mares, Hartmann) на медицинском факультете Карлова университета (ЧСФР). Использовались одиночные шкалы (рейтинги). Студенты получали перечень характеристик преподавателя и должны были (каждый самостоятельно) проставить интенсивность и частоту проявлений этих характеристик. Кроме того, использовалась стандартизированная числовая оценочная шкала Р.Ф. Гоффмана (университет в Мериленде, США). Оценки преподавателю давались по результатам взаимодействия с ним в течение длительного периода времени (семестр, учебный год). Результаты опроса давали косвенную оценку интеракций, их среднее значение и не учитывали динамические аспекты. Такое исследование не требует больших затрат времени и дает информацию о многих преподавателях.

Полученные результаты интерпретировались как мнение студентов, а не в контексте оценки качества педагогического процесса. Шкалы использовались для определения преобладающих отношений между преподавателями и студентами.

Шкала Гоффмана содержит 43 утверждения и позволяет наблюдать 6 переменных:

- восприятие студентом знаний и умений преподавателя;
- критичность и требовательность преподавателя;
- уважение студентом преподавателя;
- согласованность учебников, лекций и экзаменов;
- активность студента в ходе обучения;
- общая удовлетворенность обучением данной специальности.

Корреляционный анализ показал интересные взаимоотношения между переменными. Средний уровень критичности и требовательности положительно соотносится с уважением преподавателя и общей удовлетворенностью студентов. Чрезмерная требовательность и критичность остаются безрезультатными и не оказывают никакого влияния на активность студента.

Как же воспринимают друг друга участники педагогического процесса — преподаватели и студенты в России? Во многих вузах проводится опрос «Преподаватель глазами студентов», изучается отношение студентов к преподавателям-кураторам.

Аналогичный опрос мы проводили в Сибирском государственном технологическом университете (СибГТУ) и Красноярском государственном техническом университете (КГТУ) среди студентов и преподавателей-предметников (в опросе участвовали 200 студентов первого и второго курсов и 50 преподавателей). Мы использовали три вида анкет: «Преподаватель глазами студентов», «Студенты глазами преподавателей» и «Оценка организации учебного процесса в вузе». Обратимся к анализу результатов первых двух анкет. Поскольку характер межличностных взаимоотношений в учебных группах, ценности ориентация студентов, степень их сплоченности влияют (как показывают результаты специальных психологических исследований) на академическую успешность студентов, их активность в профессиональной подготовке, то мы спросили (как студентов, так и преподавателей): «Считаете ли необходимым, чтобы преподаватели, ведущие учебный процесс, учитывали характер сложившихся в учебных группах межличностных взаимоотношений?» «Обязательно необходимо учитывать» — 72% ответов студентов и 25% ответов преподавателей. «Можно учитывать, а можно и нет, так как сейчас в вузовской педагогике есть дела и поважнее» — 10% студентов и 43% преподавателей. «Преподавателю не надо заниматься этим вопросом, так как он не актуален» — 18% студентов, 32% преподавателей.

На вопрос преподавателям, довольны ли они своими учебными группами, 15% ответили, что «очень доволен», 40% — «скорее доволен, чем недоволен», 5% — «группа для меня безразлична», 35% — «скорее недоволен, чем доволен», 5% — «очень недоволен».

Что же мешает преподавателю быть довольным своей группой? Это, по мнению преподавателей, слабая работа студентов на практических и семинарских занятиях, неумение слушать, недостаточный уровень воспитанности студентов, отсутствие желания учиться, индивидуализм. Таким образом, преподаватели в первую очередь выделяют внешние по отношению к своей педагогической деятельности факторы.

В то же время студенты, обсуждая причины неудовлетворенности своей учебной группой, указывают на: недостаточную работу куратора (37% ответов), раннее время начала занятий (8 часов утра) — 43% ответов, отсутствие доверительных отношений с одногруппниками и преподавателями (20% опрошенных).

По мнению большинства преподавателей, современный студент — это «веселый человек, успевающий во всех сферах жизни» — 65% опрошенных; около 50% опрошенных уважают мнение студентов, и дают воз-

возможность его высказывать свободно, ведь только в споре рождается истина; 40% преподавателей критикуют неуспевающих и неспособных студентов довольно часто; 45 % педагогов уважают и уделяют больше внимания тем студентам, которые показывают хорошие знания по предмету. Преподаватели низко оценили необходимость зрительного контакта преподавателя и студентов во время занятий — 35%; первое впечатление о студенческой группе или мнения коллег по-прежнему влияют на отношения со студенческой группой — 45%.

Психологическая служба университета совместно с профессорско-преподавательским коллективом, профсоюзным студенческим комитетом, работниками декана-

тов должна изучать социально-психологические факторы образовательного пространства вуза и заниматься вопросами развития мотивации, социальной перцепции, изменения личностного взаимодействия основных участников учебно-воспитательного процесса. Наши дальнейшие исследования будут направлены на изучение степени удовлетворенности преподавателей своей педагогической деятельностью, а также разработку коммуникативных тренингов педагогического взаимодействия для студентов-аспирантов и молодых специалистов, которые становятся преподавателями университетов.

Библиографический список

1. Ананьев, Б.А. Педагогические приложения современной психологии / Б.А. Ананьев // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. Работы советских психологов периода 1946-1980 гг. — М., 1981.
2. Бодалев, А.А. Восприятие человека человеком / А.А. Бодалев. — М. 1982.
3. Бодалев, А.А. Личность и общение: избранные труды / А.А. Бодалев. — М., 1983.
4. Вербицкий, А.А. Формирование познавательной и профессиональной мотивации студентов / А.А. Вербицкий, Т.А. Платонова. — М., 1986.
5. Воробьева, Н.П. Возрастная динамика общения школьников: автореф. дис.... канд. психол. наук. — М., 1989.
6. Зимняя, И.А. Педагогическая психология / И.А. Зимняя. М., 2005.
7. Карпенко, Л.А. Теоретические и прикладные подходы к определению эффективности обучения: Критерии эффективности / Л.А. Карпенко // Повышение эффективности психолого-педагогической подготовки преподавателей вузов. — М., 1988.
8. Кузьмина, Н.В. Методы исследования педагогической деятельности / Н.В. Кузьмина. — Л., 1970.
9. Кузьмина, Н.В. Способности, одаренность, талант учителя / Н.В. Кузьмина. — Л., 1985.
10. Кон, И.С. Открытие «Я» / И.С. Кон. — М., 1978.
11. Кон, И.С. Дружба / И.С. Кон. — М., 1980.
12. Лифшиц, В.А. Деятельность преподавателя вуза как развивающаяся система / В.А. Лифшиц, Н.Н. Нечаев // Повышение эффективности психолого-педагогической подготовки преподавателей вузов. — М., 1988.
13. Лисовский, В.Т. Актуальные проблемы нравственного воспитания будущих специалистов / В.Т. Лисовский. — Л., 1978.
14. Нечаев, Н.Н. Методика как системообразующий компонент деятельности преподавателей высшей школы (опыт психолого-педагогического анализа) / Н.Н. Нечаев, А.Е. Одинцова // Повышение эффективности психолого-педагогической подготовки преподавателей вузов. — М., 1988.
15. Сластенин, В.А. Профессиональная готовность учителя к воспитательной работе / В.А. Сластенин // Профессиональная подготовка учителя в системе высшего образования. — М., 1982.
16. Талызина, Н.Ф. Педагог в условиях НТР / Н.Ф. Талызина. — М., 1986.
17. Талызина, Н.Ф. Теоретические основы разработки модели специалиста / Н.Ф. Талызина. — М., 1986.
18. Творогова, Н.Д. Общение: диагностика и управление / Н.Д. Творогова. — М., 2002.

Статья поступила в редакцию 10.03.08

УДК 378.02:372.8

А.В. Петров, д-р. пед. наук, профессор ГАГУ, г. Горно-Алтайск
О.П. Петрова, канд. пед. наук, доцент ГАГУ, г. Горно-Алтайск

ВЗГЛЯД НА РАЗВИВАЮЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ С ПОЗИЦИИ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЕГО ОСОБЕННОСТЕЙ ПО СРАВНЕНИЮ С ТРАДИЦИОННЫМ ОБУЧЕНИЕМ

В работе поставлена задача выявить специфические особенности развивающего обучения по сравнению с традиционным. Автор сформулировал целый ряд вопросов, касающихся содержания этих педагогических систем обучения, и через ответы на них сделал попытку с различных позиций решить поставленную задачу.

Ключевые слова: развивающее обучение, традиционное обучение, общение, теоретические знания, эмпирические знания, учебная деятельность, научные методы познавательной деятельности.

Всем ясно, что развитие учащихся зависит от характера обучения, которое является не только условием, но и основой и средством психического и в целом личностного развития человека. Ребенок развивается, участь, и участь развивается, а учение проходит в деятельности по присвоению социального опыта в общении с людьми, взрослыми и другими детьми — таков общий закон развития. Из него следует, что обучение надо строить так, чтобы его развивающий эффект был максимальным. В настоящее время существует педагогическая система развивающего обучения, непосредственно ориентированная на развитие личности, что находит свое выражение в

отборе содержания образования и в дидактической организации учебного процесса. При этом процесс теоретического и практического осмысления такой системы обучения до настоящего времени продолжается. Чтобы педагоги, методисты и исследователи, непосредственно занимающиеся развивающими технологиями, могли всесторонне оценить достоинства системы развивающего обучения, предлагаем это сделать через специально поставленные вопросы, охватывающие содержательные и процессуальные аспекты такого вида обучения с самых разных позиций. Представленные вопросы рассматривались на спецкурсе «Теория и практика развивающего

обучения» в педвузе, на курсах повышения квалификации учителей, на научно-методическом семинаре преподавателей и аспирантов, занимающихся проблемами методики и технологии развивающего обучения.

1. Учитель сориентировал себя лишь на игровые формы обучения. Можно ли считать такое обучение развивающим?

Согласно закону Л.С. Выготского о развитии психических функций ребенка, лежащему в основании педагогической системы развивающего обучения, необходимо оптимально использовать не только коллективные, но и индивидуальные формы обучения: «Всякая высшая психическая функция в развитии ребенка появляется на сцене дважды — вначале как деятельность коллективная, второй раз как деятельность индивидуальная, как внутренний способ мышления ребенка» [1, с. 387].

Опыт показал, что многие учителя, работающие по системе РО, считают искренне, что игровая форма обучения — это и есть развивающее обучение. При этом они опираются на определение В.В. Давыдова о развивающем обучении: «Если учитель знает что такое общение и умеет его организовать, то обучение идет впереди развития и это, собственно, и есть развивающее обучение». Однако это пример, когда теоретическая база учителей оказывается недостаточной, чтобы разобраться в сущности используемой в практике педагогической системы. Нельзя, исходя из того или иного определения, делать вывод о сущности той или иной системы. Дело в том, что определений того или иного феномена может быть очень много. Это зависит от того, с каких позиций он рассматривается, что при этом положено в основание определения. Рассматриваемое определение развивающего обучения подчеркивает лишь фундаментальный характер *общения* (коллективной формы обучения) в данной педагогической системе. Закон же развития психических функций ребенка, который в целом характеризует систему развивающего обучения, совершенно определенно говорит о том, что в таком обучении должно быть обязательно два этапа: коллективная форма обучения и индивидуальная. При этом из него легко видеть, что конечным продуктом обучения является «деятельность индивидуальная, как внутренний способ мышления ребенка». Это для педагога должно быть аксиомой, потому, что овладеть чем-либо в процессе обучения можно и должно лишь на индивидуально-личностном уровне.

Если учитель останавливается в процессе обучения на первом этапе, то учащиеся оказываются лишь в зоне ближайшего развития и лишаются зоны актуального развития. Такое отношение к развивающему обучению дискредитирует его, так как в системе обучения отсутствует этап, на котором арсенал знаний, умений и навыков осваивается субъектом в личностном контексте.

Таким образом, такое обучение категорически нельзя считать развивающим, а об учителе можно сказать, что он «заигрался» и забыл о главной функции любой педагогической системы обучения, в том числе и о развивающем обучении личности.

2. Учитель в своей деятельности считает, что главное — это как можно больше передавать учащимся знаний. Какую педагогическую систему обучения при этом он использует?

Если учитель основное внимание сосредоточивает на изложении знаний, то при этом он не всегда ясно представляет, как фактически складывается процесс усвоения, посредством какой системы умственных действий задаваемое программой содержание превращается в конкретные знания, умения и навыки. При данном методе обучения не ставится специальная задача сформировать у школьников эти умственные действия.

Развивающее обучение требует иного подхода, при котором учащиеся в ходе усвоения знаний специально

обучаются рациональным приемам познавательной деятельности, стимулирующим их умственное развитие. В ходе такого обучения учитель сосредоточивает основное внимание не только на изложении содержания учебной программы, но и на самом ученике, систематически и целенаправленно формируя у него способы умственной деятельности. Это осуществляется за счет формирования и использования научных методов и приемов познавательной деятельности.

В условиях развивающего обучения формирование научных методов, приемов познавательной деятельности является не побочной, а одной из центральных задач.

Усвоение этих приемов познавательной деятельности оказывает положительное влияние не только на формирование знаний. Оно изменяет отношение ученика к учению и создает условия для самостоятельной деятельности учащихся, когда у них появляется методологический арсенал, позволяющий осуществлять самостоятельную познавательную деятельность. Для этого необходимо, чтобы методологические знания использовались в учебном процессе и как средства обучения предмету, и как элементы содержания этого учебного предмета.

Никакое содержание знаний, как бы однозначно оно ни задавалось, как бы тщательно и последовательно ни разрабатывались методы изложения знаний, не может эффективно усваиваться, если не формируется внутренняя программа познавательной деятельности ученика, основой которой являются научные методы, приемы и способы получения новых знаний.

Таким образом, учитель, который считает, что главное — это передача знаний, использует традиционную систему обучения, ориентированную в основном на память, а не на развитие мышления, которое является приоритетным в развивающем обучении. С этих позиций можно дать следующее определение развивающему обучению:

Обучение, которое посредством формирования научных методов и приемов познавательной деятельности обеспечивает полноценное усвоение знаний учащимися и тем самым развивает не только их память, но и мышление, и есть развивающее обучение.

3. Каково отношение к противоречиям в традиционном и развивающем обучении?

Движущей силой психического развития человека является противоречие между достигнутым уровнем развития его знаний, навыков, способностей, системой мотивов и типами его связи с окружающей средой. Противоречие — это мотор развития мышления, сигнал для включения мышления в действие. Поэтому в развивающем обучении противоречия используются как базовые дидактические средства для включения учащихся в самостоятельную познавательную деятельность для получения новых знаний. Развивающее обучение нуждается в своей образовательной системе в знаниях о незнаниях, которые являются источником существующих противоречий в вечно развивающейся науке. В этом процессе огромную роль играют научные методы и приемы познавательной деятельности. Недаром И.П. Павлов писал: «Метод — самая первая, основная вещь. От метода, от способа действия зависит вся серьезность исследователя. Все дело в хорошем методе. При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много...» [2, с. 21]. Конечно, любой научный метод — лишь один из многих факторов творческой деятельности человека, которая включает в себя и другие факторы — силу и гибкость ума исследователя, его критичность, глубину воображения, развитость фантазии, способность к интуиции и т.д.

Что касается традиционного обучения, то оно по своему содержанию не требует использования противоречий. Оно дает выверенные (абсолютные) знания со специально устраненными противоречиями.

Данное сравнение отношений двух педагогических систем к противоречиям недвусмысленно говорит о том, что традиционное обучение не решает проблемы воспитания творческих способностей в человеке, не развивает в нем самостоятельного мышления. Развивающее же обучение ведет к необходимости определения путей развития творческих способностей учащихся и этот путь видится как освоение научных методов познавательной деятельности: умение обобщать — **индукция**; умение применять теоретические выводы для предсказания течения процессов на практике — **дедукция**; и, наконец, выявление *противоречий* между теоретическими обобщениями и процессами, происходящими в природе, — **диалектика**.

4. Обоснуйте, что традиционное обучение воспитывает у учащихся «слепую веру» в знания.

Образно говоря, наука — это истина, помноженная на сомнения, без которых ее дальнейшее развитие невозможно.

Традиционное обучение оперирует окончательно установленными знаниями. В нем практически отсутствуют знания о незнаниях; используется репродуктивный метод обучения, когда ученик должен запомнить и повторить информацию, которую он получает от учителя; усомниться в правильности получаемых знаний — это значит получить «плохую» оценку. Любые сомнения в знаниях — это сигнал о плохо сформированных знаниях.

Все это, естественным образом, ведет к воспитанию у учащихся «слепой веры» в знания, к отсутствию сформированности творческих способностей. Тем самым традиционное обучение вольно или невольно тормозит развитию творческих способностей учащихся.

5. В чем сущность принципа межличностного общения в теории развивающего обучения?

Почему именно *общение* имеет такую значимость в системе развивающего обучения? Дело заключается в том, что оно в учебном процессе становится креативным. Общение студентов между собой и с преподавателем не исчерпывается простым обменом информацией. Иллюстрируя преимущества обмена идеями по сравнению с обменом товарами, Бернард Шоу отмечал: «Если у вас яблоко и у меня яблоко и мы обмениваемся ими, то остаемся при своих — у каждого по яблоку. Но если у каждого из нас по одной идее и мы передаем их друг другу, то ситуация меняется, каждый сразу же становится богаче, а именно — обладателем двух идей». Однако — это в определенном плане количественное преимущество и к креативности пока еще не имеет отношения. Если же в процессе обмена идеями родится «третье яблоко» — совершенно новая идея, которой не было ни в первой, ни во второй идеях, то общение проявит свои креативные свойства, заключающиеся в факте рождения «нового».

Значит «новое», возникающее в организованном учебном процессе, когда общение выступает в качестве непрерывного фактора учебного познания, не может интерпретироваться только как продукт усилий индивидуального ума. Оно порождается и «коллективным эффектом».

Анализируя данную проблему на уровне научного познания, А.В. Петровский отмечает [3, с. 291], что в ходе познания мысль ученого регулируется общением не только с объектами, но и с другими исследователями, высказывающими по поводу этих объектов суждения, отличные от его собственных. Соответственно, текст, по которому история науки воссоздает движение знания, следует рассматривать как эффект не только индивидуальной активности автора этого текста, но и его коммуникативной активности. В производстве научного продукта незримо участвуют оппоненты, с которыми ученый ведет скрытое или открытое общение через полемику, дискуссию, диалог.

Исторический опыт свидетельствует, что всегда общение, как форма деятельности, выступало неотъемлемым

фактором развития науки, а средством его реализации являлись различные типы диалога с оппонентами.

В связи с этим исключительное значение в системе развивающего обучения играет основополагающий дидактический **принцип личностного общения**. Через реализацию этого принципа студенты учатся диалектически мыслить, владеть искусством вести беседу, защищать в ней свои взгляды, осуществлять деятельность по производству знаний; он превращает традиционно организованный учебный процесс в развивающий.

Для того, чтобы педагог мог квалифицированно использовать указанный принцип в учебном процессе, разработаны его сущностные, нормативные и процессуальные функции, позволяющие сознательно и целенаправленно использовать общение для включения учащихся в творческую познавательную деятельность (А.В. Петров).

6. Традиционное обучение тоже развивает личность. В чем же разница между традиционным и развивающим обучением с этих позиций?

В развивающем обучении развитие способностей учащихся представляет собой специально направленный процесс, а значит и прямой результат. В традиционном же обучении — это дело случая, а значит и побочный результат. Следовательно традиционное обучение тормозит развитие творческих способностей учащихся.

7. Если ученик является объектом (субъектом) обучения, что из себя представляет система обучения и в каком случае обучение будет более плодотворным?

В первом случае существуют субъект-объектные отношения, где объектом является ученик, студент, класс, группа. Во втором — субъект-субъектные отношения, при которых педагог взаимодействует с обучаемым или с обучаемыми на основе партнерских отношений, в союзе с ним или с ними. Это отличие и составляет сущность педагогического сотрудничества, которое положено в основу взаимоотношений в системе развивающего обучения, в котором в своей деятельности преподаватель отходит от привычных представлений о труде педагога, где один (педагог) должен учить и направлять развитие, воспитывать, а другие — учиться и развиваться под его руководством.

Плодотворное педагогическое общение возникает в случае, если выполняются следующие основные условия:

1. Педагогическое сотрудничество — двусторонний процесс, основанный на взаимодействии («преподаватель-студент», «учитель-ученик»), успешность которого зависит от деятельности и личности педагога и деятельности обучаемого.

2. Педагогическое взаимодействие адекватно индивидуальным возможностям личности обучаемого, способствуя их максимальному проявлению.

3. Педагогическое общение, основанное на сотрудничестве, предполагает творческий поиск преподавателем оптимальных педагогических решений.

Таким образом, педагогическое общение, основанное на субъект-субъектных отношениях, проявляется в сотрудничестве, которое осуществляется в атмосфере творчества и способствует гуманизации обучения.

В случае субъект-субъектного взаимодействия мы имеем дело с развивающим обучением, а в случае субъект-объектном взаимодействии — с традиционным обучением.

При этом современные технологии развивающего обучения базируются на различных формах сотрудничества. Эти формы развиваются в логике перестройки уровней саморегуляции от максимальной помощи преподавателя (учителя) учащимся в решении учебных задач к последовательному нарастанию их собственной активности вплоть до полностью саморегулируемых

предметных действий и появления позиции партнерства с преподавателем.

Но если самоуправление учением из средства достижения частных целей обучения становится собственной целью обучения, а учение субъекта превращается в самоуправляемый процесс, то прежде всего в этом переходе личности к новым целям саморегуляции заключен смысл динамики форм сотрудничества и их роль в психическом развитии личности учащегося.

Таким образом, перестройка форм сотрудничества, связанная с изменением позиций личности учителя и детей на каждом из этапов обучения, приводит к возможности самоизменения субъекта учения. Формы сотрудничества обеспечивают управление обучением не по типу кибернетической модели, а по типу, где учащийся подобен капитану, самостоятельно прокладывающему курс.

Анализ разновидностей моделей организации совместной деятельности показывает, что наивысшей продуктивностью обладает форма совместной деятельности, где происходит процесс совместного решения творческих задач.

8. Что должно быть результатом развивающего обучения?

Оно должно формировать способности к самообразованию, самовоспитанию, сознательной регуляции личностной активности, рефлексии. Это дает основание сформулировать следующее определение развивающего обучения:

Развивающее обучение — это обучение, формирующее способности учащихся к самообразованию, самовоспитанию, саморазвитию, сознательной регуляции личностной активности, рефлексии.

9. Какой принцип является ведущим в педагогической системе развивающего обучения?

Ведущим принципом в такой педагогической системе является принцип развивающего обучения с его содержательными, нормативными и процессуальными функциями, выполняющими роль инструментария для реализации этого принципа в данной образовательной системе.

10. Бывает ли обучение «неразвивающим»?

С точки зрения В.В. Давыдова, развивающее обучение — это принципиально новое обучение, которое не похоже по своим существенным признакам на знакомое всем нам и практикуемое во всех школах массовое обучение, называемое в психологии традиционным. Самое общее отличие развивающего обучения от традиционного состоит в том, что оно основано на учебной деятельности.

В обычной школе учебной деятельности нет и не может быть. «Учебная деятельность, — писал Д. Б. Эльконин, — отличается от всех остальных одной очень важной особенностью. В результате простой продуктивной или трудовой деятельности всегда получается некоторый материальный продукт. Ребенок лепил — появился грибок или зайчик — продукт его материальной деятельности... Еще более рельефно это выступает в труде. При продуктивной или трудовой деятельности человек, ее производящий, вносит определенные изменения в исходные материалы, в результате которых возникает продукт деятельности... Совсем иначе построена учебная деятельность. В ней ребенок оперирует научными понятиями, усваивает их. Однако при этом никаких изменений в саму систему научных понятий он не вносит. Результат учебной деятельности, в которой происходит усвоение научных понятий, — прежде всего изменение самого ученика, его развитие... В общем виде это изменение есть приобретение ребенком **новых способностей, т.е. новых способов действий с научными понятиями. А учебная деятельность — деятельность по самоизменению, ее продукт — те изменения, которые произошли при ее выполнении в самом субъекте. В этом и заключается ее основная особенность**» [4, с. 50-51].

Таким образом, в учебной деятельности ученик не просто накапливает в своей памяти знания, а овладевает новыми для себя обобщенными способами действий в сфере научных понятий и тем самым развивает свои умственные способности. Вот почему без учебной деятельности нет и не может быть развивающего обучения.

Нужно иметь в виду еще одну особенность развивающего обучения: оно развивает у учащихся способность к рефлексии, позволяющей им безошибочно заниматься самоанализом, уверенно отделять известное от неизвестного, определять самостоятельно, каких знаний или какой информации им не хватает для решения новой учебной задачи и т.д. Рефлексировать ученик может тогда, когда у него есть внутренний, идеальный план его собственной деятельности, который «позволяет ему рассматривать наедине с самим собой ее основания, изменять замыслы своих действий, контролировать свои намерения, желания и чувства, формулировать высказывания, соответствующие конкретной ситуации. Поэтому идеальный план деятельности можно назвать ее внутренним планом в отличие от внешнего, в котором деятельность реально осуществляется» [5, с. 43].

В.В. Давыдов считал, что развивающее обучение родилось из теории, а не из эксперимента или анализа практического опыта обучения, т.е. сначала была теория об обучении, идущем впереди развития, а потом уже само развивающее обучение стало фактом практики. Однако это не совсем так и в этом легко убедиться, если, например, обратиться к Ф.А. Дистервегу (1790-1866), который писал: «Развитие и образование ни одному человеку не могут быть даны или сообщены. Всякий... должен достигнуть этого собственной деятельностью...». И далее: «То, чего человек не приобрел путем своей самостоятельности — не его» [6, с. 118-119].

Поэтому, если отвечать на вопрос: «Было ли развивающее обучение в прошлом или это изобретение XX века»? — Следует сказать, что оно было всегда, но на уровне искусства, таланта учителя. Но, как известно талантливых людей мало, еще меньше талантливых коллективов. Поэтому, изучая феномен развития умственных сил учащихся (дидактическая система К.Д. Ушинского и др.), в XX веке была поставлена задача технологизировать этот процесс, чтобы любой преподаватель, учитель мог внедрять технологию развивающего обучения в массовую школу. Поэтому и появились различные технологии развивающего обучения, которые пытаются решить такую проблему.

11. В чем суть развивающего обучения В.В. Давыдова как системы и почему оно было названо «развивающим»?

Казалось бы, всякое обучение развивает и без обучения нет развития. Получается, что, строго говоря, «неразвивающего» обучения не существует, а всякое обучение так или иначе является развивающим. «Как показывают психолого-педагогические наблюдения и исследования, — писал В. В. Давыдов, — в принципе любое обучение в той или иной степени способствует развитию у детей познавательных процессов и личности (например, традиционное начальное обучение развивает у младших школьников эмпирическое мышление). Мы же, — продолжает он, — описываем не развивающее обучение «вообще», а только такой его тип, который соотносим со школьным возрастом и нацелен на развитие у школьников теоретического мышления и творчества как основы личности» [5, с. 250].

Научное понятие «система» обозначает нечто целое, объединяющее множество элементов, составляющих вместе такое неразрывное единство, что при отторжении какого-либо из них система перестает существовать. Развивающее обучение составляет именно такое цельное единство элементов, которые друг без друга не дадут обучению ожидаемого высокого развивающего эффекта.

Этими элементами системы развивающего обучения Б.Д. Эльконина–В.В. Давыдова являются:

а) такое *содержание* обучения, которое может обеспечить развитие у школьников теоретического мышления и творческих способностей;

б) собственные активные действия учащихся по решению учебных задач в составе **учебной деятельности**, имеющие решающее значение для усвоения этого содержания и для их умственного развития, в особенности развития теоретического мышления;

в) формирование у учащихся **умения учиться** или, говоря по существу, формирование у них **учебной деятельности**, умений и навыков рационального построения собственных учебных действий, умения самостоятельно добывать научные знания и научиться самостоятельно ориентироваться в новой для них научной или любой другой информации;

г) использование новых методик, основанных на **способе восхождения от абстрактного к конкретному**, обучение по которым идет впереди развития, т.е. учащийся может получать те знания, которых еще нет в «зоне актуального развития», но которые уже находятся в «зоне ближайшего развития», или, говоря словами Л. С. Выготского, знания не «вчерашнего», а «завтрашнего дня».

В системе развивающего обучения предлагается перестроить содержание учебных предметов и логику (способы) его изложения в учебном процессе.

Предложенная система развивающего обучения противопоставлена существующей системе обучения прежде всего по принципиальному направлению — формирование познавательной деятельности школьника. Известно, что традиционное обучение преимущественно направлено от частного, конкретного, единичного к общему, абстрактному, целому; от случая, факта к системе; от явления к сущности. Развивающееся в ходе такого обучения мышление ребенка названо В.В. Давыдовым *эмпирическим*.

Данный тип обучения, по мнению В.В. Давыдова, повсеместно доминирует в школе и характерен также и для большинства новаций. Если знания усваиваются в процессе эмпирического мышления, то у учащихся формируются такие умственные действия, как сравнение, обобщение (абстракция и конкретизация). Для получения теоретических знаний требуется не абстракция, а синтез и анализ. В.В. Давыдов поставил вопрос о возможности концептуальной разработки новой системы обучения с направлением, обратным традиционному: от общего к частному, от абстрактного к конкретному, от системного к единичному. Развивающееся в процессе такого обучения мышление ребенка названо В. В. Давыдовым теоретическим, а само такое обучение — *развивающим*.

В основе теоретического мышления лежит содержательное обобщение. Ребенок, анализируя некоторую развивающуюся систему предметов, может обнаружить ее генетический исходное, существенное или всеобщее основание. Выделение и фиксация этого основания есть содержательное обобщение данной системы. Опираясь на это обобщение, он способен затем мысленно проследить происхождение частных и единичных особенностей системы. Теоретическое мышление в том и заключается, что создает содержательное обобщение той или иной системы, а затем строит эту систему, раскрывая всеобщность ее основания.

12. Прав ли В.В. Давыдов, предлагая в системе образования перейти от эмпирических к теоретическим знаниям?

Библиографический список

1. Выготский, Л.С. Педагогическая психология: Сб. науч. трудов / Л.С. Выготский. — М., 1991.
2. Павлов, И.П. Лекции по физиологии. — М., 1952.
3. Петровский, А.В. Основы теоретической психологии / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. — М.: ИНФРА-М, 1998.
4. Давыдов, В.В. Последние выступления / В.В. Давыдов. — М., 1998.
5. Давыдов, В.В. Теория развивающего обучения / В.В. Давыдов. — М., 1996.
6. Дистервег, А. Избранные педагогические сочинения / А. Дистервег. — М., 1956.

Статья поступила в редакцию 05.03.08

Особая роль эмпирии в науке заключается в том, что только на этом уровне исследования мы имеем дело с непосредственным взаимодействием человека с изучаемыми природными или социальными объектами. И в этом взаимодействии объект проявляет свою природу, объективно присущие ему характеристики. Мы можем сконструировать в уме множество моделей и теорий, но чтобы проверить, совпадают ли эти схемы с действительностью, необходимо обратиться к реальной практике. А с такой практикой мы имеем дело именно в рамках эмпирического исследования.

Кроме средств, которые непосредственно связаны с организацией экспериментов и наблюдений, в эмпирическом исследовании применяются и понятийные средства. Они функционируют как особый язык, который часто называют эмпирическим языком науки. Он имеет сложную организацию, в которой взаимодействуют собственно эмпирические термины и термины теоретического языка.

Смыслом эмпирических терминов являются особые абстракции, которые можно было бы назвать *эмпирическими объектами*. Их следует отличать от объектов реальности. Эмпирические объекты — это абстракции, выделяющие в действительности некоторый набор свойств и отношений вещей.

Что же касается теоретического познания, то в нем применяются иные исследовательские средства. Здесь отсутствуют средства материального, практического взаимодействия с изучаемым объектом. Но и язык теоретического исследования отличается от языка эмпирических описаний. В качестве основного средства теоретического исследования выступают так называемые теоретические идеальные объекты. Их также называют идеализированными объектами, абстрактными объектами или теоретическими конструктами. Это — особые абстракции, в которых заключен смысл теоретических терминов. Ни одна теория не строится без применения таких объектов.

Соответственно своим особенностям эмпирический и теоретический типы познания различаются по методам исследовательской деятельности. Основными методами эмпирического исследования являются реальный эксперимент и реальное наблюдение. Важную роль играют также методы эмпирического описания, ориентированные на максимально очищенную от субъективных наслоений объективную характеристику изучаемых явлений.

Что же касается теоретического исследования, то здесь применяются особые методы: идеализация (метод построения идеализированного объекта); мысленный эксперимент с идеализированными объектами, который как бы замещает реальный эксперимент с реальными объектами; методы построения теории (восхождение от абстрактного к конкретному, аксиоматический и гипотетико-дедуктивный методы); методы логического и исторического исследования и др.

Итак, эмпирические и теоретические знания отличаются по предмету, средствам и методам исследований. Однако выделение и самостоятельное рассмотрение каждого из них представляет собой **абстракцию**. В реальной действительности эти два слоя знания всегда взаимодействуют. Выделение же категорий «эмпирическое» и «теоретическое» в качестве средств методологического анализа позволяет выяснить, как устроено и как развивается научное знание.

Продолжение в следующем номере.

ЮБИЛЕИ

3 июня 2008 года — 70 лет **ХОХОЛКОВУ ВЛАДИМИРУ ФЕДОРОВИЧУ**, учителю музыки и истории, член-корреспонденту Петровской академии наук и искусств, члену международного и российского союза журналистов, композитору инструментальной музыки и симфонических танцев.

В 1961 году Владимир Федорович закончил музыкальное училище в г. Барнауле, затем в 1983 году исторический факультет Горно-Алтайского государственного педагогического института и всю свою творческую деятельность в Республике Алтай посвятил музыке. В его творческом портфеле в настоящее время насчитывается около 600 песен, романсов, симфонических танцев. Его тонкое, глубокое восприятие поэзии и неординарный музыкальный талант создают незабываемый мир гармонии божественных слов и звуков, которые не оставляют равнодушными жителей не только Алтая, но и других регионов России.

Владимир Федорович помимо непосредственной профессиональной деятельности занимается большой научно-исследовательской работой, связанной с историей деятельности выдающего сибирского композитора-этнографа А.В. Анохина. Благодаря его работам увековечена память этого великого первопроходца-исследователя музыкальной культуры алтайского народа; краеведческий музей в Республике Алтай стал носить имя А.В. Анохина, традиционно проводятся концерты, посвященные Анохину, пишутся статьи в газетах и журналах, выпускаются диски с произведениями Андрея Викторовича и т.д.

Хохолкова Владимира Федоровича трудно представить в стороне от бурной, активной жизни. Он вместе с поэтами и артистами исколесил Россию, участвовал в агитационных поездках по Баму, принимал активное участие в международных научно-практических конференциях, постоянно выступает по радио, телевидению, написал около сотни песен для детей и т.д.

За добросовестную и продуктивную деятельность в сфере культуры и образования он награжден медалью «Ветеран труда», является лауреатом премии А.В. Анохина Петровской академии наук и искусств в области культуры и заслуженным работником культуры РФ. Все поклонники его таланта награждают его своей любовью, уважением и желают творческого вдохновения на многие годы.

КОНФЕРЕНЦИИ

XVIII УРАЛЬСКИЕ БИРЮКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Российская научно-практическая конференция,

посвященная 120-летию В.П. Бирюкова

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

Время проведения конференции

18-19 сентября 2008 года

Программа конференции предусматривает обсуждение вопросов теории краеведения и регионалистики, истории России и российских регионов

Время приема анкет и статей — до 25 июля 2008 г.

Адрес: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69, ЧГПУ, Кафедра культурологии.

Телефон: (351) 239 37 89 Кафедра культурологии ЧГПУ.

E-mail: bk.ural@bk.ru (Загребин Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, председатель Совета Уральских Бирюковских чтений)

**Горно-Алтайский государственный университет и
Отделение Петровской Академии Наук и Искусств Республики Алтай
проводят Первую Всероссийскую научно-практическую конференцию
«ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САООПРЕДЕЛЕНИЯ
УЧАЩИХСЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ»,
посвященную 70-летию со дня рождения В.А. Дмитриенко**

Время проведения конференции

14-16 июля 2008 года

Материалы конференции будут опубликованы под международным грифом.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

1. Роль мотивационного программно – целевого подхода в профессиональном самоопределении учащихся.
  2. Актуальные проблемы профессионального самоопределения учащихся в современной системе высшего образования.
  3. Перспективы совершенствования современных образовательных методик и технологий профессионального самоопределения учащихся общеобразовательной и профильной школ.
- Для участия в конференции необходимо до 1 июля 2008 года представить заявки с указанием сведений об авторе (Ф.И.О. участников полностью, места работы, ученой степени, звания, должности, а также телефона, факса и почтового адреса).*

АДРЕС ОРГКОМИТЕТА: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет, кафедра физики и МПФ.
Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-30-76, 2-21-86. **Факс:** 8 (388-22) 2-67-35. **E-mail:** PSA@gasu.ru

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN THE ENGLISH

P. 4. *Zhubatov, Zh.* **CRITERIA FOR ECOLOGICAL TOLERANCE OF KAZAKHSTAN TERRITORY TO THE ROCKET AND SPACE ACTIVITY.** The work presents the outcomes of the analysis of the processes responsible for the stability of environmental systems in Kazakhstan against the space-related activity. It is shown that the rocket-space activity at the "Baikonur" cosmodrome has the adverse effect on all environment components. The character and specific features of this impact are specified.

P. 6. *Popov, P.A.* **THE ECOLOGY OF FISHES OF THE LAKE CHANY.** The article regards to ecology of fishes of the Lake Chany. This information testifies about peculiarity ecological status and fisheries of this lake. The study of fish biology in the Lake Chany is an important component of its ecological monitoring.

P. 9. *Paramanov, Ye.G., Klutchnikov, M.V.* **LARCH RESTORATION AND GROWTH IN HIGH MOUNTAINS.** The paper deals with the studying of high mountains soil-climatic conditions effect on larch restoration in the burned – out forest as well as larch growth (in diameter) in the formed plantations. The steady boundary between larch and high-mountain steppe is observed

P. 11. *Mitrofanova, E.Yu.* **INDICATIVE SIGNIFICANCE OF PHYTOPLANKTON FOR ESTIMATION OF RIVERS STATE NEAR CITIES AND SETTLEMENTS, OB AND TOM RIVERS AS A CASE STUDY (RUSSIA).** The results of phytoplankton investigation on Ob and Tom Rivers from 1993 till 2006 were analysed. The study of the dirty river phytoplankton near industrial cities showed the downstream increase of number and biomass of phytoplankton and saprobic index together with the decrease in species diversity of algae. At the same time the decrease of phytoplankton number was observed downstream the small settlements.

P. 14. *Puzanov, A.V., Meshkinova, S.S., Balykin, S.N.* **HUMUS STATE OF SOILS IN THE MID KATUN VALLEY.** The content and distribution of humus in chernozem and south chernozem, dark-chestnut and mountain-forest chernozem-like soils of the Mid Katun valley are studied. These soils can be referred to the ones with medium and high humus content.

P. 16. *Arkhipov, I.A.* **NICKEL IN ALTAI SOILS.** Nickel distribution in soils of all Altai altitudinal belts was studied. Strong correlation between nickel concentrations in soils and soil-forming rocks was revealed. The content of nickel in soils, soil-forming rocks and plants of Altai was assessed in ecological aspect.

P. 19. *Rozhdestvenskaya, T.A., Puzanov A.V., Gorbachev I.V.* **NITRATES AND NITRITES IN THE SURFACE AND GROUND WATER OF ALTAI.** The concentration of nitrates and nitrites in the surface and ground water of the North, Northeast and Northwest Altai was studied. It was found that the highest level of surface water contamination was observed in rivers of the North and Northwest Altai — the most developed industrial and agricultural regions. In the drill holes of heap gold leaching, water contamination by nitrite was fixed.

P. 22. *Tsimbalei, Yu.M.* **ECOLOGICAL PROBLEMS OF RECREATION DEVELOPMENT OF MANZHEROKSK LAKE (NORTH ALTAI).** The article is about the ecological problems of recreation development of the territory, including Manzherokskoe Lake — the state natural monument of Republican importance, are discussed.

P. 26. *Kocheeva, N.A., Egisman, A.I., Ponomareva, U.A.* **ABOUT THE DISTRIBUTION OF DANGEROUS NATURAL PHENOMENA ON THE TERRITORY OF THE ALTAI REPUBLIC.** Deviations of air temperature on the territory of the Altai Republic are in the focus of this research. A possible cause of temperature anomalies increase may be found in general global tendency of non-stable temperature conditions. However, periods of time with the largest amount of anomalies indicate that also there are technogenic (man made) causes.

P. 29. *Suchova, M.* **PARTICULARITIES OF THE NATURAL CONDITIONS AND ECOLOGY ALTAI-SAYANSKOY MOUNTAIN COUNTRY.** The most important natural particularities Altai-Sayanskoy mountain country. Analysed track record and directivity of the change the natural systems, in the same way influence of the specified change on health of the population.

P. 32. *Makarova, N.I.* **SYMBOLISM OF A MYSTICAL MARRIAGE IN THE WORK OF TITIAN.** Here is analyzed the picture by Titian "Madonna with an infant and Saints Katherine and John the Baptizer" (the National Gallery, London) from the point of view of love mysticism founded on the commentaries to the Bible book "Song of Songs", theory of spiritual feelings and the phenomenon of social life of Italian cities in the 15th – early 16th century connected with the cult of holy women – "living saints".

P. 36. *Krjaklina, T.F.* **CULTURE OF A CONTEMPORARY RUSSIA: ESSENTIAL FEATURES, PECULIARITIES OF FORMING AND DEVELOPMENT.** The article is about the phenomenon of culture in a contemporary Russia. Here are found out such essential features as multiculturalism, national Russian bilingualism; synthesis of national-specific (ethnic) and All-Russian (international).

P. 38. *Nesterova, S.V.* **ORTHODOXY IN ALTAI. CULTURAL-HISTORICAL ASPECT.** The article is about the religious area of the Altai mountain region of the 18th—early 20th centuries, being at that time a polystructural formation, which was connected with the existence of different confessional trends in this territory. It is shown in the article the leading role of Orthodoxy, which contributed to forming the system of religious institutions. Here are analyzed different religious structures, which make a unified orthodox field of Altai.

P. 41. *Pojdina, T.V.* **GRAPHICAL DOCUMENTS AND PHOTO ILLUSTRATIONS OF ARCHIVAL AND MUSEUM FUNDS AS RESOURCES OF STUDYING OF LANDSCAPE ARCHITECTURE IN SIBERIAN CITIES.** The author speaks about the productivity of using archival and museum funds in the research of regional peculiarities of the native landscape architecture. He tries to reconstruct the way of forming landscape ensemble of Siberian cities.

P. 43. *Ivanov, A.V.* **CULTURAL PHENOMENON OF BOUNDARY IN THE LIFE OF EUROPEAN AND EURASIAN PEOPLE.** Here is regarded archetype of boundary in European and Eurasian culture paradigms, compared cultural-historical experience of living people in the borderland and in the territory far from geographical border. Specific dependence is found out between the border and "the national soul" where the border serves as a social-cultural distinction, which polishes the national character.

P. 47. *Egorova, T.J.* **URBAN FRAME OF CULTURE: IDEAL CITY AS AN INDEX OF CULTURAL PARADIGMS.** Here are analyzed two aspects of the phenomenon "urban frame of culture": as an existing city and as a phenomenon of spiritual life. It is proved here that urban frame caused by a definite cultural formation is a visual form of its selfidentification.

P. 50. *Studen, L.L.* **SOCIAL-CULTURAL PARASITISM THE PHENOMENON OF SOCIAL-CULTURAL PARASITISM IS REGARDED IN THE CONTEXT OF CULTURE TYPOLOGY.** Here are defined the criteria of parasitism in culture, researched the origin and the main components of social-cultural parasitism. It is given an individual approach to overcoming this phenomenon as demonstration of anticulture.

P. 52. *Alexanova, S.A.* **ADVERBIAL DETERMINANTS IN A VIEW OF THEORY IZOFUNCTIONALITY.** This article is devoted to the one of private problems syntactic synonyms within the limits of the theory izofunctionality is considered. The debatable question on structure synonymic of some syntactic designs is solved on a material of offers with adverbial determinants.

P. 55. *Grankova, N.N.* **THE ACTUAL MEANS OF THE YOUTH SLANG FORMATION" (ACCORDING TO THE MATERIAL OF THE HERMAN EHMANN'S DICTIONARY „ENDGEIL. DAS VOLLKORREKTE LEXIKON DER JUGENDSPRACHE").** The paper is dedicated to the youth slang of the German language and the ways of formation of the youth slang, that are represented in Ehmann's dictionary. The treatment of the material is done according to the given base in order to reveal more frequent and productive ways of formation.

P. 57. *Popova, E.S.* **PERCULIAR CONTENTS OF THE "WORK" CONCEPT METAPHORICAL MODEL IN THE ADVERTISING DISCOURSE.** The article argues that in North American culture the basic metaphorical model which underlies the concept of "Work" is that of bargaining. In the advertising discourse the contents of this model are further modulated to motivate a mutually advantageous choice of a prospective jobseeker (buyer) and employer (seller).

P. 60. *Proskurkin, V.M.* **STYLISTIC COMPENSATION AND SOME OTHER MEANS OF TRANSFERRING VERNACULAR LEXICAL UNITS** (on the basis of the translations of the short stories by V.M. Shukshin into the German language) The article is concerned with the study of the means of transferring the vernacular lexical units into the German language on the basis of the translations of the short stories by V.M. Shukshin. The results of the analysis enable us to draw the conclusion that the use of stylistic compensation is the main means of transferring these lexical units, besides some other means of translation have been examined.

P. 62. *Finadeeva, M.V.* **MEDIA-GENRE: PREREQUISITES OF THE COGNITIVE APPROACH.** The article deals with prerequisites of the cognitive approach to media-genre. The necessity of its study as a heterogeneous verbal-verbal cognitive structure, determining the way of production and interiorization of the text, is justified.

P. 66. *Pogodayeva, E.A.* **COGNITIVE STYLE OF MODERN RUSSIAN BUSINESSMAN.** The article deals with such problem as: the influence of language business mass media on the cognitive style of persons. The image of Russian businessmen has verbal and visual representations in mass media that can be studied in cognitive linguistics.

P. 69. *Mihailova, M.S.* **LIRICAL BOOK OF BELLA AHMADULINA: THE EARLY BOOK "THE MUSIC LESSONS"**

(1969). In the present article we explore the early poetical book of Bella Akhmadulina «The Music Lessons» as phenomenon of lyrical book. The book continues the process of individualization of young Akhmadulina's poetical Self by means of communication Self - the Other. In this book the bounds of Self become open and priorities move direct communication Self - the World.

P. 71. *Chesnokova, R.A.* **SEMANTICS OF IDENTITY IN ENGLISH.** Identity is considered a conceptual category realized by various language means on the morphemic level, the lexemic level and the level of sentences. The facts analysis shows that the pragmatic factor plays dominating part in identity formation in English.

P. 74. *Ostanina, M.A.* **THE CONCEPTUALIZATION OF PART AND ITS VERBALIZATION IN LANGUAGE BY EXAMPLE OF MASS-NOUNS.** The article is devoted to mereological relations and their actualization in language by means of category of partitiveness. The author analyzes features of part-whole relation: the state of internal dividedness of a whole, part within and apart of its whole, ability and disability of a part to be detached.

P. 78. *Arykova, N.G.* **THE DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND OF PROFESSIONAL EDUCATION AT MOUNTAIN ALTAI IN POST-WAR PERIOD (1945-1965).** The paper written on the basis of analyzed publications and archive materials the development of industry and of professional education at Mountain Altai in post-war period (1945-1965).

P. 81. *Zav'yalov, A.A.* **DEVELOPMENT OF TRANSPORT SYSTEM OF ALTAI AT THE END OF XIX - BEGINNING XX CENTURIES: STATE POLITICS AND PRIVATE INITIATIVE.** In clause on a basis for the first time of documentary sources, entered into a scientific revolution, the mechanism of interaction of state bodies and private initiative in development of transport system on Altai (highway and iron roads, waterways of the message) is analyzed at the end of XIX - beginning XX centuries.

P. 84. *Novikov, I.A.* **THE VILIM DE GENNIN AND HIS THE ROLE IN CREATION OF MINING AND METALLURGICAL INDUSTRY IN RUSSIA** (first half XVIII century). In the article, on the basis of documentary sources analyze the role of Vilim de Gennin in creation of mining and metallurgical industry in Karelia and Ural and his subscription of system local control of of mining and metallurgical industry district.

P. 87. *Sidorenko, D.I.* **REALIZATION THE DECREE SNK «ABOUT SEPARATING OF CHURCH FROM STATE AND OF SCHOOL FROM CHURCH » ON THE ALTAY (1917-1921).** In the article, on the basis of documentary sources for the first time introduced into scientific turn the activity of Soviet State and of government bodies put into practice the decree SNK «About separating of church from State and of school from church » on the Altay (1917-1921).

P. 90. *Fetisov, A.S.* **THE CHANGES IN STATE POLITICS TOWARDS RELIGIOUS ORGANIZATIONS** (on the basis of Gorny Altai). In the article, on the basis of various sources, the process of changing the state politics towards religious organizations is shown.

P. 93. *Charykov, D.V.* **THE SOCIAL APPROACH IN DEFINITION OF CONCEPTION «INTELLIGENTSIA» ON THE MATERIAL OF THE EKATERINBURG RESEARCH CENTRE "THE XXTH CENTURY IN THE DESTINIES OF INTELLIGENCE."** In the article (on material of the Ekaterinburg research centre "The XXth century in the destinies of intelligence") lighting his role and contribution

in research of conceptione «intelligency», settle possibility use of sociological approach at its learn.

P. 95. *Adlykova, A.P., Modorov, N.S., Cherloyakov, I.G.* **THE DEVELOPMENT OF HORTH ALTAI BY THE RUSSIAN STATE IN XVII – THE FIRST OF THIRD XVIII CENTURY AND THE CHRISTIANITY OF LOCAL THE «ALIENS».** In article, the paper written on the basis of analizedpablications and archive materials the process of development of Horth Altai by the Russian State in XVII – the first of third XVIII century and the first stage of christianity of local the «aliens».

P. 100. *Revyakina, B.I.* **CONCEPTS OF EDUCATION AFTER THE TERMINATION OF HIGH SCHOOL.** The author of article tries to answer a question: «What to be to education in XXI century and what will be the expert of the nearest and the long-term future?». With this purpose the realities which have settled to the present time, was outlined tendencies and the possible prospects, available concepts of education after the termination of high school are investigated.

P. 102. *Nasonov, V.A.* **THE PROBLEM OF SCHOOL-CHILDREN'S HEALTHFUL THINKING CREATING.** Some questions of creating healthful thinking of schoolchildren considered, Literary information about the organization and development of the given question in high school are analyzed.

P. 104. *Chinin, A.N., Kosolapov, S.S.* **WHY ATTEMPTS TO TAKE PRACTICE AS A PRINCIPLE TRAINING CAME TO AN END FAILURE.** In article authors develop an idea on necessity to emphasize in training to physics on theoretical knowledge, but not to the detriment of empirical. Thus the special attention is necessary for giving formation of knowledge of theoretical laws which make a basis of any theory and express essence, internal communications of investigated object or the phenomenon.

P. 107. *Andrienko, A.V.* **INTERACTION OF TEACHERS AND STUDENTS IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL PEDAGOGICS.** In article the author shows, that the decision of educational problems in high school is impossible without studying dialogue of teachers and students. Before the teacher of high school there is a responsible psychological and pedagogical problem of formation of the student as subject of educational activity that assumes, first of all, necessity to train in his skill to plan, organize the activity, to skill is high-grade to study, communicate.

P. 111. *Petrov, A.V., Petrova, O.P.* **SIGHT AT DEVELOPING EDUCATION FROM THE POSITION OF ITS SPECIFIC FEATURES IN COMPARISON WITH TRADITIONAL TRAINING.** In work the problem is put to reveal specific features of developing training in comparison with traditional. The author has formulated a lot of the questions concerning the maintenance of these pedagogical systems of training, and through answers to them has made attempt from various positions to solve a task in view.

Алфавитный указатель

- А** Адлыкова Анастасия Павловна, 95
Алексанова Светлана Арамовна, 52
Андрienко А.В., 107
Архипов Игорь Александрович, 16
Арыкова Надежда Геннадиевна, 78
- Б** Балыкин Сергей Николаевич, 14
- Г** Горбачев Иван Владимирович, 19
Гранкова Наталья Николаевна, 55
- Е** Егисман Анжела Иосифовна, 26
Егорова Татьяна Юрьевна, 47
- Ж** Жубатов Ж.К., 4
- З** Завьялов Андрей Александрович, 81
- И** Иванов Андрей Владимирович, 43
- К** Ключников Михаил Васильевич, 9
Косолапов Сергей Сергеевич, 104
Кочеева Нина Алексеевна, 26
Кряклина Тамара Федоровна, 36
- М** Макарова Нина Ильинична, 32
Мешкинова Сырга Семеновна, 14
Михайлова Марина Сергеевна, 69
Митрофанова Елена Юрьевна, 11
Модоров Николай Семенович, 95
- Н** Насонов Владислав Алексеевич, 102
Нестерова Светлана Валентиновна, 38
Новиков Игорь Александрович, 84
- О** Останина Мария Александровна, 74
- П** Парамонов Евгений Григорьевич, 9
Петров Анатолий Викторович, 111
Петрова Ольга Петровна, 111
Погодаева Елена Александровна, 66
Пойдина Татьяна Витальевна, 41
Пономарева Юлия Александровна, 26
Попов Петр Алексеевич, 6
Попова Екатерина Сергеевна, 57
Проскуркин Владимир Михайлович, 60
Пузанов Александр Васильевич, 14
- Р** Ревякина Валентина Ивановна, 100
Рождественская Тамара Анатольевна, 19
- С** Сидоренко Дина Ивановна, 87
Сухова Мария Геннадьевна, 29
- Ф** Фетисов Антон Сергеевич, 90
Финадеева М.В., 62
- Ч** Чарыков Дмитрий Викторович, 93
Черлояков Иван Геннадьевич, 95
Чеснокова Рената Анатольевна, 71
Чинин Альберт Николаевич, 104
- Ц** Цимбалей Юрий Матвеевич, 22
- Ш** Штуден Лев Леонидович, 50

Сокращения в журнале

АлтАЭиП — Алтайская академия экономики и права.
АлтГАКИ — Алтайская государственная академия культуры и искусств.
АлтГАУ — Алтайская государственная академия управления.
АлтГУ — Алтайский государственный университет.
БГУ — Бурятский государственный университет.
ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет.

ИВЭП СО РАН — Институт водных и экологических проблем Сибирского отделения Российской академии наук.
МПГУ — Московский педагогический государственный университет.
НГУиУ — Новосибирский государственный университет экономики и управления
НТУ — Национальный технический университет.
ЧГПУ — Челябинский государственный педагогический университет.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция международного научного периодического журнала «Мир науки, культуры, образования» приглашает Вас к публикации на страницах журнала. С июля 2007 года журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ» (по специальности «Филология»). В настоящее время идет работа по включению других направлений журнала в состав рецензируемых.

Для публикации в журнале необходимо представить заявки с указанием сведений об авторе (**Ф.И.О. полностью**, место работы, ученая степень, звание, должность, а также телефон, факс и почтовый адрес). Наименование раздела, в который направляется статья.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20-40 тыс. знаков). Рукопись должна быть отредактирована, сопровождается рецензией доктора или кандидата наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. Статью необходимо печатать в редакторе **MS WORD 6-7**, формате A4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см. Статья оформляется следующим образом:

На английском языке

- 1.1. Фамилия, инициалы автора (авторов).
- 1.2. Название статьи.
- 1.3. Аннотация (4-6 строчек).

На русском языке

- 2.1. Индекс УДК.
- 2.2. Инициалы, фамилия автора (авторов).
- 2.3. Название статьи.
- 2.4. Аннотация (4-6 строчек).
- 2.5. Ключевые слова.
3. Текст статьи, библиографический список.

Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи. Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по

ГОСТ 7.1.-2003. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками, цитируемый источник отделяется запятой, например, [1, с. 25-27]. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на дискете) **вместе с рецензией**, должна быть выслана обычной почтой, кроме того необходимо данную информацию сдублировать электронной почтой e-mail: psa@gasu.ru). Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. **После независимой экспертизы, статья либо посылается автору на доработку, либо автору сообщается, что статья принята к публикации.**

В случае принятия статьи к публикации автору электронным письмом высылается уведомление и счёт на оплату информационных услуг.

Информационные услуги: 150 рублей за статью объёмом до 0,5 авторского листа (до 20 тыс. знаков), 250 рублей за статью объёмом до 1 авторского листа (до 40 тыс. знаков). Деньги перечисляются на расчетный счет Редакции, копия платежного поручения высылается в адрес Редакции.

МАТЕРИАЛЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, Университет, Редакция журнала «Мир науки, культуры, образования», Гурьеву Александру Ивановичу.

Контактные телефоны: 8 (38822) 2-30-76, 2-21-86

Факс: 8 (38822) 2-67-35

e-mail: psa@gasu.ru

Зам. главного редактора журнала,
доктор педагогических наук, профессор,
член Международного союза журналистов А.И. Гурьев